

Индийская
средне-
вековая
повество-
вательная
проза

Индийская
средне-
вековая
повество-
вательная
проза

*Перевод
с санскрита*

Москва
«Художественная
литература»

1982

И (Инд)

М60

Составление
и
предисловие
П. Гринцера

Комментарии
П. Гринцера и С. Серебряного

Оформление художника
Н. Крылова

И-4703000000-276 170-82
028(01)-82

© Составление, предисловие, оформление и перевод, помеченный *. Издательство «Художественная литература», 1982 г.

В конце XVIII в. один из основоположников европейской индологии английский востоковед У. Джонс высказал убеждение, что индийцы вправе претендовать на три выдающихся изобретения: игру в шахматы, десятичную систему счисления и метод обучения занимательными историями. За двести лет, которые минули со времени этого высказывания, выяснилось, что вклад Индии в мировую цивилизацию гораздо более обширен и разнообразен. Но по-прежнему, что к тем достижениям древнеиндийской культуры, которые были названы первыми, принадлежал и некий особый способ поучительного и занимательного рассказывания. Что же это за способ?

Приблизительно в III—IV вв. н. э. на древнеиндийском языке — санскрите — была создана в своей начальной редакции знаменитая «Панчатантра». В прологе к ней говорилось, что однажды представленный мудрец Вишнушарман обещал за шесть месяцев обучить трех ленивых сыновей царя Амарашакти науке разумного поведения (так называемой нитишастре). Он не стал прибегать к скучным наставлениям, а принялся рассказывать им сказки, басни и притчи, содержавшие моральное назидание и украшенные множеством изречений. При этом рассказ свой он разбил на пять частей, каждая из которых состояла из главного повествования (о разъединении друзей, об их обретении, о войне ворон и сов, об утрате приобретенного и о безрассудных поступках) и примыкающих к нему вводных историй. Вишнушарману удалось добиться успеха: он научил царевичей житейской мудрости, и одновременно родилась «Панчатантра» (буквально: «Пять книг» или «Пять нападаний»), возник новый жанр обрамленной повести, наиболее популярный и значительный в индийской средневековой прозе, а вместо с ним принцип рамочной композиции, которой была суждена долгая жизнь уже не только в индийской, но и в мировой повествовательной литературе.

В древнейшей редакции (или, как принято говорить в текстологии, рецензии) «Панчатантры» — «Таптракхьянке» — эта рамоч-

ная композиция еще не вполне искусна: в конце книги автор даже «забывает» сообщить, выполнил ли Вишнушарман свое обещание. Но в более поздних рецензиях, а также в близкой к традиции «Папчатантры» «Хитопадеше» рамка становится и более сложной, и умело сбалансированной. В «Хитопадеше», например, обрамляющее повествование выходит за пределы вступления, завершается эпилогом, а каждой из четырех ее книг предпосланы вопрос к рассказчику и его ответ, за которыми следует новый рамочный рассказ. В свою очередь внутри этого рамочного рассказа помещены многочисленные вводные истории, соположенные или подчиненные друг другу. Так, четвертая книга «Хитопадеша» открывается рамочным рассказом о заключении мира между гусями и павлинами; к нему в качестве первой вводной истории прикреплена басня о летающей черепахе; к ней — две другие: о трех рыбах и о цаплях, змее и ихневмоне; и, наконец, басня о трех рыбах заключает внутри себя анекдот о неверной жене, целующейся со слугой на глазах мужа, — рассказ, так сказать, четвертой ступени подчинения по отношению к главной рамке «Хитопадеша».

Наряду с «Хитопадешей» и поздними обработками «Папчатантры», классический тип обрамления, получивший у специалистов наименование «вложенных друг в друга рассказов», или «выдвижных ящиков»: *emboxed tales*, *récit à tiroirs*, — представлен и в таких средневековых санскритских повестях, как «Веталапанчавиншати», «Шукасаптари», «Викрамачарита», «Пурушапарикша». В «Веталапанчавиншати» царь Викрамасена по поручению некоего аскета должен принести мертвое тело, в которое вселился дух-оборотень Ветала, и не нарушить при этом обет молчания. Ветала же, желая «разговорить» царя, рассказывает ему двадцать пять историй, задает по их поводу вопросы и всякий раз, как царь отвечает, ускользает от него вместе с трупом. В «Шукасаптари» мудрый попугай семьюдесятью увлекательными рассказами отвлекает легкомысленную жену своего хозяина от ее намерения пойти на свидание к любовнику. Он рассказывает их — по одному в каждый вечер — до тех пор, пока не возвращается из путешествия ее муж. В «Викрамачарите» чудесные статуи, украшающие трон легендарного царя Викрамы, не дают царю Бходже взойти на этот трон, пока он не выслушает тридцать две истории о великодушии и мужестве своего предшественника. Наконец, в «Пурушапарикше» мудрец Субуддхи «парными» рассказами о людских характерах (деятельном и праздном, смелом и трусливом, честном и вероломном, благородном и низком и т. д.) исподволь подает царю Параваре совет, за кого тому следует выдать дочь замуж.

Во всех этих книгах рамочная композиция обретает логическую завершенность и стройность. Основной акцент в содержании

вероятно, на истинные рассказы, сама же рамка формализуется в сюжет, по сути дела, необходимым предлогом для их органичного вхождения. Такая тенденция к формализации рамки иногда приводит к почти полному ее отрицанию: в «Бхаратакадватриншати» от рамки остается лишь небольшое вступление, сообщающее о происхождении книги. Однако иногда, в противовес этой тенденции, рамочное повествование разрастается и приобретает все большую самостоятельность. Начиная с XIV в. в кругу обрамленной повести возникает в Индии особый жанр — прабаудха (буквально: «сказка», «сочинение»), образцом которого может служить «Бходжапрабаудха» Баллалы. Прабаудха претендует быть историческим сочинением и в своем главном повествовании пространно рассказывает о каком-либо историческом или псевдоисторическом герое, хотя по-прежнему обильно насыщает этот рассказ вставными легендами, преданиями и анекдотами.

Так или иначе, рамочная композиция была популярна в Индии на протяжении многих столетий индийского средневековья, десятки раз доказывая свою жизнеспособность и богатство своих возможностей. Плодотворность рамочной композиции определялась в первую очередь тем, что она позволяла объединять в одной книге разнородные и разнохарактерные рассказы. С точки зрения читательского восприятия было отнюдь не безразлично, шла ли речь о беллетристических сборниках, где такие рассказы просто следуют друг за другом, или об едином повествовании, где они связаны общими целью и замыслом.

Древнеиндийская традиция придавала первостепенное значение воспитательной роли литературы — причем не только непосредственно дидактических, но и вполне беллетристических жанров, в том числе повествовательных. Их смысл она видела в том, что они наставляют в правильном образе действий, подают благой пример, устранивают невежество. В обрамлении «Хитопадешы», а затем «Викрамачариты» и «Веталапанчавишати», мы встречаем одну и ту же сентенцию:

Мудрые проводят время
в развлечении поэзией и наукой;
А глупцы его тратят
на страсти, сон или ссоры.

«Развлечение поэзией» рассматривалось как удел мудрых, и каждое литературное произведение считалось наставительным, поучительным в той или иной сфере жизнедеятельности. Этому содействовало принятое в древнеиндийской дидактике учение о трех жизненных целях: дхарме — добродетели, долге, артхе — практической пользе, выгоде и каме — чувственном удовлетворении. Само

собой разумелось, что «Панчатантра» и «Хитопадеша», претендующие быть учебниками разумного поведения, или «Викрамачарита», по мысли ее создателей, обучающая на примере своего героя истинной добродетели, всецело соответствовали доктрине трех целей. Но даже «Шукасантати», состоящая по преимуществу из фривольных любовных рассказов, принадлежала, с точки зрения индийцев, сфере камы и примыкала к особому рода нравственной науке — «науке любви» (камашастра). Во всяком случае, писатель Харибхадра (VIII в.), кстати говоря, автор обрамленной повести в стихах «Дхуртакхьяны» («Повесть о плутах»), разделив поучительные рассказы на три категории: рассказы о добродетели (дхармакатха), рассказы о пользе (артхакатха) и рассказы о любви (камакатха), последние считал серьезнее и важнее рассказов, обучающих практической выгоде. Рамочная история, заключая в себе ту или иную дидактическую установку, обеспечивала, таким образом, функциональное единство, внутреннюю целостность каждого произведения обрамленной повести, именно повести, а не просто сборника сказок, притч и анекдотов.

И еще одно свойство рамочной композиции. Определяя структуру и общую направленность произведения, рамка с гораздо меньшей строгостью определяет характер вставных эпизодов, расположенных внутри ее, как бы в паузах основного действия. Каждый автор или составитель обрамленной повести мог по своему вкусу варьировать вводные истории, заменять их новыми, дополнять или изменять. Поэтому, например, в «Таптракхьянике» только тридцать вставных рассказов, а в «Панчакхьянаке» Пурнабхадры, другой рецензии «Панчатантры», их уже восемьдесят один. В «Хитопадеше», которая опирается на «Панчатантру», семнадцать рассказов (треть от общего числа) заимствованы из других источников. В различных рецензиях «Веталапанчавиншати», «Шукасантати» и «Викрамачариты» рассказы не совпадают или, по крайней мере, существенно меняются от версии к версии. Особенно явственно это свойство рамочной композиции обнаруживается тогда, когда та или иная обрамленная повесть попадает в иноязычную среду. Переводы обрамленной повести на другие языки менее всего похожи на переводы или даже на переложения типа обычных переложений средневековых литератур. Это всякий раз более или менее радикальные переработки, поскольку переводчики, используя ресурсы рамки, вводили в нее рассказы из местного фольклора, приспособляли индийский оригинал к его новому литературному окружению.

Источники рамочной композиции уходят в глубокую древность. Вставные сюжеты имеются и в древнеегипетских текстах, и в индийских эпических поэмах «Махабхарате» и «Рамаяне», и в

«Илиада» Гомера, и в «Золотом осле» Апулея. Однако всякий раз они расположены поступательно, во временной последовательности, подчинены сюжету организующему, прикреплены к смеющимся друг друга событиям жизни главных персонажей. Основной сюжет в этих памятниках доминирует, а вставки носят необязательный характер. В обрамленной же повести организующий сюжет становится, по сути дела, неподвижным во времени, оказываясь в значительной мере функциональным приемом, а вставные истории прикрепляются к нему параллельно и независимо друг от друга выдвигаются на первый план. Именно такой способ рамочной композиции и был сначала открыт в Индии, но затем получил широкое распространение в других странах Востока и Запада.

Но говоря уже о непосредственных обработках санскритской обрамленной повести, о которых речь пойдет далее, по принципу обрамленной повести построены, в частности, арабская «Тысяча и одна ночь», «Книга Синдбада», восходящая к пехлевийскому, а через него, возможно, к санскритскому оригиналу и переведенная на арабский, персидский, сирийский, древнееврейский, греческий, латинский и новые европейские языки, латинские «Римские деяния» (XIII в.), испанские рамочные сборники «Наставление клирикам» Петра Альфонса (XII в.) и «Граф Лукапор» Хуана Мануэля (XIV в.). При этом в «Тысяче и одной ночи» «затяжка времени» Шахризадой, составляющая основу ее композиции, напоминает подобного же рода прием в «Шукасантати»; рамка «Книги Синдбада» отчасти сходна с рамкой «Веталапанчавиншати», а отчасти — «Пурушанарикши»; рассказы в «Римских деяниях» группируются, наподобие индийских прабандха, вокруг событий, якобы случившихся во времена римских императоров; а рамочные истории испанских сборников, в которых мудрый философ поучает своего сына или друга, переключаются с рамкой «Панчатантры». Обрамленная повесть, таким образом, становится своего рода массовой литературой западного и восточного средневековья. Однако ее влияние ощущается и позже. Достаточно вспомнить «Декамерон» Боккаччо с удивительной строгостью и четкостью его рамочной композиции, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Гептамерон» Маргариты Наваррской, итальянских новеллистов Серкамби, Джиральди, Грациани, Базиля, Страпаролу и многих других писателей Возрождения, использовавших старую рамочную технику с новыми литературными целями.

Мы называли обрамленную повесть массовой литературой. В это понятие, особенно в наше время, нередко вкладывается негативный смысл. Но в условиях средневековья, с его жесткими сословными и конфессиональными перегородками, дело обстояло особым

образом. Обрамленная повесть была не просто литературой для масс, а литературой самих масс. Она противостояла не подлинно художественной литературе как таковой, а литературе высоких, так сказать, привилегированных жанров. Она не подменяла общекультурные ценности, но приобщала к ним на более широкой, демократической основе. И вместе с тем инструментом такого приобщения были свойственные обрамленной повести, как и всякой массовой литературе, занимательность и доступность.

Доступность и занимательность обрамленной повести во многом определены тем, что она, будучи уже жанром чистого литературным, тем не менее опиралась на фольклор и сочетала в своих остроумно построенных сюжетных рассказах обыденное с фантастическим, реальность с волшебством. Рассказы обрамленной повести в этой связи часто называют сказками, но сказки это необычные. И дело здесь не столько в том, что народная сказка, миф, легенда подвергаются в обрамленной повести стилистической и тематической обработке, а в самом существе волшебной специфики.

Волшебная сказка, как правило, изображает действительность, в которую ни сам рассказчик, ни его слушатели уже не верят. Она переносит в особую, сказочную атмосферу («В тридевятом царстве, тридесятом государстве...» или «В некотором царстве, в некотором государстве...»), не требует доверия («не любо — не слушай»), особыми формулами ограждает себя от реальности («скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «ни в сказке сказать, ни пером описать») и т. д. В рассказах сапсритской обрамленной повести никакой сказочной атмосферы нет. Невроятные происшествия сопровождаются точными географическими указаниями на место действия и историческими отсылками. В оди рассказ с одним и тем же стилем изложения объединяются история о царевиче, спустившемся в золотой город на дне океана, и бытовой анекдот о купце, обманном сводней («Хитопадеша», кн. III, рассказ 5). Герои едва ли не самых волшебных рассказов — реально существовавшие лица (цари Викрамадитья и Бходжа, министры Чанакья и Шакатала, поэты Калидаса и Бхартрихари). А с другой стороны, сверхъестественные существа (боги и демоны) и многочисленные животные ведут себя не просто как люди, но на равных правах и равных началах с людьми. Мифическая птица Гаруда и бог Вишну принимают участие в споре чибиса и океана («Хитопадеша», кн. II, рассказ 9); бог солнца Сурья и бог ветра Марута выступают женихами мышки, ставшей девушкой («Тантракхьянка», кн. III, рассказ 7); история о корыстолюбивом цирюльнике органически слита со сказочным мотивом превращения человека в золото («Хитопадеша», кн. III, рассказ 8); вор и демон-ракшаса

«Тантракхьяника», кн. III, рассказ 5); «отр» совершает религиозное омовение и обманывает жадного путешественника («Хитопадеша», кн. III, рассказ 3); шакал отказывается разлучать гилки под предлогом, что в праздничные дни он соблюдает пост («Хитопадеша», кн. I, рассказ 3) и т. д. и т. п.

Подобные три рассказа, как и вообще большинство рассказов «Панчатантры» и «Хитопадеша», казалось бы, можно считать баснями. Но и басни это не вполне обычные. Не говоря уж о том, что некоторые из них не имеют морали или мораль их прямо не сформулирована, рассказы о животных в обрамленной повести, как правило, не содержат никакой аллегории — необходимой принадлежности басенного жанра. Традиционное индуистское мировоззрение с его концепцией круговорота бытия, в котором все существа рождаются вновь и вновь, поочередно воплощаясь в божества, людей, зверей, птиц и т. д., не знает жесткой грани между человеком и животным. И такие, например, истории, как о гусях, притворившихся мертвыми, чтобы ускользнуть из сетей охотника («Хитопадеша», кн. I, рамка), или о добродетельном царе, накормившем голода собственнoй плотью, чтобы спасти от сокола голубя («Тантракхьяника», кн. III, рассказ 6), воспринимались индийцами иначе, чем, скажем, мы воспринимаем басни Крылова. Для них это было не иносказанием, не метафорической подменой, но рассказом о примечательном событии (реальном или мнимом — другой вопрос), в равной мере вероятном по отношению и к людям и к животным. Органическое смешение разнородных рассказов, которые совмещают в себе признаки сказки, басни, легенды, новеллы и анекдота (последние особенно характерны для «Веталапанчавиншати», «Шувасантати», «Бхаратакадватрипшати», «Прабапдхачинтамани» и «Бходжапрабандхи»), — специфическая черта санскритской обрамленной повести.

Но популярность обрамленной повести связана не с одной ее занимательностью. Так же, как современного читателя привлекает, например, в научно-фантастических романах не просто острый сюжет, но их нравственная проблематика или попытка научного прогнозирования (хотя собственно научно-популярная литература его может и не интересовать), для средневекового читателя занимательность обрамленной повести была неотделима от ее поучительности.

Мы уже говорили о дидактической функции рамки обрамленной повести. Та же функция присуща и отдельным ее рассказам.

В «Бхаратакадватрипшати», состоящей из анекдотов о глупых или жадных монахах, каждый начинается с морали, имеющей весь-

ма общий характер. Так, рассказ о мопахе, который в плывущем по течению Ганга ящике нашел не полюбившуюся ему девушку, а разъяренную обезьяну (рассказ 3), содержит правоучение вполне в духе «Паучатаптры»:

Кто пользу припести себе стремится,
Тот не свершит неправого деянья.
Монах, обманом выкравший девуцу,
Заслуженное принял наказание.

Чисто развлекательными принято считать рассказы Веталы («Веталапанчавишати»), и весьма типична для них история о четырех искусниках, неосмотрительно воскресивших льва, который затем их съел (рассказ 21). Но заканчивается эта история наставительным рассуждением цари Викрамасены:

Наука пред умом — ничто, ценнее всяких знаний ум;
Погибнет, кто ума лишец, как те, что воскрешали льва.

И даже тогда, когда прямой морали в рассказе нет, индийским читателем он все равно рассматривался как образцовый пример, из которого можно извлечь практический урок в сходных жизненных ситуациях.

Правоучительную окраску придают обрамленной повести также вставные стихи, имеющиеся в каждой книге. Некоторые из этих стихов повествовательны: представляют собой прямую речь персонажей либо описание какого-нибудь события или природного явления. Но такого рода стихов не слишком много, и большую часть метрических вставок составляют сентенции и афоризмы, религиозные и юридические предписания, наставления государственной мудрости, моральные и житейские правила. В «Хитопатеше» подобного рода сентенциозных стихов приблизительно шестьсот пятьдесят, в других повестях несколько меньше, но даже в такой сравнительно небольшой по объему книге, как «Викрамачарита», их около трехсот пятидесяти.

Сочетание афористических стихов и повествовательной прозы было издавна свойственно древнеиндийской литературе и присутствует в ведийских священных текстах (брахманах и упанишадах), в буддийских сутрах и джатаках — рассказах о былых воплощениях Будды. Но именно в обрамленной повести это сочетание стало характернейшим признаком жанра.

Часть стихов была, вероятно, составлена самими авторами повестей, однако большинство встречается в иных санскритских памятниках: джатаках, «Махабхарате» и «Рамаяне», юридических трактатах и книгах-законах («Манавадхармашастре», или «Зако-

«Ману», «Артхашастре» Каутильи, «Нитисаре» Камандаки и др.), сборниках афоризмов, приписываемых мудрецу Чанакье, у классических поэтов Калидасы, Бхартрихари, Бхарави, Ментхи и т. д. Каждый раз очень трудно решить, заимствованы ли стихи из этих памятников в обрамленную повесть или, наоборот, именно она была их источником. Пожалуй, кажется наиболее вероятным, что и своей массе они принадлежали к полуфольклорному слою поэтической поэзии, из которого в обилии могли черпать и авторы обрамленной повести, и иные писатели, ученые или поэты. Так или иначе, афористические стихи обрамленной повести тесно связывают ее с общеиндийской дидактической традицией, с ее моральными установками и принципами.

Однако следует сразу же заметить, что принципы эти трактуются в обрамленной повести весьма неоднозначно.

Так, например, «Хитопадеша» в одной из строф призывает довольствоваться малым:

Все во благо тому,
чей разум доволен малым:
Для ноги, обутой в башмак,
земля покрыта кожей,—

и в другой — не удовлетворяться достигнутым:

Полагающему, что всего достиг,
если ему хоть раз улыбнулась удача,
Судьба уже выплатила свой долг
и не приумножит его счастья.

Наставляет пуще всего беречь собственную жизнь:

На случай беды храни деньги;
оставь деньги ради жены;
Оставь и жену, и деньги,
но сохрани себя самого,—

и затем жертвовать ею ради другого:

Ради другого пожертвует мудрый
и жизнью своей, и богатством:
Им все равно суждено погибнуть,—
дар — их лучшее назначение!

Говорит то о всесии судьбы:

Чему быть суждено, то и будет,
а чему не бывать — не бывает.
Вот лекарство от яда забот.
Почему бы не пить его! —

то о торжестве над судьбою человеческих усилий:

Как гончар лепит из кома глины
все, что ни пожелает,
Так человек обретает судьбу,
какую сам себе содейл.

Видит в богатстве «путь к добродетели» и одновременно утверждает:

Молодость, деньги, власть и невежество
приносят зло даже порознь.
Насколько же больше чреваты злом
все они вместе.

Столь же противоречива, как отдельные сентенции, и мораль некоторых рассказов обрамленной повести. Третий рассказ первой книги «Хитопадеша» — о коршуне, поплатившемся жизнью за то, что он приютил кота, — призывает не доверять пришельцу; однако рамочное повествование первой книги, по ходу которого мышь оказывает гостеприимство ворону, их обоих дружески принимает черепаха, а затем все трое они дают убежище лани, несовместимо с этой моралью, так же как и рассказ о пришельце Вираваре, пожертвовавшем жизнью ради царя Шудраки (кн. III, рассказ 7). В рассказе «Хитопадеша» о трех рыбах (кн. IV, рассказ 2) фаталист «Будь-что-будет» расстаётся с жизнью, в то время как «Предусмотрительной» и «Решительной» удастся избежать опасности; и в то же время в «Викрамачарите» царь, утверждающий, что «судьба и ничто иное — главная причина и счастья, и гибели», не прилагая никаких усилий, получает новое царство и одерживает победу над врагами (рассказ 14).

Бросается при этом в глаза, что из сходных по содержанию рассказов авторы обрамленной повести делают сколь угодно разноречивые выводы. Весьма похожи сюжеты рассказов «Хитопадеша» о вороне и змее (кн. II, рассказ 7), змее и цаплях (кн. IV, рассказ 4), чибисе и океапе (кн. II, рассказ 9). Но первый учит, что «хитрость полезнее силы», второй — «не забывать о вреде, рассчитывая на пользу», а третий — «заранее знать связь явлений». Мораль рассказа об осле в тигровой шкуре («Хитопадеша», кн. III, рассказ 2) — «природы своей не изменишь», и точно такой же морали ждешь от рассказа о голубом шакале («Хитопадеша», кн. III, рассказ 6), но неожиданно он заканчивается совсем иной сентенцией: «не бросай своих и не примыкай к чужим». Несомненно, общее происхождение имеют рассказы «Мышпоп-тигр» («Хитопадеша», кн. IV, рассказ 5) и «Мышка-девушка» («Тантракхьяника», кн. III, рассказ 7), но первый предостерегает против низких существ, которые вредят своему благодетелю, а второй опять-таки иллюстрирует неизменность природных качеств.

Может показаться, что наставления обрамленной повести не только противоречивы или по крайней мере необязательны, но иногда и просто аморальны, поскольку наряду с самоотверженностью нередко в ней проповедуется эгоистичный расчет, наряду с умирением и пастойчивостью — безразличие и пассивность, наряду с дружелюбием — подозрительность и недоверчивость. Однако не следует оценивать обрамленную повесть, исходя из чуждых ей критериев.

Во первых, кажущаяся противоречивость ее морали находит объяснение в специфических свойствах индийской дидактики, требующей уравновешенного сочетания трех целей жизни: дхармы, арта и камы,— о которых мы говорили ранее. Каждая из этих целей, в зависимости от характера жизненных обстоятельств, на время выступает на первый план, но в конечном счете они совмещаются и сливаются друг с другом.

Во вторых,— и это, пожалуй, основное — обрамленная повесть в принципе не призвана предлагать и не предлагает какую-либо последовательную и всеохватывающую нравственную доктрину. Мораль здесь всегда ситуационна, конкретна, связана с определенным житейским контекстом, и моральный вывод опирается на здравый смысл, не претендуя на безусловную общезначимость. Перед нами не дидактические трактаты, но художественные тексты о морали к случаю, а не на все случаи, и именно поэтому записательность и дидактика в обрамленной повести дополняют друг друга, а не составляют два независимых слоя. Кстати говоря, ситуативность морали — свойство не только индийского обрамленного рассказа, но и вообще большинства фольклорных или зависящих от фольклора литературных жанров. Вспомним, что чуть ли не на каждую пословицу или поговорку можно привести противоположную ей по смыслу или что басню, в том числе в лучших ее образцах, нередко упрекали в безнравственности.

Со временем дидактический пафос санскритской обрамленной повести ослабевает. Но чтобы не утратить своей популярности, обрамленная повесть должна была выработать новый баланс «развлекательного» и «серьезного». И вот мы видим, как в «Веталапаичавишати» моральный вывод вытесняется загадкой, «юридическим казусом», требующим от читателя своеобразной «игры ума», и в «Бходжапрабандхе» место дидактики занимает история и стихотворные сентенции сменяются литературными экспромтами.

И еще одно свойство обрамленной повести, которое содействовало ее массовому успеху,— это демократичность, широта отражения и широта восприятия жизни, выделяющие ее среди иных жанров санскритской литературы. Быт и нравы царских покоев, интриги министров и слуг, купеческие начинания и труды ремесленни-

ков, военные советы и междоусобные войны, споры об имуществе, семейные отношения, литературные состязания, монашеская жизнь, похождения нищих, мошенников, наемных солдат, гетер — вот далеко не полный перечень тем индийской обрамленной повести. Читая ее рассказы, мы видим, как в ней все меньшее значение придается традиционному делению на наследственные сословия — варны (брахманов — священнослужителей, кшатриев — воинов, вайшьев — торговцев и землевладельцев, шудр — мелких ремесленников и слуг) и как все больший вес приобретает в обществе имущественное расслоение, противостояние богатых и бедных.

Горестные сентенции о силе денег, злосчастии бедности и нищеты пронизывают все книги обрамленной повести:

У кого деньги — у того друзья,
у кого деньги — у того родичи,
У кого деньги — тот человек,
у кого деньги — тот и ученый.
.
.
.
Пуст дом без сына
и доброго друга,
Пусто сердце глупца,
для бедняка же все пусто.

От бедности не ограждены даже брахманы, которые, вопреки предписаниям книг законов, вынуждены заниматься ремеслом, земледелием или ростовщичеством, изображаются подчас игроками, распутниками и стяжателями. Один из излюбленных мотивов — жадность брахмана, и не менее популярный — его глупость. Еще более насмешливо рисуются в обрамленной повести разного рода отшельники и аскеты (показательны здесь анекдоты «Бхаратакадватриншати»), и даже цари не избегают прямых обвинений в вероломстве, лицемерии и жестокости. Правда, некоторые рассказы и даже целые книги («Викрамачарита», «Бходжапрабадха») могут показаться чуть ли не панегириками царской власти, но за восторженными восхвалениями щедрости, великодушия, милосердия Викрамы или Бходжи недвусмысленно скрыта мечта о добром и справедливом царе, для которого высшей обязанностью должна быть бескорыстная забота о подданных:

Охраной подданных своих себе готовит счастье царь,
Пренебреженьем к ним себя на вечный обрекает ад.

Основные книги обрамленной повести, как полагают, были созданы в средних слоях индийского общества, в кругу горожан, торговцев, царских слуг. Это их жизненные представления прежде всего находят в ней отражение. Однако о какой бы общественной группе ни шла в обрамленной повести речь, ей, как правило, не

отдается предпочтения. Кто бы ни был героем того или иного рассказа — брахман или воин, купец или простой крестьянин, — степень сочувствия ему и меру его успеха определяет не его социальная принадлежность, а личная смелость, решительность, ум. II «Тантракхьянке» говорится:

Не от рождения зависит добродетель,
В поступках человека — его слава!

И если можно все-таки говорить о какой-либо устойчивой морали в обрамленной повести, то, пожалуй, именно эти слова и могут быть такой моралью.

Сыграл ли тут роль присущий обрамленной повести демократизм, или чересчур откровенная ее занимательность, или, может быть, ее принадлежность к «низкому» прозаическому жанру, но санскритская литературная критика по существу ее игнорировала, и обрамленная повесть не получила в средневековой Индии официального признания. Зато ее неофициальный успех был неоспорим, и лишь классический эпос, «Махабхарата» и «Рамаяна», мог поспорить с ней в повсеместности этого успеха. Мы уже говорили, что большинство повестей существовало во многих версиях, популярных в различных областях и царствах средневековой Индии. Затем книги обрамленной повести были переведены с санскрита на все или почти все новые индийские языки. Однако не только в Индии и не только на индийских языках ждала ее известность.

Уже в VI в. н. э. врачом Бурзое по поручению персидского царя Хосрова Ануширвана (531—570) «Панчатантра» была переведена на пехлевийский язык. Этот перевод, к сожалению, не сохранился, но в 570 г. пресвитером Будом с него был сделан сирийский перевод, частично до нас дошедший, а около 750 г. — знаменитое арабское переложение Абдаллаха ибн ал-Мукаффы, названное им «Калила и Димна» — по искаженным именам шакалов Каратаки и Даманаки из I книги «Панчатантры» (или II книги «Хитопатши»). «Калиле и Димне» предпослано введение, в котором рассказывается, что индийский оригинал книги был создан философом Бейдебой, или Бидпаем (по-видимому, от санскритского *vidyapati* — «господин знания») вскоре после вторжения в Индию Александра Македонского (т. е. в конце IV или начале III в. до н. э.). Как басни Бидпая, или Пильпая, «Панчатантра» и стала известна на Западе, поскольку именно «Калила и Димна» Ибн ал-Мукаффы была конечным источником десятков европейских переводов и переложений. В частности, с «Калилы и Димны», вероятно, в XI в. был сделан новый сирийский перевод и в том же XI в. византийцем Симеоном Сифом — греческий, носящий название «Стефанит и Ихнилат» («Увенчанный и Следопыт»). К послед-

пему в свою очередь восходят несколько древнерусских (видимо, уже с XII в.), латинская, итальянская и немецкая обработки. С другой стороны, около 1100 г. рабби Иоэль перевел «Калилу и Димпу» на древнееврейский. Этот перевод послужил Иоанну из Капуи основой для латинского переложения (вторая половина XIII в.), а с него были выполнены испанские, итальянские, французские, немецкие, датский, голландский и другие переводы. Наконец, в 1144 г. Низамаддин Абу-л-Меали Насраллах сделал персидский перевод «Калилы и Димны», и его обработка Хусейном Ваизом Кашифи (XVI в.), названная «Анвар-и-Сухейли» («Светила Каинопа»), стала источником новых и европейских и азиатских переводов: турецкого, узбекского, грузинского, малайского, французского, шведского, английского, немецкого, венгерского и т. д. Если добавить к этому, что имеются также тибетские, монгольские, бирманское, тайское и лаосское переложения «Панчатантры», то окажется, что «Папчатантра» в конечном счете переведена свыше двухсот раз, более чем на шестьдесят языков, и, как справедливо констатировал академик С. Ф. Ольденбург, ей «было суждено после Библии стать одною из самых распространенных в мире книг».

В сравнении с «Панчатантрой» не столь повсеместное, но тоже достаточно широкое распространение получили другие книги обрамленной повести. «Веталапанчавиншати» известна в сиамской, тибетской и монгольской («Шидди-кур») версиях; «Викрамачарита» была переложена на сиамский, персидский, тибетский и монгольский («Арджи Боджа») языки; «Шукасаптати» в 1330 г. под пазванием «Тути-наме» («Книга попугая») была переведена на персидский язык Зия ад-Дином Нахшаби, а на этой версии основываются турецкая (XV в.), малайская и, наконец, новая персидская (Мухаммада Кадири, XVII в.) ее обработки.

Если, однако, можно еще очертить круг непосредственных переводов и переложений обрамленной повести, то ее косвенное воздействие на мировую литературу учесть значительно труднее. Заимствуя из фольклора свои рассказы, обрамленная повесть нередко вновь, но уже в переработанном виде, возвращала их в фольклор. При этом не только в фольклор индийский, но и всех тех стран, где она бытовала. Из местного фольклора, так же как и из письменных источников, сюжеты обрамленной повести заимствовали многие писатели, поэты, философы. И отголоски, варианты, вольные или невольные адаптации рассказов, знакомых нам по «Панчатантре» или «Шукасаптати», мы неожиданно встречаем в баснях Эзопа, Федра и Бабрия, китайской и корейской новеллистике, немецких шванках Ганса Сакса, французских фавлю, сочинениях Лафонтена и Крылова, сказках братьев Grimm, у Боккаччо и Чосера, Гете и Т. Маппа. В середине XIX в. крупнейший немец-

индолог-компаративист Т. Бенфей, исследуя текст «Панчатантры», пришел к выводу, что Индия была родиной большинства мировых сказок, и хотя такое представление кажется теперь явно преувеличенным, значение индийской обрамленной повести как одного из важнейших источников сюжетов мировой литературы и фольклора остается неоспоримым.

* * *

В настоящее издание включены переводы из наиболее значительных и в то же время разных по типу произведений санскритской обрамленной повести.

Полностью представлена одна из самых популярных повестей — «Хитопадеша», или «Доброе наставление». В заключительных стихах «Хитопадеша» говорится, что ее автором был некий Нараяна, и названо имя его покровителя — «начальника провинции» Дхвалачандры. Ни о Нараяне, ни о Дхвалачандре более ничего не известно, и точное время создания «Хитопадеша», как, впрочем, и большинства других повестей, установить невозможно. Самая ранняя из дошедших до нас рукописей «Хитопадеша» датируется 1373 г.; с другой стороны, в ее тексте много цитат из стихотворного трактата «Нитисара» («Сущность политики») Камандаки, жившего в первой половине VIII в. н. э. Таким образом, оригинал «Хитопадеша» мог быть написан между VIII и XIV вв., и большинство специалистов относят его к IX—X вв. Около трех четвертей вставных рассказов «Хитопадеша» встречается в «Панчатантре», и Нараяна сообщает, что он заимствовал свой материал «из «Панчатантры» и еще одной книги». Однако никакой другой, кроме «Панчатантры», книги, в которую бы входили рассказы, общие с «Хитопадешей», не сохранилось. «Хитопадеша» была переведена на английский язык уже в 1787 г. и стала тем самым одним из первых санскритских текстов, с которым познакомились европейцы. Существуют два русских перевода «Хитопадеша»: Д. Кудрявского¹ и М. И. Орлова². Но оба они теперь малодоступны для читателей и значительно устарели.

Поскольку одна из наиболее полных версий «Панчатантры» — «Панчакхьянака» Пурнабхадры (1199) была переведена сравнительно недавно³ и с тех пор дважды переиздавалась, мы выбрали

¹ «Хитопадеша. Доброе наставление. Сборник древнеиндийских рассказов, составленный Нараяной». Перевел с санскритского Д. Кудрявский. Юрьев-Дерпт, 1908.

² «Хитопадеша. Полезное наставление. Собрание древнеиндийских правоучительных рассказов». Перев. с санскрита с примеч. М. И. Орлова; ч. 1—2, СПб., 1911; ч. 3—4, СПб., 1913.

³ «Панчатантра». М., 1958.

для данного издания другую рецензию «Панчатантры» — «Тантракхьяику» («Книгу паизидательных рассказов»), которая до сих пор на русский язык ни разу не переводилась. «Тантракхьяика» предположительно датируется V в. н. э., и ее композиция, а также сжатый стиль изложения характерны для ранней стадии развития обрамленной повести. Из пяти книг, или «назиданий», составляющих «Тантракхьяику», даны в переводе две: третья и четвертая, в которых, однако, опущено несколько вставных рассказов, имеющих и в «Хитопадеше». Впрочем, один такой рассказ, «Слоны и зайцы» («Тантракхьяика», кн. III, рассказ 2; «Хитопадеша», кн. III, рассказ 3), все-таки переведен, чтобы дать возможность читателю сравнить трактовку одного и того же сюжета в разных текстах обрамленной повести.

«Веталапанчавиншати» («Двадцать пять рассказов Веталы») известна в четырех главных рецензиях. Две из них стихотворные и включены в поэмы «Брихаткатхаманджари» («Ветвь великого сказа») Кшемеандры и «Катхасаригсагара» («Океан потоков сказаний») Сомадевы. Обе эти поэмы написаны в XI в. и восходят к не дошедшему до нас прозаическому сочинению Гунадхьи (начало 1-го тысячелетия н. э.) — «Брихаткатха» («Великий сказ»), которое было, возможно, самой большой и популярной обрамленной повестью индийской древности. Третья рецензия, Джамбхаладатты (вероятно, XIV в.), — целиком прозаическая¹ и, наконец, четвертая, Шивадасы (неизвестной даты), в которой проза перемежается стихами, — наиболее характерна для жанра обрамленной повести по форме и наиболее интересна в художественном отношении. Отрывки из этой рецензии и включены в нашу книгу, причем выбраны рассказы, имеющие, как правило, сюжетные параллели в мировой литературе и фольклоре.

В двух поздних рецензиях (не ранее XII в.), *textus ornatior* и *textus simplicior*, дошла до нас и повесть «Шукасапмати» («Семьдесят рассказов попугая»), однако ее оригинал, так же как оригинал «Веталапанчавиншати», восходит, возможно, еще к середине 1-го тысячелетия н. э. Предлагаемые переводы из «Шукасапмати» даны по *textus simplicior*, отражающему, по-видимому, более раннюю стадию бытования книги.

Герой «Викрамачариты» («Деяния Викрамы») царь Бходжа — реальное историческое лицо. Это Бходжа Парамара из Дхара (прибл. 1010—1055 гг.), считавшийся просвещенным монархом, покровителем искусств и автором многих санскритских сочинений. Таким образом, оригинал «Викрамачариты» не мог быть написан

¹ См.: «Двадцать пять рассказов Веталы». Перевод с санскрита И. Серебрякова. М., 1958.

ранее XI в. Однако вставные ее рассказы, которые посвящены легендарному царю Викрамадितье, жившему, согласно индийской традиции, в I в. до н. э., могли циркулировать в фольклоре и литературе задолго до создания повести в ее настоящем виде. Переводы из «Викрамачариты» выполнены по т. н. «южной рецензии» книги, наиболее близкой, как полагают специалисты, к ее оригиналу.

«Пурушанапарикша» («Испытание человека») принадлежит перу одного из крупнейших писателей индийского средневековья Видьяпати Тхакура (прибл. 1380—1466 гг.). Видьяпати прославился в первую очередь своими лирическими стихами (падами) на языке майтхили. Но им же написано немалое число сочинений (эпикопанэгирических поэм, повестей, пьес, политических и религиозных трактатов) на языке апабхранша и санскрите. Среди последних «Пурушанапарикша» — наиболее известное. Будучи классическим образцом жанра обрамленной повести, «Пурушанапарикша» одновременно дает представление о мировоззрении и индивидуальной манере самого Видьяпати. В отличие от предшествующих повестей, ее герои — только люди, причем нередко исторические персонажи. Орывки из «Пурушанапарикши» переводятся на русский язык впервые.

Никогда не переводилась на русский язык и «Бходжапрабандха» («История Бходжи»), в которой автор концентрирует свое внимание на одном персонаже — Бходже Парамаре из Дхара, уже известном нам по «Викрамачарите». Содержание «Бходжапрабандхи» лишено исторической ценности в точном смысле этого слова (достаточно сказать, что Бходжа изображен в ней покровителем Калидасы, Баны, Дандина, Магхи, Бхавабхути и других поэтов, которые жили заведомо в разное время и к тому же значительно раньше Бходжи), но дает определенное представление о придворных нравах и быте средневековой Индии, литературной жизни и поэтических вкусах этой эпохи. Фрагменты из «Бходжапрабандхи» впервые переводятся на русский язык.

К еще одной разновидности обрамленной повести — жанру так называемых «книг о дураках», популярных на средневековом Востоке и Западе, — принадлежит «Бхаратакадватриншати» («Тридцать два рассказа о монахах»), время создания которой точно неизвестно (наиболее вероятно — XV в.). «Бхаратакадватриншати» отражает полемику между монахами-джайнами (к числу которых, видимо, принадлежал автор повести) и монахами-шиваитами, но социальный фон и сатирическая направленность переводимых рассказов, несомненно, гораздо шире и глубже этой полемики.

Одна из отличительных черт индийской обрамленной повести, как мы уже говорили, — сочетание повествовательной прозы со стихотворными вставками. Стиль прозы, как правило, прост и лакони-

чел, стихи же — по крайней мере частично — составлены в т. п. «украшенном» стиле придворной санскритской поэзии (поэзии «кавья»). Написаны они перифрированными размерами, которыми столь богато санскритское стихосложение и которые все основаны на не вполне регулярном чередовании долгих и кратких слогов. Сколько-нибудь адекватно передать эти размеры русскими стихами невозможно, и переводчики, стремясь к точному отражению смысла и образной структуры подлинника, каждый избирал свой способ их перевода: силлабо-тонический стих, свободный стих, ритмическую прозу и т. д. Поскольку еще не выработаны общепринятые принципы передачи санскритской метрики, едва ли было целесообразным унифицировать переводы, и читатель, сопоставляя их, получает возможность судить, насколько удачна та или иная попытка.

П. Гринцер

Индийская
средне-
всковая
повество-
вательная
проза

ХИТОПАДЕША

Доброе наставление

1. Успех в начинаниях да сопутствует добрым!
Да будет к ним милостив Шива,
На чьей голове сияет диск луны,
подобно гребню пепы Ганга!
2. Книга эта — «Хитопадаша»; учит она
владению словом искусным,
Множеству мудрых речений,
поведенья разумного знанью.
3. Мудрый думает о знании и о пользе,
будто не грозят ему ни смерть, ни старость.
Пусть даже смерть хватает его за волосы,
он и тогда пестует добродетель.
4. Среди всех благ — знание
называют высшим благом:
Его не похитишь, оно бесценно
и никогда не гибнет.
5. Знание учит должному поведению,
поведение должное сулит почет,
Почет приносит богатство, в богатстве —
для счастливого путь к добродетели.
6. Знание оружия и оружие знания —
оба ведут к славе;
Но первое только смешно в старости,
а второе почитается вечно.
7. Подобно течению реки,
приводящей к недоступному океану,
Знание приводит человека к царю,
а затем — к счастью.
8. Узор, выдавленный на необожженной глине,
остается на ней навсегда:
В узоре наших рассказов — для юношей
поведенья разумного мудрость.

9. Мы расскажем об обретении и о ссоре друзей,
о войне и о мире;
И взяли мы эти рассказы из «Папчатантры»
и еще одной книги.

Есть на берегу Ганга город по названию Паталипутра. Был в нем царь по имени Сударшана, паделенный всеми достоинствами истинного государя. Однажды он услышал, как кто-то прочел такие два стиха:

10. Ученье устраняет любое сомнение,
делает явной суть вещей.
Оно — всевидящее око.
Кто не учится, тот слеп.
11. Молодость, деньги, власть и невежество
приносят зло даже порознь.
Насколько же больше чреват злом
все они вместе!

Услышав эти стихи, царь опечалился, потому что его сыновья по своей лени пренебрегали наукой, и подумал:

12. «Что толку в родном сыне,
если он невежествен и не чтит добродетель?
Какой прок в слепом глазе?
И разве не мұка одна такой глаз?

И еще:

13. Лишь тот в самом деле родился,
чье рождение возвысило его род.
А так... какой смертный
не втянут в круговорот рождений?

И иначе:

14. Если мать того, кого поколеблешься
причислить к людям достойным,
Ты сочтешь имеющей сына, скажи,
кого же зовешь бездетной?

А также:

15. Лишь у того, кто в святой обители
совершит покаяния подвиг,
Сын родится послушным, благочестивым,
счастливым и мудрым.

Ведь так сказано:

16. Богатый дом, крепкое здоровье,
Подруга по сердцу, приветливая жена,
Послушный сын, полезное знание —
Таковы шесть благ в этом мире.

Как же мне теперь сделать из моих сыновей достойных людей?

Когда говорят:

17. «Срок жизни, род занятий,
достаток, знание, смерть —
Все пять человеку назначены
уже в материнской утробе.

Или:

18. И у великих мира
жизнь заранее предначертана:
Нилакантха паг, а Харп
возлежит на огромном змее.

Или:

19. Чему быть суждено, то и будет,
а чему не бывать, не бывает —
Вот лекарство от яда забот.
Почему бы не пить его! —

то все это пустые слова людей, не способных к делу.

Ибо:

20. Как повозка не катится
на одном колесе,
Так не может сбыться судьба
без усилий самого человека.
21. Судьбой зовутся дела человека,
совершенные в былых рождениях.
Так пусть же во всех своих деяниях
он не падит усилий.
22. К человеку упорному, отважному, как лев,
приходит Лакшми.
Только жалкие люди лепечут:
«Такова судьба».
Борись с судьбой, будь мужествен,
не жалей усилий,
И если все же успех тебя минет, —
пет на тебе вины!
23. Как гончар лепит из кома глины
все что ни пожелает,
Так человек обретает судьбу,
какую сам содеял.

А также:

24. Если, как в басне о вороне и орехе,
перед собою вдруг видишь клад,
Судьба не даст его сразу в руки,
но ждет твоего усердия.

Ведь так сказано:

25. Мать — враг, отец — ненавистник,
если они не обучат сына.
Жалким покажется он в собрании,
будто цапля среди гусей».

Подумав обо всем этом, царь созвал на совет мудрецов и сказал им: «О мудрецы, послушайте меня. Сыновья мои пренебрегают науками и постоянно уклоняются от должного пути. Есть ли среди вас такой человек, который обучил бы их разумному поведению и дал им второе рождение?»

Ибо:

26. Стекло рядом с золотом
приобретает блеск изумруда.
Вблизи достойного человека
глупец становится мудрым.

Так говорят:

27. Среди дурных, друг, людей
разум дуреет,
С равными ровен, а среди лучших —
становится лучше».

Тут великий мудрец по имени Вишнушарман, который был знатоком науки разумного поведения, равным самому Брихаспати, сказал царю: «Государь, сыновья твои — отпрыски великого рода, и потому им посильна наука разумного поведения.

Ибо:

28. Любые старания будут бесплодны,
если их приложить к недостойному:
Как ни старайся, не выучишь цаплю
говорить не хуже попугая.

И кроме того:

29. В роду твоём не место человеку,
лишённому достоинств.
Откуда взяться в сконище рубинов
стеклянной побрякушке?

Так вот, я берусь за шесть месяцев обучить царевичей науке разумного поведения». На это царь учтиво ответил:

30. «Даже червяк, прилепившись к цветку,
может попасть на голову благородного.
Даже камень становится божеством,
если его коснется великий.

И еще:

31. Как сияет любая вещь,
оказавшись на Горе восхода,
Так сияет в обществе добродетельных
даже человек низкородженный.

Отныне судьба моих сыновей в твоих руках». Так сказав, царь всячески почтил Вишнушармана и поручил ему заботу о сыновьях.

Спустя некоторое время, когда царевичи удобно расселись на верхней террасе дворца, мудрец, начав свое поучение, сказал:

32. «Мудрые проводят время
в развлечениях поэзией и наукой;
А глупцы его тратят
на страсти, сон или ссоры.

Так вот, чтобы развлечь вас, я расскажу забавную историю о вбросе, черепахе и их друзьях». — «Расскажи», — попросили царевичи.

ПЕРВАЯ КНИГА

Обретение друзей

Вишнушарман сказал: «Слушайте сначала об обретении друзей. Вот первое двустипшие этой истории:

1. Не имея ни средств, ни богатства,
но разумные и очень дружные,
Ворон, лань, черепаха и мышь
быстро добились успеха».

Царевичи спрашивают: «Как так?» Вишнушарман рассказывает:

Есть на берегу реки Годавари большое тутовое дерево. По ночам, прилетая со всех сторон света, собираются на нем птицы. Однажды, когда ночь уже кончалась и месяц, счастливый возлюбленный ночной лилии, опускался за вершину Горы заката, на дереве проснулся ворон по

имени Лагхупатанака и увидел охотника, приближающегося, словно второй Яма. Заметив его, ворон подумал: «Еще только раннее утро, а уже такая дурная встреча. Не предвещает она ничего доброго». Подумав так, он насторожился и полетел вслед за охотником.

Ибо:

2. Тысячи горестей
и сотни ужасов
Каждый день грозят дураку,
по не мудрому.

Ведь как должны поступать смертные:

3. Всякий раз, просыпаясь утром,
думай о предстоящих опасностях:
Что сегодня придется мне испытать:
смерть, болезнь или страдание?

Между тем охотник, пройдя немного вперед, разостлал на земле сеть и рассыпал по ней зерна риса. В это время пролетал мимо царь голубей Читрагрива со своей свитой. Голуби видят рассыпанные рисовые зерна, и им не терпится их отведать. Но Читрагрива говорит им: «Откуда в этом безлюдном лесу взялись рисовые зерна? Погодите радоваться. Их нужно внимательно рассмотреть. Боюсь, как бы из-за этих зерен не случилось с нами того же, что с жадным путником:

4. Путник, прельстившись браслетом,
увяз в топком болоте;
Попался в лапы старому тигру
и был им съеден».

Голуби спрашивают: «Как так?» Читрагрива рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Однажды, пролетая над Южным лесом, я увидел, как некий старый тигр, совершив омовение в озере, взял в лапы пучок травы куши и, стоя на берегу, стал громко восклицать: «Эй, путники! Кто из вас хочет получить этот золотой браслет?» В одном из путников пробудилась жадность, и он подумал про себя: «Кажется, мне повезло. Однако не стоит торопиться: дело это сомнительное.

Ибо:

5. Когда злодей предлагает дар,
не жди ничего хорошего:
Если с ядом смешать амриту,
она становится смертью.

Впрочем, любое приобретение связано с риском.

Так говорится:

6. Не отважится человек на риск —
не увидит счастья.
А отважится и останется жив —
встретит его непременно.

Во всяком случае, нужно все разузнать». И он спросил громким голосом: «Где же этот браслет?» Тигр протянул вперед лапу и показал. Путник снова спросил: «Но могу ли я тебе доверять?» Тигр отвечал: «Я очистил свой нрав покаянием и стал дарителем, да к тому же теперь я старик, у которого выпали когти и зубы. Отчего же не доверять мне?»

Ибо:

7. Жертва, чтение вед, дар, покаяние,
правда, кротость, покой, бескорыстие —
Вот завещанный нам предками
восьмеричный путь к добродетели;
8. Если первыми четырьмя
пользуются и ради обмана,
То другие четыре доступны
только людям, великим духом.

Мне же настолько чужда корысть, что даже золотой браслет с собственной руки я готов отдать первому встречному. И все-таки трудно людям отбросить предубеждение, что тигр, мол, ест человека.

Ибо:

9. Люди, следуя предубеждению,
не признают паставницей сводню;
Но признают учителем брахмана,
будь он даже убийцей коровы.

Я знаю заповеди добродетели. Слушай:

10. Как тебе дорога твоя жизнь,
дорога она всем существам.
На себе познав эту заповедь,
праведный милосерден к другим.

А также:

11. Поддерживай бедных, сын Кунти,
не дари богатства богатому:
Лекарство полезно больному.
К чему лекарство здоровому?

И еще:

12. Тот дар считается истинным даром,
который дарят, как должно дарить,
Дарят безвозмездно, в должном месте,
в должное время и должному человеку.

Итак, искупайся в озере и возьми этот браслет». Прельщенный нектаром таких слов, путник преисполнился доверием к тигру. Но когда он подходил к озеру, чтобы искупаться в нем, то попал в глубокую трясину и уже не мог из нее выбраться. Заметив это, тигр сказал: «Ах, путник! Да ты увяз в глубокой трясине. Давай-ка я тебя вытащу». С этими словами тигр осторожно подкрался к путнику и сжал его в своих лапах. Тот подумал:

13. «Ни законов знание, ни чтение вед
Никогда не изменят нрав злодея;
Всегда возьмут верх природные свойства,
Как всегда будет сладким молоко коровы.

И еще:

14. Кто не владеет чувствами и мыслями,
подобен купающемуся слону;
А знание, не подкрепленное делом,—
как украшение на некрасивой женщине.

Оттого меня постигла беда, что я доверился прирожденному убийце.

Так ведь сказано:

15. В любом существе от случайных свойств
отличай ему прирожденные:
Все чуждое преодолевает природа
и всем превосходит».

Так он подумал, а затем тигр убил его и съел. Поэтому я и говорю: «Путник, прельстившись браслетом...» и т. д.

Ни в коем случае нельзя поступать необдуманно.

Так говорится:

16. Хорошо переваренной пище,
хорошо обученному сыну,

Хорошо воспитанной жене,
хорошо оберегаемому царю,
Хорошо обдуманному слову,
хорошо рассчитанному делу —
Сколько бы ни прошло времени,
не грозит никакая порча».

Слушая все это, один голубь заносчиво воскликнул:
«О чем тут разговаривать!

17. Стариков хороши советы,
когда беда приключится;
А так — из-за их осторожности
и еды себе не добудешь.

Ибо:

18. Все на земле связано с риском:
с риском и ешь и пьешь.
Так что же: лучше бездействовать?
Иль вовсе, быть может, не жить?

Ведь так сказано:

19. Завистливый, страстный, гневный,
педовольный, всего опасющийся
И живущий чужой милостью —
вот шесть злосчастных существ».

Послушавшись этого голубя, остальные опустились
на землю.

Ибо:

20. Знатоки великих законов,
разрешители всех сомнений,
Многомудрые — все страдают,
если их ослепила корысть.

Тотчас все эти голуби попались в сеть, от которой охот-
ник протянул к себе бечеву. И тогда они принялись бра-
нить голубя, по совету которого опустились.

Так говорится:

21. Не иди во главе толпы: получишь
при успехе равную долю;
Если ж дело кончится неудачей,
предводителя убивают.

Услыхав, как ругают этого голубя, Читрагрива сказал:
«Нет здесь его вины.

Сказано ведь:

22. И благодетель может стать
причиной неприятностей:
Привязывают же телска
к поге коровы-матери.

И кроме того:

23. Друг тот, кто способен своих друзей
вызволить из несчастья,
А вовсе не тот, кто попрекает
случившиеся бедой.

Растерянность во время беды — признак жалкого существа. Будем же мужественны и подумаем о спасении.

Ибо:

24. Стойкость в беде, рассудительность в счастье.
Красноречье в собрании, храбрость в битве,
Скромность в славе, усердие в ученье —
Вот суть природы великих духом.

И кроме того:

25. Кто ищет успеха, пусть избегает
шести пороков:
Сонливости, лени, страха, гнева,
праздности и нерешительности.

Давайте сделаем так: соединим усилия и унесем эту сеть вместе с собою.

Ибо:

26. Единение с родичами сулит успех,
даже если они слабы:
Из зерна, если нет на нем шелухи,
никогда не поднимется колос.
27. Даже малыми силами,
действуя дружно, добьешься удачи:
Укротишь и бешеного слона
травой, сплетенной в веревку».

Послушавшись Читрагравы, птицы вместе с сетью разом поднялись в воздух. А охотник, увидев издали, как они уносят его сеть, побежал вслед за ними, так рассуждая:

28. «Соединив усилия, эти птицы
унесут мою сеть.
Но как только опустятся, снова
в моей окажутся власти».

Однако птицы вскоре скрылись из глаз охотника, и он повернул назад. Убедившись, что он ушел, голуби спросили у Читрагривы, что им теперь делать. И Читрагрива ответил:

29. «Трое: мать, друг и отец —
добры по своей природе.
Но если на то есть причина,
бывают добрыми и другие.

На берегу реки Гандаки живет мой друг — мышь по имени Хираньяка. Он разгрызет нашу сеть». Голуби подумали и решили лететь к Хираньяке.

Хираньяка жил в норе, из которой, опасаясь внезапной беды, сделал сотню выходов. Когда голуби опустились рядом, он испугался и затаился внутри норы. Но Читрагрива сказал: «Друг Хираньяка, отчего ты не встречаешь нас?» И тогда Хираньяка, услышав его голос и узнав его, в смущении вышел из норы и воскликнул: «Ах, как счастлив я видеть дорогого друга». Затем, увидев, что голуби связаны сетью, он на мгновение замер в изумлении и спросил: «Друг, что это с вами?» — «Что же иное, милый, как не расплата за дурные дела, совершенные нами в былых рождениях», — ответил Читрагрива. Услышав эти слова, Хираньяка поспешил к Читрагриве, намереваясь перегрызть на нем путы. Однако Читрагрива сказал: «Подожди, милый. Сначала перегрызи сеть на моих поддапных». Хираньяка возразил: «У меня мало сил, да и зубы не слишком крепки. Едва ли мне удастся перегрызть все эти веревки. Пока зубы мои не сломались, давай я разгрызу твои путы, а потом, если только смогу, примусь и за остальные». — «Так-то оно так, — сказал Читрагрива. — И все же, пока есть у тебя силы, освободи из сети других голубей». Хираньяка ответил: «Знатоки разумного поведения не одобряют заботы о подданных, когда из-за нее пренебрегают самим собою.

И кроме того:

30. Для добра и пользы, любви и спасения
один есть источник — жизнь.
Ее погубить — все погибнет,
ее сохранить — все сохранится.
31. На случай беды храни деньги;
оставь деньги ради жены;
Оставь и жену и деньги,
но сохрани себя самого.

Читрагрива сказал: «Таковы, действительно, друг, заповеди разумного поведения. Однако я не могу видеть моих подданных в беде.

И кроме того:

32. Ради другого пожертвует мудрый
и жизнью своей, и богатством:
Им все равно суждено погибнуть,
дар — их лучшее назначение.

Есть у меня и другая причина:

33. Все общее у них и у меня:
рождение, характер, сила.
Скажи, когда и чем я докажу,
что среди них я первый?

И еще:

34. Они не покидают меня,
заботятся о моем пропитании.
Так спаси же их, моих подданных,
пусть даже сам я погибну!

Далее:

35. Из мяса, мочи, нечистот и костей
состоит это бренное тело;
Оставь же, друг, заботу о нем,
побереги мою славу.

Смотри:

36. Если бы временным — вечного,
нечистым — чистого, телом — славы
Мы могли бы достичь, —
что было бы недостижимым?

Ибо:

37. Между телом и добродетелью
непроходимая пропасть:
Тело гибнет мгновенно,
добродетель пребывает вечно».

От удовольствия слышать такие речи у Хираण्याки вся шерсть поднялась дыбом, и, радуясь всем сердцем, он воскликнул: «Прекрасно, друг мой, прекрасно! За такую поистине отеческую любовь к своим подданным тебе уго-

тована власть над тремя мирами!» И он разгрыз путы на всех голубях, почтительно их приветствовал, а затем сказал: «Друг Читрагрива! Хотя вы и попались в сеть, тебе нечего корить себя за неосмотрительность.

Ибо:

37. Птица, которая видит добычу
за несколько сотен йоджан,
Когда время придет, не замечает
сетей, расставленных рядом.

И еще:

38. Когда я вижу, как Граха
мучит луну и солнце,
Как попадают в силки
слон или змея,
Как мудрецам приходится
жить одним подаянием,
Я думаю: нет на свете
ничего сильнее Судьбы!

И иначе:

39. Птицы и тогда попадают в беду,
когда в одиночестве иарят в небе;
Даже из бездонной пучины океана
искусные рыбаки достают рыбу.
Что проку в дурных или добрых поступках?
К чему добиваться почета?
Где бы ты ни был, Судьба тебя схватит
рукою, песущей несчастье».

Хираньяка оказал голубям радушный прием, а затем простился с Читрагривой, и тот полетел со своею свитой туда, куда и летел.

Между тем ворон Лагхупатанака, который был свидетелем всего происшедшего, в изумлении воскликнул: «Ах, Хираньяка, как не восхищаться тобой! Я хочу стать твоим другом». Услыхав эти слова, Хираньяка спросил из глубины норы: «Кто ты?» Тот ответил: «Я ворон, и меня зовут Лагхупатанакой». Хираньяка сказал, смеявшись: «Какая же дружба может быть между нами?

Ибо:

40. Мудрый сходится только с тем,
с кем подобает сходиться.
Я — пицца, ты — пожиратель пицци.
Какая уж тут дружба!

А также:

41. Быть несчастью, коль станут друзьями
кто ест и кого едят:
Лань в силки заманил шакал,
но спас ее ворон».

Лагхунатанака спрашивает: «Как так?» Хираньяка рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Есть в стране Магадхе лес по прозванию Чампакавати. Долгое время в нем жили в большой дружбе лань и ворон. Сытая и довольная, лань бродила по лесу, где ей вздумается, пока однажды не повстречалась с шакалом. Глядя на нее, шакал подумал: «Ах, как хорошо было бы отведать лакомого ее мяса! Что же мне делать? Попробую-ка заручиться ее доверием». Так решив, он подошел к лани и сказал: «Будь здорова, милая». Лань спросила: «Кто ты?» Он ответил: «Я шакал, и зовут меня Кшудрабуддхи. В этом лесу у меня пет друзей, и живу я в нем так, будто бы давно уже умер. Но если ты согласишься со мною дружить, то твоя дружба возвратит меня к жизни. С сегодняшнего дня я ни на миг не хочу с тобой разлучаться».

Когда зашло достославное светлое солнце, лань вместе с шакалом возвратилась в свое жилище. А рядом с этим жилищем, в ветвях дерева чампаки, жил приятель лани — ворон по имени Субуддхи. «Лань, милая, кто это с тобою?» — спрашивает ворон. Лань отвечает: «Это шакал. Он пришел сюда, желая подружиться с нами». Услышав это, ворон сказал. «Не следует доверять первому встречному.

Так говорятся:

42. Никому не предлагай крова,
не узнав его рода и права:
Виноват был кот, а убили
коршуна Джарадгаву».

Лань и шакал спрашивают. «Как так?» Ворон рассказывает:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

На берегу реки Бхагиратхи, на горе, прозванной Гридракута, растет большая смоковница. В ее дупле поселился коршун по имени Джарадгава, лишившийся по воле

алого рока когтей и глаз. Птицы, гнездившиеся на том же дереве, что и он, уделяли ему на пропитание крохи от своей еды, и этим он жил, сам охраняя детенышей птиц.

Однажды, желая полакомиться птенцами, к дереву подкрался кот по имени Диргхакарна. Почувствовав его приближение, птенцы испугались и громко запищали. А Джарадгава, услышав их писк, спросил: «Кто идет?» Заметив коршуна, Диргхакарна в страхе подумал: «Увы, я пропал. Слишком близко я подошел к нему и теперь уже не успею убежать. Однако будь что будет! Подойду к нему еще ближе». Так решив, кот приблизился к коршуну и сказал: «Почтенный, я смиренно приветствую тебя». «Кто ты?» — спросил коршун. — «Я кот». — «Тогда прочь отсюда! А не то я убью тебя». — «Сначала выслушай меня, — попросил кот, — а уж потом, если сочтешь, что я заслуживаю смерти, убивай».

Ибо:

43. Разве можно кого-нибудь убивать или чтить
только за одну породу?
Разузнай его прав и тогда решай:
казнить его или миловать».

«Говори», — приказал коршун. Кот сказал: «Я живу здесь, на берегу Гапга, постоянно совершаю омовения, не ем мяса, соблюдаю целомудрие и принял на себя обет чандраяну. Птицы, которым я всецело доверяю, все как одна восхваляют вас, называя знатоком добродетели. И вот, чтобы поучиться у вас, почтенного знаниями и возрастом, я и пришел сюда. А вы оказались настолько сведущи в добродетели, что меня, своего гостя, собираетесь убить! Между тем в чем добродетель хозяина дома?

44. Пусть даже враг к тебе в дом явился,
будь с ним приветлив;
В тени своей и дровосеку
дерево не откажет.

Даже если нет угощения, то и тогда, хотя бы дружеским словом, нужно почтить гостя.

Так говорится:

45. Трава для подстилки, земля, вода
да слово приветливое —
В этих дарах нет недостатка
в доме благочестивого.

И кроме того:

46. Должны добродетельные сострадать
даже недостойным.
Разве луна откажет в свете,
жилищу чаңдалы?

И еще:

47. Дваждырожденные чтут огонь,
все сословия — брахмана,
Жены — собственного супруга,
по везде почитают гостя».

«Однако коты — охотники до мяса, — возразил коршун, — а здесь живут птенцы. Поэтому я так говорю». На это кот, коснувшись лапами земли, а затем ушей, сказал: «Я прочел и изучил книги законов и принял на себя обет бесстрастия. И хотя между законами часто нет согласия, известно, что непричинение вреда — высший закон.

А также:

48. Кто никому не наносит вреда,
ко всем одинаково расположен
И каждому дать готов защиту, —
такой человек достоин неба.

И иначе:

49. Один только друг — добродетель —
не покидает нас после смерти;
Все остальное гибнет,
как гибнет и наше тело.
50. Если один поедает другого,
подумай о разнице между ними:
Для первого — минутная радость,
второй — расстанется с жизнью.

И еще:

51. «Мне предстоит умереть» —
в этой мысли столько страдания,
Что тот, кто с нею знаком,
даже врага пощадит.

Слушай же:

52. Насытиться можно одними плодами —
их сколько угодно в лесу.
Так кто же ради голодной утробы
на преступенье пойдет?»

Снискав такими речами доверие коршуна, кот поселился с ним в одном дупле. Спустя некоторое время он по-

пил, что коршун немощен, и стал ежедневно прокрадываться к птенцам, приносить их в дупло и съедать. Когда же кот увидел, что птицы, горюя и плача, принялись разыскивать своих детенышей, то выскочил из дупла и убежал. Между тем в своих поисках птицы обнаружили в дупле дерева кости птенцов. Они подумали, что птенов сожрал коршун, собрались всей стаей и убили его. Поэтому я и говорю: «Никому не предлагай крова...» и т. д.

Выслушав этот рассказ, шакал, рассердившись, сказал: «В день вашей первой встречи лань тоже не знала твоего рода и нрава. Отчего же с тех пор ваша привязанность друг к другу росла все больше и больше?

И еще:

53. «Свой он или чужой?» —
так рассуждают низкие помыслами.
Для благородных духом
весь мир — единая семья.

Поэтому для меня и эта лань — друг, и ты тоже». Лань сказала: «Не стоит препираться. Давайте жить все вместе и будем в дружеских беседах мирно коротать время». Ворон согласился.

По утрам все они расходились в разные стороны, кто куда хотел. Но однажды шакал сказал лани украдкой: «Милая лань, в этом лесу есть поле, засеянное зерном. И могу пойти и показать его тебе». Так они и сделали, и лань каждый день стала лакомиться зерном с этого поля. Но хозяин поля, заметив это, расставил на нем силки. И когда лань снова туда пришла, она в них попала. Запутавшись в силках, лань подумала: «Кто, кроме друга, способен освободить меня из этих гибельных сетей, подобных сетям Бога смерти?»

Тем временем и шакал пришел на поле. Присев неподалеку, он стал размышлять: «Вот и удалась моя хитрость. Теперь наверняка сбудется мое желание: как только ее убьют и разрежут на части, мне достанутся ее кости, да еще с кровью и мясом». Лань же, заметив шакала, обрадованно сказала: «Друг шакал, поскорей разгрызи мои силки и освободи меня.

Ибо:

54. Друга узнаешь в беде, героя в битве,
честного — при дележе,
Жену — потеряв имущество,
а родичей — в горе.

Шакал со всех сторон осмотрел силки и, решив, что они достаточно крепки, сказал: «Милая, эти силки сделаны из сухожилий. Могу ли я сегодня, в праздничный день, коснуться их зубами. Однако не вини меня, друг, раньше времени: завтра же я сделаю все, что ты скажешь».

На следующий день утром ворон заметил, что лань не возвратилась, и отправился на ее розыски. Когда он увидел, в какой она беде, он спросил: «Милая, что случилось?» Лань ответила: «Таков плод пренебрежения советом друга.

Так говорится:

55. Кто друзей, добра желающих,
советов не слушает,
Тот врагам доставляет радость,
а себе погибель».

«А где же шакал?» — спросил ворон. «Вон он стоит, поджидая моего мяса», — ответила лань. Ворон сказал: «Милая, я ведь тебе говорил:

56. Пусть вины за собой не знаешь,
другим доверять нет причины.
Даже достойным и честным людям
грозит от злодеев опасность».

Вздохнув, ворон крикнул: «Эй, обманщик! Что же ты, негодяй, наделал!

Ибо:

57. Можно ли в этом мире друзей обманывать,
С которыми ты разговаривал ласково,
Которых привлек добротою притворною,
На тебя надеющихся и тебе верящих?

И еще:

58. Как можешь ты, благая земля,
терпеть на себе предателя,
Чинящего зло покровителю,
доверчивому и искреннему!

Однако таков нрав злодея:

59. Он вьется вокруг ног,
а затем кусает в спину;
Тихо лапешет в ухо
нежную и красивую песню
И вдруг, высмотрев слабое место,
дерзко в него метит...
Да, все повадки злодея
те же, что у комара».

В то же утро с дубинкою в руке явился на поле его хозяин. Заметив хозяина, ворон сказал: «Милая, не двигайся, и притворись мертвой. А как только я подам голос, быстро подымайся на ноги и убегай». Когда, широко раскрыв от радости глаза, хозяин поля поглядел на лань, та, по совету ворона, притворилась мертвой. Хозяин подумал: «Ах, она уже сама сдохла», — и, развязав веревки, стал убирать силки. Тогда ворон каркнул, и лань, услышав его голос, быстро вскочила и убежала. Ей вслед охотник запустил дубинкой, но, хотя он и метил в лань, попал в шакала, и тот испустил дух.

Ведь так сказано:

60. Через три года, или три месяца,
или три недели, или три дня —
Но всегда пожинаешь плоды
и доброго и злого поступка.

Поэтому я и говорю: «Быть несчастьем, коль станут друзьями...» и т. д.

На это ворон отвечал:

61. «Да если б я даже и съел тебя,
несытным бы был такой обед.
Нет, безупречный, с тобой живым
я жить хочу, как живет Читрагрива.

А также:

62. Доверяют даже дикому зверю,
если дела его праведны;
И потому за добрый прав
верят тебе и Читрагриве.

И еще:

63. Сердце доброго не изменится,
пусть обойдутся с ним жестоко.
Нельзя поджечь океан воды
факелом из соломы.

Хираньяка сказал: «Твой характер непостоянен, а с непостоянными не следует вступать в дружбу.

Ведь так сказано:

64. Кот, бык, ворон, баран,
а также дурной человек
Помыкают теми, кто им доверяет.
Не может быть к ним доверия!

И кроме того, ты из числа моих врагов.

А известно:

65. Не заключай союза с врагом,
каким бы союз ни казался прочным.
Вода все равно затушит огонь,
какой бы она ни была горячей.

И еще:

66. Не бывать тому, чего не бывает,
только то, что бывает, сбывается:
Колесница не катится по воде,
а по суше не плавает лодка».

Лагхупатанака отвечал: «Все это я знаю, друг. И все-таки решение мое неизменно: или я стану тебе верным другом, или уморю себя голодом у входа в твою пору.

Ибо так:

67. Дружба со злым подобна чаше из глины:
легко разбить ее, но трудно склеить.
Дружба с добрым подобна чаше из золота:
разбить ее трудно, а сплавить просто.

И еще:

68. Металлы сходятся только при плавке;
звери и птицы — имея повод;
Глупцы — из-за страха либо алчности;
а добрые — испытав друг друга.

Зная это, ищешь дружбы с добрыми.

Ибо:

69. Добрые остаются добрыми
даже после разрыва дружбы:
Хотя и поломан стебель лотоса,
он держится на волокнах.

И еще слушай:

70. Честность, щедрость, мужество,
постоянство в беде и счастье,
Доброта, преданность, искренность —
вот достоинства друга.

Кого же другого мне желать в друзья, как не тебя, обладающего всеми этими свойствами!»

Тут Хираण्याка вышел из поры и сказал: «Слушая тебя, я словно бы испил амриты.

Так говорится:

71. Ни купанье в холодной воде,
ни ожерелье из жемчуга,
Ни втирание мази сапдаловой
так томимого зноем не радуют,
Как способна радовать добрых
с добродетельными беседа,
Притягательная и мудрая,
подобно священному гимну.

И иначе:

72. Неумение тайну хранить, докучливость,
грубость, непостоянство,
Двоедушие, вспыльчивость и зависть —
вот препоны для дружбы.

Пи одного из этих недостатков я не заметил в тебе за время нашего разговора.

Ибо:

73. Ум и искренность раснознаются
во время беседы,
А твердость воли и скромность
видны с первого взгляда.

И еще:

74. Одно дело — приветливость,
идущая от чистого сердца,
Другое — велеречивость того,
чей разум замазан ложью.

Да сбудется твое желание!»

Так подружились ворон и мышь. Заключив эту дружбу, Хираньяка угостил ворона отборными яствами, а затем удалился к себе в нору. Ворон же полетел в свое гнездо. С тех пор все дни они проводили вместе, угощали друг друга едой и расспрашивали о здоровье, обменивались подарками и дружески беседовали.

Однажды ворон сказал Хирапьяке: «Друг, в этих краях стало трудно добывать пищу. Поэтому я хочу улететь отсюда и искать другого пристанища». Хираньяка спросил: «Куда же, друг, ты направляешься?»

75. Мудрый, ступая одной ногой,
оставляет другую на месте.
Не разведав нового дома,
нельзя покидать старый».

Ворон ответил: «Есть, друг, место, которое я хорошо знаю». — «Где?» — спросил Хираньяка. Ворон сказал:

«В лесу Дапдака имеется озеро, прозванное Карпурагаурой. Там живет мой давний и верный друг — черепаха по имени Мантхара, воплощенная добродетель.

Ибо:

76. Наука учить другого
доступна всем людям;
Быть самому добродетельным —
удел немногих великих.

Вот Мантхара и будет меня потчевать отборной рыбой». — «А что же я буду делать, оставшись здесь один? — спросил Хирапьяка.

Ибо:

77. Страну, где ты не имеешь
ни почета, ни друзей, ни родичей,
Где закрыт тебе путь к знанию —
Такую страну покинь!

И кроме того:

78. Заимодавец, царь, река,
ученый, лекарь —
Где этих нет пяти —
там жить не стоит.

Потому возьми меня с собой».

Спустя некоторое время, коротая путь в приятных беседах, ворон со своим другом благополучно добрались до озера Карпурагауры. Завидев их издали, Мантхара вышла навстречу, приветливо приняла Лагхупатанаку, да и мышцу, как гостя, выказала должный почет.

Ибо:

79. Кто бы в дом ни пришел —
старец, юноша или ребенок —
Всех с почетом прими:
всякий гость — хозяин.

Ворон сказал: «Друг, окажи моему спутнику особое уважение. Это — царь мышей по имени Хираньяка, оплот благочестия, океан сострадания. Достоинно воспеть его добродетели способен разве что владыка змей Шеша с его тысячью языками». И сказав так, он поведал черепахе о случае с Читрагравой. Мантхара почтительно приветствовала Хираньяку, а затем попросила: «Не можешь ли ты рассказать, дорогой друг, по какой причине ты оказался в безлюдном лесу». Хираньяка ответил: «Хорошо, я расскажу. Слушай.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Есть в городе Чампе обитель нищенствующих монахов. Жил в ней один монах по имени Чудакарна. Ложась спать, он имел обыкновение вешать на слоновий бивень свою чашу для подаяния, в которой всегда оставалось немного еды, собранной им, когда он просил милостыню. А я взбирался на бивень и подъедал эти остатки. Однажды пришел к Чудакарне его добрый приятель, монах по имени Винакарна. Пока они беседовали о разных вещах, Чудакарна то и дело постукивал бамбуковой тростью, чтобы меня отпугнуть. Вот Винакарна и спрашивает: «В чем дело? Ты не слушаешь, что я говорю, и всецело занят чем-то посторонним». — «Я слушаю, дорогой, — отвечает Чудакарна. — Но посмотри на эту мышь, которая, насмехаясь надо мною, постоянно ворует у меня из чаши еду». Винакарна взглянул на слоновий бивень и сказал: «Как может мышь, у которой так мало сил, так высоко взбираться? Тому должна быть какая-то причина.

Так говорится:

80. С чего бы юной жене,
притянув за волосы старого мужа,
Целовать и ласкать его пылко?
Должна быть тому причина».

Чудакарна спрашивает: «Как так?» Винакарна рассказывает:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Есть в стране Гауда город по названию Каушамби. Жил в нем некий очень богатый купец по имени Чанданадаса. Хотя был он уже старик, сердце его воспылало любовью, и, чванясь своим богатством, он женился на дочери другого купца, которую звали Лилавати. Совсем юная, она казалась воплощением победоносного знамени Бога любви, и муж-старик был ей в тягость.

Ибо:

81. Как месяц не радует дрожащих от холода,
а солнце — томящихся от жары,
Так муж, чьи чувства притуплены старостью,
не радует сердце женщины.

А также:

82. Какая уж тут любовь,
когда у мужа седые волосы!
Жена его терпит, как лекарство,
и думает о другом.

Старик же был влюблен в Лилавати сверх всякой меры.

Ибо:

83. Каждому, кто живет,
дороги жизнь и богатство;
Но старику молодая жена
дороже, чем жизнь.

И еще:

84. Ни наслаждаться, ни бросить улады
не может старец;
Он — словно беззубый пес,
который лишь лижет кость.

И вот эта Лилавати, в молодой дерзости преступив семейные законы, сошлась с неким купеческим сыном.

Ибо:

85. Своеволие, пребывание в доме отцовском,
посещение празднеств,
При мужчинах развязность в манерах,
жизнь на чужбине,
С куртизанками частые встречи,
потеря достатка,
Старость мужа, злословие, зависть —
вот причины падения женщин.

А также:

86. Вино, дурное знакомство,
разлука с мужем, чужбина,
Сон и жизнь не в своем доме —
вот шесть пагуб для женщин.
87. При виде красивого юноши,
будь это брат или сын,
У женщин влажнеют губы,
как глина от воды.

И еще:

88. Если нет времени, или места,
или любовника подходящего,
Только тогда, о Нарادا, женщины
остаются верными мужу.
89. Говорят, что даже женам богов
неведомо постоянство,
И только тогда муж счастлив,
Когда жена под присмотром.

А также:

90. Женщина — горшок с топленным маслом,
мужчина — горячие угли;
Старайся держать горшок и огопь
Подальше друг от друга.

И кроме того:

91. Да охраняют женщину
в детстве — отец,
В юности — муж, в старости — дети:
не для нее свобода!

Однажды Лилавати с купеческим сыном удобно расположились на украшенной разноцветным жемчугом кушетке и нежно болтали. Вдруг она увидела, как тихо подходит муж. Тогда Лилавати быстро вскочила, пылко обняла мужа, притянула к своим губам за волосы его голову и принялась целовать. Тем временем любовник скрылся. Однако бывшая поблизости сводня, глядя на эти объятия, подумала: «Тут не без причины». Вскоре она узнала, что причиной был любовник, сообщила об этом властям, и Лилавати была наказана.

Потому-то и я говорю, что должна быть какая-то причина, отчего у этой мыши столько сил». И подумав немного, Винакарна добавил: «А причиной в подобных случаях обычно бывают деньги.

Ибо:

92. Всегда, везде и во всем
силен богач в этом мире;
Ведь даже царская власть
имеет корнем богатство.

Затем этот монах взял лопату, разрыл мою нору и отобрал у меня все добро, скопленное за долгое время. С тех пор я лишился сил, утратил мужество, усердие и даже способность сам себе добывать еду.

Глядя, как, полный страха, я медленно-медленно отползаю в сторону, Чудакарна сказал:

93. «Богатством всякий силен,
богатство любого делает мудрым.
Смотри: теперь эту жалкую мышь
не отличишь от ее сородичей.
94. Если тот, у кого немного ума,
вдруг лишится богатства,
Гибнут все его начинания,
как ручьи в летний зной.

А также:

95. У кого деньги — у того друзья,
у кого деньги — у того родичи,
У кого деньги — тот человек,
у кого деньги — тот и ученый.

И иначе:

96. Пуст дом без сына
и доброго друга,
Пусто сердце глухца,
для бедняка же — все пусто.

И еще:

97. Не ослабели чувства и то же, что было, имя,
Не повредился разум и те же, что были, речи,
Но этот же человек, лишившись блеска богатства,
Мгновенно стал другим. Разве это не странно!»

Слушая все это, я рассудил, что теперь мне нет смысла оставаться на прежнем месте, да и рассказывать о случившемся кому-нибудь постороннему тоже не следует.

Ибо:

98. Разумный старается скрыть
потерю имущества,
Бесчестие, унижение,
сердечную боль и ссору.

Так говорится:

99. Когда отвернется судьба
и бесплодны старанье и мужество,
Где же, как не в лесу,
ищет счастья бедный, но мудрый?

А также:

100. Мудрый охотней умрет,
чем будет взывать к состраданию.
Огопь скорее потухнет,
чем станет холодным.

И еще:

101. У мудрого, как у цветка,
есть только два пути:
Украсить чью-либо голову
либо увянуть в лесу.

А жить подаянием — нет ничего постыдней.

Ибо:

102. Лучше, лишившись имущества,
предать свое тело огню,
Чем помощь просить у скряги,
лишенного сострадания.

И кроме того:

103. Бедность рождает стыд,
стыдящийся — теряет мужество,
Немужественный — терпит унижение,
униженного — все отвергают,
Отвергнутый — впадает в отчаяние,
отчаявшийся — лишается разума,
Лишившийся разума — гибнет.
Да, бедность — источник всех бед!

И еще:

104. Лучше молчать, чем говорить неправду,
Лучше бессилие, чем связь с чужой женой,
Лучше умереть, чем радоваться клевете,
Лучше милостыня, чем жить за счет другого.

А также:

105. Как услуженье губит честь, а старость — красоту,
как луный свет уничтожает тьму,
А возглас «Харихара!» — беды,
так попрошайничество губит добродетель.

О горе! — думал я. — Иеужели мне придется есть чужой хлеб? Ведь это вторые врата смерти.

Ибо:

106. Ученость легковесная, любовь,
за деньги купленная,
Еда из рук чужих — вот три причины
бесчестия мужского.

И иначе:

107. Для больного, для изгнанника,
для живущего в чужом доме,
Для кормящегося подачками
жизнь — это смерть, а смерть — избавление.

Так я рассуждал, но из жадности вновь попытался поживиться чем-нибудь из добра этих монахов.

Сказано ведь:

108. Жадность омрачает разум,
жадность порождает страсть,
А одержимый страстью бедствует
и здесь, и в другом мире.

За это Винакарна ударил меня бамбуковой тростью. И тогда я подумал: «Кто жаден и ничем не довольствуется, вредит самому себе.

Так ведь:

109. Всё во благо тому,
чей разум доволен малым:
Для ноги, обутой в башмак,
земля покрыта кожей.

И иначе:

110. Счастливы те, кто покоен сердцем
и вкусил нектар безразличия;
Откуда счастье у алчущих денег
и суетливо мечущихся?

И еще:

111. Тот все понял, постиг все
и все совершил,
Кто спиной повернулся к надежде
и ничего не желает.

А также:

112. У того счастливая жизнь,
кто порога богачей не обивал,
Горечи разлуки не ведал
и не говорил униженного слова.

Ибо:

113. Даже сто поджан не даль для того,
кого гонит вперед алчность,
А довольный отвергнет и то добро,
что само идет ему в руки.

Всегда лучше принимать то решение, которое соответствует обстоятельствам.

114. В чем добродетель? — В сострадании к живому.
В чем счастье? — В нерушимом здоровье.
Что такое любовь? — Отзывчивость души.
Что есть мудрость? — Верное решение.

И так:

115. Ради семьи оставь одного человека,
ради общины — семью,
Ради отчизны — общину. Оставь и отчизну
ради себя самого.

А также:

116. Идти ли на риск ради еды обильной
или, забот не зная, пить одну воду?
Вижу, подумав, что только в довольстве малым
и состоит то, что называют счастьем».

Так рассудив, я ушел в безлюдный лес. И вот за добрые дела в былых рожденьях мне выпало счастье встретить преданного друга. А затем — еще один плод этих добрых дел — я, будто небо над головою, обрел твое покровительство.

Ибо:

117. На ядовитом древе круговорота рождений
есть только два подобных амрите плода:
Сладкий сок бессмертной поэзии — первый,
встреча с людьми добродетельными — второй».

Мантхара сказала: «Твоя вина в том, что ты хотел скопить побольше добра.

118. Только раздав, можно сберечь
накопленное богатство;
Так в водоеме копят воду,
чтоб оросить ею поля.

И еще:

119. Кто хочет копить богатство,
губит свое счастье:
Сосуд страдания, ради других
несет он тяжкую ношу.

А также:

120. Если богач не дарит деньги
и сам их не тратит,
То чем же и мы не богачи?
И у нас такое богатство.

И еще:

121. Если скряга денег своих не тратит,
он нисколько других не богаче;
Лишь по горю его, когда деньги исчезнут,
понимаешь, кто был их владельцем.

Так говорится:

122. Или человек оставляет богатство,
или богатство оставляет человека —
Так зачем же, откуда, скажи, о брахман,
у людей эта жажда богатства?
Четыре вещи труднодоступны людям:
дар, подаренный с добрым словом,
Знание без гордыни, терпеливое мужество
и богатство в союзе с щедростью.

Сказано ведь:

123. Всегда хорошо иметь запасы,
но не делай их слишком большими;
Смотри: из-за привычки копить
шакал убил себя луком».

Хирапьяка спросил: «Как так?» Мантхара рассказывает:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Жил в Кальянакатаке охотник по имени Бхайрава. Однажды, влекомый злыми помыслами, бродил он в чаще леса Виндхья. Сначала ему удалось убить лань, а когда, подобрав лань, он пошел дальше, то заметил страшного на вид кабана. Положив лань на землю, охотник смертельно ранил кабана своей стрелой. Но прежде чем умереть, кабан с протяжным и грозным ревом бросился на охотника и ударил его рогом в пах, так что тот рухнул на землю, словно подрубленное дерево.

Ибо:

124. Вода это или огонь,
голод, болезнь, меч или паденье с горы —
Причина всегда найдется,
и человек расстается с жизнью.

Между тем по воле судьбы в тех же местах рыскал в поисках корма некий шакал по имени Диргхарава. Увидев лань, кабана и охотника, он подумал: «Ну и добыча мне досталась!

Что и говорить:

125. К смертным всегда приходит удача
так же внезапно, как и несчастье.
Знаю: одна Судьба — владыка
всему, что есть в этом мире.

Ладно, мне па пропитание мяса здесь хватит с избытком
больше чем на месяц. А пока, чтобы утолить первый голод,
начну с самого певкусного: с тетивы, скрепляющей концы
лука». Сказано — сделано. Однако едва он перегрыз тетиву,
как лук мгновенно распрявился, ранил своим острым
концом Диргхараву в сердце, и тот испустил дух.

Поэтому я и говорю: «Всегда хорошо иметь запасы...»
и т. д.

И еще:

126. То, что он дарит, и то, что ест,—
в этом и есть богача богатство.
А когда умирает он, другие
и жепой его тошатся, и деньгами.

Однако довольно. К чему упрекать себя за прошлое?
Ибо:

127. Люди мудрые и ученые
не желают недостижимого,
Не оплакивают потерянного,
не теряются в несчастьях.

Что бы ни случилось, друг, нельзя бездействовать.
Ибо:

128. Можно знать науки и быть дураком.
Только тот мудр, кто деятелен.
Большого едва ли вылечишь
Одним лишь названьем лекарства.

А также:

129. Для того, кто боится думать,
Бесполезны мудрые наставленья.
Разве лампа поможет видеть слепому,
Хотя бы держал он ее в руке?

Поэтому, друг, пужно радоваться, как бы ни складывались
твои дела.

И не следует так думать:

130. Место свое покидая, теряют блеск
зубы и волосы, люди и погги.
Зная это, мудрец никогда
не покинет своей страны.

.

Ибо:

133. Как к болоту — лягушки,
к полноводному озеру — рыбы,
Так к решительному человеку
устремляются удачи.

И еще:

134. Пестуй выпавшую удачу,
побеждай случившуюся беду:
Удачи и беды смеяются друг друга,
как спицы в крутящемся колесе.

И иначе:

135. К исполненному усердия,
не медлящему в решениях,
Знающему, как поступать,
лишенному пороков,
Храброму, справедливому,
постоянному в дружбе —
Неприменно приходит Лакшми
и с ним остается.

А особенно:

136. Героя, хотя бы был он бедняк,
чтят высоко.
Труса, пускай он набит деньгами,
все презирают.
Разве собаке даст золотой ошейник
величие льва,
Которым льва за его же достоинства
наградила природа?

И еще:

137. Стоит ли радоваться богатству,
отчаиваться, когда оно гибнет?
Люди взлетают вверх и падают,
как мяч, подброшенный рукою.

Знай:

138. Облака тень, недостойного дружба,
осени ранней плоды
Радуют нас ненадолго, и также —
женщины, юность и деньги.

И еще:

139. Не слишком заботься, как тебе жить:
об этом подумал Творец;
Едва лишь родится ребенок, у матери
грудь полна молока.

И кроме того, послушай, друг:

140. Тот, кто сделал гусей белыми,
попугасов желтыми,
А навлинов пестрыми,
укажет и мне дорогу жизни.

Слушай, друг, и это сокровенное знание добрых:

141. Богатство мучит, когда его домогаешься,
терзает, когда его утратишь,
Туманит разум, когда оно есть.
Какая же радость от богатства?
142. Чем желать богатства, ради добродетели
лучше им пренебречь:
Лучше держаться поодаль от грязи,
чем с себя потом ее счищать.
143. Птицы пожирают добычу в пеще,
звери — на земле, рыбы — в море;
Так же охотятся повсюду
за тем человеком, кто богат.
144. Как живые существа боятся смерти,
так богатый боится всего:
Царя, воды, огня, воров
и даже собственных родичей.
145. В жизни много несчастий,
но нет несчастья хуже желания,
Которое ничем не насытишь
и которое никогда не иссякнет.

И еще, брат, слушай:

146. Богатство трудно добыть,
добыв — нельзя сохранить,
А потеря его — хуже смерти.
Зачем же желать богатства?
147. Кто был бы бедняк и кто богат,
если б не знать корысти?
Но только дашь ей в себе расцвести —
наденешь ярмо рабства.
148. Чем больше желаешь,
тем больше растут желания.
Желанную цель обретишь,
когда откажешься от желаний.

Однако к чему столько слов! Если я тебе по сердцу, то
оставайся здесь, со мною, как хочешь долго.

Ибо:

149. Великодушных дружба
копчается только со смертью,
Гнев утихает в одно мгновение,
а щедрость не знает корысти.

Подумай об этом и брось оплакивать свою потерю».
Выслушав эти слова, Лагхупатанака сказал: «Сколь
счастлива ты, дорогая! На твои достоинства всегда и во
всем можно положиться.

150. Для добрых в любой беде
лодка спасения — добрые.
Если слоны увязнут в трясине,
их вытащат только слоны.
151. Только тот на земле достоин хвалы,
Тот лучше всех исполняет долг,
От кого просители и ищущие защиты
Не уходят, потупившись и потеряв надежду».

Так ворон, мышь и черепаха стали жить вместе и, разгуливая по лесу, где им вздумается, были довольны и счастливы.

Однажды, чем-то напуганная, прибежала к ним лань по имени Читрангада. Полагая, что вслед за нею явится и тот, кто ее испугал, Мантхара скрылась в воде, мышь юркнула в пору, а ворон взлетел на дерево и сел на его верхушку. Оттуда Лагхупатанака оглядел всю округу, но не заметил никакой опасности. Тогда по его слову все снова сошлись вместе, и Мантхара сказала Читрангаде: «Добро пожаловать, лань. Здесь ты найдешь еды для себя сколько угодно. Оставайся с нами и будь покровительницей этого леса». Читрангада отвечала: «Меня напугали охотники, и я прибежала к вам в поисках защиты. Я хочу подружиться с вами». Хирапьяка сказал: «Нашей дружбе с тобой ничто не мешает:

152. Есть четыре рода друзей:
сходный правом,
Близкий делом, родной по крови
и спасенный от бедствий.

Потому оставайся здесь, как если бы это был твой собственный дом». Обрадованная этими словами, лань наелась и напилась вволю, а затем прилегла недалеко от воды, в тени дерева. Мантхара спросила: «Милая лань, кто же напугал тебя в этом пустынном лесу? Разве охотники когда-нибудь сюда забредают?» Лань ответила: «Есть в стране Калинге царь по имени Рукмангада. Отправившись на завоевание мира, он разбил лагерь на берегу реки Чандрабхаги. А из разговоров охотников я узнала, что уже завтра к утру он должен быть здесь, у озера Карпурагауры. Думаю, что его приход опасен для нас и нам следует хорошенько подумать, что делать». Черепаха в страхе сказала: «Я хочу перебраться в другое озеро». Ворон и лань согласились с нею: «Так и сделаем». А Хирапьяка подумал и сказал: «Мантхара будет вне опас-

ности, когда перейдет в другое озеро. Но как ей уберечь себя, пока ей придется ползти по суше?

Ибо:

153. Опора живущих в воде — вода,
живущих в крепости — крепость;
Опора воинов — государь,
опора царей — войско.

Друг Лагхупатанака, если решать опрометчиво,

154. Будешь несчастным, как сын купца,
который своими глазами
Увидел, как грудь его жены
чужая рука ласкает».

Ворон, черепаха и лань спросили: «Как так?» Хирапьяка рассказывает:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Есть в стране Каньякубдже царь по имени Вирасена. Он назначил своим наместником в город Вирапуру некоего раджпута по имени Тунгабала. Однажды, гуляя по городу, Тунгабала, богатый и юный, встретил жену одного молодого купца, которую звали Лаваньявати и которая только что вступила в пору расцвета своей красоты. Тунгабала, чей разум затуманила страсть, вернувшись во дворец, тотчас же послал к Лаваньявати сводню. Да и сердце Лаваньявати было ранено стрелою Бога любви: с того момента, как она увидела раджпута, она только о нем и думала. Ведь так сказано:

155. Нет, кого бы женщины не любили,
и нет, кого бы они любили.
Они — как коровы в лесу, что ищут
все повой и повой травы.

Однако, выслушав сводню, Лаваньявати так ей отвечала: «Я своему мужу верная жена.

Ибо:

156. Та жена, кто хозяйка в доме;
та жена, кто имеет детей;
Та жена, кто любит супруга;
та жена, кто ему верна.
157. Не зовется женою та жена,
что не хочет радовать мужа;
Муж жене — надежный оплот,
и свидетель их верности — Агни.

А потому все, что ни приказывает мне владыка моей жизни, я выполняю без тени колебания». Сводня переспросила: «Это правда?» И Лаваньявати подтвердила: «Сущая правда». Когда сводня возвратилась к Тунгабале и все ему пересказала, тот спросил: «Как же теперь быть?» — «Нужно сделать так, чтобы сам муж привел ее и отдал тебе». — «Но разве это возможно?» — «Возможно, — ответила сводня, — если прибегнуть к хитрости.

Так говорится:

158. Хитростью добьешься того,
чего не добьешься силой:
Выбрав дорогу топкую,
шакал погубил слона».

Радикнут спросил: «Как так?» Сводня рассказывает:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

В лесу Брахмы жил слон по имени Карпуратилака. Глядя на него, шакалы мечтали: «Если бы с помощью какой-нибудь хитрости удалось его умертвить, мы смогли бы месяца четыре питаться его тушей». Тут один шакал пообещал: «Я погублю его. У меня на это хватит ума». И сразу же этот мошенник отправился к Карпуратилаке, пал перед ним ниц и почтительно проговорил: «Божественный, удостой меня милости — взгляни на меня». Слон спросил: «Кто ты и откуда пришел?» Тот отвечал: «Я шакал. Все обитатели леса, собравшись вместе, послали меня к тебе вестником. Жить без царя нельзя, а ты обладаешь всеми качествами истинного государя, и они решили помазать тебя на царство в этом лесу.

Ибо:

159. Тому, кто высокого рода,
могуч, добродетелен,
Обычаем верен, в законах следущ,—
и быть на земле государем.

И иначе:

160. Сначала нужно найти царя,
затем жену, затем богатство.
Пока человек не имеет царя,
откуда жепа, откуда богатство?

А также:

161. Подобно дождю, государь —
опора земных существ;
Но при слабом дожде проживешь,
а при слабом-царе — не жить.

И еще:

162. На земле предел своеволию
положен страхом возмездия;
И трудно найти такого,
кто был бы добр по природе.
Из страха быть наказанной
благородная даже женщина
Пойдет за калеку безродного,
за больного, за бедняка.

Так вот, не упускай благоприятного случая, соглашайся на помазание и поскорее приходи к нам». Так сказав, шакал поднялся на ноги и пошел прочь. А Карпуратилака, которому не терпелось стать царем, побежал вслед за ним и вскоре увяз в глубокой трясине. «Шакал, друг мой, — закричал слон, — что мне делать? Я попал в трясину». А шакал, усмехаясь, ответил: «Попробуй ухватиться за мой хвост, друг; может, и вылезешь. Зачем было верить моим словам?

Ведь так сказано:

163. Если окажешься среди праведных,
будет тебе праздник.
Если же к людям дурным попадешь,
вскоре сам пропадешь».

Поэтому я и говорю: «Хитростью добьешься того...» и т. д.

И вот, по совету сводни, раджпут сделал купеческого сына Чарудатту, мужа Лаваньявати, своим слугою и поручил ему дела, требующие особого доверия.

Однажды, искупавшись и умастив свое тело благовониями, раджпут надел на себя украшения из драгоценных камней и золота и сказал Чарудатте: «В течение месяца я буду исполнять обет, который дал богине Гаури. Согласно обету, каждую ночь, начиная с сегодняшней, приводи ко мне какую-нибудь молодую и родовитую женщину. Я буду обходиться с нею с положенным ей почтением». В ту же ночь Чарудатта привел к нему молодую женщину, такую, какую раджпут требовал, а сам, спрятавшись, стал

подсматривать, что тот будет делать. Оказалось, что Тунгабала даже не коснулся приведенной женщины, одарил ее одесждой, украшениями, благовонными мазями и сандалом, а затем, дав охрану, отпустил. Купеческий сын, у которого от жадности помутился рассудок, доверившись раджапуту, на следующую ночь привел к нему свою собственную жену. Однако едва только Тунгабала завидел любезную его сердцу Лаваньявати, как в волнении пошел ей навстречу, крепко обнял, а затем, закрыв глаза от прилива страсти, увлек к себе на ложе. Глядя на них, купеческий сын застыл в оцепенении, словно нарисованный, и, не зная что предпринять, предался глубокой скорби.

Поэтому я и говорю: «Несчастливым будешь, как сын купца...» и т. д. И с тобой, Маптхара, такое же может случиться».

Но черепаха не обратила внимания на благоразумный совет и, сбитая с толку великим своим страхом, покинула свое жилище у озера и поползла прочь. А друзья ее во главе с Хираньякой пошли вслед за нею.

Вскоре Маптхару поймал некий охотник, блуждавший по лесу. Он поднял ее, привязал к луку и отправился с нею домой, поскольку сам был измучен ходьбою, голодом и жаждой. Лань, ворон и мышь, горюя, последовали за ним. Хираньяка сказал:

164. «Не успел я выбраться из одной беды —
Будто переправившись через пучину, —
Как меня постигла другая. К слабым
Не приходят несчастья в одиночку!
165. Тот верный друг,
 посылаемый нам судьбой,
Кто даже в беде
 не изменит истинной дружбе.
166. Ни к матери, ни к жене, ни к брату,
 ни даже к себе самому
Нет у людей такого доверия,
 как к близкому другу».

Немного помолчав, Хираньяка продолжал:

167. «Спустя недолгое время
 то радостью, то бедой
Возвращаются к нам обратно
 наши же деянья.
Много в жизни пришлось
 видеть мне перемен,
Похожих на круговорот
 бескопечных рождений.

Или так еще:

168. Тело подвержено тлею,
счастье чревато несчастьем,
Встреча ведет к разлуке,
все рожденное — гибнет.

Ах!

169. Кто сотворил это сокровище,
защиту от боли, горя и страха,
Любви и доверия средоточие —
два эти слога: друж-ба!

И еще:

170. Друга, кто был бы любви источником,
усладой глаз, сосудом разума,
Кто был бы рядом и в горе и в радости —
такого друга трудно пайти.
Зато повсюду много друзей,
что льнут к тебе в жажде денег,
Если видят тебя в довольстве.
Пробный камень их дружбы — беда!»

Долго так сетовал Хираньяка, а потом сказал Читрангаде и Лагхупатанаке: «Пока охотник не вышел из леса, нам нужно попытаться освободить Мантхару». Те отвечали: «Говори скорее, что делать». Хираньяка сказал: «Пусть Читрангада подойдет к воде и уляжется неподвижно, притворившись мертвой. А ворон пусть сядет на нее и начнет легонько ее клевать. Охотник, польстившись на мясо лани, конечно же, бросит черепаху и поспешит к Читрангаде, а в тем временем перегрызу на Мантхаре веревки». Читрангада и Лагхупатанак тут же так и сделали, как он сказал, и вскоре, когда уставший охотник присел, чтобы напиться воды, он вдруг увидел лань, выглядевшую мертвой. Обрадовавшись, охотник взял нож и направился к лани, а Хираньяка, не теряя времени, перегрыз на черепахе веревки, и та уползла в воду. Лап же, едва охотник к ней приблизился, вскочила на ноги и убежала. Охотник повернул назад, но когда он возвратился на прежнее место, черепахи там уже не было. Тогда он подумал: «Поделом мне за мое безрассудство.

Ибо:

171. Кто, бросив верное дело,
погонится за неверным,
Неверного не получит,
да и упустит верное».

Затем, простившись по воле судьбы со всеми своими падеждами, он уселся на соломенную циновку. А Мантхара и ее друзья, избавившись от бед, возвратились к себе домой и жили с тех пор счастливо.

Выслушав этот рассказ, царевичи радостно сказали: «Если все они стали счастливы, то тем самым исполнилось и наше желание». А Вишнушарман добавил: «Так же как это ваше желание, пусть сбудутся и другие:

172. Да обретете вы преданных друзей;
да пребудет вместе с народом Лакшми;
Да охраняют землю цари,
всегда соблюдающие свой долг;
Пусть радуется, как молодая жена,
сердца благих поведение разумное;
Пусть счастьем людей наградит Владыка,
украшивший голову полумесяцем!»

ВТОРАЯ КНИГА

Ссора друзей

Затем царевичи сказали: «Почтеем, итак, мы узнали о приобретении друзей. Теперь мы хотим услышать о ссоре друзей». Вишнушарман отвечал: «Что ж, слушайте о ссоре друзей. И вот первое двустипшие этой истории:

1. Между могучим львом и быком
в лесу все больше дружба росла,
Но дружбу эту погубил
коварный и жадный шакал.

Царевичи спрашивают: «Как так?» Вишнушарман рассказывает:

Есть в Дакшинапатхе город под названием Суварна. В нем жил купец по имени Вардхамана. Много было у него богатств, но, видя, что родичи его еще богаче, он задумал приумножить свое добро.

Ибо:

2. Кто смотрит только вниз,
тот никогда не возвысится,
А кто глядит лишь вверх,
останется бедняком.

А также:

3. Богатый, будь он убийцей брахмана,
все равно окружен почетом;
Бедняка же все презирают,
будь он родовит, как луна.

И иначе:

4. Сторонится Лакшми ленивого, праздного,
уповающего на судьбу, трусливого,
Точно так же, как молодая жена
сторонится старого мужа.

И еще:

5. Лениость, женолюбие, слабое здоровье,
боязнь расстаться с отчизной,
Довольство собою, а также трусость —
вот шесть преград для величия.

Ибо:

6. Полагающему, что он всего достиг,
если ему хоть раз улыбулась удача,
Судьба уже выплатила свой долг
и не приумножит его счастья.

А также:

7. Праздный, малодушный, робкий,
доставляющий радость врагам —
Да не родится подобный сын
ни у кого из женщин!

Ведь так сказано:

8. Неприобретенное — приобретай,
приобретенное береги неусыпно,
Сбереженное — приумножь,
приумноженное раздай достойным.

Ибо если не желать того, чего у тебя нет, и не прилагать усилий — ничего не приобретешь; если не беречь приобретенного — оно погибнет само собою; если не приумножать богатства — оно, подобно туши на глазах, со временем понемногу исчезнет; если же им не пользоваться, то зачем вообще оно нужно?

Так говорится:

9. Зачем тому деньги,
кто не дает и не тратит?
Зачем тому сила,
кто не ищет борьбы с врагами?
Зачем тому знание,
кто не пестует добродетель?
Зачем тому разум,
кто чувствами не владеет?

И иначе:

10. Видя, как исчезает тушь на глазах
и как растет муравейник,
Не трать попусту ни одного дня —
раздавай дары и копи знания!

Ибо:

11. Капли, падая одна за другой,
постепенно кувшин наполняют;
И так же полнится все на свете:
добродетель, богатство, знание.

Так рассудив, он запряг в ярмо двух быков, которых звали Нандака и Сандживака, нагрузил повозку всевозможными товарами и отправился торговать в Кашмир.

Ибо:

12. Какая ноша непосильна сильным,
какая даль далека для решительных,
Есть ли чужая страна для знающих,
откуда враги у приветливых!

Но когда он проезжал через большой лес, зовущийся Дурга, бык Сандживака упал и сломал себе ногу. Глядя на него, Вардхамана подумал:

13. «Пусть эпиток разумного поведения
принимает любое решение:
Иного не даст оно плода,
чем тот, что назначен судьбою.

Однако:

14. Всегда избегай сомнений:
они помеха в делах;
Где можно добиться успеха,
добивайся, отбросив сомнения».

Так подумав, Вардхамана бросил Сандживаку и поехал дальше. А Сандживака кое-как поднялся, опираясь на три ноги, и остался жить в лесу.

Ибо:

15. Жизни назначенный срок
охранит даже слабого телом
От укуса змеи, падения с горы
или гибели в океане.

Шли дни. Вволю наслаждаясь едой и покоем, Сандживака бродил по лесу, где ему вздумается, и громко мычал, потому что стал сильным, жирным и веселым. Между тем в этом же лесу жил лев по имени Пингалака, который силою собственных лап добился царской власти.

Как говорится:

16. Звери не коронуют льва
и не вершат помазанья;
Власть над ними — его право,
добытое его доблестью.

Однажды, томимый жаждой, лев пошел на берег реки Ямуны напиться воды. Там он услышал рев Сандживаки, такой грозный, как будто бы он возвещал внезапный конец мира, и подобного которому он никогда не слышивал раньше. Заслышав этот рев, лев в испуге бросил пить воду и, дрожащий, возвратился к себе в берлогу. Его смятение заметили два шакала, Каратака и Даманака, сыновья его министров. Глядя на льва, Даманака сказал Каратаке: «Друг Каратака, отчего это наш господин хотел пить — и не напился, да к тому же сделался таким тихим и вялым?» — «Друг Даманака, — отвечал Каратака, — думаю, нечего об этом тревожиться. Стоит ли нам размышлять о поведении господина? Ведь государь наш давно уже пренебрегает нами и доставляет нам множество огорчений.

И кроме того:

17. Взгляни, что делает служба со слугами,
которые служат за деньги:
Глупцов она лишает их права
владеть даже собственным телом.
18. Холод, ветер, зной и иные муки
терпит тот, кто другому служит;
Половина мук таких мудрецу
принесла бы успех в покаянии.
19. Лишь тогда имеет смысл рождение,
когда сам себе человек хозяин.
Если ж слуг бесправных считать живыми,
то кого называть мертвым?

И еще:

20. «Подойди! Ступай! Ложись!
Встань! Говори! Молчи!» —
Так помыкают богачи слугами,
одержимыми демоном надежды.
21. Глупцы, рассчитывая на поживу,
спешат себя приукрасить,
А приукрасив, подобно гетерам,
другому идут в услужение.

22. Взгляд господина непостоянен
и падает на педостойного.
И все-таки слуги этого взгляда
преданно ищут.

И особенно:

23. Чтобы возвыситься — падает ниц,
чтобы жить — жертвует жизнью,
Чтобы счастливым быть — страдает.
Разве слуга не тот же безумец!»

Даманака отвечал: «Друг, даже в мыслях не держи такого.
Ибо:

24. Как не служить усердно
могучим владыкам?
Довольные нами, они готовы
исполнить наши желанья.

И другое:

25. Сладостным веяньем опахал,
белым шатром царских зонтов,
Строим слонов боевых и коней —
кто мог бы без слуг насладиться?»

Каратака сказал: «И все-таки что нам до царских забот!
Не стоит вмешиваться не в свое дело.

Смотри:

26. Кто хочет заняться делом,
несколько его не касающимся,
Лежит на земле убитый,
как выпнувшая клип обезьяпа.

Даманака спрашивает: «Как так?» Каратака рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

В стране Магадхе на земле, прилегающей к священной роще, некий писец по имени Шубхадатта строил храм. На стройке лежало бревно, которое начали распиливать пилою, а между его половинками, слегка отошедшими друг от друга, был вставлен клин. Однажды, желая порезвиться, пришла туда большая стая обезьян, живущих поблизости в лесу. Одна из них схватилась руками за клин, как будто бы сама смерть подгоняла ее своим жезлом, и уселась на бревне так, что яички ее свесились между брусьями. Затем она подпругилась и, по свойственному обезьянам легкомыслию, вытащила этот клин. Но едва только клина

но стало, как яички обезьяны оказались расплюсченными, и она тут же околела.

Поэтому я и говорю: «Кто хочет заняться делом...» и т. д. Дамапака возразил: «И все-таки кто-то должен следить за тем, что делает господин». Каратака сказал: «Пусть этим занимается главный министр: он ведаёт всеми царскими делами. А слугам нечего брать на себя чужие обязанности».

Смотри:

27. Кто, желая добра господину,
примется за чужое дело,
Будет наказан, как осел,
побитый за свой крик».

Дамапака спрашивает: «Как так?» Каратака рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Жил в Варанаси мойщик по имени Карпурапатака. Однажды он и его молодая жена после пылких и долгих объятий и любовных ласк крепко заснули. А в это время в их дом забрался вор, собираясь похитить их имущество. У мойщика во дворе стоял на привязи осел и лежала собака. Осел говорит собаке: «Что же ты не поднимаешь громкий лай и не будишь хозяина? Ведь это твоя обязанность». А собака отвечает: «Не беспокойся ты о моих обязанностях. Ты-то знаешь, как я стерегла этот дом. Но хозяин настолько привык жить в безопасности, что уже забыл, какая ему от меня польза. Сегодня он даже не позаботился меня накормить. Ведь когда хозяева избавлены от тревог, они мало думают о слугах». Осел возразил: «Послушай, негодная:

28. Кто ждет для себя удобного времени,
разве это слуга, разве это друг?»

Собака отвечала: «Слушай и ты:

- А разве хозяин тот, кто о слугах
помнит, когда ему удобно?

Ибо:

29. Нельзя другим поручать
присмотр за господином,
Заботу о слугах, служение долгу,
а также зачатие сына».

Осел воскликнул рассерженно: «Сколько в тебе злобы, если ты полагаешь, что дела господина тебя не касаются. Ладно, я сам разбужу хозяина.

Ибо:

30. Солнцу подставь спину,
огню — живот,
Господину отдай все сердце,
а будущей жизни — помыслы».

Так сказав, он заревел что было силы. Крик его разбудил мойщика, и тот, разгневавшись, что прервали его сон, вскочил и побил осла палкой.

Поэтому я и говорю: «Кто, желая добра господину...» и т. д.

Наша с тобой служба — поиск дичи, и думать мы должны только об этой службе». Помолчав, он добавил: «Теперь, однако, и в ней пужды нет, ведь у нас достаточно еды от прежних трапез». Даманака сказал разгневанно: «Разве ты служишь царю, только чтобы пасться? Нет, ты говоришь не то, что подобает.

Ибо:

31. Мудрые ищут в царях опоры,
Чтобы друзьям прийти на помощь,
Чтобы расправиться с врагами,
А вовсе не ради своей утробы.

И еще:

32. Только тот живет, чья жизнь —
источник жизни для многих.
А так и ворона умеет
набить себе клювом брюхо.

Смотри:

33. Один охотно идет в слуги
всего лишь за пять монет,
Другой довольствуется ста тысячами,
а третьему — и ста тысяч мало.

Ибо:

34. Слугою быгь — худшая доля:
ведь люди равны рождением.
Так разве того пазовешь человеком,
кто и среди слуг — не первый?

Так сказано:

35. Меж видами слопов, коней, металлов,
одежды, дерева, кампей, мужей и жен
И даже между каплями воды
поистине великое различье.

Итак:

36. Найдя обглоданную кость,
с остатками скудными жил и жира,
Собака бывает вполне довольна,
хоть голода и не утолит;
А лев, пытаясь убить слопа,
выпускает из лап шакала.
Даже в беде желает каждый
того, чего он достоин.

И кроме того. Взгляни на разницу между двумя слугами:

37. Собака, когда ее кормит хозяин,
виляет хвостом,
Трется у ног, припадает к земле,
разекает пасть.
Могучий же слон, когда ест,
глядит равнодушно
И пищу берет после тысячи
ласковых уговоров.

И иначе:

38. Прожить только миг, но прожить его с честью,
Прославляемым за знания и за доблесть —
Это и называют мудрецы жизнью.
А ворон хоть и живет долго, но ест объедки.

И еще:

39. Есть ли разница между скотом
И человеком-скотом, отрипущим наставленья,
Не отличающим зло от добра,
Желающим только насытить утробу?»

Каратака возразил: «Мы с тобой — существа подневольные, и не к чему нам об этом рассуждать». Даманака продолжал: «Да и много ли нужно времени, чтобы советник возвысился или впал в немилость!

Ибо:

40. Никто в этом мире по природе своей
Не бывает великим или ничтожным.
К почету либо бесчестью ведут
Одни только собственные поступки.

И еще:

41. Трудно камень в гору поднять,
но падает он свободно;
Медленно вверх — и быстро вниз
влекут нас достоинства и пороки.
42. Как тот, кто возводит насыпь,
или тот, кто рост колодез,
Поднимаемся мы и падаем
нашими же усилиями.

Так вот, дорогой, все мы зависим от своего собственно-го усердия». Каратака спрашивает: «К чему ты об этом говоришь?» — «К тому, — отвечает Даманака, — что нашего господина Пингалаку кто-то напугал, и, вернувшись, он затаился в страхе». — «А ты не знаешь в чем дело?» — спросил Каратака. «Да чего тут не знать! — ответил Даманака. —

Так говорят:

43. Что сказано прямо, поймет и животное:
И слоны и кони послушны приказу.
Но кто умеет, угадает невысказанное:
Мудрость — плод понимания скрытого.

Я воспользуюсь его испугом и силой своего ума сделаю нашим союзником.

Ибо:

44. Тот считается мудрецом,
кто слово с делом соразмеряет,
С услугою — благодарностью,
а гнев — со своими силами».

Каратака сказал: «Друг, ты плохо знаешь службу:

45. Кто входит незваный,
болтает неспрошенный
И мнит себя царским любимцем,
тот попросту глуп».

Даманака возразил: «Как это, друг, я не знаю службы? Смотри:

46. Ничто по своей природе
не приятно, не неприятно;
Кому что нравится,
то для него и приятно.

Ибо:

47. Каков бы ни был чужой характер,
умный сумеет,
К нему приладившись, подчинить его
собственной воле.

И кроме того:

48. Спросит: «Кто там?» А ты отвечай:
«Я! К твоим услугам».
И исполняй повеленья царя
как можешь лучше.

И иначе:

49. Тот только в царском дворце уживется,
кто тверд, умерен в желаньях,
Мудр, не колеблясь приказ исполняет,
Следует как тень за царем».

Каратака говорит: «Иногда войдешь не вовремя, и господин обходится с тобой грубо». — «Пусть так! — отвечает Даманака. — И все-таки слуга непременно должен быть неподалеку от господина.

Ибо:

50. Не браться за дело, боясь ошибки, —
примета жалкого человека.
Кто отказывается от пищи
из страха расстроить себе желудок?

Смотри:

51. Кто рядом, тот и угоден царям —
Пусть он незнатен, груб и несведущ;
Всегда к тому, кто поблизости, льнут
Владыки, женщины и лианы».

Каратака спрашивает: «А что же ты скажешь, когда явишься к господину?» Даманака отвечает: «Слушай. Сначала я разузнаю, расположен ко мне господин или нет». — «А по каким признакам ты это узнаешь?» — спрашивает Каратака. Даманака отвечает:

52. «Замечает издали, улыбается,
расспрашивает внимательно и долго,
Хвалит даже в твое отсутствие,
вспоминает по приятному поводу,
53. Милостив к твоему слуге, подарки дарит,
ценит все больше и больше,
Видит не вину, а заслугу — таковы
признаки расположения господина.
54. Если же он с обещанным медлит,
урежает плату, лишает награды,
Умный понимает: это признаки
нерасположения господина.

Зная это, я так сумею поговорить с ним, что он всецело мне доверится.

Ибо:

55. К неудаче ведут неверные средства,
А к успеху приводят верные —
Это правило мудрого поведения
Не упускает из виду умный».

Каратака сказал: «И все-таки тебе не следует заговаривать с ним, если не представится удобный случай.

Ибо:

56. Если даже сам Брихаспати
неуместное слово скажет,
Запятнает и он свой ум
и себя навек опозорит».

«Не бойся, друг, — отвечал Даманака. — Я не скажу ничего неуместного.

Ибо:

57. В беде, когда избран неверный путь
или унущено время,
Слуга, желая хозяину блага,
пусть говорит неспрошенный.

Если я не подам совета, когда в нем есть нужда, то поистине я не достоин звания советника.

Ибо:

58. Тот, чье умение жить
хвалят добрые люди,
Должен стараться сберечь
и умножить это умение.

Итак, дорогой, с твоего разрешения я пойду». — «Да сопутствует тебе удача. Выполняй, что задумал», — отвечал Каратака.

И вот Даманака, сделав вид, будто что-то его заботит, явился к царю. Царь, завидев его издали, приказал принять его с почетом. Даманака, поклонившись Пингалаке, распростерся ниц на земле, а потом сел рядом с ним. «Долго тебя не было видно», — сказал царь. Даманака отвечал: «У Вашего Величества не было до сих пор во мне нужды. Но когда обстоятельства требуют, слуга должен быть подле своего господина, и потому я пришел.

И еще:

59. Чтобы просто поковырять в зубах
Или почесать себе ухо,
Царям бывает нужна травинка —
Тем более человек, с языком и руками.

Если же ты пренебрегал мною, полагая, что я утратил
свой разум, то это не так.

Ибо:

60. Жемчуг могут давить ногами,
а стекляшкой украсить голову;
Но стекло и тогда остается стеклом,
а жемчуг — жемчугом.

И иначе:

61. Не думай, что решительный человек,
Когда его презирают, теряет разум.
Светильник можно перевернуть,
Но вверх все равно потянется пламя.

О божественный, государь должен уметь различать своих
слуг.

Ибо:

62. Если царь ко всем одинаков
и различий не делает,
У способных служить ему
пропадает усердие.

И кроме того:

63. Люди бывают трех родов:
высокие, низкие, средние.
По их достоинствам пользуйся ими
в делах троякого рода.

Ибо:

64. Слугам и драгоценностям подобает
быть на своем месте:
Диадемой не украшают погу,
а ножным браслетом — голову.

И еще:

65. Когда жемчуг, достойный золота,
Вставляют в оправу из олова,
Жемчуг терпит, хотя и теряет блеск,
Но не станут терпеть ювелира.

Взгляни:

66. В избытке слуг имеет царь,
знающий им цену:
Кто глуп, кто предан, кто умен,
а кто и умен и предан.

Ибо так:

67. Копь, оружие, знание, лютия,
речь, мужчина и женщина
Бывают полезны и бесполезны,
смотря к кому попадут.

И иначе:

68. Что толку в преданном, но неспособном,
в способном, но замышляющем зло?
А я, государь, и способен и предан,
и мною не следует пренебрегать.

Ибо:

69. Если царь пренебрегает слугами,
слуги ни на что не годятся.
Если у него такие слуги,
где возьмет он разумных советников?
Если нет разумных советников,
гибнет мудрое поведение.
А лишенный мудрого поведения,
рушится весь мир.

И кроме того:

70. Человека, которого чтит царь,
чтят его подданные;
А кем государь пренебрегает,
пренебрегают все.

И еще:

71. Мудрый даже от ребенка
выслушает дельное слово:
Разве света не дает лампада,
когда скрылось солнце?»

Пингалака сказал: «Как же так, друг Даманака? Из-за каких-то обидных слов ты, сын нашего первого министра, не показывался столько времени. Говори, чего ты хочешь». Даманака отвечал: «Я хочу, государь, спросить тебя кое о чем. Почему мой господин, хотя и испытывал жажду, не наникся воды и, кажется, чем-то смущен?» Пингалака

сказал: «Правду ты говоришь. Кто, кроме тебя, достоин такого доверия, чтобы я мог раскрыть ему тайну? Слушай же, я все тебе расскажу. В нашем лесу поселилось чудовище, и поэтому нам придется лес покинуть. Ты, наверное, тоже слышал его громогласный рев. Должно быть, силы у этого чудовища не меньше, чем в его реве». Даманака отвечал: «Божественный, поистине у тебя все основания для великого страха, мы тоже слышали этот рев. Однако какой же советник посоветует сразу покинуть отчизну или сразу вступить в бой! Вот и случай тебе, государь, узнать цену своим слугам.

Ибо:

72. Цепу родичам, слугам, жене,
уму своему и мужеству
Человек способен распознать
на пробном камне несчастья».

Лев проговорил испуганно: «Друг мой, меня гнетет ужасный страх». Даманака подумал про себя: «Иначе бы ты не пренебрег царскими развлечениями и не разговаривал с нами приветливо». А вслух сказал: «Божественный, куда я жив, тебе нечего бояться. Доверься также Каратаке и остальным слугам: ведь когда приходит время сразиться с бедою, поздно искать новых помощников». Тут царь почтил Каратаку и Даманаку богатыми дарами, и они, пообещав избавить его от страха, удалились.

По дороге Каратака спросил Даманаку: «Друг, как же так? Мы обещали избавить царя от опасности и получили за это богатые дары, а сами еще не знаем, можно с нею справиться или нет. Ведь, еще не оказав услуги, не следует ни у кого брать награды, в особенности у царя.

Смотри:

73. Тот, в чьей улыбке — Шри,
в силе — победа, в гневе — смерть,
Поистине обладает
непреходящим блеском.

Ибо так:

74. Не думай, что царь человек,
хотя бы он был ребенком.
В нем в облике человека
живет великое божество».

Даманака сказал усмехаясь: «Помолчи, друг. Я знаю, почему испугался царь. Это ревел бык, а быки даже нам

предназначены в пищу, тем более льву». — «Если это так, то отчего же ты не избавил господина от страха?» — спросил Каратака. Даманака отвечал: «Если бы я сразу сказал ему правду, чем бы я заслужил его милость?»

И кроме того:

75. Никогда не следует слугам
избавлять от забот господина.
Господина от забот избавив,
уподобится слуга Дадхикарне».

Каратака спрашивает: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

На горе по прозванию Арбудашикхара жил лев по имени Махавикрама. Всякий раз как лев спал в горном ущелье, некий мышонок грыз волосы на его гриве. Заметив, что грива поредела, лев разгневался. Однако мышонка, который скрылся в своей норе, ему поймать не удалось, и тогда лев подумал: «Что же делать? Ладно... Как говорится:

76. Если враг настолько мал,
что силой его не взять,
Найди себе такого соратника,
что был бы с ним схож».

Так рассудив, он пошел в деревню, привел оттуда кота по имени Дадхикарна и поместил в своей пещере, прилежно кормя его отборными кусками мяса. После этого мышонок стал бояться показываться наружу, и лев, чью гриву он теперь не трогал, спал спокойно. Когда же слышался писк мыши, то лев особенно усердно потчевал кота едой. Но вот однажды мышонок, которого мучил голод, вылез из норы, и кот поймал и прикончил его. С тех пор лев ни разу не слышал писка в норе и, полагая, что от кота уже нет пользы, все меньше заботился о его пропитании. А не получая еды, Дадхикарна ослаб и вскоре умер.

Поэтому я и говорю: «Никогда не следует слугам...» и т. д.

Между тем Даманака и Каратака пришли к Сандживаке. Каратака с надменным видом уселся у подножья дерева, а Даманака закричал: «Эй, бык! Перед тобой полководец Каратака, которому царь Пингалака поручил охрану этого леса. Каратака приказывает тебе: «Немедленно по-

дойди ко мне или ступай прочь из леса. Если не исполнишь приказа, плохо тебе придется». Не зная обычаев этой страны, Сандживака в страхе приблизился к Каратаке и почтительно его приветствовал.

Так говорится:

77. «Сила всегда покорна уму;
Рабство слонов — от их глупости», —
Не это ли поет барабан,
В который бьет ладонью ноговщик?

«О полководец, — спрашивает Сандживака, — что прикажешь мне делать?» Каратака сказал: «Если ты хочешь остаться здесь, в лесу, то ступай и припади к лотосоподобным стопам нашего государя». — «Я пойду, — отвечал Сандживака, — но обещаю тебе безопасность и в знак обещания дай мне свою правую руку». — «Тебе нечего бояться, — возразил Каратака. —

Ибо:

78. Вихрь не рвет слабой травы,
Что клонится из стороны в сторону,
Но валит могучие деревья:
Сильный мерится силою с сильным».

Затем оба шакала вернулись к Пингалаке, а Сандживаку оставили ждать поблизости. «Видели его?» — спросил царь. «Видели, божественный, — отвечал Даманака. — Как ты, государь, предполагал, так оно и оказалось на самом деле: он очень силен и желает встретиться с божественным. Поэтому иди и готовься. Бояться же одного голоса тебе не подобает.

Так говорится:

79. Не стоит бояться звука,
не зная его источника:
Узнав причину звона,
сводя попадала в почет».

Царь спросил: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Есть город по названию Брахмапура, расположенный на склоне горы Шрипарваты. И люди одно время говорили, что на вершине этой горы живет ракшаса по имени Гхантакарна. А дело было в том, что однажды некий вор украл колокол, бежал с ним, но попался в лапы тигру и был съе-

дещ. Колокол же, выпавший из рук вора, нашли обезьяны и беспрерывно в него звонили. Жители города постоянно слышали этот звон, а когда они обнаружили кости съеденного человека, то стали говорить, что это рассерженный Гхантакарна пожирает людей и звонит в колокол. Один за другим они начали покидать город. Тут некая сводня, поразмыслив над случившимся и разузнав, что в колокол звонят обезьяны, пришла к царю с такими словами: «Государь, если ты не пожалеешь денег, я справлюсь с этим Гхантакарной». Царь дал ей денег, и сводня, начертив магический круг, принесла внутри его жертвенные воздаяния Ганеше и другим богам. Затем она взяла с собой плоды, что любят обезьяны, пошла в лес и там их разбросала. Обезьяны кинулись к плодам, оставив колокол, а сводня, подобрав его, возвратилась с ним в город. И был ей почет от всего народа.

Поэтому я и говорю: «Не стоит бояться звука...» и т. д.

Вслед за тем шакалы привели Сандживаку и представили его царю. С тех пор Сандживака стал жить при дворе и получил те же права, что и остальные подданные.

Однажды пришел к Пингалаке его брат, лев по имени Стабдхакарна. Пингалака принял его как почетного гостя, усадил с собою рядом, а затем собрался на охоту за дичью, чтобы раздобыть себе и ему еды. Тут Сандживака и говорит: «А где же, божественный, мясо зверей, которых недавно убили? Нужно узнать, что от него осталось». — «Об этом знают Даманака с Каратакой», — ответил лев с улыбкой. «Как, — воскликнул Сандживака, — неужели они вдвоем могли съесть столько мяса?» — «Съели, испортили и разбросали», — ответил лев. — Так они делают каждый день». Сандживака говорит: «Как же смеют они так поступать, да еще за спиною Вашего Величества?» — «А что здесь такого?» — удивился лев. «Нет, — говорит Сандживака, — так не положено.

Ибо:

80. Ничего нельзя совершать
без ведома господина;
Разве что от несчастья
своего избавить владыку.

И кроме того:

81. Да будет похож на кувшин советник:
пусть много хранит и мало тратит.
Кто не ценит минуты — тот глупец,
кто не ценит копейки — тот бедняк,

И иначе:

82. Тот из советников лучший,
кто копит добро по копейке;
Просто жить — не царская жизнь,
быть богатым — жизнь даря!

И еще:

83. Верностью своим близким
их любви не добьешься;
Бедняка оставляет даже жена,
чего уж ждать от других!

Знай главные изъяны в царстве:

84. Мотовство, небрежный падзор,
беззаконное присвоение,
Воровство и жизнь на чужбине —
вот что губит казну.

Ибо:

85. Кто не следит за доходами
и тратит сколько вздумается,
Будь он богат, как Вайшравана,
и то становится нищим».

Стабдхакарна сказал: «Слушай, брат. Даманака и Каратака давно уже тебе служат и ведают делами войны и мира. А кто этим ведаёт, не должен надзирать за казной. И кроме того, послушай, что говорится о царских помощниках:

86. Брахмана, кшатрия, родича
нельзя приставлять к казне:
Брахман, сколько его ни проси,
не выдаст положенных денег;
87. Кшатрий, ведающий казной,
будет грозить мечом;
Родич же на правах родства
без остатка казну разворует.
88. Став помощником, старый слуга
вины за собой не знает;
Он не считается с господином
и делает все что захочет.
89. Не будет бояться царя помощник,
оказавший ему услугу.
Эту услугу взяв себе знаменем,
он все что может расхитит.
90. Товарищ царя по детским играм
сам себя царем почитает.

- Он будет небрежен, став советником,
полагаясь на царскую дружбу.
91. Советник, чей прав от природы плох,
все обратит во зло.
Примерами этому, государь,
Шакуни и Шакатара.
92. Не годится в советники тот,
кто ни в чем недостатка не знает.
Учат нас мудрецы святые:
благополучие губит сердце,
93. Хищение денег, подмена добра,
угодливость и небрежность,
Отсутствие мудрости, страсть к наслаждениям —
вот пороки советников.
94. Царю от помощников выгода,
когда за ними падзор;
А предлагать им почет и чины —
значит губить дело.
95. Если на них не давишь,
они утаят накопленное;
Слуги, о государь,
подобны нарывам на теле.
96. Чем больше давишь на слуг,
тем больше денег имешь.
Разом из мокрой одежды
не много выжмешь воды.

Зная все это, ты должен поступить сообразно обстоятельствам». Пингалака сказал: «Случается, что эти двое, Каратака и Даманака, вовсе не слушаются моих приказаний». — «А этого, — заметил Стабдхакарна, — ни в коем случае нельзя допускать.

Ибо:

97. Даже своим сыновьям
не прощает царь ослушания.
Иначе какая разница
меж царем и портретом царя?

И в особенности:

98. От воров, от начальников,
от врагов, от царских любимцев
И от алчности собственной,
как отец, береги народ!

Брат, прислушайся непременно к моему совету. Сегодня я сыт, а на будущее назначь хранителем своей казны этого Сандживаку, который ест одну траву». Так Пингалака и сделал, и с тех пор он жил с Сандживакой в большой дружбе, а всех других слуг и родичей от себя отдалил.

Когда Даманака и Каратака увидели, что слугам даже еды перестало хватать, они сошлись на совет. Дамапака сказал: «Что тут поделаешь! Здесь паша вина. А когда сам ошибешься, даже в жалобах не найдешь утешения. Так говорится:

99. Я, коснувшись Сварналекхи,
сводя, сама себя привязав,
Торговец, взяв драгоценный камень,—
все по своей вине страдает».

Каратака спрашивает: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Есть в городе по названию Канчанапура царь по имени Виравикрама. Его советник, ведающий законами, вел однажды к месту казни некоего цирюльника. Нищенствующий монах по имени Кандарпакету, который проходил мимо вместе с одним ювелиром, схватил цирюльника за полу платья и воскликнул: «Не за что его казнить». — «Как не за что?» — спросили царские слуги. А он ответил: «Слушайте!» — и прочел стихи: «Я, коснувшись Сварналекхи...» и т. д. Те говорят: «Как так?» Монах рассказывает:

«Я сын Джимутакету, царя острова Синхаладвипы, и зовут меня Кандарпакету. Однажды, гуляя по саду увеселений, я услышал от купца-мореплавателя, будто каждый четырнадцатый день месяца посреди океана вырастает древо желаний, у его подножья виднеется ложе, сияющее драгоценными камнями, а на ложе возлежит, играя на лютне, девушка, украшенная всевозможными драгоценностями, прекрасная, как Лакшми. Взяв с собою купца, я тотчас же взошел на корабль и отправился к этому месту. Приплыв туда, я увидел девушку, которая уже наполовину погрузилась в воду. Ее необычайная красота пленила меня, я прыгнул вслед за нею в море и вскоре оказался в Золотом городе, где в золотом дворце вновь встретил эту девушку, возлежащую на ложе и окруженную прислуживающими ей женами видьядхаров.

Еще издали завидев меня, она выслала мне навстречу подругу, которая ласково со мною заговорила. На мои расспросы подруга рассказала, что девушка эта — дочь верховного владыки видьядхаров Кандарпакели и зовут ее

Ратнамаджари. Я заключил с Ратнамаджари брак по обряду гандхарвов и, предаваясь наслаждениям, остался жить в Золотом городе.

Однажды Ратнамаджари сказала мне по секрету: «Мой господин, все, что находится здесь, ты можешь брать по своему желанию, но никогда не трогай портрета видьядхари по имени Сварпалекха». Однако спустя некоторое время мною овладело любопытство, и я коснулся груди Сварналекхи. Как только я это сделал, Сварналекха, хотя она и была только нарисована, ударила меня своей лотосоподобной ногой, и я сразу же очутился в стране Саураштре. Томимый горем, я стал нищенствующим монахом и, странствуя по земле, пришел в этот город. На исходе дня я нашел себе ночлег в доме пастуха, и вот что я там увидел.

Поздно вечером, когда пастух вернулся домой с дружеской пирушки, он застал свою жену занятой разговором со сводней. Тогда он побил ее, привязал к столбу, а сам лег спать. В полночь вновь появилась сводня, которая была женой вот этого цирюльника, и сказала своей приятельнице: «Твоего возлюбленного сжигает огонь разлуки с тобой, и он в таком отчаянии, что готов умереть. Давай я привяжу себя вместо тебя к столбу и побуду здесь, пока ты пойдешь к возлюбленному и его утетишь. Но поскорей возвращайся». Так они и сделали, однако пастух проснулся и спросил: «Что же ты теперь не торопишься к любовнику?» Сводня не сказала ни слова, и тогда пастух, крикнув: «Ты так загордилась, что даже не отвечаешь мне!» — в ярости отрезал ей нос.

Спустя некоторое время вернулась жена пастуха и спросила у сводни: «Ничего не случилось?» — «О том, что случилось, расскажет тебе мое лицо», — ответила сводня. Затем жена пастуха снова привязала себя к столбу, а сводня, взяв свой отрезанный нос, пошла домой.

Наутро цирюльник попросил у своей жены-сводни ящик для бритв, но та подала ему одну только бритву. Разгневавшись, цирюльник издал швырнул эту бритву обратно в дом. Тут сводня завопила будто бы от боли и с криком: «Он отрезал нос мне, невинной», — побежала к царскому советнику, ведающему законами.

Между тем жена пастуха на расспросы мужа отвечала: «Ах ты, злодей! Да разве кто-нибудь сможет обезобразить меня, верную жену! Что тут говорить: все восемь хранителей мира — свидетели моей добродетели.

Ибо:

100. Луне и Солнцу, Ветру и Огню,
Земле и Небу, Водам, Сердцу, Яме,
Дню, Ночи, Дхарме и обоим Зорям
Известны все поступки человека.

Взгляни только на мое лицо!» Пастух, взяв светильник, посмотрел на нее и, когда увидел, что лицо ее невредимо, пал к ее ногам.

А теперь послушай историю этого торговца-ювелира. Вот уже двенадцать лет, как он оставил свой дом и из страны близ гор Малая пришел в этот город. В городе он остановился на ночлег в доме гетеры. У входа в дом сводня поставила деревянную фигуру вetalы, а на лбу вetalы укрепила превосходный драгоценный камень. Ювелир заметил этот удивительный камень и, побуждаемый корыстью, встал ночью, чтобы осмотреть его и узнать ему цену. Он коснулся камня рукой, а затем с большим трудом его вынул. В тот же момент руки вetalы были приведены в движение привязанной к ним бечевой, и вetalа сжал ими ювелира с такой силой, что тот закричал от боли. Тотчас появилась сводня и сказала: «Ты пришел сюда, сынок, из страны Малая; так отдавай же все свои драгоценные камни. А если не отдашь, он тебя не отпустит. Таков уж нрав у моего слуги». Пришлось ювелиру отдать все свои драгоценности. И теперь, лишившись богатства, он решил присоединиться ко мне».

Выслушав этот рассказ, царские слуги вынесли приговор: жену цирюльника обрить наголо, жену пастуха изгнать из города, сводню, обобрававшую ювелира, наказать палками, а ювелиру возвратить его имущество. Поэтому я и говорю: «Я, коснувшись Сварналекхи...» и т. д.

Итак, мы сами виноваты, и жаловаться нам не пристало.

Немного подумав, Даманака продолжал: «Не отчаивайся, друг. Я подружил льва и быка, и я же их рассорю.

101. Умные люди умеют
правдой представить ложь,
Как художник на плоском холсте
возводит ущелья и горы.

И кроме того:

102. Кто головы не теряет,
преодолеет опасность,
Подобно жене пастуха
с двумя ее любовниками».

Каратака спрашивает: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

У некоего пастуха из города Дваравати была распутная жена. Она взяла себе в любовники одновременно и местного судью, и его сына.

Так говорится:

103. Огошь не насытишь дровами,
реками — океан,
Жизнью — смерть, а мужчинами —
прекрасноглазых жен.

И иначе:

104. Ни подарками, ни вниманием,
ни сердечностью, ни услугами,
Ни мечом, ни поученьями —
женщины не укротишь.

Однажды жена пастуха предавалась любви с сыном судьи. Затем пришел судья. Увидев его, она заперла сына в амбар, а сама занялась любовной игрой с отцом. Вдруг явился муж ее, пастух. Как только жена его заметила, она сказала судье: «Бери палку и, притворившись разгневанным, поскорее беги отсюда». Тот так и сделал, а пастух, войдя в дом, спрашивает у жены: «Зачем к тебе судья приходил?» Та отвечает: «Он за что-то разгневался на своего сына, и тот, испугавшись до смерти, прибежал сюда. Я спрятала сына в амбаре, чтобы спасти его, и хотя отец искал его в нашем доме повсюду, он так его и не нашел и потому, раздосадованный, пошел прочь». Затем на глазах у мужа она выпустила сына судьи из амбара.

Недаром сказано:

105. Женщина ест за двоих,
ума у нее на четверых,
На шестерых — хитрости
и на восьмерых — любострастия.

Поэтому я и говорю: «Кто головы не теряет...» и т. д. Каратака сказал: «Пусть так. Однако как же построить их дружбу, такую тесную и так свойственную их характерам?» Даманака отвечал: «Надо применить хитрость.

Так говорится:

106. Хитростью можно добиться того,
чего не добьешься силой:
С помощью золотой цепи
вороп убил змею.

Каратака спрашивает: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

На одном дереве жили две вороны, муж и жена. А в дупле этого же дерева поселилась черная змея, которая пожирала их птенцов. Однажды ворона, вповь ожидавшая потомства, говорит мужу: «Мой господип, нам нужно покинуть это дерево: из-за черной змеи нам не вырастить здесь птенцов.

Ибо:

107. Злая жена, вероломный друг,
слуга непослушный
И дом, где змея поселилась,—
сулят непремешную гибель».

Ворон отвечает: «Не бойся, дорогая. И так я терпел от нее слишком много обид». — «Да как же ты можешь справиться с таким могучим врагом?» — спрашивает ворона. «Оставь опасения,— говорит ворон.—

Ибо:

108. У кого ум, у того и сила;
откуда сила у неразумного?
Смотри: опьяненный гордыней лев
был убит зайцем».

Ворона спрашивает: «Как так?» Ворон рассказывает:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

На горе, зовущейся Мандара, жил лев по имени Дурданта. Он то и дело убивал животных, и тогда все звери собрались вместе и сказали льву: «Зачем тебе убивать зверей без разбора? Мы сами каждый день будем присылать к тебе по одному из нас, чтобы у тебя всегда была пища». — «Да будет так!» — согласился лев, и с тех пор он ежедневно получал по одному зверю.

Наконец, дошла очередь до старого зайца, и тот подумал:

109. «Когда надеешься жить,
из страха будешь учтивым;
Но если гибель близка,
то нечего льву угождать».

Пойду-ка я как можно медленнее». Тогда лев, которого мучил голод, сердито сказал ему: «Почему ты явился так поздно?» Заяц отвечал: «Это не моя вина. По дороге меня

силой задержал другой лев. Я пообещал ему, что позже вернусь, и побежал сюда известить моего господина». Лев приказал разгневанно: «Немедленно ступай вперед и покажи мне, где этот негодяй». Заяц повел льва за собой и привел его к большому колодцу. «Подойди поближе, господин, и загляни сюда», — проговорил заяц и показал льву его собственное отражение в глубине колодца. Гордый собою лев, загоревшись яростью, бросился сверху на льва в колодце и расстался с жизнью.

Поэтому я и говорю: «У кого ум, у того и сила...» и т. д.

Ворона сказала: «Я выслушала тебя. Но нам-то что делать, скажи». Ворон ответил: «На озеро неподалеку от нас часто приходит купаться царевич. Когда он снимет с себя золотую цепь, подхвати ее клювом, принеси сюда и положи в дупло». И вот однажды, когда царевич пришел искупаться в озере, ворона все сделала, что приказал ей муж. Царские слуги, отправившись на розыски золотой цепи, нашли ее в дупле дерева, а обнаружив в дупле черную змею, убили ее.

Поэтому я и говорю: «Хитростью можно добиться того...» и т. д.

Каратака сказал: «Если так, иди. И да сопутствует тебе удача!»

Вслед за тем Даманака пошел к Пингалаке, пал перед ним ниц и сказал: «Божественный, я явился по делу, которое, думаю, не терпит отлагательства.

Ибо:

110. В беде, когда избран неверный путь
или упущено время,
Добрый подаст благой совет,
пусть даже его не спрашивают,

И иначе:

111. Царь — сосуд наслаждений,
дела — не его забота.
А если дело терпит ущерб,
то это вина министра.

Для советников такое правило:

112. Лучше лишиться жизни
или на плахе сложить голову,
Чем потворствовать посягающим
на господское место»,

Пингалака спросил озабоченно: «О чем ты говоришь?»
Даманака ответил: «Этот Саудживака ведет себя неподобающе. Так, в нашем присутствии он хулит величие, мудрость и решительность государя, видимо сам желая царской власти». Услышав это, Пингалака в страхе и изумлении не проронил ни слова, а Даманака продолжал: «Божественный, ты разогнал всех советников и ему одному поручил ведать всеми делами. А это великая ошибка. Ибо:

113. Когда вознесутся высоко
и царь и министр,
Поддерживая их, Шри
едва стоит на погах.
Женщина Шри — для нее
тяжела эта ноша,
И она одного из двоих
сбрасывает с плеч.

И кроме того:

114. Когда одного из советников
царь делает первым в царстве,
Тот, ослепленный гордыней,
пренебрегает долгом;
Долг позабыв, всем сердцем
жаждет собственной власти;
А ради власти стремится
жизни лишить царя.

И иначе:

115. Отравленную пищу,
шатающийся зуб
И подлого советника —
вырви себе на благо!

И еще:

116. Государь, который министру
судьбу свою доверяет,
Если тот предаст, погубляет,
как слепой без поводья.

А в особенности:

117. Не годится в советники тот,
кто ни в чем недостатка не знает,
Учат нас мудрецы святые:
благополучие губит сердце.

В любом деле он ведет себя так, как ему вздумается.
А власть должна принадлежать одному только государю.
И еще знай:

118. На земле любой человек
мечтает о собственном счастье:
Кто смотрит без вожделенья
на чужую красавицу-жену?»

Подумав, лев отвечал: «Милый, даже если это так, все
равно я всем сердцем привязан к Сапдживаке.
Смотри:

119. Кто любим, остается любимым,
даже если поступает дурно.
Кто не дорожит своим телом,
хотя много в нем есть изъянов?

И далее:

120. Кто любим, остается любимым,
даже если зло учиняет.
Кто же перестанет чтить огонь,
хотя бы и сжег он его имущество?»

Дамапака говорит: «Божественный, ты ошибаешься.

121. На кого особенно часто
падает взор повелителя,
Того и Лакшми чтит высоко —
сын, слуга он или посторонний.

Послушай, божественный:

122. Каким бы горьким ни было лекарство,
оно целебно;
Где есть, кому услышать и кому сказать,
там — счастье.

Ты пренебрегаешь потомственными слугами и предпочел
им этого пришельца. Так поступать не годится.

Смотри:

123. Пусть провинились старые слуги —
не приближай пришельца;
Он, как никто другой, способен
в царстве посеять смуту».

Лев говорит: «Странно это. Ведь это я даровал ему за-
щиту, взял его к себе и возвысил. Зачем же ему злоумыш-
лять против меня?» Дамапака отвечал: «Божественный,

124. Сколько почта ему ни оказывай,
злой не изменит своей природы.
Как ни мочи собачий хвост,
он все равно не выпрямится.

И иначе:

125. Привязали веревкой собаке хвост,
натирали мазью, мочили,
А когда на тринадцатый год отпустил,
стал он прежним.

И кроме того:

126. Почет и власть для дурных людей
никогда не идут во благо.
Не дает плодов ядовитое дерево,
хоть амритой его поливай.

Поэтому я говорю:

127. Подай, и неспрошенный, добрый совет
тому, кому хочешь блага;
Таков долг людей добродетельных,
злым этот долг неведом.

Так сказано:

128. Тот предан, кто отвращает зло;
то деяние, что беспорочно;
Та жена, кто во всем послушна;
тот мудр, кого славят добрые;
То благо, что не делает гордым;
тот счастлив, кто свободен от страсти;
Тот друг, кто бескорыстен;
тот человек, кто владеет чувствами.

Если же, даже страдая от козней Сандживаки, господин
не отвернется от него, то, во всяком случае, своего слугу
ему винить будет не в чем.

Ибо так:

129. Царь, потворствуя своим прихотям,
ни заботы не ценит, ни дела;
Он кидается, куда ему вздумается,
своевольный, как дикий слон.
А когда, опьяненный гордыней,
попадает в пропасть несчастья,
То во всем упрекает слугу,
не видя своей вины».

Шингалака подумал про себя:

130. «С чужих слов ни на кого
нельзя налагать наказания.
Лишь самому расследовав дело,
следует миловать или карать.

Так говорится:

131. Приближать или отвергать, не зная
чужих достоинств и недостатков,
Опасно, как класть из бахвальства руку
в открытую пасть змеи.

А вслух сказал: «В таком случае позови сюда Санджива-
ку». — «Нет, нет, божественный, — поспешно возразил Да-
манака, — этим мы выдадим наши намерения.

Так говорится:

132. В тайне храни семя совета;
даже ничтожный
Не причиняй ему вред: поврежденным
семя не прорастет.

И еще:

133. Если нужно брать, отдавать
или делать какое дело
И его не сделаешь быстро —
время выпьет из дела сок.

Поэтому то, что мы задумали, нужно делать с большой
осторожностью.

И еще:

134. Замысел — будто трусливый воин:
как бы ни был он защищен,
Долго не остается на месте
в страхе замеченным быть врагом.

Вина Сандживаки не вызывает сомнений, и если ты ему
ее простишь, то поступишь крайне опрометчиво.

Ибо:

135. Кто хочет примириться с другом,
однажды бывшим вероломным,
Тот приближает собственную гибель,
как самка мула, торопясь к самцу.
136. Советник, чей прав по природе плох,
все обратит во зло.
Примерами этому, государь,
Шакуни и Шакатара».

Лев сказал: «Объясни мне все-таки, что может он нам
сделать». Даманака отвечал: «Божественный,

137. Связи явлений не зная,
не поймешь: кто на что способен?
Смотри, как жалкий чибис
привел в смущение океан».

Лев спрашивает: «Как так?» Даманака рассказывает:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

На берегу океана жили два чибиса, муж и жена. Однажды, когда самка должна была нестись, она сказала мужу: «Господин, хорошо бы разыскать безопасное место для яиц». Самец спросил: «А разве здесь не такое место?» Она отвечала: «Сюда доходит океанская волна». Он сказал: «Неужели я так немощен, милая, что в своем собственном доме не могу поспорить с этим океаном?» Самка с улыбкой заметила: «Между океаном и тобой, господин, большая разница.

Однако:

138. Трудно решать самому,
что можешь и что не можешь.
Кто знает это, тому
не грозит никакая беда».

И послушавшись мужа, она снесла яйца в том месте, где жила. А океан, желая испытать силу чибиса, унес ее яйца. Опечалившись, самка говорит мужу: «Вот и случилась беда, супруг мой: яйца погибли». Но чибис ответил: «Не бойся, милая». Так сказав, он собрал на совет других птиц, а затем пошел к владыке птиц Гаруде. Выслушав чибиса, Гаруда поведал его историю своему повелителю благому Нараяне, творцу, хранителю и губителю мира. И по приказу Нараяны океан, исполнившись смирения и страха, возвратил чибисам их яйца.

Поэтому я и говорю: «Связи явлений не зная...» и т. д.

Лев спросил: «Как мне узнать, действительно ли бык замыслил измену?» — «Господин узнает это, когда он явится, дрожа от возбуждения, и выставит вперед свои рога, готовый сразиться», — отвечал Даманака и, сказав так, отправился к Сандживаке. Придя, он будто бы в смущении стал медленно-медленно подползать к нему на брюхе. «Здоров ли ты, дорогой?» — ласково спросил Сандживака. «Откуда здоровье у слуг? — отвечал Даманака. —

Ибо:

139. Счастье — в чужих руках,
сердце — всегда в беспокойстве,
И даже жизнь ненадежна
у тех, кто служит царю.

И иначе:

140. Кто не чванится, став богатым?
У какого сластолюбца кончаются беды?
Чьи сердца не истерзаны жепщинами?
Кто поистине дорог царям?
Кто избежит власти времени?
Какой бедняк достигнет почета?
И кто, оказавшись в сетях злодея,
выберется из них невредимым?»

«О чем ты, друг?» — спрашивает Сандживака. Даманака говорит: «Что мне делать, злосчастному!

Смотри:

141. Как утонающий в море,
коснувшись змеи, не знает,
Хвататься ли крепче иль бросить,—
в таком я теперь смятении.

Ибо:

142. Тут или друг погибнет,
или царя доверие.
Что делать? Куда идти?
Тону в океане скорби».

Так сказав, он сел и принялся тяжело вздыхать. Сандживака спрашивает: «И все-таки, скажи откровенно, друг, что у тебя на сердце?» Даманака отвечает тихим шепотом: «Хоть и пельзя разбалтывать того, что доверено тебе царем, но ведь это из-за меня ты пришел сюда и здесь поселился. Поэтому я непременно все тебе расскажу ради твоей же пользы: иначе не знать мне блаженства в загробном мире. Слушай же. Наш господин переменялся к тебе. Он сказал по секрету, что убьет тебя и угостит твоим мясом свою свиту». Услышав это, Сандживака почувствовал крайнее смятение. А Даманака продолжал: «Нечего горевать. Когда пришло время действовать, действуй!» Сандживака, немного помедлив, сказал: «Поистине верно говорят:

143. Жепщины предпочитают погодаев,
цари поддерживают педостойных,
Богатство достается скупцам.
а дождь поливает море и скалы».

Но про себя он подумал: «У этого шакала такой прав, что трудно понять, правду он говорит или нет.

Ибо:

144. Иной злодей, сойдясь с благородным,
перенимает часть его блеска,
Подобно тому как черная тупь
блестит на глазах красавицы.

Как же так?

145. Не удивительно, если царь недоволен,
Как бы преданно его ни чтили.
Но едва ли встретишь такого царя,
Который бы чтущего не навидел.

Такое едва ли возможно, и следует это проверить.

Ибо:

146. Кто гневается, имея на то причину,
Добреет, когда ее устранишь.
Но как угодить тому человеку,
Чье сердце враждебно без причины?»

Затем он спросил: «Что плохого я сделал царю? Или цари способны на злые поступки без всякого на то повода?»
Дамаиака сказал: «Так и есть. Слушай!

147. Окажет услугу умный и преданный —
и вызовет ненависть господина;
А другой учинит неприкрытое зло —
и заслужит его любовь.
Трудно понять царское сердце,
не знающее постоянства,
Даже для мудрых подвижников
непостижим долг службы.

И кроме того:

148. Сто дел ради недостойного, сто мудрых слов,
обращенных к безумному,
Сто советов для непослушного и сто поучений
глутому —
все пропадают даром.

И еще:

149. В сандаловой роще встречаются змеи,
в воде, рядом с лотосами, — крокодилы,
На празднестве — клеветники и злодеи:
нет наслаждения без помехи.

Я-то знаю, что уста пашего господина источают мед, но сердце его полно яда.

Ибо:

150. Еще издали он простирает руки,
прослезившись, сесть предлагает рядом,
Горячо обнимает, расспрашивает с интересом,
говорит любезные речи.
Он снаружи вымазан медом, но внутри прячет яд,
искусный обманщик.
О, каким удивительным мастерством актера
владеют дурные люди!

И так еще:

151. Для переправы чрез воды безбрежные — лодку,
для тьмы непроглядной — светильник,
Для безветрия — опахало, бодец —
для слона, слепого от страсти, —
Нет ничего на свете, против чего Судьба
не придумала б средства.
Думаю все же, даже Творец бессилеп
изменить образ мыслей злодея».

Сандживака воскликнул: «О горе! Зачем я, кому в пищу довольно одной травы, попал к этому льву?» И подумав, продолжал: «Не знаю, отчего государь переменился ко мне, но всегда нужно опасаться немилости, если ты оказался близок к царю.

Ибо:

152. Если сердцу царя
станет немил министр, —
Дружбы не возвратить —
не скленишь хрустальный браслет!

И иначе:

153. Ужасны оба —
молния и царский гнев.
Но молния разит однажды,
а царский гнев всегда.

Теперь единственное мое прибежище — смерть в поединке. Нечего повиноваться его приказам.

Ибо:

154. Либо, сам умерев, обрету небо,
либо, врага убив, — счастье.
Обе эти славные доли
только герой получает в заслугу.

Пришло время битвы.

155. Если без боя — смерть,
а с боем — надежда на жизнь,
Тогда, говорят мудрецы,
пастало время для боя.

Скажи, друг, а как я узнаю, что он собирается на меня напасть?» Даманака отвечал: «Если он встретит тебя, подняв торчком уши, задравши хвост, поджав поги для прыжка и раскрыв пасть, то тебе ничего не останется, как прибегнуть к собственной доблести.

Ибо:

156. Разве не жалок сильный,
лишенный огня мужества?
Ногу на кучку пепла
поставить никто не боится.

Однако все это нужно хранить в полной тайне. Иначе недобровать ни мне, ни тебе». Так сказал Даманака и возвратился к Каратаке. «Случилось что-нибудь?» — спросил Каратака. «Случилось, — отвечал Даманака, — что они поссорились друг с другом». Каратака сказал: «Сомневаться в твоих словах не приходится.

Ибо:

157. Кто негодяя сделает другом?
Кого не рассердят частые просьбы?
Кто не гордится, став богатым?
У кого на злодейство ума не хватит?

И иначе:

158. Мошенник ради собственной выгоды
и доброго представит злодею.
Так разве не губит, подобно огню,
знакомство с дурным человеком?»

Между тем Даманака пошел к Пингалаке и сказал ему: «Вожественный, этот бык, средоточие зла, приближается. Приготовься его встретить». Услышав эти слова, лев принял позу, которую Даманака описал ранее. А Сандживаки, когда подошел и увидел льва в этой позе, тоже стал в боевую стойку, ему свойственную. И между ними разразилась великая битва, в которой лев убил Сандживаку.

Убив Сандживаку, лев перевел дух и почувствовал словно бы раскаяние. Он сказал: «Что за страшное дело я совершил!

Ибо:

159. Царь, преступивший закон,—
будто лев, убивший слона:
Царство его — врагам услада,
а сам он — сосуд зла.

И кроме того:

160. Нельзя сравнить потерю слуги
С потерей земли плодородной;
Потеря слуги — смерть для царя,
Слугу не воротить, как землю».

Дамапака сказал: «Странно ты рассуждаешь, господин:
убил врага и горюешь.

Ведь так говорится:

161. Брата, друга, сына, отца —
кто бы убийство царя ни замыслил,—
Всякого царь должен казнить,
если себе желает блага.

А также:

162. Знающий суть закона и пользы
не бывает ко всем милосердным.
Если все сносить терпеливо —
то, что держишь в руках, упустишь.

И еще:

163. Снисходительность к другу и недругу
украшает одних аскетов;
Преступление для царей —
снисходительность к виноватым.

И иначе:

164. Кто из гордыни или жажды власти
место царя занять желает,
Для того одно наказание — смерть,
и другого нет искупления.

И кроме того:

165. Избегай человека неблагодарного,
Царя милосердного, алчного брахмана,
Строптивой жены, друга злоправного,
Слуги непослушного, министра беспечного,

А в особенности, государь, вот что:

166. Правдивое и лживое,
приветливое и грубое,
Жестокое и мягкое,
скупое и щедрое,
Отталкивающее и притягивающее
друзей и деньги —
Царское поведение
изменчиво, как гетера».

Так утешал Даманака Пингалаку, и тот, обретя прежнее спокойствие, сел на свой львиный трон. А Даманака, радуясь всем сердцем, воскликнул: «Победа великому царю! Да царствует он на благо всему миру!» И жил с тех пор счастливо.

Вишнушарман сказал: «Вот вы и выслушали рассказ о ссоре друзей». Царевичи отвечали: «Выслушали и очень довольны». Вишнушарман говорит: «Да будет отныне так:

167. Пусть ссоры друзей
лишь в стане врагов случаются;
Пусть Время день ото дня
приближает злодея к гибели;
Пусть люди всегда
живут в довольстве и счастье;
Пусть вечно юношей радуется
этот сад чудесных рассказов».

ТРЕТЬЯ КНИГА

Война

Когда снова пришло время рассказывать, царевичи попросили: «Почтенный, мы царские сыновья, и потому любопытно нам услышать о войне». Вишнушарман ответил: «Я расскажу вам то, чего вы хотите. Слушайте о войне. И вот первое двестишестое этой истории:

1. В войне гусей и павлинов
у врагов были равные силы;
Но, пустив ворон в свою крепость,
оказались обмануты гуси».

Царевичи спрашивают: «Как так?» Вишнушарман рассказывает:

Есть в стране Карпуре озеро по названию Падмакели. Там царствовал гусь по имени Хираньягарбха. Все птицы, живущие в воде, избрали его своим государем.

Ибо:

2. Если б не было государя,
ведущего к общей цели,
Сбились бы люди с пути,
как корабль в океане без кормчего.

И иначе:

3. Царь защищает народ,
а сила царя — в народе.
И все-таки сила меньше защиты:
нет защиты — нет ничего!

Однажды царственный гусь в окружении своей свиты отдыхал на широком ложе из золотистых лотосов. К нему с поклоном подошел журавль по имени Диргхамукха, который возвратился из дальнего странствия. Царь сказал: «Диргхамукха, ты вернулся из чужих стран. Расскажи, что нового ты видел». Тот ответил: «Божественный, есть большая новость. Я как раз и вернулся так поспешно, желая ее поведать. Слушай!

Есть в стране Джамбудвипе горы Виндхья. Там живет царь птиц — павлин по имени Читраварна. Когда однажды бродил я в его владениях по горелому лесу, меня заметили пролетающие птицы, слуги этого царя, и спросили: «Кто ты и откуда пришел?» Я ответил: «Я слуга царственного гуся Хиравьягарбхи, могущественного повелителя Карпуры. А пришел я сюда, любопытствуя повидать другую страну». Услышав это, птицы спросили: «Какая же из двух стран и какой царь лучше?» Тогда я сказал: «О чем тут толковать! Разница велика: страна Карпура подобна небу, а царственный гусь — второй Индра. Зачем вам жить в этой мертвой пустыне, куда вы попали? Переселяйтесь-ка лучше в нашу страну». Услышав мои слова, птицы разгневались.

Так говорится:

4. Змей поить молоком —
лишь прибавлять им яду.
Глушцов поучать — сердить,
а вовсе не вразумлять.

И ипаче:

5. Поставить можно разумного,
по не поставишь невежку:
Дав урок обезьянам,
птицы лишились гнезд.

Царь спросил: «Как так?» Диргхамукха рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

У подножья одной горы на берегу реки Нармады растет развесистой дерево. В его дуплах, превращенных в гнезда, жили птицы, даже в сезон дождей не ведая забот. Однажды, когда небесный свод был затянут, словно черным покрывалом, множеством туч, хлынул проливной дождь. И тут птицы увидели обезьян, которые, дрожа от холода, прижимались к стволу дерева. Пожалев их, птицы сказали: «Эй, обезьяны!

6. Мы построили себе гнезда,
натаскав травы в своих клювах.
А у вас есть ноги и руки;
чего же впадать в уныние?»

Услышав это, обезьяны разгневались и подумали: «Эти птицы блаженствуют себе в гнездах, защищенных от ветра, да еще смеются над нами. Ну, хорошо же. Пусть только кончится дождь!» И как только дождь прекратился, обезьяны вскарабкались на дерево, разорили гнезда, а птичьи яйца побросали вниз на землю.

Поэтому я и говорю: «Наставить можно разумного...» и т. д.

Царь попросил: «Рассказывай дальше». Журавль говорит: «Тогда птицы спросили разгневанно: «Кто же сделал царем этого гуся?» Я тоже рассердился и ответил: «А кто сделал царем вашего павлина?» Услышав эти слова, они хотели меня убить, но и я показал им свою силу. Ибо:

7. Иногда терпение украшает мужчину,
как женщину украшает скромность.
Но когда оскорбляют, нужна сила,
как в любви нужна смелость».

Царь сказал улыбаясь:

8. «Кто, зная свою слабость
и силу своих врагов,
Пренебрегает различием,
того враги одолеют.

И иначе:

9. Долго глупый осел,
прикрытый тигровой шкурой,
На засеянном поле пасся...
но заревел и погиб».

Журавль спрашивает: «Как так?» Царь рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Жил в Хастинапуре мойщик по имени Вишала. От перевозки тяжелых грузов его осел надорвал себе силы и чуть ли не умирал. Тогда мойщик покрыл его тигровой шкурой и пустил на засеянное поле поблизости от леса. Хозяева поля, увидев осла вдалеке и подумав, что это тигр, поспешно разбежались. Но затем один из полевых сторожей завернулся в серую попону, вооружился луком и стрелами и, слегка пригнувшись, затаился в засаде. Заметив его издали, осел, который от обильной еды на поле стал к тому времени жирным и набрался сил, подумал, что это ослица, и с громким ревом побежал ему навстречу. Тут полевой сторож понял по реву, что перед ним осел, и, словно бы играючи, убил его.

Поэтому я и говорю: «Долго глупый осел...» и т. д. Рассказывай дальше». Журавль продолжал: «Тогда птицы закричали: «Ах ты подлый и злобный журавль; ты смеешь еще оскорблять нашего господина! Этого мы не потерпим». И с этими словами принялись бить меня клювами. А затем сказали разгневанно: «Подумай, глупец. Твой гусь настолько слаб, что нет у него права на царскую власть. Ведь кто так слаб, не может удержать даже то, что само идет ему в руки. Куда ему править землей! И что у него может быть за царство! А ты, колодезная лягушка, еще советуешь нам искать у него покровительства.

Слушай:

10. Подобаает чтить могучее дерево,
у которого есть и плоды и тень;
Даже если Судьба отнимет плоды,
кто лишит его тени?

И еще:

11. Не следует чтить ничтожного,
полагайся во всем на великого:
Не принимай за вино
воду из рук кабатчицы.

И иначе:

12. Великий, как бы он ни был велик,
ничтожному кажется малым:
В маленьком зеркале даже слон
становится меньше зеркала.

II в особенности:

13. Можно достичь успеха
одним лишь царским именем;
Так, зайцы стали счастливы,
когда назвали луну».

II спросил: «Как так?» Птицы рассказывают:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Однажды, когда, несмотря на сезон дождей, дождя долго не было, слоны, томимые жаждой, сказали своему вожаку: «Как нам быть, господин? Здесь есть место для купания, но только для мелких животных; а если нам не купаться, мы станем словно слепые. Куда же нам идти и что делать?» Тогда царь слонов отвел их в другое, не слишком далекое место и показал им озеро с чистой водой. На берегу этого озера жили, однако, зайцы, и многих из них слоны подавили своими тяжелыми ногами. Один из зайцев, которого звали Шилимукха, стал рассуждать вслух: «Это стадо слонов, гонимых жаждой, будет приходить сюда каждый день, и в конце концов погибнет весь наш род». На это старый заяц по имени Виджая возразил: «Не падайте духом. Я найду средство, как нам спастись». И пообещав так, он побежал прочь. По дороге он стал думать: «Как бы мне подойти к слонам и заговорить с ними?

Ведь:

14. Слон убивает, едва коснувшись,
змея — только попохав,
Царь убивает одной улыбкой,
злодей — воздавая почести.

Попробую-ка я поговорить с вожаком стада, взобравшись на вершину холма». Так он и сделал, и когда вожак стада спросил его: «Кто ты и откуда пришел?» — он сказал: «Я заяц, а послала меня к тебе владычица Луна». — «В чем дело? Говори», — приказал вожак стада, и Виджая отвечал:

15. «Пусть даже оружие поднято,
послу не пристало лгать.
Он говорит только правду,
не опасаясь казни.

Слушай же. Вот что Луна приказала мне передать тебе: «Ты плохо сделал, прогнав этих зайцев, хранителей лунного озера. Они — мои стражи; недаром я ношу на себе знак зайца». Когда посол передал эти слова, вожак слонов устранился и сказал: «Я поступил так по неведению и впредь не буду ходить на озеро». Посол сказал: «Если так, то ты должен умиловить владычицу Луну: пойти на берег озера и поклониться ей, дрожащей от гнева, а затем удалиться». Ночью он подвел вожака слонов к озеру и показал ему дрожащий на воде диск луны. А когда вожак слонов пал перед нею ниц, заяц проговорил: «Государыня, он не ведал что творит, и потому прости его». Так сказав, он разрешил вожаку слонов уйти.

Поэтому я и говорю: «Можно достичь успеха...» и т. д.

Тогда я воскликнул: «Наш повелитель тоже велик и могуч!» Тут эти птицы закричали: «Да как ты смеешь ходить по нашей земле!» — схватили меня и отвели к своему царю Читраварне. Поставив меня перед царем, они поклонились ему и сказали: «Божественный, взгляни на этого негодного журавля. Он топчет нашу землю, да притом еще оскорбляет Ваше Величество». Царь спросил: «Кто он и откуда пришел?» Они отвечали: «Он придворный царя гусей Хираньягарбхи и пришел из страны Карпуры». Затем меня спросил тамошний министр коршун: «А кто у вас в Карпуре главный министр?» Я отвечал: «Селезень по имени Сарваджня». Коршун сказал: «Ему подходит быть вашим министром, ведь он ваш земляк.

Ибо:

16. Пусть делает царь министром
жителя той же страны,
Благородного, честного, верного,
советчика мудрого,
17. От страстей и пороков свободного,
отпрыска знатного рода,
Знатока законов, народом чтимого,
казну умножать искусного».

Тут один попугай сказал: «Страна Карпура, да и другие мелкие страны принадлежат Джамбудвипе, и потому они должны быть подвластны Вашему Величеству». И царь подтвердил: «Да, это так».

Ибо:

18. Царь, пьяница, ребенок, женщина
и тот, кто чванится богатством,
Достичь желают недоступного,
не говоря уж о доступном.

На это я ответил: «Если бы, для того чтобы приобрести царство, достаточно было одних слов, тогда и Джамбудини принадлежала бы нашему государю Хираньягарбхе». Попугай сказал: «Так как же решить дело?» И я отвечал: «Войной». Тогда царь сказал, усмехнувшись: «Возвращайся же к своему господину, и готовьтесь к войне». На это я предложил: «Пусть и от вас будет послан посол». Царь сказал: «Кого же нам выбрать? Не всякого ведь сделаешь послом.

19. Преданный, доблестный, честный, ловкий,
смелый, прямой, терпеливый,
Умный и прощательный брахман —
вот кто годится в послы.

Причем именно брахман должен быть послом, хотя многие обладают такими качествами.

Ибо:

20. Милость царя может сделать счастливым,
но не делает благородным:
Яд калакүта не стал белее,
когда его выпил Шива.

Пусть пойдет попугай. Эй, попугай, ступай вместе с журавлем и передай его государю нашу волю». В ответ попугай сказал: «Как прикажет божественный. Но этот негодный журавль мне ни к чему. С ним вместе я не пойду.

Ведь так говорится:

21. Злодей учиняет зло,
а несет наказание добрый:
Дашагріва похитил Сіту,
а в оковы попал океан.

И кроме того:

22. Не следует быть вблизи злодея
или идти куда-нибудь вместе:
Погибли и гусь, живший с вороном,
и перепел, с ним летевший».

Царь спросил: «Как так?» Попугай рассказывает:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Есть в лесу по дороге к Удджайини большая смоковница. На ней жили гусь и ворон. Однажды в летний зной у подножья смоковницы спал некий усталый путник, а его лук и стрелы лежали рядом. Тень от дерева падала на лицо путника, но спустя некоторое время сошла с него. И тогда гусь, живший на смоковнице, заметив, что лучи солнца падают прямо на путника, из сострадания распростер над ним крылья, так что лицо его вновь оказалось в тени. Забывшись в глубоком и покойном сне, путник широко раскрыл рот. Но тут ворон выпустил ему в рот свои испражнения, а затем улетел. Путник вскочил, глянул вверх, увидел гуся и убил его стрелой из лука.

Поэтому я и говорю: «Не следует быть вблизи злодея...» и т. д. А теперь расскажу историю о перепеле.

Однажды все птицы, сопровождая Владыку Гаруду в его паломничестве, летели к берегу моря. В их числе были перепел и ворон. Тем же путем шел пастух, и ворон то и дело лакомился сметаной из кувшина, который тот нес на голове. Спустя некоторое время пастух поставил горшок со сметаной на землю, посмотрел вверх и увидел ворона и перепела. Тут ворон, перепугавшись, улетел, а перепела, который не мог летать быстро, пастух догнал и убил.

Поэтому я и говорю: «Не следует быть вблизи злодея...» и т. д.

Тогда я сказал: «Брат попугай, зачем ты так говоришь? Я одинаково почитаю как тебя, так и Его Величество». Попугай отвечал: «Пусть даже так. Однако

23. Чем приятней слова злодея,
сказанные с улыбкой,
Тем опасней они, как цветы,
распустившиеся не вовремя.

А злой твой нрав я распознал по твоим речам. Ведь они-то и есть причина войны между нашими двумя царями.

Смотри:

24. Дурак утешится приятными словами,
хоть на глазах его чипится зло:
На голову себе тележник водрузил
неверную жену с ее дружком».

Царь спросил: «Как так?» Попугай рассказывает:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Жил в городе Яуванашири тележник по имени Мандамати. Он знал, что его жена распутна, но сам ни разу ее не видел на свидании с любовником. Тогда этот тележник, сказав, что пойдет в другую деревню, удалился немного от дома, а затем тайком вернулся и спрятался под кроватью. Уверенная, что тележник в другой деревне, жена его вечером позвала к себе любовника. На той же кровати, под которой лежал ее муж, она было затеяла страстную любовную игру, как вдруг случайно коснулась чьего-то тела внизу. Она поняла, что это ее супруг, и весьма смутилась. А любовник ей и говорит: «Отчего ты сегодня так холодна со мною? И словно бы чем-то озабочена?» На это она отвечала: «Властелин моей жизни ушел сегодня в другую деревню. А без него наша деревня, сколько бы ни было в ней народу, кажется мне безлюдным лесом». Любовник спрашивает: «С чего это ты так полюбила своего тележника?» Распутница отвечает: «О чем ты говоришь, глупец! Слушай:

25. Та жена сосуд добродетели,
которая ласкова с мужем,
Хотя бы он гневно глядел на нее
и постоянно бранил.

И иначе:

26. Живет он в городе или в лесу,
плох он или хорош,
Если женщина предана мужу,
блаженных миров достигает.

И еще:

27. Муж — лучшее украшение,
пусть нет других украшений.
Без мужа женщина некрасива,
пусть даже она красавица.

Тобой, дружок, я иногда забавлялась из прихоти, как забавляюсь цветами или бетелем. А он, мой господин, должен продать меня либо отдать богам или брахманам. Что много говорить! Пока он жив, живу и я, а он умрет, и я умру вслед за ним. Так я решила.

Ибо:

28. Тридцать и пять миллионов волос
на теле у человека.
Столько же лет проживет на небе
жена, умершая вслед за мужем.

И еще:

29. Как силой вытягивает змею
укротитель змей из норы,
Так жена увлекает мужа на небо
и блаженствует вместе с ним».

Слушая все это, тележник подумал: «Счастлив я, что у меня такая любящая, преданная, ласковая супруга». И водрузив себе на голову кровать с женой и ее любовником, он принялся плясать от радости.

Поэтому я и говорю: «Дурак утешится приятными словами...» и т. д.

Затем царь оказал мне положенные почести и отпустил. А попугай последовал за мной. Теперь, когда вы все знаете, нужно решать, что делать дальше». Селезень сказал улыбаясь: «Божественный, даже попав в чужую страну, журавль по мере сил был занят государственными делами. Но такова уж его природа.

Ибо:

30. Чтобы не ссориться, мудрый
сотню монет отдаст.
По беспричинной же ссоре
сразу узнаешь глупца».

Царь сказал: «Что сожалеть о случившемся? Давайте подумаем, что делать дальше». Селезень сказал: «Божественный, я хочу поговорить с тобою наедине.

Ибо:

31. По цвету лица, по его выражению,
по звуку слов, по глазам, по жестам
Узнает мысли другого мудрый:
совет держать полагается в тайне».

Когда остальные удалились и царь и министр остались одни, селезень сказал: «Божественный, я думаю, что журавль действовал по наущению кого-то из наших придворных.

Ибо:

32. Для лекарей лучше всего — большой,
для слуг — беда господина,
Для умного пожива — дурак,
а для царя — богатый сутяга».

Царь сказал: «Пусть так. Но причину его поведения выясним позже, а сейчас говори, что нужно сделать». Селе-

он отвечал: «Божественный, нужно послать к врагам лазутчика. Тогда мы узнаем, что они намерены предпринять, в чем их сила и в чем слабость.

Ибо так:

33. Все, что делается и не делается
и в своей стране и в чужой,
Донесет государев глаз — лазутчик.
Без лазутчика царь слеп.

И он должен взять с собою помощника, достойного доверия. Сам он останется в чужой стране, а помощника будет посылать сюда, тайно сообщая ему о положении дел.

Ведь так сказано:

34. В лесных обителях, храмах, местах омовений
под видом беседы о книгах священных
Пусть совещается царь с лазутчиками,
переодетыми в отшельников.

Этим тайным лазутчиком, который должен уметь передвигаться по воде и посуху и быть на жаловании у обеих сторон, следует назначить какого-нибудь журавля; а близкие его пусть останутся здесь, при царском дворе. Однако все это, государь, нужно держать в большой тайне.

Ибо:

35. Если замысел слышали шесть ушей,
тотчас он расплзается слухами;
Царь потому пусть держит совет
с глазу на глаз с самим собою.

И кроме того, знай:

36. Разглашение царского замысла
неотвратимой грозит бедой —
Этому издавна нас учили
знатоки государственной мудрости».

Царь, подумав, сказал: «Я нашел превосходного лазутчика». Министр ответил: «В таком случае, государь, найден и путь к победе».

В это время вошел привратник и, склонившись перед царем, доложил: «Божественный, прибыл попугай из Джамбудвипы, он ожидает у входа». Царь посмотрел на селезню, и селезень приказал: «Пусть он пока побудет в отведенных для послов покоях, а к царю мы его допу-

стим позже». Привратник вышел, и царь сказал: «Итак, предстоит война». Селезень отвечал: «Божественный, с войной не следует торопиться.

Ибо:

37. Какой советник или министр
сразу, без размышлений,
Царю посоветует воевать
или уйти в изгнание?

И кроме того:

38. Стремись победить врагов,
но победить не битвой:
В войне для обеих сторон
победа равно непрочна.

Ибо:

39. Любой человек герой,
пока война не наступит.
Всякий чванлив, пока
силы врага не увидит.

И еще:

40. Камень легче поднять
палкой, а не руками.
Малыми средствами — больший успех:
в этом величье замысла.

Однако если видишь, что война неизбежна, нужно действовать.

Ибо:

41. Как вспашка, проведенная своевременно,
богатый сулит урожай,
Так царская мудрость приносит успех,
однако не сразу, а в будущем.

И иначе:

42. Быть осторожным заранее и смелым в самой беде —
вот свойство великого.
Доблестный муж, когда видит врага,
становится твердым.

И кроме того:

43. Горячность — первая из помех
успеху в любом деле.
Разве вода не точит горы,
хотя она и холодная?

В особенности, божественный, следует помнить, что этот царь Читраварна очень силен.

44. Никто не посоветует
сразиться слабому с сильным:
Их бой подобен битве
пешего со слоном.

И кроме того:

45. Глупец бросается на обидчика,
не выждав удобного времени;
Для спора с сильным гусеница
должна превратиться в бабочку.

И еще:

46. Искусный правитель спосит удары,
сжимаясь под панцирем как черепаха,
Но в пужный момент он распрямляется,
как разъярившаяся змея.

Слушай, государь:

47. Ни сильный, ни слабый не страшен
умеющему бороться:
Речной поток вырывает
и траву и деревья с корнем.

Нам следует всячески ублажать посла-попугая и удерживать его здесь, пока не будет готова крепость.

Ибо:

48. На крепостном валу, с луком в руках,
один сражается с сотней,
А сотня с сотнею тысяч. Поэтому —
должно выстроить крепость.

И еще:

49. У кого насмешки не вызовет
страна, лишенная крепости?
Царь без крепости беззащитен,
как пловец посреди океана.
50. Крепость строй под прикрытием леса,
скалы, реки либо пустыни,
Окружи ее рвом, высоким валом,
снабди машинами и водою.
51. Величина, крутые стены,
запасы воды, зерна и топлива,
Удобные вход и выход — вот
семь главных достоинств крепости».

Царь спросил: «Кому же поручить строительство крепости?» Селезень ответил:

52. «Тому, кто сведущ в каком-либо деле,
и нужно его поручать.
Ведь дела не зная, впросак попадет
самый великий умник.

Нужно позвать фламинго». Позвали фламинго, и когда тот явился, царь оказал ему доверие и поручил выстроить крепость. Фламинго почтительно отвечал: «Божественный, крепость давно уже готова. Ею будет большое озеро, а на острове, расположенном посреди озера, нужно сделать необходимые запасы.

Ибо:

53. Из всех запасов лучший, государь,—
запас зерна.
Ведь жемчугом, хоть в рот его клади,
не будешь сытый.

И кроме того:

54. Вкус соли, как известно, главный
среди вкусов пищи.
Коровьим отдаст пометом
еда без соли».

Царь приказал: «Ступай же и поскорей все приготовь». В это время снова вошел привратник и доложил: «Божественный, из страны Синхала прибыл вместе со своей свитой вороний царь по имени Мегхаварна. Он ожидает у входа и желает видеть Ваше Величество». Царь заметил: «Ворон много знает и много видел. Нужно его принять с почетом». Селезень сказал: «Это так, божественный. Однако ворон живет на суше и принадлежит к нашим врагам. Зачем же его принимать?

Так говорится:

55. Глупец, кто своих покидает
и примыкает к чужим:
Чужия его убьют,
как сиего шакала.

Царь спросил: «Как так?» Селезень рассказывает:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Некий шакал имел привычку бродить в окрестностях города и однажды свалился там в чан с краской индиго. Не сумев выбраться из чана своими силами, он оставался в нем до утра, прикинувшись мертвым. Наутро хозяин чана, решив, что шакал подох, вытащил его, отнес подалее и бросил. А шакал убежал в лес. Оглядев себя, он увидел, что стал синим, и подумал: «Теперь я голубых провей, почему бы мне не занять подобающее мне положение?» Так подумав, он созвал шакалов и сказал им: «Бог—владыка леса своей рукой собрал сок ото всех растений и помазал меня на царство. Взгляните на мою расцветку! Так вот, с сегодняшнего дня все в лесу должно быть по моей воле». Видя его необычный цвет, шакалы распростерлись перед ним ниц и почтительно согласились: «Как прикажет божественный!» Так же он утвердил свою власть над всеми другими зверьми, жившими в лесу, и счастливо царствовал, окружив себя своими родичами.

Однако спустя некоторое время, когда к его пышной свите присоединились львы, тигры и иные могучие звери, он, глядя на шакалов, стал их стыдиться и с презрением удалил от своей особы. Заметив, что шакалы пали духом, один старый шакал дал им такой совет: «Не огорчайтесь, что этот неуч, несведущий в житейской мудрости, пренебрегает нами. Мы знаем его слабое место, и я попробую его погубить. Все эти тигры и другие звери, обманутые его цветом, принимают его за царя и не ведают, что он просто шакал. Так поможем им распознать его. Вот что сделаем: как-нибудь вечером все вместе подыдем поблизости от него громкий вой. Услышав наш вой, он, выпнувшись своей природе, тоже непременно завоет.

Ибо:

56. Своя природа, есть у каждого,
и нелегко ее превозмочь:
Разве собака бросит грызть туфли,
если сделать ее царем?

И тогда, узнав его по голосу, какой-нибудь тигр его прикончит». Все было сделано, как посоветовал старый шакал, и все так и произошло.

Сказано ведь:

57. И силу, и слабость, и все огрехи
знает враг, если он из своих.
Он губит все, проникая внутрь,
как огонь сжигает сухое дерево.

Поэтому я и говорю: «Глупец, кто своих покидает...» и т. д.

Царь сказал: «Даже если это и так, он все-таки пришел издалека, и нужно с ним встретиться, а потом уже решать, оказывать ли ему покровительство».

Селезень говорит: «Божественный, лазутчик послан, крепость готова, и теперь можно принять попугая, а затем отпустить его восвояси.

Однако:

58. Посла коварного подослав,
Чанакья убил Напду.
Лазутчика храброго приймай,
лишь окружив себя воинами».

Тогда царь созвал своих придворных и пригласил попугая, а вместе с ним и ворона. Попугай, едва поклонившись, уселся в предложенное ему кресло и сказал: «Эй, Хиракьягарбха! Царь царей, прославленный Читраварна, повелевает тебе: «Если хочешь сохранить жизнь и благополучие, немедленно явись ко мне и припади к моим стопам. В противном случае будь готов покинуть свою страну». Царь в гневе воскликнул: «Неужели здесь нет никого, кто был бы мне предан!» Тогда поднялся Мегхаварна и сказал: «Божественный, только прикажи — и я убью этого подлого попугая». Сарваджня стал успокаивать царя и ворона: «Слушайте:

59. Это не собрание, где нет старейшин;
То не старейшины, кто забыл о законе;
Это не закон, в котором нет правды;
То не правда, если в ней обман.

А вот в чем закон:

60. Посол — уста государевы.
Пускай оружие поднято,
Посла нельзя убивать,
будь раб он, тем более — брахман.

И иначе:

61. Хулу себе и хвалу врагу
в речах посла никто не ищет.
Посла не дозволено убивать,
и он болтает все что угодно».

Тут царь и ворон успокоились, а попугай поднялся и пошел прочь. Однако селезень уговорил его вернуться, поднес ему золотые украшения и другие подарки и только тогда отпустил.

Возвратившись в горы Виндхья, попугай почтительно приветствовал своего государя. Царь Читраварна спросил: «Какие новости, попугай? И что это за страна, которую ты посетил?» Попугай отвечал: «Божественный, коротко говоря, новости такие: нужно готовиться к войне. А страна эта, Карпура, похожа на часть неба. Разве можно ее описать!» Царь созвал на совет всех старейшин и сказал им: «Предстоит война. Посоветуйте, как нам быть. Но войну мы будем вести непременно.

Ведь так сказано:

62. Гибнут брахманы недовольные
и довольные всем царю,
Погибают жены бесстыдные
и стыдящиеся блудницы».

Коршун по имени Дурадаршин отвечал: «Божественный, не стоит начинать войну ради самой войны.

Ибо:

63. Когда повсюду друзья,
верные даже в беде,
А у врага их нет,—
тогда начинай войну».

И еще:

64. Три у войны опоры:
земля, союзник и золото.
Когда опоры крепки,
тогда начинай войну».

Царь сказал: «Пусть министр произведет смотр моим войскам. Готовы ли они воевать, получили ли свое довольствие? И позовите звездочета. Пусть он укажет благоприятное время для начала похода». Министр говорит: «Сразу начинать поход на годится.

Ибо:

65. Глупцы, готовые идти в поход
без размышлений, сразу,
Напорются на лезвие меча —
здесь нет сомнений».

Царь воскликнул: «Министр, не пытайся поколебать мою решимость. Скажи лучше, как вторгнуться во вражескую

землю тому, кто ищет победы». Коршун ответил: «Я скажу. Но бесполезно давать совет, если его не выполнить. Так говорятся:

66. К чему советники, если царь
сам сведущ в законе?
Но недостаточно знать лекарство,
нужно уметь его применять.

Однако приказом царя пренебрегать нельзя. И потому я расскажу все, что мне известно. Слушай, божественный!

67. По горам, лесам, непролазным кручам —
всюду, где есть опасность, —
Полководец ведет свои войска
построенными в боевой порядок.
68. Впереди идет главный помощник
в окружении смелых воинов,
В середине — царь, гарем, казна
и слабейшая часть войска.
69. По бокам пусть движется конница,
рядом с конницею — колесницы,
Рядом с колесницами — слоны,
за слонами следует пехота.
70. Сзади, направляя войск движение,
во главе отборного отряда,
Ободряя слабых, должен ехать
полководец, вместе с ним — советники.
71. Холмистую местность, болота и горы
пересекай на слонах,
На конях — долины, на лодках — озера,
но всюду пройдет пехота.
72. В дождливое время передвигаться
советуют на слонах,
Сухой сезон удобен коннице,
но всякое время — пехоте.
73. Когда в тяжелом походе войско,
необходима охрана царя.
А сон государя должен быть чуток
и под охраной лучших воилов.
74. Преследуй, уничтожай врагов,
разрушай их крепости и бастионы,
И в чужой стране местные жители
пусть служат тебе проводниками.
75. Где царь, там и казна: бессильна
без казны царская власть.
И не скупись ради храбрых воинов:
кто не сразится за щедрого?

Ибо:

76. Не человека раб человек,
а раб царской казны.
Есть деньги — и он велик,
нет денег — и он ничтожен.

77. Сражайся, не разделяя сил,
каждый пусть защищает каждого.
А если есть слабый отряд,
ставь его в середину строя.
78. В сражении следует царю
вперед выставлять пехоту;
А заперев врага в крепости,
онустошать чужие земли.
79. Колесницы и кони хороши для равнины,
а на реке — слоны и лодки,
В лесу же и там, где растет кустарник,
сражайся мечом, щитом и луком.
80. Луга и хлеб, воду и топливо
порть врагу постоянно;
Разрушай крепостные стены и рвы,
осушай его водоемы.
81. В царском войске главное — слон,
равных ему нет.
Говорят, что тело слона составляют
восемь видов оружия.
82. Конница — будто подвижный вал,
в этом ее сила;
Царь, у которого много конницы,
побеждает в битве на суше.

Так говорится:

83. Тех, кто бьется верхом,
не победят даже боги;
Как бы ни был враг далеко,
для конницы он рядом.
84. Участие в битве, расчистка дорог,
охрана всего войска —
Таков, по мнению знатоков,
первый долг пехоты.
85. Лучшим считается войско
из прославленных кшатриев,
Храброе, стойкое, преданное,
сведущее в оружии.
86. Не только деньги дороги воинам,
сколько бы их ни платить;
Они сражаются ради чести,
воздаваемой им государем.
87. Небольшое, но храброе войско
лучше, чем скопище трусов;
Если слабые падают духом,
теряют мужество сильные.
88. Обхождение грубое, дурные начальники,
присвоение положенной платы,
Трата времени по-пустому, отказ в наградах —
вот причины воинов недовольства.
89. Наступай, если желаешь победы,
но щади силы войска:
Измученное долгим походом,
его легко победить.

90. Лучшее средство рассорить врагов —
наследник вражеского престола.
Поэтому не жалей усилий,
подстрекая наследника к бунту.
91. Если враг упорен, в его рядах
старайся посеять смуту;
А ради нее ищи союза
с наследником или министром.

93. Уводи людей из страны врага,
сели их в своей стране.
Подаренная тобою земля
принесет тебе, царь, богатство».

Царь сказал: «К чему столько слов!

94. Возвышай себя, унижай врага! —
вот и вся государева мудрость,
На это-то тратят знатоки
все свое краспоречие».

Министр, улыбувшись, отвечал: «Это правильно. Однако

95. Жить как придется — одно дело,
жить по науке — другое;
Поверь, не могут быть свет и тьма
в равной мере полезны».

И все-таки царь собрал свои силы и в благоприятное время, указанное звездочетом, выступил в поход.

Между тем возвратился посланный Хираньягарбхой на разведку лазутчик и доложил государю: «Божественный, царь Читраварна выступил в поход и стоит сейчас лагерем в горах Малая. Нужно повнимательнее осмотреть нашу крепость. Дело в том, что у Читраварны есть мудрый министр — коршун, и случайно из доверительной беседы, которую он вел, я узнал, что с недавних пор он в нашей крепости кого-то содержит». Селезень сказал: «Государь, это, должно быть, ворон». — «Нет, нет, — возразил царь. — Если бы это было так, то к чему бы ему нападать на попугая?» Лазутчик добавил: «Там решили начать войну лишь после того, как попугай возвратился. А ворон у нас живет уже давно». Министр сказал: «И все-таки с пришлыми нужно быть осторожным». Царь ответил: «Случается, что и пришелец способен оказать услугу. Слушай:

96. Чужак бывает верным другом,
а друг — опасным чужаком;
Ведь в теле собственном болезнь — зло,
а из лесу лекарство — благо.

И иначе:

97. Стал слугой царя Шудраки
воин по имени Виравара;
Вскоре он отдал за жизнь царя
жизнь своего сына.

Селезень спрашивает: «Как так?» Царь рассказывает:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Некогда я был влюблен в Карпураманджари, дочь царя гусей Карпуракели, который жил в пруду для увеселений при дворе царя Шудраки. Однажды из какой-то другой страны явился ко двору раджпут по имени Виравара и, подойдя к дворцовому привратнику, сказал: «Я раджпут и ищу службы. Отведи меня к государю». Затем, свидевшись с царем, он говорит ему: «Божественный, если есть у тебя нужда в моей службе, назначь мне жалованье». — «А сколько тебе платить?» — спрашивает Шудрака. Виравара отвечает: «Четыреста золотых в день». — «Что же ты имеешь для службы?» — спрашивает царь. «Две руки да вот этот меч», — говорит Виравара. На это царь отвечал: «Нет, не могу тебя взять», — и, услышав его слова, Виравара поклонился и ушел. Однако министры посоветовали царю: «Божественный, плати ему это жалованье в течение четырех дней, и мы узнаем, на что он способен: стоит он таких денег или нет». Царь согласился, позвал Виравару, угостил его бетелем и вручил ему четыреста золотых. А затем приказал тайком разведать, как Виравара поступит с этими деньгами. И оказалось, что половину их тот пожертвовал богам и брахманам, половину половины отдал беднякам, а остальные потратил на еду и удовольствия. Так же поступал Виравара и в другие дни, а сам с мечом в руках днем и ночью нес службу у ворот дворца. И только тогда отлучался домой, когда царь ему это приказывал.

На четвертую ночь службы Виравары царю послышался чей-то жалобный плач. «Кто у дверей?» — спросил Шудрака и услышал ответ: «Это я, государь, Виравара». Царь сказал: «Разузнай, что это за плач». — «Как прикажет божественный», — ответил Виравара и вышел. Царь подумал: «Я послал этого раджпута одного, да еще в такую темень, что хоть глаз коли. Пойду-ка я за ним

и разведаяю, в чем тут дело». Затем царь тоже взял меч и, следуя за Вираварой, покинул пределы города.

На своем пути Виравара встретил красивую молодую женщину, одетую в осыпанное драгоценностями платье, и женщина эта горько плакала. Он спросил: «Кто ты и почему плачешь?» Женщина отвечала: «Я Богиня счастья царя Шудраки. Долгое время я покоилась в радости под сенью его руки. Но теперь должна уйти». Виравара спросил: «Как сделать так, чтобы ты осталась?» Богиня счастья сказала: «Если ты принесешь в жертву богине Сарвамангале своего сына Шактивару, обладающего тридцатью двумя счастливыми признаками, я останусь здесь надолго и снова буду жить счастливо». Так сказав, она исчезла, а Виравара, вернувшись к себе домой, разбудил жену и сына. Когда, проснувшись, они поднялись и сели, Виравара передал им все, что сказала ему Богиня счастья. Выслушав его рассказ, Шактивара воскликнул с радостью: «Как счастлив я, что помогу спасти царство нашего господина! Чего же ты медлишь, отец? Разве не достойно хвалы пожертвовать своим телом ради такого дела!

Ибо:

98. Мудрый — жертвует ради другого
и богатством своим, и жизнью.
Ведь и так суждено им погибнуть;
так отдай их на доброе дело!»

Мать Шактивары сказала: «Если мы этого не сделаем, то как иначе расплатимся за великое жалованье, которое получаем?» Так рассудив, все они пошли в святилище Сарвамангалы. Там, воздав Сарвамангале почести, Виравара воскликнул: «Будь милостива, богиня! Победа великому царю Шудраке! Прими эту жертву!» И с этими словами отсек голову своему сыну. Затем Виравара подумал: «Вот я и расплатился с царем за полученные от него деньги. Но жизнь без сына будет мне отныне только в насмешку». И подумав так, он отрубил голову себе самому. То же, в горе по мужу и сыну, сделала и его жена. А царь, видя и слыша все это, с изумлением подумал:

99. «Повсюду живут и умирают
подобные мне жалкие люди.
Но не было и не будет в мире
такого, как он, человека.

И теперь, когда я его лишился, на что мне царство!» Тут же Шудрака вытащил меч, чтобы отсечь и себе голову,

но владычица Сарвамангала удержала руку царя и сказала: «Не будь безрассудным, сын мой! Отныне ничто не грозит твоему царствованию». Царь распростерся перед нею ниц и ответил: «Богиня, ни к чему мне ни царство, ни жизнь. Однако если ты испытываешь ко мне сострадание, то отдай остаток моей жизни ему, его жене и сыну. А я пойду тем путем, который избрал для себя». Богиня сказала: «Ты всецело умилоствовал меня своим великодушием и своей привязанностью к слуге. Ступай, и да будет с тобой победа! И да обретут снова жизнь этот раджпут и его близкие!» Возвращенные к жизни, Виравара с женой и сыном пошли к себе домой. А царь, которого они не заметили, вернулся во дворец и лег спать.

Спустя некоторое время Виравара снова занял свой пост у дворцовых ворот и, когда царь стал расспрашивать его о случившемся, отвечал: «Божественный, это плакала какая-то женщина. Завидев меня, она скрылась. И ничего другого не произошло». Выслушав его ответ, царь с радостью подумал: «Можно ли оценить по достоинству подобное благородство!

Ибо:

100. Говори приветливо, но не унижайся,
будучи героем, не хвастай,
Щедрый, не одаривай недостойных,
будь решительным, но не грубым.

Поистине, он наделен всеми этими признаками великого человека». Наутро Шудрака рассказал на дворцовом совете обо всем, что случилось, и в знак своей милости отдал Вираваре царство Карнату.

Так почему же считать злонравным всякого прищельца? И среди них бывают и хорошие, и плохие, и средние». Селезень отвечал:

101. «Тот не министр, кто, угождая,
недолжное объявляет должным.
Лучше царя опечалить правдой,
чем погубить недолжным делом.

Слушай, государь:

102. «То, что другой получил за заслуги,
добуду и я», — рассуждал цирюльник.
Но ради денег убив монаха,
сам, безумец, лишился жизни.

Царь спрашивает: «Как так?» Министр рассказывает:

В городе Айодхье жил кшатрий по имени Чудамани. Мечтая о богатстве, он старался умиловить Владыку Шиву, посящего полумесяц на голове, и долго предавался жестокому истязанию плоти. Когда, наконец, он искупил все свои грехи, к нему во сне явился по милости Благого Бога владыка якшей и дал такое наставление: «Сегодня утром, после того как ты побреешься, возьми в руки палку и спрячься у ворот своего дома. Как только увидишь, что во двор входит нищенствующий монах, бей его, не жалея, палкой, пока он не умрет. Умерев, монах превратится в горшок, полный золота. С этим золотом ты сможешь прожить счастливо и в свое удовольствие столько лет жизни, сколько тебе отпущено». Когда кшатрий сделал, как было ему велено, все так и произошло. Но случившееся видел цирюльник, которого кшатрий пригласил к себе для бритья. А увидев, подумал: «Ого! Вот способ добывать клады. Почему бы и мне не сделать то же?» С тех пор каждое утро цирюльник с палкой в руках поджидал, притаившись, появления какого-нибудь нищего монаха. В конце концов такой монах однажды ему попался, и он убил его палкой. Однако за это преступление царские палачи забили до смерти самого цирюльника.

Поэтому я и говорю: «То, что другой получил за заслуги...» и т. д.

Царь сказал:

103. «Сколько ни болтай, старинными рассказами права чужака не распознаешь;
Кто он: вкравшийся в доверие убийца
или же, напротив, друг бескорыстный?

Оставим это и займемся тем, с чего мы начали. Читраварна находится в горах Малая. Что же нам теперь делать?» Министр говорит: «Божественный, от возвратившегося шпиона я узнал, что царь Читраварна пренебрег советом своего мудрого министра-коршуна. А раз так, можно его, глупца, победить.

Так говорится:

104. Легко победить противника жадного,
жестокоего, праздного, лживого,
Беззаботного, трусливого, глупого,
не заботящегося о своих воинах.

А потому, пока враги не спустились с гор к нашей крепости, пужно приказать фламिंगо и другим военачальникам истреблять их силы на речных, горных и лесных дорогах.

Так говорится:

105. На усталое от долгого пути,
от речных, лесных и горных переходов,
На напуганное грозными пожарами,
обессиленное голодом и жаждой;
106. На предавшееся пьянству и еде,
изнуренное нуждой и болезнями,
На забывшее о строе, малочисленное,
на истерзанное ветром и дождями;
107. На измокшее, от пыли почерневшее,
разделенное на мелкие отряды,
На побитое разбойниками войско
смело пусть государь нападает.

И кроме того:

108. Пусть царь нападает на войско,
которое спит среди дня,
Когда не выспалось ночью,
ожидаая ночного налета.

Итак, пусть военачальники выступают и днем и ночью, при первой возможности наносят удары по войску беспечного врага.

Так они и сделали и перебили многих воинов и военачальников Читраварны. Тогда павший духом Читраварна сказал своему министру Дурадаршину: «В чем дело, отец? Оба мы чего-то не предусмотрели или это одна моя вина?

Ведь так сказано:

109. Не следует действовать не по закону,
полагаясь на сан царя.
Дурные поступки губят удачу,
как старость — цветущую красоту.

И иначе:

110. Настойчивый обретает удачу,
умеренный в пище — здоровье,
здоровый — благополучие,
Прилежный — полное знание,
а поступающий праведно —
добродетель, пользу и славу».

Коршун сказал: «Божественный!

111. Если несведущ царь,
по чтит обладающих знанием,
Он увяданья избегнет,
как дерево близ воды.

И иначе:

112. Женщины, пьянство, игра, охота,
захват чужого имущества,
Жестокость в слове и наказании —
вот пороки царей.

И еще:

113. Ни одержимый страстью к одной отваге,
Ни тот, кто лишь хитрости доверяет,
Не обретут ни могущества, ни величия:
Отвага и хитрость вместе сулят удачу.

Полагаясь на силу войска и уповая только на отвагу, ты пренебрег моими советами и даже грубо обошелся со мною. И вот плоды твоего неразумного поведения.

Так сказано:

114. Какого министра, если он плох,
не преследуют неудачи?
Кого, кто ест неумеренно,
не терзают болезни?
Кого не слепит удача?
Кого не погубит смерть?
Кого не томят желания,
порожденные женщинами?

Одно время я думал о тебе: «Где его разум? Как может он подменять наставления государственной мудрости своими желаниями?»

Ибо:

115. Что дадут тому наставления,
у кого нет своего ума?
Разве нужно зеркало человеку,
у которого нет глаз?

Поэтому я и молчал». Царь, просительно сложив ладони рук, сказал: «Отец, я действительно виноват. Но теперь помоги мне советом: как собрать уцелевшие войска и, повернув их к дому, возвратиться к горам Виндхья?» Коршуп подумал про себя: «Этому-то и пужно помешать. Однако

116. На богов и наставников,
на коров и царей,
На больных, детей, старшков и брахманов —
нельзя гневаться».

А вслух сказал улыбаясь: «Не бойся, божественный!
Успокойся и выслушай:

117. В соединении разъединенного —
мудрость министра,
В сращении сломанного — врача.
А в счастье — любой мудрец!

И кроме того:

118. Принимаясь даже за малое,
суетятся одни невежды;
Мудрецы остаются спокойными,
затеявая великое.

Вскоре я приведу тебя обратно в горы Виндхья, по при-
воду в блеске славы и силы, после того как перед твоим
величием падет крепость». Царь спросил: «Как может
удаться такое со столь малым войском?» Коршун отве-
чал: «Божественный, все будет, как я сказал. Но тот,
кто желает победы, непременно должен действовать
быстро, и потому сегодня же мы должны отрезать все
выходы из крепости».

Между тем к Хираньягарбхе пришел лазутчик-жу-
равль и сказал: «Силы врага не велики. Но по совету
коршуна они идут к крепости, чтобы запереть все выхо-
ды из нее». — «Что же теперь делать?» — спросил цар-
ственный гусь. Селезень отвечал: «Нужно отделить в на-
шем войске сильных от слабых и раздать, согласно за-
слугам каждого, золото, одежду и другие дары.

Так говорится:

119. Того, кто на мелкое дело
не даст и мелкой монеты,
Как будто бы эта монета —
тысяча золотых,
Но, если нужно, щедрый,
тратит десятки миллионов, —
Такого льва-государя
никогда не покинет Лакшми.

И иначе:

120. На жертву, на свадьбу,
на отвращенье беды,
На гибель врагов, на дело,
сулящее славу,
На привлечение друзей, на любимую
и на бедного родича —
Никогда эти восемь трат
не бывают чрезмерными.

Ибо:

121. Глупец, опасаясь ничтожной траты,
губит все дело.
Кто в здравом уме бросит товар,
не желая платить пошлину?»

Царь спросил: «Но почему именно теперь нужно пойти на большие расходы?

Сказано ведь:

122. Береги деньги на случай беды».

Министр отвечал:

«Откуда беда у счастливого?»

Царь продолжал:

«Когда-нибудь да изменит счастье».

Министр сказал:

«А с ним и деньги погибнут».

Итак, перестань скупиться и возвеличь своих лучших воинов дарами и почетом.

Так говорится:

123. Врагов побеждают воины,
которые знают друг друга,
Готовы пожертвовать жизнью,
довольны и пользуются почетом.
124. Всего лишь пятьсот героев,
доблестных, смелых, сплоченных,
Если их окружить почетом,
рассеют врагов войско.

И еще:

125. Равнодушного беспечного, грубого
покидают все — даже лучшие,
Как жепа покидает мужа,
если он о ней не заботится.

Ибо:

126. Правдолюбие, мужество, щедрость —
первые царя добродетели;
Вызывает только презрение
царь, лишенный этих достоинств.

Особенно следует почитать ближайших советников.

Так говорится:

127. На того, кто предан и с тобою делит
и успехи и неудачи,
Положись во всем и ему доверь
и имущество и жизнь.

Ибо:

128. Царь, избравший себе в советники
женицу, плута или ребенка,
Тонет в океане обязанностей,
опрокинутый ветром беззакония.

Смотри, государь:

129. Того земля одарит богатством,
кто умеет беречь казну,
Обуздал и гнев и желания
и всегда о слугах заботится.
130. Тех советников государь
должен чтить неизменно,
Которые преданно делают с ним
успехи и неудачи.

Ибо:

131. Когда в суровом океане обязанностей
тонет царь, ослепленный страстью,
Руку помощи может ему подать
только преданный министр.

В это время приходит к царю Мегхаварна и с поклоном говорит: «Государь, удостой меня своего взора и милости. Враги стоят у ворот крепости и ждут боя. Если Ваше Величество прикажет, я готов выйти им навстречу и показать, на что я способен. Этим, божественный, и выплачу долг благодарности за твою доброту ко мне». Селезень возразил: «Нет, нет! На что нам нужна крепость, если мы станем сражаться в открытом бою?

И кроме того:

132. На суше даже грозный крокодил
становится бессильным;
И не опаснее шакала лев,
когда свой лес покинет.

Иди, государь, и сам надзираешь за битвой.

Ибо:

133. В бой посылая войска,
пусть царь следит за сраженьем.
Львом себя чувствует пес,
зная, что рядом хозяин».

Между тем враги подошли к воротам крепости, и разразилась великая битва. На второй ее день царь Читраварна сказал коршуну: «Отец, пришло для тебя время исполнить свое обещание». Коршун отвечал:

«Послушай:

134. Неспособность ждать, небольшие размеры,
глупый начальник,
Ненадежные стены, трусливые воины —
вот недостатки крепости.

У этой крепости таких недостатков нет. Однако

135. Есть четыре способа взять крепость:
подстрекательство к бунту,
Долговременная осада, штурм
и безудержная храбрость.

Здесь нам и пужно приложить все старание, на какое мы способны». И он что-то прошептал на ухо царю.

На следующее утро, когда солнце еще не взошло, по у четырех ворот крепости уже кипела ожесточенная битва, вороны одновременно подожгли несколько домов внутри крепости. Началась суматоха, слышались громкие крики: «Крепость взята! Взята!» — и многие воины царственного гуся, а с ними жители крепости, увидев огонь, полыхающий в домах, стали поспешно бросаться в озеро.

Ибо:

136. На добрый совет, смелый поступок,
решительный бой и поспешное бегство
Решайся, когда приходит время,
сразу и не щадя усилий.

Царственный гусь, привыкший к беспечной жизни, да и по природе своей медлительный, попал вместе со своим военачальником фламинго в окружение к воинам Читраварны, которых возглавлял полководец-петух. Царь Хираньягарбха сказал своему военачальнику: «Фламинго, не губи себя ради меня. Ты и теперь еще можешь скрыться. Так беги поскорей к воде. А сына моего, Чударатну, сделай царем с согласия подданных». Фламинго отвечал: «Божественный, не оскорбляй меня такими словами. Пока светят луна и солнце, победа — моему государю! Я комендант царской крепости, и враги вступят в нее, только переступив через мое тело и по моей крови.

И кроме того, божественный:

137. Трудно найти господина
терпеливого, щедрого, доброго».

Царь возразил: «Это так. Но при этом

Трудно найти и слугу,
честного, умного, преданного».

Фламинго говорит: «И еще, божественный слушай:

138. Если бы только битва
смертью нам грозила,
Нужно бы было битвы
всячески избегать.
Но для живых существ
смерть все равно неизбежна;
Так стоит ли понапрасну
славу свою пятнать!

И кроме того:

139. В мире непостоянном,
как волны, гонимые ветром,
Жизнь отдают за другого
лишь избранные Судьбой.

Ты, божественный,— мой государь, а государя всегда
нужно защищать.

Ибо:

140. Царь, министр, земля, крепость,
войско, казна, союзник,
А также общины городские —
вот опоры царства.

Но среди них главная опора — царь.

141. И в расцвете сил гибнут подданные,
если гибнет их государь;
Не поможет лекарь, даже сам Дханваптари,
если кончился срок жизни.

И еще:

142. Когда царь закрывает глаза,
закрывает глаза все живое:
Лотос способен раскрыть лепестки
лишь на восходе солнца».

Тут петух, приблизившись к царственному гусю, стал
напосылать ему удары шпорами и клювом. Но быстро под-

летел фламинго и защитил царя своим телом. И хотя он был изодран в клочья петушиными шпорами и клювом, фламинго, прикрывая царя телом, столкнул его в воду. Ему удалось даже убить своим клювом петуха-полководца, по вскоре и сам он был убит бесчисленными врагами, налетевшими на него со всех сторон.

Затем царь Читраварна занял крепость, захватил внутри ее все, что только можно было захватить, и, прославляемый победными гимнами придворных певцов, возвратился в свой лагерь.

Царевичи сказали: «В войске царственного гуся самым доблестным был фламинго. Он спас своего господина, пожертвовав своей жизнью.

Сказано:

143. Все коровы рожают телят
похожими на себя,
И лишь одна — вожака стада,
чья рога касаются плеч».

Вишпушарман добавил:

144. «Герои, которые, жертвуя жизнью,
спасают в бою господина,
За верность и исполнение долга
получают в награду небо.

И иначе:

145. Где бы ни пал герой,
окруженный врагами,
Он обретает вечную жизнь,
если не был труслив.

И да будет так:

146. Вовек вам не знать сражений
Слонов, пехотинцев и конных воинов!
Пусть даст вам победу царская мудрость
И рассеет врагов по ущельям!»

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Мир

Затем Вишпушарман сказал: «О войне я вам рассказывал. Теперь расскажу о мире. И вот первое двустипшие этой истории:

1. Когда завершилась великая битва
и царские армии поредели,
Договорившись, коршун и селезень
быстро мир заключили.

Царевичи спрашивают: «Как так?» Вишнушарман рассказывает:

Царственный гусь спросил: «Кто же поджег пашу крепость? Враги или по их указанию кто-то из местных жителей?» Селезень отвечал: «Божественный, что-то не видно поблизости твоего недавнего приятеля Мегхаварны вместе с его свитой. Полагаю, это его рук дело». Подумав немного, царь сказал: «Ты прав. Такова моя зло-счастливая судьба.

Так говорится:

2. Знаю, советники не виноваты;
это судьба — виновница,
Что хорошо задуманный план
где-то дал трещину».

Министр возразил: «Однако и так говорится:

3. Привык человек, попав в беду,
во всем обвинять судьбу
И, неразумный, видеть не хочет
собственных ошибок.

И кроме того:

4. Кто добрым советам друзей
не радуется всем сердцем,
Гибнет, как глупая черепаха,
сорвавшаяся с палки».

Царь спросил: «Как так?» Селезень рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Есть в стране Магадхе озеро по названию Пхуллотпала. В нем долгое время жили два гуся со своей приятельницей черепахой. Однажды к озеру пришли рыбаки и условились провести на нем ночь, а утром наловить рыбы, черепах и иной живности. Подслушав их разговор, черепаха сказала гусям: «Друзья, слышали, что говорят рыбаки? Как же мне теперь быть?» Гуси отвечали:

«Сначала нужно все хорошенько проверить, а потом уже действовать так, как подскажет необходимость». Черепаха возразила: «Ну, нет. Я уже видела, какие здесь случаются беды.

Так говорится:

5. Предусмотрительная и Решительная
счастливы, гибнет же Будь-что-будет..

Гуси спросили: «Как так?» Черепаха рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Некогда пришли на это же озеро такие же рыбаки, и три рыбы стали совещаться друг с другом, как им быть. Одна из них, которую звали Предусмотрительная, сказала: «Я поищу другое место, где есть вода», — и с этими словами ушла в соседнее озеро. Вторая рыба, по имени Решительная, говорит: «Пока не ясна суть дела, к чему мне тревожиться? Когда возникнет нужда, тогда и решу, как поступить.

Так говорится:

6. Умен, кто справится с бедой,
когда она случится:
Жена купца у мужа на глазах
сумела от любовника отречься».

Будь-что-будет спрашивает: «Как так?» Решительная рассказывает:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Жил в Викрамапуре купец по имени Самудрадатта. Жена его Ратнапрабха то и дело предавалась любовным утехам с одним из его слуг.

Ибо:

7. Нет, кого бы женщины не любили,
и нет, кого бы они любили.
Они — как коровы в лесу, что ищут
все повой и новой травы.

Однажды Ратнапрабха поцеловала слугу в губы, а Самудрадатта увидел это. Тогда распутница поспешно подошла к мужу и сказала: «Мой господин, этот слуга

пахнет себя очень дурно. Только что я убедилась, что у него изо рта пахнет приправой от нашего обеда».

Так говорится:

8. Женщина ест за двоих,
ума у нее на четверых,
На шестерых — хитрости
и на восьмерых — любострастия.

Услышав ее слова, слуга воскликнул рассерженно: «Может ли слуга оставаться в доме, где хозяйка каждую минуту принюхивается, чем пахнет у него изо рта». Затем он встал и ушел, и купцу лишь с большим трудом удалось убедить его вернуться.

Поэтому я и говорю: «Умен, кто справится с бедой...» и т. д. На это Будь-что-будет сказала:

9. «Чему быть суждено, то и будет,
а чему не бывать, не бывает —
Вот лекарство от яда забот.
Почему бы не пить его!»

Наутро Решительная попала в сети, но, попавшись, притворилась мертвой. Тогда ее отбросили прочь, и она что было сил прыгнула в воду и ушла на дно. А Будь-что-будет была поймана рыбаками и убита.

Поэтому я и говорю: «Предусмотрительная и Решительная...» и т. д.

Вот почему нужно сделать так, чтобы я сегодня же попала в другое озеро». Гуси сказали: «А удастся ли тебе проползти посуху?» Черепаха ответила: «Нужно придумать такой способ, чтобы я вместе с вами полетела по воздуху». Гуси спрашивают: «Разве есть такой способ?» Черепаха сказала: «Возьмите в клювы какую-нибудь палку, а я уцеплюсь за нее ртом. Тогда я смогу излететь с помощью ваших крыльев». Один из гусей заметил: «Этот способ возможен.

Однако:

10. Рассуждая о пользе, разумный
и о вреде должен подумать.
Смотри: на глазах глупой цапли
мангусты съели ее птенцов».

Черепаха спрашивает: «Как так?» Гусь рассказывает:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Есть на севере гора, называемая Гридхракути. Рядом с нею на берегу реки Айравати жили на смоковнице цапли. А в норе под деревом поселилась змея, которая пожирала малолетних птенцов этих цапель. Слыша жалобы горюющих родителей, одна из цапель сказала: «Сделайте так. Пойдите и наловите рыбы, а затем разбросайте одну рыбину за другой от норы мангустов до змеиной норы. В поисках рыбы, до которой мангусты большие охотники, они непременно доберутся до змеи и, найдя ее, убьют по врожденной к ней ненависти». Так все было сделано, и все так и произошло. Но когда, убив змею, мангусты услышали писк птенцов на дереве, они и их всех съели.

Поэтому я и говорю: «Рассуждая о пользе, разумный...» и т. д.

Увидав, как мы летим с тобою, люди что-нибудь крикнут. А услышав их крики, ты ответишь. И тогда тебе конец. Поэтому лучше оставайся на месте». Черепаха ответила: «Разве я глупая? Ничего я не буду говорить». Гуси исполнили просьбу черепахи, и пастухи коровьих стад, увидев, как черепаху несут по воздуху, побежали с криками вслед за нею. Один кричал: «Давайте эту черепаху изжарим и тут же съедем!» Другой: «Отнесем ее домой!» Черепаха, услышав эти грубые возгласы, забыла о своих благих намерениях и гневно воскликнула: «Чтоб вам золой подавиться!» И едва она так крикнула, как упала, и пастухи ее убили.

Поэтому я и говорю: «Кто добрым советам друзей...» и т. д.

В это время вошел журавль, бывший лазутчиком, и сказал царю: «Я как-то докладывал тебе, божественный, что нужно немедленно очистить крепость, но ты этого не сделал. И теперь пожинаешь плоды собственной беспечности. Пожар в крепости, государь, был учинен по наущению коршуна вороном Мегхаварпой». Царь ответил со вздохом:

11. «Кого враг усыпил
смирением или подарками,
Как заснувший на дереве,
просыпается, только упав».

Лазутчик продолжал: «После того как Мегхаварна поджег крепость, он вернулся к Читраварне, и тот, обрадо-

инный, сказал: «Нужно этого Мегхаварну помазать на царство в Карнурадвипе.

Так говорится:

12. Дело, сделанное верным слугою,
не должно пропадать даром.
По заслугам воздай ему честью,
словом, взглядом или наградой».

Селезень спрашивает: «Что было дальше?» Лазутчик рассказывает: «Тогда главный министр-коршуп сказал: «Божественный, так поступать не следует. Вознаградить его нужно иначе.

Ибо:

13. Убеждать глухого —
все равно что воду в ступе толочь.
Помогать низкому —
все равно что мочиться в песок.

И кроме того, никогда нельзя низкого делать высоким.

Так говорится:

14. Низкий, снискав почет,
стремится вредить господину:
Сделавшись тигром, мышонок
едва не убил монаха».

Читраварна спрашивает: «Как так?» Дурадаршин рассказывает:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

В лесу покаяния великого риши Гаутамы жил аскет по имени Махатапас. Неподалеку от своей обители он нашел мышонка, выпавшего из клюва ворона, и из сострадания вскормил его зернами дикого риса. Однажды аскет увидел, как мышонка выслеживает кот, намереваясь его съесть, и силой своего покаяния превратил мышонка в кошку. Кошка боялась собаки, и он сделал ее собакой. А собака была в великом страхе от тигра, и он превратил ее в тигра. Однако и тогда, когда мышонок стал тигром, аскет видел в нем только мышонка, да и все, кто ходил к аскету, про него говорили: «Это не тигр, а мышонок, превращенный в тигра аскетом». Слыша это

и видя, мышонок с горечью подумал: «Пока этот аскет жив, не избежать мне обидных толков о том, кто я есть на самом деле», — и замыслил убить аскета. Но аскет разгадал его умысел и снова превратил в мышонка.

Поэтому я и говорю: «Низкий, снискав почет...» и т. д. И кроме того, божественный, и ворону это пойдет не во благо.

Слушай:

15. Много рыб съела цапля,
больших, средних и малых,
Но потом из-за жадности
погибла от клешни рака».

Читраварна спрашивает: «Как так?» Коршун рассказывает:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Есть в стране Малаве озеро по названию Падмагарбха. На берегу его стояла однажды одряхлевшая цапля, делая вид, будто что-то ее печалит. Издали, не решаясь приблизиться, спросил ее один рак: «Отчего ты здесь стоишь и ничего не ешь?» Цапля отвечала: «Слушай, милый. Источник жизни моей — рыба, а я слышала, когда бродила неподалеку от города, что всю рыбу рыбаки собирают здесь извести. Зная, что из-за отсутствия пищи и мне грозит смерть, я уже теперь смотрю на еду равнодушно». Тут все рыбы подумали: «В таких обстоятельствах и цапля может сослужить нам службу. Надо спросить у нее, что нам делать.

Так говорится:

16. Лучше союз с полезным врагом,
чем с другом, тебе вредящим.
Ведь именно вред — признак врага,
а польза — признак друга».

И рыбы спросили цаплю: «Есть ли средство спасения?» Цапля отвечала: «Единственное средство спасения — перебраться в другой водоем. Я могу отнести вас туда». Из страха рыбы согласились. И цапля-злодейка стала уносить рыбу за рыбой и тут же их всех съедать. В конце концов рак тоже попросил цаплю: «Эй, цапля, и меня туда отнеси». Цапле захотелось рачьего мяса, ко-

того раньше она не пробовала, и она с радостью захватила его с собою. Но когда она опустила его на твердую землю, рак увидел разбросанные повсюду рыбы кости и подумал: «Увы, я погиб, несчастный. Впрочем, буду действовать, как того требуют обстоятельства.

Ибо:

17. Опасности бойся тогда,
когда опасности нет;
Когда же она пришла,
бесстрашно вступай в борьбу.

И иначе:

18. Когда на него нападут
и спасения он не видит,
Мудрый вступает в бой
и гибнет вместе с врагом.

И еще:

19. Если без боя — смерть,
а с боем надежда на жизнь,
Тогда, говорят мудрецы,
настало время для боя».

Так рассудив, рак разорвал цапле шею.

Поэтому я и говорю: «Много рыб съела цапля...»
и т. д.

Но царь Читраварна сказал Дурадаршину: «Послушай, министр, что я еще подумал: если Мегхаварна станет царем в Карпурадвине, он будет присылать нам оттуда лучшие товары. И тогда мы заживем в горах Виндхья в большой роскоши». Дурадаршин с улыбкой ответил: «Божественный,

20. Над тем, кто тепит себя
мечтами о будущем,
Смеются, как над брахманом,
который разбил горшок».

Царь спрашивает: «Как так?» Дурадаршин рассказывает:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

В городе Девикоте жил брахман по имени Ведашарман. Однажды в веселное равноденствие ему поднесли горшок ячменной крупы. Взяв его, он улегся спать в углу лавки горшечника, полной посуды, и принялся мечтать:

«Если я продам этот горшок с ячменем, то выручу за него десять монет. На них, когда представится случай, я накуплю горшков и тарелок, продам их и снова что-то куплю — и так много раз. В конце концов, когда у меня скопится много денег, я куплю бетель, одежду и другие товары и выручу за них сотню тысяч монет. Тогда я возьму себе четырех жен. Самую красивую среди них и молодую я буду любить больше всех. А если остальные жены начнут ревновать и затеют ссору, то, разгневавшись, я побью их палкой — вот так!..» И, забывшись в мечтах, он стал размахивать своей палкой, вдребезги разбил горшок с ячменем, да и много других горшков переколотил. На шум прибежал горшечник, увидел перебитую посуду и, осыпая брахмана бранью, выгнал его воп из лавки.

Поэтому я и говорю: «Над тем, кто тешит себя...» и т. д.

Тогда царь, оставшись с коршуном наедине, стал просить его: «Отец, наставь меня, как следует поступить». Коршун сказал:

21. «Если царь, опьяненный гордыней,
словно взбесившийся слон,
Пойдет по неверной дороге,
виноваты его наставники.

Послушай, божественный. Чем нам гордиться: тем, что мы взяли крепость силой, или тем, что овладели ею хитростью, подстроенной Вашим Величеством?» — «Твоею хитростью», — отвечал царь. Коршун продолжал: «Тогда, если ты доверяешь моим словам, нам следует сразу же возвратиться в свою страну. Иначе вернуться туда нам будет трудно: близится сезон дождей, а сражаться придется на чужбине и с врагом, равным нам по силам. Но возвратиться нам нужно с миром — ради нашего же блага и чести. Ведь крепость уже взята и славу себе мы стяжали. Таков мой совет.

Ибо:

22. Тот, кто, почитая справедливость,
говорит неприятную правду,
Угодна она царю или нет, —
и есть государев помощник.

И иначе:

23. С достойным врагом ищи мира:
не бывает прочной победа в битве.
Разве не погубили друг друга
равные силами Сунда и Уласунда?

И еще:

24. Кто, если он не ребенок,
подвергнет риску сраженья
Друзей, имущество, царство,
себя и свою славу?»

Царь спросил: «Отчего же раньше ты не подал мне такого совета?» Министр отвечал: «А разве раньше ты бы принял его без возражений? Этой войны, когда она началась, я не одобрял. Ибо царь Хираньягарбха заслужил своими достоинствами не войны, а мира.

Так говорится:

25. Есть семь противников, достойных мира:
правдивый, благородный, справедливый,
Неблагородный, дружный с братьями, могучий
и одержавший многие победы.
26. П р а в д и в ы й не изменит, верный правде,
подписанному миру.
И под угрозой смерти б л а г о р о д н ы й
не поведет себя неблагородно.
27. За с п р а в е д л и в о г о, когда враги напали,
готов сразиться всякий;
И подданные за него, и справедливость,
и нелегка над ним победа.
28. Союз Возможен и с н е б л а г о р о д н ы м,
когда иначе — гибель;
К его поддержке прибегает слабый,
чтоб выиграть время.
29. Над тем, кто дружен с б р а т ь я м и, победу
едва ль добудешь:
Не вырвешь, весь колючками покрытый,
густой кустарник.
30. Никто не посоветует с м о г у ч и м
вступать в сражение:
Ведь облако не станет никогда
сражаться с ветром.
31. Кто, как Парашурама, побеждал
во многих битвах,
Тот доблестью своею победит
врага любого.
32. Кто с одержавшим многие победы
в союз вступает,
Тот быстро силой этого союза
врага осилит.

Так вот, с этим царем Хираньягарбхой, наделенным многими достоинствами, нужно заключить мир».

Выслушав донесение лазутчика, селезень сказал:

«Я все понял. Ступай и, если узнаешь что-нибудь новое, опять возвращайся».

Затем Хираньягарбха спросил селезня: «Скажи, министр, много ли есть таких, с кем не следует заключать мира? О них я тоже хочу знать». Министр отвечал: «Хорошо, божественный.

33. Ребенок; старик; кто долго болеет;
и тот, кто отвергнут родичами;
Трусливый; трусами окруженный;
алчный; и тот, чьи слуги алчны;
34. Тот, кем подданные недовольны;
кто предан одним удовольствиям;
Непостоянный в своих решениях;
хулящий богов и брахманов;
35. Кого судьба безжалостно гонит;
и тот, кто судьбе себя вверил;
Кого постоянно мучит голод;
и тот, чье войско в раздорах;
36. Изгнанник; имеющий много врагов;
все делающий не вовремя;
Пренебрегающий правдой и долгом —
вот каковы эти двадцать,
37. С которыми мир бесполезен
и только война возможна:
Едва лишь в борьбу они вступят,
как сразу врагу уступают.
38. Мало сил у ребенка, и люди
не хотят за него воевать:
Не умеет извлечь он выгоды
ни из мира, ни из войны.
39. Старик и тот, кто долго болеет,
оба сил не имеют;
За это даже их близкие
ими пренебрегают.
40. Легко одолеть того,
кого отвергают родичи;
Они его быстро погубят,
вступив в союз с врагом.
41. Трусливый бежит с поля боя,
покидая свое войско;
А героя, окруженного трусами,
покидают его воины.
42. Алчный ни с кем не делит добычи,
и за него сражаются неохотно,
А государя, чьи слуги алчны,
те убивают ради поживы.
43. Бросают подданные среди битвы
царя, которым они недовольны;
Того же, кто предан одним
удовольствиям,
победить никогда не трудно,

44. Непостоянный в своих решениях
ненавистен своим советникам;
Они устраняют его от дел,
зная его переменчивость.
45. Хулящий богов и брахманов
и тот, кто гоним судьбою,
Сами себя непременно погубят,
подвластные высшей правде.
46. Одну судьбу считая причиной
успеха и неудачи,
Тот, кто вверил себя судьбе,
не пошевелинет и пальцем.
47. День ото дня слабеет тот,
кого постоянно мучит голод;
А тот, чье войско терзают раздоры,
сил не имеет сражаться.
48. И слабый враг легко победит
живущего на чужбине:
В воде даже маленький крокодил
большого слона утопит.
49. Имеющий много врагов пуглив,
как среди соколов голубь;
Какой бы путь себе ни избрал,
на том пути и погибнет.
50. Не вовремя вступающий в бой
уступит тому, кто знает время;
Ведь среди ночи не трудно сове
выклевать глаз ворону.
51. С пренебрегающим правдой и долгом
нельзя заключать союза;
Вступив в союз, такой нечестивец
скоро его нарушит.

И еще я скажу тебе. Мир, война, выжидание, поход, союз и распря — вот шесть средств политики. Повод начать кампанию, сбор людей и снаряжения, определение удобного места и времени, отражение угроз и исполнение собственного замысла — вот пять частей военного плана. Переговоры, применение силы, возбуждение раздоров и подкуп — вот четыре способа действия. Сила воли, сила разума и сила власти — вот три царские силы. Зная все это и следуя наставлениям государственной мудрости, могущественные цари вправе рассчитывать на победу.

Ибо:

52. Непостоянную При к себе не заманишь,
даже пожертвовав жизнью;
Но она сама устремляется в дом
знатоков государственной мудрости.

Так говорится:

53. Царь, который по справедливости
распределяет доходы,

Чьи шпионы и замыслы
никому не известны,
Кто старается не говорить
неприятного подданным,—
Этот царь владеет землей
до границ океана.

Одиако, божественный, хотя великий министр-коршун и предложил заключить мир, его государь, гордый только что одержанной победой, может не согласиться. Поэтому нужно действовать так. Есть у нас друг — царь Синхаладвипы, фламинго по имени Махабала. Пусть он в тылу врага, в Джамбудвипе, подымет мятеж.

Ибо:

54. Выступив с войском в поход,
царю подобает
Тайно в тылу врага,
разжегшего смуту,
Тоже разжечь недовольство.
Только тогда,
Когда их разогреешь, возможен
сплав металла с металлом».

Царь согласился, и в Синхаладвипу с тайным письмом был послан журавль по имени Вичитра.

Между тем к царю Хираньягарбхе вернулся его лазутчик и доложил: «Божественный, послушай о тамошних делах. Вот что сказал коршун: «Государь, Мегхаварна долго прожил среди врагов и должен знать характер царя Хираньягарбхи: стоит с ним заключить мир или не стоит». Тогда царь Читраварна призвал Мегхаварну и спросил: «Каков этот царь Хираньягарбха и каков его министр-селезень?» Мегхаварна отвечал: «Божественный, царь Хираньягарбха благороден и честен, как Юдхиштхира. А министр-селезень не уступит царю, и равного ему не найти во всем мире». — «Если это так, — сказал царь, — то как же тебе удалось обмануть его?» Мегхаварна отвечал: «Божественный,

55. Разве обмануть того, кто тебе доверяет, —
это хитрость?

Разве погубить того, кто спит у тебя на коленях, —
это подвиг?

Знай, государь: министр-селезень разгадал меня с первого взгляда. Однако царь оказался великодушен, и я смог его обмануть.

Так говорится:

56. Кто судит по самому себе
и видит в злодее праведника,
Того легко обмануть,
как брахмана с козленком».

Царь спросил: «Как так?» Мегхаварна рассказывает:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

В лесу Гаутамы жил некий брахман. Собираясь совершить жертвоприношение, он купил в деревне козленка, но, когда возвращался домой с козленком на плечах, его наметили три мошенника. Сговорившись друг с другом, мошенники расселись один за другим под тремя деревьями на пути брахмана и стали его поджидать. Как только брахман поравнялся с первым мошенником, тот окликнул его: «Эй, брахман! Чего это ты взвалил на плечи собаку?» — «Это не собака,— отвечал брахман,— это козленок для жертвоприношения». Затем второй мошенник, сидевший на расстоянии голоса от первого, задал тот же вопрос. Услыхав этот вопрос снова, брахман опустил козленка на землю, внимательно осмотрел его, опять взвалил на плечи и пошел дальше. Но в сердце его уже закралось сомнение.

Так говорится:

57. Зловредные речи и добрых людей
способны сбить с толку.
Кто верит им, тот умирает,
как умер Читраварна».

Царь спросил: «Как так?» Мегхаварна рассказывает:

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

В одной лесной местности жил лев по имени Мадотката. И было у него трое слуг: ворон, тигр и шакал. Однажды, гуляя по лесу, эти слуги повстречали верблюда, отбившегося от каравана. Они спросили его: «Откуда ты и куда идешь?» — и тот рассказал им, что с ним случилось. Тогда они взяли его с собой и отвели ко льву. Лев обещал ему защиту, дал имя — Читраварна и оставил его у себя. Спустя некоторое время лев занемог, а так как шли проливные дожди, ворону, тигру и шакалу

перестало хватать еды, и они совсем было пали духом. Тут-то они подумали: «Нужно подстроить так, чтобы лев убил Читраварну. К чему нам этот пожиратель колючек?» Тигр сказал: «Но господин оставил его при себе и обещал защиту. Как же такое может случиться?» Ворон ответил: «Когда господин на пороге смерти, он пойдет и на злое дело.

Ибо:

58. Голодная женщина бросит сына,
Змея от голода съест свои яйца.
На какое зло не решится голодный?
Измученный голодом не ведает жалости.

И иначе:

59. Пьяный, влюбленный, безумный,
усталый, гневный, голодный,
Скупой, торопливый, трусливый
и похотливый — чужды добродетели».

Так рассудив, они пошли ко льву. Лев спросил: «Раздобыли ли вы какой-нибудь еды?» Ворон ответил: «Как ни старались, божественный, ничего не достали». Лев говорит: «Как же нам теперь жить?» Ворон отвечает: «Если мы будем пренебрегать едой, которая у нас под посом, то всем нам не миновать смерти». — «Какая такая еда?» — спрашивает лев. А ворон шепчет ему на ухо: «Читраварна». Лев коснулся лапами ушей, потом — земли и сказал: «Я обещал ему защиту. Как же на такое пойти!

Ибо:

60. Не дар коровы и не дар земли,
Не вищи дар, не жизни даже дар,
А величайший дар защиты
Среди даров считают наилучшим.

И иначе:

61. За жертвоприношение коня
награда — исполнение желаний;
И эту же награду получает
тот, кто проспелю дает защиту».

Ворон говорит: «Господишу не придется его убивать. Мы устроим так, что он сам предложит тебе в дар свое тело». На эти слова лев промолчал. Тогда ворон, решив прибегнуть к обману, при первом же удобном случае собрал

всех слуг вместе и пришел с ними к льву. Там он сказал: «Божественный, пищи нигде нет. А господин изнурен многодневным голодом. Поэтому возьми мое тело и воспользуйся им как хочешь.

Ибо:

62. И в расцвете сил гибнут подданные,
если гибнет их государь;
Не поможет лекарь, даже сам Дхапвántари,
если кончился срок жизни.

И еще:

63. Благо подданных коренится поистине
в благе их господина;
Людям стоит растить дерево,
если есть у него корни».

Лев сказал: «Милый, лучше не жить, чем решиться на такое дело». Затем шакал предложил то же самое, но лев снова ответил отказом. Тогда тигр сказал: «Пусть мое тело сохранит господину жизнь!» И ему лев ответил: «Ни в коем случае я этого не сделаю». Наконец, Читраварна в убеждении, что получит такой же ответ, предложил льву в дар свое тело. Но как только он это произнес, тигр разорвал ему брюхо, и он подох. А звери его съели.

Поэтому я и говорю: «Зловредные речи и добрых людей...» и т. д.

Между тем, услышав от третьего мошенника те же слова, что и от первых двух, брахман решил, что у него помрачился рассудок. Он бросил козленка, совершил очистительное омовение и вернулся домой. А мошенники подобрали козленка и съели.

Поэтому я и говорю: «Кто судит по самому себе...» и т. д.

Царь спросил: «Как тебе удалось, Мегхаварна, так долго прожить среди врагов? И как ты снискал их доверие?» Мегхаварна сказал: «Чего не сделаешь ради службы господину или ради собственной выгоды.

Смотри:

64. Чтобы позже их сжечь, разве люди не носят
дрова на собственной голове?
Речной поток, чтоб свалить деревья,
обмывает сначала им корни.

Так говорится:

65. Мудрый врага понесет на плечах,
добываясь своей цели:
Именно так старой змее
удалось погубить лягушек.

Царь спросил: «Как так?» Мегхаварна рассказывает:

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

В одном заброшенном саду жила старая змея по имени Мандависарпа. Из-за своей дряхлости она уже не могла добывать себе пропитание и подолгу лежала на берегу озера. Одна лягушка крикнула ей издали: «Отчего ты не ищешь себе еды?» Змея отвечала: «Ступай себе, милая. Что толку расспрашивать о моей беде?» Но та, охваченная любопытством, попросила: «Расскажи непременно». И змея рассказала:

«Здесь, в Брахмапуре, случилось мне, злодейке, ужалить по воле судьбы сына ученого брахмана Каундинья, которому было лет двадцать и который отличался всяческими достоинствами. Увидев Сушилашармана — так звали его сына — мертвым, Каундинья упал на землю и стал биться о нее, пораженный горем. Спустя некоторое время вокруг него собрались все его родственники, живущие в Брахмапуре.

Так говорится:

66. Тот родственник,
кто рядом с тобою в сражении,
В горе, голоде, споре с врагом,
у царских ворот и на кладбище.

Среди них был молодой брахман по имени Капила, который сказал: «Друг Каундинья, глупо так умирать.

Слушай:

67. Новорожденного, прежде матери,
прижимает к груди
Кормилица — Бренность.
Так о чем же еще печалиться?

68. Куда исчезли владыки мира
со своими войнами и колеспицами?
А земля, свидетельница их ухода,
стоит и поныне.
69. Тело подвержено тлению,
счастье чревато несчастьем,
Встреча ведет к разлуке,
все рожденное — гибнет.
70. Мы и не видим, как с каждой минутой
разрушается наше тело;
Пока еще цел горшок с водою,
мы забываем, что он из глины.
71. С каждым днем все ближе и ближе
подступает смерть к человеку,
Как по дороге на казнь преступника
каждый шаг приближает к плахе.
72. Не вечны ни юность, ни жизнь,
ни красота, ни богатство,
Ни власть, ни общение с близкими;
Да не прельстят они мудрого!
73. Как сталкиваются друг с другом
две щепы в океане
И вновь расходятся, оттолкнувшись,—
таковы и встречи людские.
74. Из пяти частей составлено тело —
на пять частей оно распадается.
Все возвращается в свое лоно.
К чему мудрецу сожаления!
75. Сколько друзей у человека,
доставляющих ему радость,
Столько со временем стрел горя
произаут ему сердце.
76. Каждому суждено разлучиться
даже с собственным телом;
Тем более два человека
вечно не будут вместе.
77. Как таит в себе свидание
предстоящую разлуку,
Так и рождение — предвестие
неотвратимой смерти.
78. Подобно сладкой, но вредной пище
общение с любимым:
Приятно на первых порах, а позже
сулит одно страдание.
79. Как струятся мимо, не возвращаясь,
речные воды,
Так уходят ночи и дни и уносят
людские жизни.
80. Общение с добрыми — счастья глоток
в круговороте рождений;
И оно же — горести океан,
кончаясь всегда разлукой.
81. Нет исцеленья для сердца,
разлуки мечом пораженного,
И добрые люди не ищут

- поэтому близости с добрыми.
82. Много добра творили
цари со времен Сагары;
Но и это добро, и сами цари —
все исчезло.
83. Мысль о смерти,
с ее грозным жезлом,
Не оставляет
мудрого человека,
И он с себя сбрасывает
все заботы,
Словно перевязь,
намокшую от дождя.
84. С той первой ночи,
когда человек
Попадает
в утробу матери,
Он шаг за шагом
и день за днем
Идет неуклонно
навстречу смерти.

Поэтому для тех, кто знает, что этот мир бремен,
скорбь — проявление невежества.

Смотри:

85. Если б причиной горя
была разлука, а не невежество,
То почему с течением дней
горе растет, а не слабеет?

Успокойся же, друг, и не терзай себя мыслями о своем
несчастье.

Ибо:

86. Для горя, недавнего, острого,
бередищего душу, неожиданного,
Единственное лекарство —
не думать об этом горе».

Выслушав эти слова, Каундинья поднялся с земли и
воскликнул: «Довольно с меня этих мучений семейной
жизни! Я уйду в лес». Но Капила возразил:

87. Подверженные страстям
способны грешить и в лесу.
А подавившие чувства
и в доме своем — подвижники.
Для тех, кто предап душой
деяниям беспорочным
И страсти свои обуздал,
дом — это лес покаяния.

Ибо:

88. Даже в несчастье следуй закону,
радуйся, кем бы ты ни был,
Со всеми людьми будь одинаков.
Не в видимости добродетель!

Сказано:

89. Кто ест, чтобы поддерживать жизнь,
любит, чтобы иметь потомство,
Говорит, чтобы высказать правду,—
преодолеет любое препятствие.
90. Душа — река, благочестие —
место святого купания,
Правда — воды, характер — берег,
а сострадание — волны.
В такой реке сверши омовение,
о сын Панду!
Простой водой тебе не очистить
свое сердце.

И в особенности слушай:

91. Благо тому, кто покинет бесцельный,
вечный жизни круговорот,
Несущий проклятье рождения, старости,
смерти, болезни и горя.

Ибо:

92. Счастья нет, есть горе.
и горе — всему основа.
Счастьем же мы называем
преодоление горя».

Каундинья сказал: «Да, это так». Затем опечаленный брахман проклинал меня: «Отныне ты будешь возить на себе лягушек!» А Капила сказал ему: «Теперь ты снова способен внимать наставлениям, ибо яд проклятия излился из твоей души.

93. Всем сердцем избегай общения с миром.
Но если избежать не в силах,
Ищи общения с добрыми: такое
общение целительно.

И еще:

94. Всем сердцем избегай желаний.
Но если избежать не в силах,
Желай освобождения от мира: такое
желание целительно».

Выслушав эти слова, Каундинья, в котором пламя горя погасила амрита поучений, избрал для себя на будущее посох аскета. А я по проклятию брахмана живу здесь и должна возить лягушек».

Тогда эта лягушка пошла к своему царю по имени Джалапада и рассказала о том, что услышала. Царь лягушек пришел к змее и взобрался на ее спину. А змея, держа его на спине, стала проворно ползать. Но на следующий день она уже едва двигалась, и царь лягушек спросил ее: «Отчего это ты сегодня так медленно ползаешь?» Змея ответила: «Божественный, я ослабла от голода». — «В таком случае я позволяю тебе есть моих лягушек», — сказал царь. «Нижайше благодарю тебя за твой дар», — проговорила змея и начала заглатывать одну лягушку за другой. В конце концов, удостоверившись, что в озере уже не осталось лягушек, она съела самого царя.

Поэтому я и говорю: «Мудрый врага понесет на плечах...» и т. д.

Но довольно, божественный, пересказывать предания о былых делах. Я полагаю, что царь Хираньягарбха достоин союза с нами и с ним непременно следует примириться». Царь ответил: «Странно ты рассуждаешь! Ведь это мы победили его, и если он согласен быть у нас в подчинении — хорошо, а если нет — продолжим войну».

Но тут как раз прибыл попугай из Джамбудвины и сообщил: «Только что на Джамбудвину напал фламинго, царь Синхаладвини». Царь переспросил в смущении: «Как, как?» — и попугай повторил свои слова. Коршун подумал про себя: «Прекрасно, селезень, хорошо, министр Сарваджня! Превосходно!» — а царь сказал гневно: «В таком случае оставим Хираньягарбху и пойдем и уничтожим фламинго, так чтоб памяти о нем не осталось». Дурадаршин с улыбкой заметил:

95. «Не стоит греметь попусту,
подобно осенней туче;
Великий должен скрыть от врага,
что вредно, а что полезно.

И кроме того:

96. Не следует вести войну
со многими врагами сразу;
Знай: множество червей способно
осилить гордую змею.

Можно ли, божественный, идти в поход, не заключив мира? Ведь тогда в нашем тылу враг подымет мятеж.

И кроме того:

97. Кто, в сути дела не разобравшись,
подпадает под власть гнева,
Страдает, как из-за ихневмона
пострадал неразумный брахман».

Царь спрашивает: «Как так?» Дурадаршин рассказывает:

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ

Жил в Удджайини брахман по имени Мадхава. Жена его родила и отправилась совершить омовение, оставив маленького сына под присмотром мужа. Между тем от царя пришло брахману приглашение принести погребальные жертвы в память предков. Узнав о приглашении, брахман, живший в постоянной нужде, подумал: «Если я сейчас не пойду, кто-нибудь другой возьмется совершить обряд.

Сказано:

98. Если нужно брать, отдавать
или делать какое-то дело
И его не сделаешь быстро,
время выльет из дела сок.

Однако кто же присмотрит за малсыньким? Как быть? Ладно, оставлю мальчика на попечение ихневмона — я давно его приручил и он мне все равно что сын — и пойду». Так он и сделал. А когда он ушел, ихневмон увидел черную змею, подползавшую к мальчику, убил ее и съел. Затем, заметив, что брахман возвращается, ихневмон с окровавленной мордочкой и лапами поспешно выбежал ему навстречу и стал тереться у его ног. Поглядев на ихневмона, брахман решил по его виду, что тот съел мальчика, и убил его. Однако когда подошел поближе, то увидел, что сын его мирно спит, а рядом лежит убитая змея.

Потому я и говорю: «Кто, в сути дела не разобравшись...» и т. д.

И кроме того, божественный:

99. Страсть, гнев, похоть, стяжательство,
гордость и надменность —
Тот только счастлив, кто свободен
от этих шести пороков».

Царь спрашивает: «Ты тверд в своем мнении, министр?» Министр отвечает: «Да, тверд.

Ибо:

100. Память, преданность делу,
предвиденье, твердость
И умение хранить тайну —
лучшие свойства министра.

И еще слушай:

101. Не следует делать дело сразу:
поспешность ведет к несчастью.
Удача приходит к осмотрительному,
ценя его достоинства.

Поэтому, божественный, если ты согласишься с моим советом, нужно немедленно заключить мир.

Ибо:

102. Хотя называют четыре средства
добиться намеченной цели,
Их называют лишь ради счега:
успех зависит от мира».

Царь спросил: «А как скоро удастся его заключить?»
Министр ответил: «Мы быстро его добьемся, божественный.

Ибо:

103. Дружба со злым подобна чаше из глины:
легко разбить ее, но трудно склеить.
Дружба с добрым подобна чаше из золота:
разбить ее трудно, а славить просто.

И иначе:

104. Легко поладить с невеждой,
со знающим много — еще легче,
Но с тем, кто плохо знает немногое,
не поладит и сам Брахма.

А тут и сам царь, и министр его Сарваджня обладают великими знаниями. Я понял это со слов Мегхаварны, да и по тому, как они ведут свои дела.

Ибо:

105. О достоинствах незнакомца
суди по его делам;
В делах всегда обнажаются
плоды даже тайного умысла».

Царь сказал: «Оставим разговоры. Как решили, так и будем действовать». И великий министр-коршун, закончив беседу с царем обещанием: «Я буду действовать, как требуют обстоятельства», — направился в убежище Хирапьягарбхи.

Между тем лазутчик-журавль снова явился к царю Хирапьягарбхе и доложил ему: «Божественный, великий министр-коршун направляется к нам, чтобы заключить мир». Царственный гусь говорит: «Министр, опять к нам кто-то идет из лагеря врага». Сарваджня с улыбкой ответил: «Не нужно бояться, божественный. Ведь это благородный Дурадаршин. К тому же только те, у кого ум короток, в одном случае ничего не боятся, а в другом — боятся всего.

Ибо так:

106. Глупый гусь, по почам отыскивая
среди озера белые лотосы,
То и дело принимал за них
отражения звезд в воде;
И теперь он и днем их не трогает,
опасаясь снова обмана.
Так и люди: страшась мошенников,
и от честного ждут беды.

Поэтому, божественный, нужно оказать ему всяческий почет и приготовить для него побольше драгоценных камней и других подарков».

Так и было сделано. Селезень встретил министра-коршуна у ворот крепости, с почетом проводил к царю и предложил сесть. А когда тот сел, селезень сказал: «Великий министр, это царство в вашей власти, и вы можете распоряжаться им по своей воле». — «Так, так», — подтвердил царственный гусь, но Дурадаршин сказал: «Пусть так, но ни к чему нам пространные и многословные речи.

Ибо:

107. Алчного привлекай деньгами,
гордого — честью,
Глупого — выполняя его желания,
мудрого — правдой.

И иначе:

108. Друга завоевывай искренностью,
родственников — сердечностью,
Женщин и слуг — подарками,
всех остальных — радушием.

Могущественный царь Читраварна желает теперь заключить с вами мир и возвратиться домой». — «Скажи, на каких условиях может быть заключен мир?» — спросил селезень, а царственный гусь добавил: «И какие бывают виды мира?» Коршун отвечал: «Я скажу. Слушайте:

109. Когда нападающий враг сильнее
и нет другого средства спасения,
В несчастье царь, не теряя времени,
должен искать мира.
110. Ч а ш а, Д а р, Р о д с т в о, С о ю з,
З а л о г, В о з д а я н и е, С в я з ь, П о с р е д н и к,
111. С г л а з у н а г л а з, П р и н у ж д е н и е,
Ж е р т в а, З а х в а т,
В ы к у п. П о т е р я,
В р а г а у к р а ш е н и е, Н о ш а —
112. Таковы шестнадцать видов мира,
Шестнадцать его имен, перечисленных знатоками.
113. Мир, заключенный на равных условиях,
называется Ч а ш е й.
Мир, закрепленный обменом даров,
именуется Д а р о м.
114. Миру Р о д с т в о предшествует
выдача дочери замуж.
Миру С о ю з сопутствует дружба
царей благородных.
115. Общую цель имеет С о ю з
и длится всю жизнь;
Ничто — ни в беде, ни в счастье —
его разорвать не может.
116. С о ю з — лучший из видов мира,
как золото — лучший из металлов;
И потому большинство знатоков
называет его «золотым миром».
117. Если мир заключен в расчете
на совместный успех в будущем,
Такой мир его знатоки
именуют будущего З а л о г о м.
118. «Я прежде ему помог,
а он мне теперь поможет» —
Для мира на этой основе
название В о з д а я н и е.
119. «Я буду впредь ему помогать,
а он мне в ответ поможет» —
И это мир В о з д а я н и е,
как мир Сугривы и Рамы.
120. Если противники, мир заключая,
к общей цели стремятся,
Этот мир, по связи стремлений,
знатоки именуют С в я з ь ю.
121. «Пусть наше дело вместе решат
мой и твой полководцы» —
Когда таково условие мира,
это мир П о с р е д н и к.

122. «Пусть без посредников, ты один
решаешь мое дело» —
Если согласен на это враг,
называется мир С глазу на глаз.
123. Если могуществен твой враг
и по условиям мира
Часть страны у тебя отберет,
это мир Принуждение.
124. Мир, при котором теряешь войско,
именуется Жертвой.
Мир, когда всё, кроме жизни, теряешь,
называют Захватом.
125. Если ради спасения царства
жертвуешь всей казпой,
Половиной ее или даже частью,
мир называется Выкупом.
126. Когда уступаешь богатые земли,
мир зовется Потерей.
Когда же плоды земли отдаешь,
мир — Врага украшение.
127. Если положенную им дань
враги на плечах уносят,
Такому миру его знатоки
дали имя Ноша.
128. Помощь, дружба, родство, дар —
Таковы четыре основы мира.
129. Но, думаю, дар — основа основ,
Ибо только дружба не ведает дара.
130. Если папавший враг сильнее,
он не уходит без добычи;
Мир любой зависит от дара,
другого мира быть не может».

Селезень сказал:

131. «Свой он или чужой?» —
так рассуждают низкие помыслами.
Для благородных духом
весь мир — единая семья.

И иначе:

132. Кому чужие жепы как мать,
чужое добро как ком глины,
А люди другие как он сам,—
тот мудрец в этом мире.

Ты великий мудрец. Укажи, как следует нам поступать».
Министр отвечал:

133. От гнета забот и болезней —
сегодня ли, завтра — оно погибнет;
Так кто ради брвенного тела
захочет презреть добродетель!

134. Жизнь смертных так же непрочна,
как блики месяца на воде.
Зная это, всегда совершай
одни только добрые поступки.
135. Зная, что мир, подобно видению,
каждый миг может исчезнуть,
Ради добра и ради счастья
ищи общения с благородными.

Только так, по-моему, следует поступать.
Ибо:

136. Если тысячу жертвоприношений коня
и истину положить на весы,
Тысячу жертвоприношений копия
истина перевесит.

А посему между двумя нашими царями нужно заключить мир, именуемый «золотым», и скрепить его клятвой верности». — «Да будет так!» — сказал Сарваджня.

Затем министра Дурадаршина одарили одеждой и украшениями, и он, радуясь всем сердцем, возвратился к своему царю, павлину, и привел с собою селезпя. Царь Читраварна принял, по совету коршуна, Сарваджню с большим почетом, поднес ему дары и долго с ним беседовал. Он согласился заключить мир, а затем отпустил Сарваджню к царственному гусю, дав ему в спутники своего придворного. Дурадаршин сказал: «Божественный, твое желание исполнилось. Теперь мы можем возвратиться в горы Виндхья». И все они вернулись в свои земли, обрели то, чего желали, и были счастливы.

Вишнушарман сказал: «Скажите, о чем еще вам поведать?» Царевичи отвечали: «Почтенный, по твоей милости мы узнали науку управления царством и счастливы этим». Вишнушарман сказал: «Да будет так:

137. Пусть мир будет лучшей радостью
для победоносных царей!
Пусть не знают несчастий добрые!
Пусть растет справедливых слава!
Пусть мудрость, словно возлюбленная,
живет у советников в сердце
И их целует в уста!
Пусть каждый день станет праздником!

И так еще:

138. Пока увенчанный месяцем Шива
любит дочь царя Гималаев,
Пока Лакшми, словно молния в туче,
сверкает в сердце у Вишну,

Пока Солнце, будто лесной пожар,
пылает за Золотой горою,
Пусть этот сборник рассказов Нараяны
повсюду будет известен!

И еще:

139. Да победит врагов
почтенный начальник провинции
Джавалачандра,
Чьими стараниями
был этот сборник записан
и разошелся по свету.

ТАНТРАКХЬЯИКА

Книга назидательных рассказов

ТРЕТЬЯ КНИГА

Вороны и совы

Здесь начинается третье назидание, в котором рассказано о мире и о войне и которое называется «Вороны и совы». И вот в нем первое четверостишие:

1. С врагом, которого победил,
Не заключай доверчиво дружбы.
Смотри: принеся огонь, вороны
Сожгли пещеру, полную сов.

В окрестностях одного леса росло большое баньяновое дерево, словно бы предлагающее радушный прием путникам в тени своих густых ветвей и влажной листвы. На дереве жил вороний царь по имени Мегхаварна со свитой из тысячи ворон. И был у него враг — царь сов Апамарда, которого окружала свита из тысячи сов. Издавна они враждовали друг с другом, и как-то раз, узнав о вороньей крепости, Апамарда выбрал удобное для себя время, с великим множеством сов напал на ворон сверху, учинил им кровавое побоище, а затем улетел.

На следующее утро Мегхаварна собрал ворон, которые уцелели: и тех, кто был с перебитыми клювами, крыльями или лапами, и тех, кто остался невредимым, — и, обобрав положение дел в своем лагере, стал совещаться с министрами.

Мегхаварна сказал: «Мы видим, какое ужасное побоище учинил наш враг Апамарда. И кроме того, теперь он знает доступ к нашей крепости и при первой возможности постарается повторить сегодняшнюю ночь и всех нас уничтожить. Поэтому, не теряя времени, нам нужно подумать о средстве, как ему помешать».

Ему отвечали несколько старших министров: «Ты правильно поступил, государь. Поистине ты наделен добродетелью и послушен закону, раз в деле, не терпящем отлагательства, спрашиваешь совета у собрания министров. В книгах закона сказано, что у царя восемнадцать доверенных лиц, а именно: министр, домашний жрец, смотритель дворца, наследник, начальник караула, надзиратель гарема, наставник, казначей, главный придворный, судья, полководец, градоначальник, астролог, смотритель собрания министров, начальник полиции, комендант крепости, хранитель границ и лесничий. Сначала нужно искать совета у главного министра, затем — у всего собрания министров. Когда всё у царя благополучно, он может совещаться с младшими помощниками, но когда возникает важное, неотложное дело, да еще касающееся врагов царства, он должен созывать собрание министров и говорить перед ним. То, что ради успеха дела скажет большинство министров, пусть царь и делает.

Ты почтил нас, обратившись к нам за советом. Мы лучше, чем кто-либо, знаем законы разумного поведения, заповеданные нам Ману, Брихаспати, Бхригу, Парашарой, Шаланкаяной, Чанакьей и другими наставниками. Поэтому все, что хранишь на сердце, ты должен откровенно поведать своим советникам». Так говорили они царю, оставшись с ним наедине. А царь Мегхаварна начал по очереди их спрашивать. Было у него пять наследственных министров: Уддипин, Сандипин, Адипин, Прадипин и Чирадживин, и первым среди них он спросил Уддипина: «Как думаешь, дорогой, что прежде всего надлежит нам делать в наших обстоятельствах?» Тот отвечал: «Ничего нового я не скажу, повторю только то, божественный, чему учит искусство государственной мудрости: если нападет враг, ко-

торый сильнее тебя, нужно или покориться ему, или уходить в другую страну».

Выслушав его, царь обратился к Сандипину: «А ты как думаешь, дорогой?» Тот отвечал: «Уддишин говорит верно: если нападет враг, который сильнее тебя, нужно уходить в другую страну. Однако и в таком случае нельзя сразу и без причины покидать крепость. В нашем положении нам следует сделать вид, что мы колеблемся, и выиграть время. Если опасности не избежать — улетим, а если все пойдет благополучно — останемся в крепости».

Выслушав его слова, Мегхаварна спросил Прадипина: «А твое каково мнение?» Тот отвечал: «Царь, если мы примем совет Сандипина, то должны будем постоянно летать туда и сюда. А ведь с нами в таких перелетах будут слабые, слепые, увечные, инвалиды с перебитыми крыльями, хромые, больные, наш домашний скarb и многое другое, так что мы непременно погибнем. Поэтому в нашем положении лучшее — заключить мир. Ибо:

2. Когда на слабого нападает сильный
с могучим войском,
Чтобы спасти себя, казну и войско,
он ищет мира.

Лишь покорившись совам, мы сможем жить здесь спокойно и без забот».

Выслушав его слова, царь спросил Адипина: «А что ты, дорогой, полагаешь правильным в наших обстоятельствах?» Тот отвечал: «Для того, кто вкусил нектар царской власти, лучше питаться слюной лесных антилоп, которую они роняют, жуя свою жвачку, чем жить жалкой жизнью под пятой врага.

И еще:

3. Могучий не кланяется чужаку,
ему угождать — великое бедствие.
Презренно смирение людей,
которым в дар дана отвага.

И еще:

4. У того, кто кланяется, растет тень,
подобно тени клонящейся палки;
Но склонись до земли — и тень исчезнет.
Кланяйся, но не кланяйся низко.

У сов и зрение устроено не так, как у нас. А какой может быть мир, когда даже смотришь по-разному? Поэтому

в любых обстоятельствах между нами и совами возможно только война».

Узнав мнение четырех из пяти министров, Мегхаварна сказал Чирадживину: «Отец, ты наш самый давний советник и всегда печешься о нашем благе. Что ты думаешь о нашем теперешнем положении? Как ты скажешь, так мы и сделаем. Правильно говорится:

5. Обдумав, что сказано раньше,
теперь тебе говорить.
И мы пойдем за тобою,
как путник в ночи на огонь».

На эти слова Чирадживин отвечал: «Божественный, разве они не все сказали? Уместно ли здесь мое слово? И о войне и о мире они судили: тому быть или другому. Однако то, что говорил Адипин, уводит нас на неверный путь. Можем ли мы, милый, сравняться в бою с совами? Битва с ними не сулит нам ничего доброго. Ведь они способны раздробить нам головы, а мы лишь с трудом можем выклевать им глаза. Зная это, нельзя выбирать войну. Сказано:

6. Кто, слабости собственной не зная
и силы своих противников,
Заносчиво берется за дело,
тот навлекает беду.
7. Пусть не достоин враг внимания,
будь все равно внимательным.
У тех, кто ведет себя иначе,
бесплодны все начинания.
8. Помни, что враг терпелив, умен,
вовремя прибегает к силе,
Знает не хуже своих чужие
и достоинства и недостатки.
9. Лакшми изменчива, но если ею
овладевают цари-герои,
Мужественные и сильные духом,
она становится неизменной.
10. У того, к кому Шри приходит,
восхищенная его мудростью,
Она остается безбоязненно
и руку его не отвергает.
11. Благородный враг может издали
лишить противника мужества;
Ну, а низкий враг на все способен,
если он вблизи и с оружием.
12. Знатоки государственной мудрости
со всяким врагом считаются:
Безоружным, трусливым, слабым,
одиноким, несчастным, изгнанным.

13. Победитель — кто малой кровью
сумел одержать победу.
А кто, победив, остался один —
не победитель, а побежденный.
14. Иногда победу приносит хитрость,
иногда — и своих и чужих гибель.
Подумай, какая победа лучше
и разве удача стоит смерти?
15. Победив, но друзей потеряв,
в одиночестве царь рыдает;
Побежденный, оп одиноко
улыбается среди друзей.
16. Царям чвапливым и коварным,
корыстным, сластолюбивым,
Высокомерным, гневным, лживым
царская мудрость педоступна.
17. Но мудрость эта тех не покинет,
кто сдержан, стоек, владеет собою,
Воспитац, головы не теряет
и знает средства добиться цели.

Так вот. Лучше нам не прибегать к войне. Потому что война с тем, кто сильнее, подобно схватке пешего воина со сломом, непременно ведет к гибели».

Мегхаварна спрашивает: «Скажи же, отец, что нам делать». Чирадживин отвечает: «Это-то и нужно обдумать, милый. Сказано:

18. Мудрость — зерно совета,
В согласии с нею министры
Должны назначать послов
И следить за своими помощниками.
19. У царя, получившего мудрый совет,
Рождается склонность к размышлению,
Решительность, понимание дела,
Своих и чужих возможностей знание.
20. Шри, которую к себе не заманишь,
пожертвовав телом и жизнью,
Сама, незвапая, устремляется в дом
знатоков государственной мудрости.
23. Да будут помощники государя
храбрыми, мудрыми, знающими,
Пригодными для дела любого!
На помощниках зиждется царство.
24. Без помощников не получишь денег,
а без денег — помощников.
Только деньги и только помощники
прозябают без пользы порознь.
25. Кто, к делу пристуная, знает
Срок, силу, средство, место, время,
Тот мудр, враги такого не обманут,
И все его исполнятся желания.

26. Пускай в бою, где слоны боевые
Высекают искры ударами бивней,
Невежда и выпьет врагов славу —
Ему не бывать сосудом счастья!

Итак, тех, кто желает победы, только выбор достойных помощников приведет к успеху. Сказано:

27. Знатоки называют много причин
Могущества и процветания.
Я же твердо знаю одно:
Удачи жди от удачных помощников.
28. Царство, как дом на колопнах,
держится на помощниках:
Твердых, прямых, без изъянов,
выбранных с толком.
29. Лакшми не смотрит на род,
положение, знатность,
Выучку, красоту,
обаянье, манеры;
Служит она храбрецу,
чьи помощники стойки,
Хоть по природе своей
Лакшми непостоянна.
30. Когда полагаются на достойных,
нет сомнений в успехе;
Когда поведению добрых следуют,
любое величие доступно.
31. Гордые люди ради славы
ежечасно идут на гибель;
И не желают вечной жизни,
если она сулит бесславие.
32. Готов и в огонь войти решительный,
И переправиться через океан.
Для настойчивых, стойких и твердых духом
Нет ничего непреодолимого.
33. Могу — вперед ради победы!
Нечего тут размышлять.
Робость называют наставники
корнем всех бедствий.
34. Что толку слушать пустые речи
или болтать как попугай!
Ты мудр — и лишь тогда говори,
когда молчать — не время.
35. Из двух людей — человек дела
Лучше красноречивого.
Но источает яд с амритой
Дело, где зло и добро слиты.
36. Мудрые называют совет
корнем грядущей победы,
Разум же — душою совета
и лучшим его хранителем.
37. У совета есть шесть ворот,
откуда он ускользает.

- Слушай, царь! Я расскажу,
что это за ворота.
38. Царь, министр, посол, шпион,
жертвенная молитва
И, последним, невольный жест —
вот шесть ворот совета.
39. Если ж совет остался в тайне,
царь получает в награду
Выгоду, что всегда нераздельна
с любовью и добродетелью.
40. Расход, соразмерный с доходами,
устранение всех сомнений
И наставление государя —
вот три задачи советников.
41. Плохо поданный совет,
подобно неверному заклинанию,
Не принесет ни врагу вреда,
ни советчику пользы.
42. Ведет к падению собственному
и возвышению вражескому
Несогласие мнений советников.
Да не будет с нами такого!
43. Говорят, надзор за министрами —
дело весьма искусное.
Но большей искусности требует
надзор за самим собою.
44. Царь, который враждует с министром,
враждует с собою, враждует с царством.
Царь, которому дорог министр,
дорожит и царством и собою.

А также:

45. Царь, который с доходами
соразмеряет расходы,
Чьи шпионы и замыслы
Никому не известны,
Кто министрам не говорит
ничего неприятного, —
Этот царь владеет землей
до границ океана.
46. Даже о том, что знаешь,
снова и снова спрашивай мудрых.*
Непостоянен ум человека,
тщетно он бьется в сети заблуждений.

Так вот, если ты нуждаешься в моем совете, то удали остальных, которые лишь зовутся министрами. Они искусны в речах, но бесполезны, когда нужно делать дело. Тайна же лучше сохранится, если ее не слышат три пары ушей».

Выслушав наставление Чирадживина, Мегхаварна сказал: «Отец, я еще молод и неопытен. Как скажешь, так я и сделаю. Всё от тебя зависит. Ты говоришь, как сле-

дует говорить, обладаешь знанием законов и знанием жизни и желаешь мне добра, как желал его моему отцу. Однако рассей мое любопытство, Расскажи, как возникла вражда между нами и совами».

Чирадживин рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

У птиц не было царя. Вот и стали все они думать: «Кого бы из птиц помазать на царство?» И решили: «Помажем сову». Приняв такое решение, они заготовили все, что нужно для помазания: зонты, султаны из бычьих хвостов, опахала, трон, кресло, льняное платье, священные кувшины и разные царские регалии — и приступили к церемонии. Вдруг они заметили в небе птицу, которую не знали по имени. Увидев ее, они приостановили помазание: «Нужно, чтобы и она присоединилась к нашему собранию. Ведь избрание царя — величайшее дело на земле». И когда она к ним подлетела, они ее спросили: «Милая, согласна ли ты, чтобы эта сова стала нашим государем?» Та отвечала: «Неужели же куда-то исчезли все гуси, утки, цесарки, каравайки, павлины, кукушки, голуби, куропатки да и другие птицы, что вы избрали на царство эту отвратительную на вид сову? И еще:

48. Сова горбоноса и косоглаза,
груба, жестока и неприятна
Даже тогда, когда спокойна.
Что ж будет, если она разгневается!
49. Если сову, от природы жестокою,
хрипло кричащую, злую, низкую,
Вы все же помажете на царство,
тогда добра для себя не ждите.

Напрасно она грозитесь сжечь своим взглядом мир — обмануть ее ничего не стоит. А сказано:

50. И хитростью можно достичь успеха,
если царь немощен.
Так зайцы, только назвав луну,
стали жить счастливо».

Птицы спросили незнакомку: «Как так?» Та рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Случилось некогда, что двенадцать лет подряд не выпадал дождь. Было это великой бедой для всех живых существ, особенно для слонов. Царем слонов был тогда слон по имени Чатурдашана. К нему-то и обратились другие вожак слоновьих стад: «Спаси нас, напои водой!» Он отвечал: «Узнайте только, где есть вода, и я утолю вашу жажду». Тогда наиболее быстрые из слонов были посланы на розыски воды по восьми сторонам света. Пройдя все страны одну за другой, они нашли озеро по названию Лунное, размерами — прямо говоря — с небо и полное чистой воды. Как только озеро было найдено, царь Чатурдашана повел к нему своих подданных. Но когда слоны спускались к труднодоступным берегам этого озера, они погубили многих зайцев, которые издавна строили у озера свои жилища: раздавили своими ногами им шеи и головы.

Слоны искупались, и царь слонов увел их с берега. А зайцы, сколько их осталось в живых, собрались на совет: «Что нам делать? Ведь, узав путь сюда, слоны непременно явятся снова. Нужно найти такое средство, чтобы больше они не приходили». Тут взял слово заяц по имени Виджая: «Такое средство есть. Я обещаю вам, что они не вернуться. Пусть только будет милостива ко мне Владычица Луна, свидетельница всех наших дел!» Выслушав его слова, царь зайцев по имени Шилимукуха сказал: «Думаю, что так и будет. Ибо:

51. Куда ни послать Виджаю,
знатока государственной мудрости,
Дела, места и времени,
всюду — верный успех.
52. Тому, кто говорит красноречиво,
разумно, взвешенно,
Не слишком много и обдумав дело,
и следует о деле говорить.

Убедившись в мудрости Виджаи, слопы оценят и мою тройственную государеву силу, хотя сам я буду от них далеко.

Так:

53. Хоть не царя, а лишь его посла
или письмо перед собою вижу,
Все ж понимаю, мудр этот владыка
или, напротив, мудрости лишен.

Помни об этом. Сказано:

54. Соединяет посол, и он же
разъединяет соединенное.
В деле, что делает посол,
благо всего народа.

И когда идет посол — это все равно что я иду, его государь. Поэтому да будет тебе удача в твоих начинаниях!»

Простившись с царем зайцев, Виджая направился к царю слонов. Подойдя и увидев его издали, Виджая стал размышлять: «С таким, как он, такому, как я, не стоит встречаться. Говорят:

55. Слон убивает, едва коснувшись,
змея — только понюхав,
Ветала — одною улыбкой,
злодей — воздавая почести.

Поэтому как бы то ни было, но он должен увидеть меня в таком месте, куда ему не добраться». И вскарабкавшись как можно выше на верхушку отвесной скалы, Виджая крикнул: «Как поживаешь!» Царь слонов поднял глаза на крик, заметил зайца и спросил: «Откуда ты взялся?» Тот отвечает: «Я посол». — «Кем же ты послан? — спрашивает слон. — Говори, что у тебя за дело». Заяц сказал: «Сам знаешь, послу нельзя чинить вред: он говорит только то, что ему приказали. Всем известно: послы говорят, что им поручено, даже тогда, когда поднято оружие. Ни их, ни тех, кто их сопровождает, нельзя убивать. И пришел к тебе по приказу Владычицы Луны. Вот ее слова: «Как смеешь ты не различать своего и чужого и причинять чужому вред? Сказано:

56. Кто, слабости собственной не зная
и силы своих противников,
Заносчиво берется за дело,
тот навлекает беду.

Вопреки обычаю ты возмутил воды Лунного озера и обрек на смерть моих стражей — зайцев. Между тем я их покровительница, ибо ношу их образ на своей груди и во всем мире известна под именем «Носящая знак зайца». Если ты не откажешься от неподобающего тебе дела, тебя ждет от меня великое зло. Если же откажешься — великая выгода. Либо я буду освежать твое тело своими лучами, либо я стану удерживать их, и тогда твое тело

спалит зной и ты быстро погибнешь». Выслушав эти слова, слон, чье сердце охватило великое смятение, сказал зайцу: «Милый, твоя правда. Я поступил дурно, но отныне не буду враждовать с Владычицей Луной. Покажи мне дорогу к пей. Где смогу я ее увидеть?» Виджая отвечал: «Я покажу, следуй за мной». Так сказав, он быстро пошел к Лунному озеру и показал слону в его волнах отражение полной луны.

«Я в самом деле смогу очистить себя от вины только тогда, когда совершу поклонение божеству», — подумал слон и опустил в воду свой хобот, обхватом в две человеческие руки. В тот же момент отражение луны, словно бы подхваченное колесом, рассыпалось по взбаламученной воде в разные стороны. И слон увидел сразу тысячу лун. А Виджая, сделав вид, что перепугался, отпрянул назад и воскликнул: «О горе, горе! Ты вдвойне разгневал Луну». — «Чем же?» — спросил слон. «Тем, что дотропулся до воды». — «Как же ее умиловить?» — спросил слон. Виджая сказал: «Не касайся больше воды и не пей ее». Услышав эти слова, слон вытащил из воды хобот, поджал хвост, встал на колени и, склонив голову до земли, воздал почести Владычице Луне. А затем сказал зайцу: «Милый, всеми деяниями своими служи Благой Луне до самой смерти». И с этими словами, не оглядываясь, пошел прочь той же дорогой, какой пришел, и больше уже не возвращался.

Поэтому я говорю: «И хитростью можно достичь успеха...»

И еще. Эта пизкая злодейка сова не способна даже защитить своих подданных.

57. Будут ли счастливы спорщики,
представ перед пизким дарем?
Оба они погибают,
как заяц и куропатка».

Птицы спросили: «Как так?» Незнакомка рассказывает:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

«Нскогда я жила на одном дереве. И на нем же, но ниже меня, жила куропатка. Между нами благодаря совместному проживанию установилась крепкая дружба. Раздобыв еду и погуляв в свое удовольствие, каждый день

с наступлением вечера мы коротали время в приятных беседах, расспрашивая друг друга и отвечая на расспросы. Но однажды куропатка не возвратилась домой ко времени нашей встречи. Сердце мое было в большой тревоге, и я подумала: «Что с нею, погибла она или попалась в силки? А может быть, она не пришла из-за того, что ей захотелось сменить жилище?»

Между тем, пока ее жилье пустовало, явился заяц по имени Диргхакарна и занял его. А куропатка вернулась только спустя половину месяца. Увидев зайца, она воскликнула: «Ступай прочь из моего дома!» Заяц на это отвечал: «Да разве ты не знаешь, глупая, что жильем пользуется тот, кто его занимает?» Но куропатка возразила: «У меня есть свидетели. Пойдем и спросим судью. В книге законов сказано:

58. О водоемах, колодцах, прудах,
домах и жилищах
Тяжбы решает слово свидетелей.
Так учит Мāну».

Согласившись на этом, они отправились решать свой спор, а я из любопытства последовала за ними, но держалась сзади. «Посмотрю,— думала я,— чья будет правда». Не успели они далеко отойти, как куропатка спросила зайца: «Кто же рассмотрит нашу тяжбу?» Заяц отвечал: «Конечно, кот по имени Удадхикарна, предающийся покаянию на речном берегу. Он долго жил на свете, сведущ во всех науках, изучил книги законов и, конечно же, разрешит наши сомнения». Услышав это, куропатка возразила: «К чему нам это низкое существо? Сказано:

59. Носящим маску подвижника
не следует доверять.
В местах священного омовения
много их — с глоткой и зубами».

А кот Удадхикарна, который и вправду притворялся подвижником, чтобы легче добывать средства к жизни, услышал ее слова. Тогда, желая завоевать их доверие, он поднялся на задние лапы и принялся неотрывно смотреть на солнце. При этом передние лапы он воздел кверху, прищурил один глаз и зашептал молитвы. Видя, как он молится, куропатка и заяц почувствовали к нему доверие и, став неподалеку, рассказали ему о своем споре. Он отвечал: «Я стар, чувства мои ослабели, и потому я слышу

нас не вполне ясно. Подойдите поближе и говорите громче». И еще прилежнее продолжал читать заповеди из книг закона:

60. «Убитый закон убивает,
хранимый закон охраняет.
Поэтому добродетельные
никогда не нарушат закона.
61. Закон — единственный друг
и в жизни и после смерти.
Все остальное гибнет,
как только погибнет тело.
62. Кто жертвы приносит животными,
блуждает в кромешной тьме;
Заповедь: «Не убивай!» —
была и будет нетленна.
63. Кто в женах чужих видит мать,
в чужом добре — ком глины,
А в людях других — самого себя,
видит, как должно видеть».

Что долго говорить! Своим притворством он внушил куропатке и зайцу такое доверие, что они подошли к нему совсем близко и были им убиты.

Съев их, он проговорил с усмешкой:

64. «Пусть жизнь в нем едва теплится
и нет никаких помощников,
Всегда найдет пропитание
тот, кто поистине мудр».

Поэтому я говорю: «Будут ли счастливы спорщики...»

Так вот. Эта сова ни в коей мере не наделена достоинствами, на которые можно положиться. К чему она нам?» Птицы подумали: «Она говорит правду», — и, согласившись с ее словами, сказали: «Мы соберемся снова и тогда уж решим великое дело царского выбора». Так сказав, они разлетелись по своим жилищам.

Одна сова, ожидая помазания, которое так ей и не досталось, продолжала сидеть в царском кресле. «Кто же это опозорил меня своими речами?» — спросила она. И получив ответ, что это ворона, с сердцем, воспламененным обидой, сказала: «Что плохого я тебе сделала, что ты помешала моему помазанию?»

65. Лечится рана от стрелы,
срубленный лес вырастает снова;
Куда опаснее — злые речи:
рана от слов не заживает.

Что попусту говорить! Отныне у меня с тобою вражды. И с этими словами сова, лишившись надежды на барский сап, улетела туда, откуда прилетела.

А ворона подумала: «Как глупо я вела себя в этом простом деле!

66. Не подходящее делу,
 месту и времени,
Бесполезное, грубое,
 вредное для говорящего —
Такое слово, знаю
 по зрелом размышлении,
Не есть настоящее слово,
 а яд халахала.
67. Какой человек,
 даже самый сильный,
Сделает ближнего
 своим врагом?
Кто в здравом разуме
 примет яд,
Полагая успеть
 выпить лекарство?

Я поступила так по своему невежеству. Ничего хорошего не сулит дело, которое делаешь, не посоветовавшись с теми, кто желает тебе добра. Сказано:

68. Кто делает дело,
 внимая совету друзей
И сам подолгу
 над ним размышляя,
Того по праву
 можно назвать мудрецом,
Сосудом счастья,
 довольства и славы».

Сказав это, ворона улетела.

Так, божественный, из-за неосмотрительных слов мы и совы стали врагами». Мегхаварна сказал: «Я все понял, отец. Посоветуй теперь, какое придумать средство, чтобы совы сюда не вернулись». Чирадживин отвечал: «Есть шесть средств политики: мир, война, выжидание, поход, союз и возбуждение распри. Среди них мир и война названы первыми, но они нам не подходят, как не подходят сейчас выжидание, поход, союз и распря. Ибо выжидание поведет к гибели крепости; поход вынудит нас ее покинуть; нет у нас ни могучего союзника, ни того, кто выиграл бы распрю среди врагов. Не можем мы в нашем положении прибегнуть и к четырем способам политики: переговорам, поднесению даров, подстрекательству

к мятежу и применению силы. Есть, однако, пятый способ, не упомянутый в сводах законов, а именно: военная хитрость. Ею как раз я и хочу воспользоваться и приложу все старания, чтобы победить и унижить врага.

И еще, божественный, вот что я хочу тебе посоветовать. А ты обдумай мой совет и постарайся его выполнить». — «Что же это, отец?» — спросил Мегхаварна. Чирадживин сказал: «Государь, вырви у меня перья, обрызгай чужой кровью и сбрось вниз с этого баньяна, а сам улетай на гору Ришьямуку. Там оставайся со своей свитой до тех пор, пока я не отправлю врагов в обитель. Ямы и не вернусь к тебе, закончив свое дело. И ты по должен обо мне тревожиться».

Так все и было сделано. Поэтому, когда зашло солнце и царь Апамарда вновь прилетел со своим войском к баньяновому дереву, он не нашел на нем ни одного ворона. Взобравшись на верхушку дерева, он удивлялся: «Куда делись наши враги?» А Чирадживин в это время лежал на земле и думал: «Если враги, так ничего и не заметив, улетят, что мне тогда останется делать? Сказано:

70. Дела не начинать —
первый признак мудрости;
Начатое доводить до конца —
второй признак.

Да, лучше вообще не начинать, чем погубить начатое. Поэтому подам-ка я голос, чтобы они меня обнаружили». Так решив, он принялся потихоньку каркать. Совы, которые были поблизости, распознали карканье ворона и доложили царю. Полный любопытства, Апамарда слетел вниз и, убедившись, что совы правы, приказал своим советникам: «Расспросите его, кто он». На расспросы ворон ответил: «Я Чирадживиц». Услыхав это, Апамарда пришел в крайнее изумление и сказал: «Он был любимцем царя ворон и первым его министром. За что же сородичи прогнали его и искалечили?» Когда Чирадживина спросили обо этом, он отвечал: «Слушай, государь. После того как вы улетели, учинив нам побоище, Мегхаварна, видя, как мало воинов осталось у него в живых, пришел в отчаяние. Собрав своих министров, он стал раздумывать, как бы тебя — прости на слове — уничтожить. Тогда я сказал: «Они сильны, а мы слабы, и единственно, что послужит нам ко благу, — это покориться им. Сказано:

71. Слабый, желая себе добра,
Даже в мыслях не борется с сильным.
Прав, кто ведет себя как тростник,
Мотылька же ждет верная гибель.

А также:

72. Будто лук сгибается
человек гибкий,
Как бамбук ломается
человек жесткий».

Тогда, приняв меня за твоего сторонника, безрассудные
короны вот так-то со мною разделались».

Выслушав его, Апамарда стал совещаться со своими
главными министрами, служившими еще его отцу и деду:
Рактакшей, Круракшей, Диптакшей, Вакранасой и Пра-
наракарной.

Первым он спросил Рактакшу: «Милый, что в таких
случаях полагается делать?» Тот отвечал: «О чем тут
думать! Его, конечно, нужно убить. Ибо:

73. Расправляйся со слабым врагом,
пока он не стал сильным.
Когда станет сильным и храбрым,
его уж не победишь.

И тому же недаром говорят: упустишь счастье, тебе вы-
павшее, и оно обернется проклятием.

74. Лишь раз выпадает счастливый жребий
тому, кто его ищет;
Второй раз удачи не дождешься
и дело свое не сделаешь.

Так вот, если мы убьем его, то царство наше навсегда
будет избавлено от врагов. Сказано:

75. Не отпускай врага, хотя бы он
молил о сострадании;
Не навлекай беды, убей того,
кто был однажды вреден!»

Следующего по очереди царь спросил Круракшу: «Ми-
лый, как с ним быть в наших обстоятельствах?» Тот от-
вечал: «Его нельзя убивать. Ибо:

76. Тех, у кого жестокость
сильнее, чем сострадание,
Когда их молят о помощи
испуганные просители,

Ранее им сослужившие
службу в беде иль радости,—
Таких людей называют
скалами неприступными.

77. Плод жертвоприношения коня,
дающий исполнение желаний,
Не так велик, как плод того заслуги,
кто предложил гонимому защиту».

Выслушав его, царь спросил Диптакшу: «А что ты, милый, думаешь?» Тот отвечал: «Врага, пришедшего за помощью, конечно же, нельзя убивать.

78. Рассказывает предание:
врага, защиты просившего,
Голубь, согласно обычаю
почтив, накормил своим мясом.

И так хорошо сказано:

79. «Меня она всегда избегала,
а теперь обнимает пылко.
Ты и друг и недруг мне, милый.
Уноси все, что имею!»

А вор отвечал:

80. «Что взять у тебя — не вижу.
Но если появятся деньги,
А жена обнимать перестанет,
приду опять непременно».

Вот видишь, даже в злодее-воре, покушавшемся на чужое добро, можно найти что-то хорошее, тем более в пришельце, ищущем защиты. И еще: сородичи его оскорбили, и теперь он послужит, божественный, нам ко благу, а им к несчастью и гибели. Его нельзя убивать». Тут Апамарда спрашивает: «А кто это то ли обнимает, то ли не обнимает? И что за неленица с вором? Расскажи». Диптакша рассказывает:

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Жил некогда купец. Ему уже минуло восемьдесят лет, но, уповая на свое богатство, он взял себе молодую жену. Оказавшись в пору расцвета своей юности замужем за стариком, та вела себя точно деревянная и, оплакивая свою несчастную молодость, каждую ночь, когда ей при-

хотелось быть с ним на ложе, уклонялась, гибкая как лоза, от его объятий. Но однажды в их дом, собираясь ограбить, проник вор. Увидев вора, она в испуге повернулась к мужу и обняла его, крепко к нему прижавшись. У того от любви и радости поднялись все волосы на теле, и он подумал: «Что за чудо! Откуда это неожиданное счастье?» Оглядевшись по сторонам, он, наконец, заметил вора и сказал ему: «Меня она всегда избегала...» А вор отвечал ему: «Что взять у тебя — не вижу...»

Обдумав его слова, Апамарда следующим спросил Вакранасу: «А ты что об этом думаешь?» Тот отвечал: «Божественный, его нельзя убивать. Ибо:

81. Даже враги полезны,
когда ссорятся друг с другом:
Вор подарил жизнь,
а ракшаса пару коров.

Царь спросил: «Как так?» Вакранаса рассказывает:

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Один бедный брахман получил в дар пару коров и с малолетства растил их, откармливая топленным и сезамовым маслом, солью, травой и другой подходящей для них пищей. Этих коров однажды увидел вор и подумал: «Сегодня же их украду». С наступлением сумерек он пустился в дорогу. Но на полпути его задержал за плечи какой-то незнакомец. «Кто ты?» — спросил он, а тот сказал правду: «Я брахмаракшаса, блуждающий по ночам. Ответь и ты мне, кто ты». Вор отвечал: «Я вор и хочу поживиться парой коров у одного брахмана». Тогда, почувствовав к нему доверие, брахмаракшаса сказал: «А я хочу поживиться самим брахманом». Дальше они уже пошли вместе, имея общую цель и рассчитывая на общий успех. Брахман спал, и брахмаракшаса стал подкрадываться к нему, чтобы его схватить. Но вор сказал: «Так не пойдет! Сначала я уведу коров, а потом уже ты хватай его». Брахмаракшаса возразил: «И так не пойдет. Коровы замычат и могут его разбудить. Тогда мой приход сюда будет бесплоден». Тут они начали ссориться друг с другом, кому быть первым, и ссора их в конце концов разбудила брахмана. Вор крикнул ему: «Брахман, тебя хочет съесть этот брахмаракшаса!» А брахмаракшаса

отозвался: «А этот вор хочет украсть у тебя корону! И тогда их обоих, и вора и ракшасу, брахман прогнал пон». Поэтому я говорю: «Даже враги полезны...» И еще:

82. Великодушный и праведный Шиви
дал свое мясо соколу
И этим голубя спас от смерти —
так говорит предашие».

Апамарда спросил: «Как так?» Диптакша рассказывает:

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Жил царь по имени Шиви. К его ногам склонялись короны всех повелителей земли, но сам он был исполнен сострадания и удовлетворял желания всех просителей. Молва о его щедрости, не знающей границ, поднялась до третьего неба, и однажды Индра так подумал: «Нет никого, кто был бы щедростью равен Шиви. Чего же он хочет и какова его истинная природа?» Желая знать это, он позвал Дхарму; сам стал голубем, а Дхарма — соколом, и сокол понесся за голубем, нападая на него сзади. Когда рано утром царь Шиви вошел в зал для приема просителей и уселся удобно в свое кресло, голубь, дрожа от страха, часто мигая своими глазами-звездами, издавая жалобные вопли, вдруг опустился рядом с царем и, запинаясь, проговорил испуганным голосом: «Царь, я прошу у тебя защиты. Спаси меня от сокола!» Но тут и сокол подлетел к царю и громко закричал: «Царь! Оставь его, оставь! Я измучен голодом, отдай мне мою пищу!» Голубь сказал: «Царь, я прошу у тебя о защите, не откажи мне в помощи. Ведь когда просят о защите, праведники скорее готовы пожертвовать собственным телом, чем просителем». Сокол сказал: «Царь, про тебя говорят, что ты исполняешь желание каждого. Так отдай мне эту мою пищу, иначе я погибну».

В царя пробудилось сострадание, но он пришел в замешательство, словно бы оказавшись на качелях сомнения: как тут быть? И тогда он сказал соколу: «Не в правилах добрых бросать на произвол судьбы просящего о защите. Я дам тебе, чтобы ты насытился, другое мясо». Сокол отвечал: «Мы, соколы, не питаемся мертвечиной. Мы едим живое мясо с теплой кровью и жилами. Но если хочешь, дай мне от самого себя столько мяса, сколько ве-

«этот голубь». Царь согласился, а среди вассальных царей поднялось смятение и послышались крики: «Ах, ах! Божественный, не будь безрассуден. Это не сокол, а рак-саян, явившийся на твою погибель!» Под эти стенания голубь поспешил взобраться на чашу весов, а царь, чтобы их уравновесить, отрезал от своего тела кусок мяса и положил на другую чашу. Однако чаши не стали вровень, и сколько мяса ни отрывал от себя Шиви, вес его все еще уступал весу голубя. Тогда, вознеся хвалы всеведущему Дхарме, царь лег на весы всем своим телом. И тут же в небе послышался гром барабанов, подул ветер, принесся с собою сплошной дождь цветов, и десять сторон света огласились возгласами: «Прекрасно! Прекрасно!»

Вслед за тем Дхарма и Индра припiali свой истинный облик и сказали царю: «Прекрасно, владыка мира! Ты наделен самой лучшей, самой высокой добродетелью, какой только может быть у живых существ. И ты выдержал наше испытание. Так пусть же тело твое будет таким же, как прежде, твоя сокровищница неисчерпаемой, а твой разум всегда служит справедливости на благо всему живому!» Так сказав, они исчезли.

Поэтому я говорю: «Великодушный и праведный Шиви...»

Так вот, этого ворона, который просит у нас защиты, нельзя убивать».

Затем был спрошен Пракаракарна. И он отвечал так же, как Круракша, Диптакша и Вакранаса.

Тогда, усмехнувшись про себя, снова заговорил Рактакша: «Увы, своим невежеством вы губите государя. Да и все мы погибнем. Правильно сказано:

83. Будь они даже министры,
назовут их врагами мудрые,
Если, не ведая блага,
они служат злу.
84. Когда министры несведущи,—
не зная места и времени,
И добрые погибают,
как тьма при восходе солнца».

И все-таки царь пренебрег словами Рактакши. Он под-
нял Чирадживина с земли и повел его в свою крепость.
Но Чирадживин сказал: «Божественный, зачем брать ме-
ня, когда я так жалок и ни на что не годен? Для чего
мне жить такому? Лучше я войду в пылающий костер!
Окажи мне милость, почти меня даром огня».

Рактакша, желая выведать его намерения, которые он искусно скрывал, спросил: «Отчего ты желаешь броситься в огонь?» Чирадживин ответил: «Ради вас я так пострадал. И теперь, если принесу свое тело в жертву на огне, то надеюсь в следующий раз родиться в лоне совы и отомстить воронам». Рактакша сказал:

85. «Речь твоя сладкозвучна,
но скрывает тайный умысел;
Для несведущих в обманах
она — как отравленное вино.

Негодный! Да разве можешь ты родиться совою! Такого не бывает. Ибо:

86. Солнце, облако, ветер, утес
просила в мужья мышка,
Но получила мужа-сородича.
Природы своей не изменишь!»

Чирадживин спросил: «Как так?» Рактакша рассказывает:

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

В некоей стране один святой мудрец совершал омовение в Ганге. Когда он хотел отпить воды из ладони, на нее вдруг упала маленькая мышь, которую выростил сокол. Мудрец положил ее у подножья баньянового дерева, снова совершил омовение и пошел к дому. Но по дороге он вспомнил о мышке и подумал: «Это жестоко, что я покинул мышь, у которой нет ни отца, ни матери». Так подумав, он вернулся к ней, силой своего покаяния превратил мышь в девушку и, отведя к себе домой, отдал своей бездетной жене. При этом он сказал: «Позаботься о ее воспитании, милая».

Со временем, когда девушке исполнилось двенадцать лет, он решил выдать ее замуж. Ибо:

87. Если девушка в доме отца
своими глазами увидит месячные,
Ее считают низкородившей —
ее, а не дочь шудры.

«А выдам я ее, — подумал он, — за того, кто ей равен. Сказано:

88. Свадьба и дружба бывают
меж теми, кто равен родом
Или равен богатством,
а не у слабого с сильным».

Так подумав, он воззвал к Владыке с тысячью лучей и сказал ему: «Женись на моей дочери». Но этот Хранитель мира, Свидетель всего сущего ответил: «Почтенный, облако сильнее меня: даже когда я восхожу, оно меня застилает». — «Это так», — согласился мудрец и воззвал к облаку: «Возьми мою дочь». Но облако отвечало: «Ветер сильнее меня: он гонит меня повсюду, во все стороны света». Тогда он воззвал к ветру: «Возьми мою дочь». В ответ ветер сказал: «Почтенный, утес сильнее меня: даже на толщину пальца я не могу его сдвинуть». Тогда он воззвал к утесу: «Возьми мою дочь». Тот отвечал: «Я действительно неподвижен. Но мыши находят ко мне доступ и то тут, то там прогрызают во мне сотни нор». Согласившись с ним, мудрец позвал мышь и сказал: «Возьми мою дочь». Но услышал в ответ: «Ничего не получится. Как же она пролезет в мою нору?» — «Это правда», — подумал святой мудрец и силой своего покаяния возвратил мышке ее собственную природу.

Поэтому я говорю: «Солнце, облако, ветер, утес...»

Рактакша кончил рассказывать, но Апамарда, снова оставив его слова без внимания, поднял Чирадживиина с земли и повел в свою крепость себе на погибель.

Когда они подошли к воротам крепости, Апамарда сказал своим министрам: «Пусть Чирадживин живет там, где он сам захочет». А Чирадживин подумал: «Когда придет время, отсюда мне легче убежать», и указал на место вблизи крепостных ворот. Каждый день совы разлетались, кто куда хотел, на завоевание стран света, приносили с собою обратно много мяса и по приказу царя кормили этим мясом Чирадживина.

Между тем Рактакша созвал своих домашних и сказал им: «Я предвижу скорую нашу гибель по вине этого ворона. Поэтому не следует нам оставаться среди этих глупцов. Ибо:

89. С дурными людьми, говорят,
разум дуреет,
С равными — ровен, а среди лучших
становится лучше.

Давайте поищем убежища в какой-нибудь другой горной пещере и заживем там спокойно. А эту пещеру, где вскоре нам угрожает гибель, лучше оставим. Сказано:

90. Счастлив тот, кто предвидит будущее,
Кто его не предвидит — несчастлив.
«Я состарился в этой пещере,
Но ни разу не слышал ее голоса».

Те спросили: «Как так?» Рактакша рассказывает:

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

В одной пещере жила лиса. Всякий раз, возвращаясь с гуляния по лесу, она останавливалась у входа в пещеру и кричала: «Эй, пещера, пещера!» И прокричав так, входила внутрь со спокойным сердцем. Однажды она как всегда ушла в лес на добычу. А в это время на ее пещеру случайно набрел шакал по имени Читрака, который рыскал в поисках еды, потому что шея его уже исхудала от голода. Увидев повсюду следы лисы, он подумал: «Здесь, верно, будет мне пожива». И с этой мыслью вошел в пещеру. Между тем лиса, погуляв и наевшись в свое удовольствие, вернулась к своему жилищу и крикнула: «Эй, пещера, пещера!» Услышав ее возглас, Читрака подумал: «Что такое? Наверное, она входит сюда только тогда, когда ей отвечают». И он закричал в ответ. А лиса, услышавшая, к своему изумлению, то, что слышать ей еще не приходилось, тотчас же убежала.

Поэтому я говорю: «Счастлив тот, кто предвидит будущее...» Рассказав эту историю, Рактакша улетел со своими близкими в другое место.

Между тем у ворона Чирадживина спустя недолгое время отросли перья, он окреп, и тело его стало блестеть, как у павлина. Тогда он подумал:

91. «Я как мог хорошо разведал
их возможности, силы, крепость.
Теперь, не теряя времени,
врагов пора уничтожить».
92. Я обрел свою силу и мужество,
искусен, как был, в летании
И могу различными способами
удар нанести злодеям».

Так подумав, он, дабы истребить врагов, набросал в их пещеру сучьев и хвороста и полетел к Мегхаварне. Узнав

о его прибытии, все вороны с возгласами: «Отец! Брат! Дядя!» — бросились в нетерпении свидеться ему навстречу. А он, собрав их вокруг себя, сказал: «Возьмите каждый по куску дерева — такому, чтобы его было легко унести. Я же возьму огонь». Так они и сделали. А о том, что учинил Чирадживин, зная все выходы из пещеры и все ее закоулки, рассказывать не стоит: это и так понятно.

Когда огонь уничтожил пещеру, а всех ее обитателей отправил в мир нагов, желания Чирадживина исполнились. Он заново освятил крепость на баньяновом дереве и, под радостные клики и пожелания счастья и благополучия, отвел туда царя Мегхаварну и всех его подданных.

Победив своих врагов, Мегхаварна спросил Чирадживина: «Скажи, отец, как ты жил среди неприятелей?

93. Тем, чьи деяния праведны,
лучше в огне погибнуть,
Чем провести хоть мгновение
среди своих врагов».

Чирадживин отвечал: «Милый,

94. Каким бы ни был путь к спасению —
жалким или великим, —
Мудрый, когда грозит опасность,
следует этим путем.
Разве на хоботах рук Кири́тина,
знавших богов оружие,
Луком натруженных, не звели
женские браслеты?
95. Мудрый, как бы силен он ни был,
ожидая судьбы перемену,
Должен уметь уживаться с низким,
злым или лживым человеком.
Разве в руке, почерневшей от сажи,
не держал Бхимасэна ложку
И не сбивал ею, могучий,
соус на кухне ма́тсьев?
96. Мудрый, попав в беду, терпеливо
ждет удобного времени
И выполняет любую работу,
славную или позорную.
Разве Арджуна, который натягивал
звонокую тетиву Ганди́вы,
Не надевал, забавляя женщин,
пояс с бубенцами?
97. Мудрый, если желает успеха,
должен скрывать величие
И покоряться воле судьбы,
хотя бы был полон силы.

- Разве сын Дхармы, чьи братья схожи
с Индрой, Куберой и Ямой,
Не опирался на нищенский посох
и не терпел унижений?
98. Прекрасные, благородные,
храбрые сыны Мадри
Пасли коров и лошадей,
услужая царю Вира́те.
99. Наделенная юностью и богатством,
равная Шри красотой —
И такая жена по воле судьбы
может попасть в услуженье.
Разве не терла сандал Драупа́ди
во дворце государя матсьев
И юноши ею не помыкали,
называя с презреньем рабыней?»

Мегхаварна сказал: «Я думаю, жить с теми, кто тебе неприятен, все равно что взять на себя обет «лезвие меча». Чирадживин отвечал: «Да, это так, божественный. Однако:

100. Когда у мудрого мало сил,
он скрывает свое бессилие,
Притворяется другом и терпит,
выжидая счастливого времени.

Что тут говорить! Никогда прежде я не видывал такого сборища глупцов. Один Рактакша разгадал мои истинные намерения. Остальные же министры оказались министрами только по званию. Они и не подозревали, что их ждет.

101. Когда, себя называя другом,
рядом с тобою селится враг,
Его, как змею, заползшую в хижину,
немедленно следует убить.
102. Если голубь с семенами смоковницы
путает семена шелковицы,
Стоит жизни ему ошибка —
не сейчас, так в будущем.
103. На врагов беспечных нападай,
дождавшись удобного случая:
Когда они пьют, едят, лежат
или бредут без охраны.
104. Поэтому мудрый со всем усердием
заботливо должен охранять
Себя — средоточие трех целей:
беспечность — верная гибель.
105. Кого, кто ест неумеренно,
не терзают болезни?
Какого министра, если он плох,
не преследуют неудачи?

- Кого не слепит удача?
 Кого не погубит смерть?
 Кого не томят желания,
 порожденные женщинами?
106. От надменного уходит слава,
 от бесчестного — друг.
 От неблагодарного — родичи,
 от скупого — слуги.
 У порочного гибнет знание,
 у слабого — счастье,
 У царя, чьи советники нерадивы,
 гибнет царство.
107. У глупцов растут горести,
 у вспыльчивых — гнев,
 У страстных — желания,
 у разумных — знание,
 У сострадательных — добродетель,
 у великих — мужество,
 В очаге с сухими дровами
 растет пламя.

Так, царь. А твои слова, что жизнь среди врагов подобна
 обету «лезвие меча», — это правда.

Мегхаварна сказал:

108. «Даже в опасности и горе
 начатых дел пельзя бросать —
 В этом величие великих,
 украшенных мудрым знанием.

Поэтому ты и истребил врагов без остатка». Чирадживин
 отвечал: «Это так, божественный.

109. Остаток долга, остаток огня,
 а также врагов остаток
 Возрождаются снова к жизни.
 Нельзя оставлять остатка!»

Мегхаварна сказал: «Верно. У тебя есть решитель-
 ность и умение. И еще:

110. У того, кто в делах государевых
 ясно не видит цели,
 Гибнут шесть средств политики,
 когда враги его зрячи.
111. Кто знает шесть средств политики,
 связанные друг с другом,
 Невежественными врагами
 играет, как он захочет».

Чирадживин сказал: «Божественный, твой удел — счастье.
 Так разве может кончиться неудачей то, что делается
 ради тебя? И еще:

112. Сильный в союзе с умным
и умный в союзе с храбрым —
Оба добьются успеха,
если щедры и решительны.
113. Что недоступно на свете
для человека мудрого,
Решительного, правдивого,
себя самого победившего?
114. Кто не падает духом в беде
и не чванится при удаче,
Сдержан в радости, терпелив,
прилагает усилия вовремя,
Не скрывает дурных вестей
и противится собственной слабости,—
Тот, владея самим собой,
своим счастьем тоже владеет.
115. «Время ли? Место? Кто друзья?
Что потеряю и что выгадаю?
Кто я сам? Каковы мои силы?» —
думай об этом неуставно.
116. «Кто я? Время ли? Место? Хорошо ли? Плохо?
Кто наставники? Кто друзья?
Есть ли силы? Как лучше достичь успеха?
Благоприятствует ли судьба?
Как отвечать на враждебные речи?
Что мне сулит удача?» —
Над тем, кто так обдумает дело,
не придется потом смеяться.

Одно мужество не решает дела:

117. Убитые оружием
еще не убиты.
Убиты те,
кого убил разум.
Оружие убивает
только тело.
Разум убивает
род, честь и славу.

А также:

118. Лучник стрелой одного человека —
и то не всегда убивает;
Мысли ж стрела убивает людей
уже в материнской утробе.

Удача охотно склоняет голову перед твердой поступью
божественных и человеческих деяний.

119. Если тверды в начале дела,
память и разум,
Средства сами даются в руки,
сбываются планы,

Приходит успех и вместе с успехом
победы сладость —
И радуется человек
грядущей славе.

Царства достоин тот, кто щедр, мудр и мужествен.
Сказано:

120. У щедрого — знание, у знающего — добродетель,
у добродетельного — богатство,
У богатого — счастье, у счастливого — власть,
а за властью — царство».

Мегхаварна сказал: «Отец, наука разумного поведения
быстро приносит плоды. Ты сведущ в ней и потому, про-
никнув к царю Апамарде, смог погубить его вместе со
всей свитой». Чирадживин отвечал: «Божественный,

121. Тому, кем без хитрости не овладеешь,
Сначала польсти, прибегнув к его защите;
Царя деревьев, который в лесу всех выше,
Не срубишь, пока его не восславишь гимном.

Однако, божественный, к чему говорить о том, что уже
не ко времени и бесполезно для дела. Правильно сказано:

122. Пустая, легковесная, бесцельная,
Сама в себе усладу находящая —
Такая речь вредит успеху дела
И у людей насмешку вызывает.

Мудрые даже в малых делах не должны быть без-
заботными. Ибо:

123. «Такая малость! Нечего стараться!
К чему здесь хлопоты!» — кто рассуждает так,
Тот натолкнется на беду и горе,
Беспечностью своею ослепленный.

Но сегодня, победив врагов, я буду спать, владыка,
так крепко, как никогда раньше. Так:

124. Спится спокойно в доме, где змей
нет или их перебили;
Если ж змея уползла невредимой,
сон не идет к человеку.
125. Как могут люди гордые и смелые
покойны быть и счастливы,
не утолив своих отважных помыслов
и те дела не сделав,
Что требуют решительности, воли,
житейской мудрости,
Взамен же предлагают исполнение
желаний сердца?

Я выполнил дело, за которое взялся, и сердце мое отдыхает. Так:

126. Радость на сердце и легче как будто тело
у переплывшего океан;
Так же ликует разум, когда исполнишь
тяжкий обет победы.

Теперь наслаждайся долгим царствованием, вырван врагов-терниев, защищая и радуя свой народ под сенью царских опахала, зонта и трона, доставшихся тебе от твоих отцов и дедов.

127. Если царь не радует подданных
добротой своей и опекой,
Его власть бесполезна, как вымя
у козы на шее.
128. Царь, почитающий доброе
и ненавидящий злое,
Преданный бескорыстно
мудрому поведению,
Долго имеет усладой
царское величие,
Чье украшение зонт, а платье —
трещащее опахало.

Но не опьяняй себя этим величием и мыслью: «Царство мое!» Помни, что могущество царей непостоянно. Их счастье — как тростник: чем выше поднимешься по нему, тем ниже склопнется он к земле. Оно — как ртуть, которую, как ни старайся, не удержишь на месте. Оно обманчиво, как ни чти его, непостоянно и капризно, как обезьяна. Оно испаряется, словно капля росы на лепестке лотоса, и изменчиво, словно порывы ветра. Оно непрочное, как общение с неблагородным, и ему трудно угодить, как ядовитой змее. Словно гряда вечерних облаков, оно прекрасно только мгновение и недолговечно по своей природе, как вереница пузырей на воде. Будто живое существо, оно неблагоприятно, что бы ради него ни делали, и быстро исчезает с глаз, как груды богатств, увиденных во сне. Что говорить!

129. Обманувшую не одного мужа,
прервавшую не одно восхождение,
Оберегай Шри заклинаниями,
как заклинаешь себя от нищаты.

Нет на земле такого, кто был бы избавлен от несчастий.

130. Подумай об изгнанном Раме, об унижении Бали,
 о жизни в лесу папдавов,
 Об истреблении вришниеи, о бегстве из царства
 Нала,
 о бедствиях Саудасы,
 О гибели Арджуны, о горькой участи Раваны,
 властителя славной Ланки —
 По воле судьбы чего человек не терпит
 и кто ему в чем поможет!
131. Где Дашаратха, друг Индры,
 сражавшийся с ним на небе?
 Где Сагара, опоясавший
 берегом океан?
 Где из руки рожденный
 Вайнья, где солнечный Ману?
 Всех пробудил их Ка́ла,
 и он же всех усыпил.
132. Прославленные в сказаньях
 цари, министры, жены,
 Роци, леса — все гибнут,
 ужаленные Смертью.

Поэтому, пока ты счастлив, наслаждайся счастьем вместе
 с друзьями. Царская власть — источник наслаждений.
 Богатство без наслаждений бесплодно; это та же бед-
 ность, но в другом обличье. Украшают же царскую власть
 мудрое поведение и мудрые наставники. Так:

133. Разум украшен знанием,
 глупость — пороками,
 Грозный слон — своеволием,
 река — водою,
 Мужество — размышлением,
 почь — луною,
 Царство же украшает
 мудрое поведение.

А мудрое поведение состоит в неуклонном выполнении
 наставлений старцев, которые да будут твоими советчи-
 ками во всех царских делах. Поэтому и тогда, когда я
 распрощусь с жизнью, не отвергай советов старцев и не
 обольщайся молодостью и властью.

И еще:

134. Удача убивает
 горе, беду и страх,
 Уныние — радость,
 появление снега — осень,

Неблагодарность — согласие,
солнце — тьму,
Дурное же поведение —
царское счастье».

*Здесь кончается третье назидание,
называющееся
«Вороны и совы».*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

Потеря приобретенного

Здесь начипается четвертое назидание, которое называется «Потеря приобретенного». И вот в нем первое двустипшие:

1. Кто, поддавшись на уговоры,
упускает свою добычу,
Будет обманут, безрассудный,
как крокодил обезьяной.

На берегу моря жил царь обезьян по имени Валивада-пака. Когда он состарился и стал слабым, другая обезьяпа, которая только что вступила в пору юности и чье сердце было полно жестокой зависти, вспылала к нему враждой. Охваченная яростью, она прогнала его из стада, и с тех пор он жил один. Валиваданака нашел на берегу пальму, прозванную Мадхугарбха, и, поселившись на ней, питался ее плодами. Однажды во время еды он выронил плод пальмы из рук. А тот упал в воду с гулким и сладостным всплеском. Тогда обезьяна принялась кидать в воду один плод за другим. К подножью дерева подплыл крокодил по имени Кришака, начал подхватывать эти плоды и с удовольствием их есть. Валивадапака проникся к крокодилу расположением и дружбой и, проходясь в его обществе, стал даже забывать о своем изгнании из стада. Да и крокодил почувствовал в душе любовь к обезьяне и не спешил возвращаться домой.

Между тем жена крокодила, чье сердце страдало от разлуки, сказала своим подругам: «Где мой супруг? К чему это, покинув свой дом, он так страстно привязался? Как долго его нет сегодня! Он забыл о трех целях жизни, да и сам себя, видно, не помнит». Одна из ее подруг ей отвечала: «Разве будут у тебя с таким супругом дом и довольство? Ты и не подозреваешь, чем он занят.

И своими глазами видела, как на берегу моря он забавляется украдкой с какой-то обезьяной, воспылав к ней страстной любовью. Теперь, когда ты об этом знаешь, не терять времени и поступай так, как считаешь нужным». Когда жена крокодила такое услышала, сердце ее обожгла великая обида. Она забросила все домашние дела, надела черное платье, натерла тело сезамовым маслом, легла на ложе, которое со всех сторон окружили подружки, и стала беспокойно по нему метаться.

Но вот крокодил, которого дружба с Валиваданакой принудила забыть о времени, вернулся домой. Увидев свою жену в таком состоянии, он со встревоженным сердцем начал спрашивать, что за беда с нею случилась. Однако никто не отвечал на его расспросы, все хранило молчание. Он спрашивал снова и снова, и, наконец, одна из подруг, которая для жены крокодила была словно бы вторым сердцем, сказала с видом отчаяния на лице: «Господи, ее болезнь неизлечима. Можешь считать, что она погибла. Ей уже не выздороветь». Когда крокодил это услышал, им овладело глубокое горе. И будучи любящим супругом, он воскликнул: «Если можно бы было сделать ее здоровой ценой моей жизни, я бы ради нее этой жизнью пожертвовал». Подруга отвечала: «Милый, есть одно только лекарство от ее болезни. Если бы удалось достать сердце обезьяны, она осталась бы в живых. В ином случае она переступит порог смерти. Такова тайна женского естества».

Крокодил стал думать: «Откуда же мне взять обезьянье сердце? Разве что у Валиваданаки? Но это было бы великим злом и шло бы вразрез с заповедями долга. Однако,

2. Кто первый — жена или друг,
исполненный добродетелей?
Когда приходится выбирать,
жену ценишь выше друга.

Так:

3. С ней обретишь три цели жизни,
затем друга, затем славу.
Так как же не чтить жену высоко,
в себе воплотившую все миры!

И все-таки в какое тяжкое положение я попал!

4. Мой единственный друг, благодетель,
любимый, достойный,
Из-за женщины должен погибнуть.
О, как я несчастен!

Он долго раздумывал и, хотя сердце его противилось этому, медленно-медленно направился к Валивадапака. А тот спросил его: «Милый, чем ты так взволнован?» Крокодил отвечал: «Друг, нелегко это говорить, но дружить с тобою по-прежнему я не могу. Сколько времени ты один оказывал мне услуги, а я в ответ даже малости для тебя не сделал! И еще:

5. Люди становятся друзьями,
когда имеют от этого выгоду.
Ты же, тигр среди обезьян,
выгоды для себя не ищешь.

И такое изречение сказано будто бы о тебе:

6. Неблагодарному оказывать услуги,
не забывать друзей и близких,
Поддерживать того, кто падает,—
вот благородных истинные свойства».

Валивадапака отвечал: «А разве не благодаря твоей верной дружбе случилась со мной эта перемена судьбы, и я, изгнанный с родины и от родичей, живу теперь спокойно и в свое удовольствие? Правильно сказано:

7. Кто сотворил это сокровище,
защиту от боли, горя и страха,
Любви и доверия средоточие —
два эти слога: друж-ба!

Ты скажешь: «Я не привел тебя в свой дом, не познакомил с женой, не пил с тобой из одной чаши». Что ж тут такого? Это еще не истинная дружба. А кроме того:

8. С дурным человеком
знакомить жещу опасно:
Ему все равно,
жена это или актерка.
А доброму другу
не нужен для дружбы повод:
Он добр по природе
и рад оказать услугу».

Крокодил сказал:

9. «Что странного, когда человек благородный
Почигает мудрых и добродетельных?
Но когда так делает низкорожденный,
Это удивительно, как замерзшее солнце.

Однако

10. Не докучай другу и родичу
слишком пылкой любовью:
Перекормит корова теленка —
и он начинает ее бодать.

Так вот, милый, я хочу воздать тебе услугой за услугу. Посреди этого моря есть остров. На нем живут три девушки-обезьяны, только что вступившие в пору юности и такие красивые, каких раньше я никогда не видывал. Деревья на острове подобны древу желаний, а вкус их плодов — вкусу амриты. Я могу посадить тебя на свою спину и отвезти на этот остров».

Услышав его слова, обезьяна была вне себя от радости и воскликнула: «Хорошо, милый! Мне это по душе, поскорее вези меня». И крокодил посадил доверчивую обезьяну, словно бы уже отмеченную знаком смерти, к себе на спину и поплыл вместе с нею.

По дороге он размышлял: «Увы!

11. Тяжко, губительно дело,
затеянное женою.
Вижу его жестокость,
стыжусь и все-таки делаю».

Заметив, как он встревожен, обезьяна, с которой он плыл все дальше и дальше, сказала: «Друг, мне кажется, ты сам на себя не похож сегодня». Она стала его настойчиво расспрашивать, и крокодил, полагая, что она уже в его власти, сказал, глупец: «Моя жена больна и просила меня принести ей нежное сердце обезьяны — единственное для нее лекарство. Это-то меня и печалит».

Услышав это, Валиваданака счел было себя уже погибшим и пришел в безмерное отчаяние. Но затем сказал: «Милый, ты поступил верно. Но отчего ты раньше меня не предупредил? Тогда бы, прежде чем плыть с тобой, я бы захватил свое сердце. Правильно говорится:

12. Кто, в деле не разобравшись,
спохватывается не вовремя
Бывает людьми осмеян,
как вор, похитивший лук».

Крокодил спросил: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

В одном городе был пойман вор, укравший лук. Его связали и повели на царский двор, а судьи там ему говорят: «Ты будешь свободен, приятель, если заплатишь сто рупий штрафа, или перетерпишь сто ударов кнута, или

съешь сто луковиц». А он, человек недалекий, сказал в ответ: «Съем лук». Но едва только он съел семь или восемь головок лука, как от горечи в горле у него потекло из глаз и ноздрей, на губах выступила пена, и он закричал: «Не могу его есть. Но и ста руний не могу заплатить. Выбираю сто ударов кнута». Когда же его несколько раз хлестнули кнутом, он снова завопил: «Их я тоже не вытерплю. Лучше возьмите сто рупий или больше, если хотите, но только пощадите меня». Так он стал посмешищем в глазах людей, да к тому же изведаль телесную муку.

Поэтому я говорю: «Кто, в деле не разобравшись...»

Зачем мне идти к тебе без сердца? Да и ты хорош будешь, когда явишься к жене, не исполнив задуманного. Сказано:

13. Кто хочет достичь трех целей:
добродетели, выгоды и любви,
Пусть идет к брахману, царю, женщине,
но идет не с пустыми руками.

Так вот, друг. Я хотел бы повидаться с твоей женой, но лишь с сердцем в руках». Крокодил спросил: «А где же твое сердце?» Обезьяна отвечала: «На пальме, где я живу». Крокодил подумал: «Неужели мои старания были напрасны? Теперь, даже если я убью друга, жена все равно останется больна». И он сказал: «Милый, поплывем поскорее за твоим сердцем». Обезьяна ответила: «Раз ты этого хочешь, друг, мы быстро его раздобудем». — «Плыдем же!» — сказал крокодил.

И вот они возвратились к пальме. Обрадовавшись, Валиваданака прыгнул на дерево, взобрался на высокую ветку и с облегчением подумал: «Ух! Я снова живу!» А крокодил в это время звал его снизу: «Милый, бери свое сердце — и в путь». Рассмеявшись, Валиваданака отвечал: «Глупец, разве ты не знаешь, что сердце находится внутри нас самих?»

14. Ты хитрил и хотел меня погубить,
в ответ и я пошел на хитрость:
Тебя запутал в сетях обмана,
а себя избавил от смерти.

Крокодил сказал: «Милый, даже если ты не дашь мне сердца, все равно спустись. Чтобы вылечить жену от болезни, я отыщу другое сердце». Обезьяна отвечала: «Нет, негодный, я не осел.

15. Пришел, ушел и снова пришел —
на сей раз чтобы погибнуть.
Поистине, этот глупый осел
не имел ни ушей, ни сердца».

Крокодил спросил: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

РАССКАЗ ВТОРОЙ

В окрестностях одного леса жил лев, а с ним его слуга — шакал. Как-то лев тяжело заболел и уже не мог ходить на охоту. Шакал, у которого шея высохла от голода, спросил льва: «Как же нам теперь быть?» — «Милый, — отвечал лев, — от этой болезни меня могут излечить только уши и сердце осла. Иного лекарства нет». Шакал сказал: «Хорошо, дорогой, я приведу осла».

Так сказав, он явился к ослу, чьим хозяином был один мойщик, и спросил его: «Отчего ты так худ?» Тот отвечал: «Я ношу тяжелые тюки с одеждой, а мой негодяй-хозяин даже кормит меня не каждый день». Шакал сказал: «К чему эти мучения! Я отведу тебя в такое место, где ты будешь чувствовать себя как на небе». — «В какое место? Скажи», — попросил осел. Шакал сказал: «В этом лесу живут четыре ослицы, вступившие в пору расцвета своей юности и такие красивые, каких, думаю, свет не видывал. Они, как и ты, возненавидели свою прежнюю жизнь и убежали от хозяев. К ним-то я тебя и поведу». Услышав такое, осел воскликнул обрадованно: «Веди!» — и шакал отвел этого глупца ко льву.

Но лев слишком понадеялся, что добыча уже у него в лапах, и когда прыгнул на осла, то промахнулся и перелетел за его спину. «Что это? Не удар ли молнии?» — подумал осел и, кое-как ускользнув от льва, с перепуганным сердцем, не оглядываясь, побежал к своим сородичам.

Тогда шакал сказал льву: «Какой из тебя повелитель мира! «Я, мол, лев. Нет мне равных. Кто от меня скроется!» — а сам не можешь даже убить осла, которого подвели тебе под нос. Как же ты одолеешь своих врагов?» Лев отвечал: «Это правда. Но приведи его еще раз, и тут уж я непременно его убью». Шакал сказал: «Тогда готовься. Хотя он и видел твой славный подвиг, я предлагаю снова заманить его силой своего разума». И шакал со смехом пустился в дорогу.

Подойдя к ослу, он спросил: «Почему ты убежал обратно?» Тот отвечал: «Страшное дело со мною случилось. Не знаю, что за существо, но величиною с гору, внезапно бросилось на меня сверху. И мне лишь потому удалось от него убежать, что, видно, не кончился еще срок моей жизни». Шакал сказал: «Разве ты не знаешь:

16. Когда стремишься к трем целям,
почти всегда в этом мире
Мережатся препятствия,
которых на деле нет.

Вот и тебе что-то померещилось. Нет в лесу таких существ. Иначе как я, такой слабый, мог бы там спокойно жить? Пойдем же в этот лес безмятежного удовольствия!» Обманутый этими словами, осел снова пошел с шакалом. А лев, поджидавший его внутри пещеры, увидев, что он подходит, бросился ему на спину, разорвал ее своими когтями и убил его.

Затем лев сказал шакалу: «Милый, этим лекарством так нужно пользоваться: сначала почтить богов положенным обрядом, а потом принять. Тогда оно подействует. Поэтому побудь здесь немного и последи за убитым ослом, пока я не кончу обряд и не вернусь». Когда лев ушел, шакал подумал: «У меня и у льва совпадают желания. А ведь это не про нас говорят: неразлучные друзья. Откуда мне взять другого осла? Приму-ка я сам это лекарство себе на пользу!» И, воздав хвалу богам-хранителям мира, шакал полакомился ослиными ушами и сердцем. Съев их, он хорошенько вытер лапы и рот и стал ждать.

Когда лев вернулся и по обычаю обошел осла слева направо, он вдруг заметил, что у того не хватает ушей и сердца. Тогда он сказал шакалу: «В чем дело? Отвечай, где его сердце и уши?» А тот воскликнул: «Откуда же два уха и сердце у такого глупца, который сначала ушел, а потом вернулся?»

Поэтому я и говорю: я не осел, и тебе не удастся снова меня заполучить. Уходи!

17. Ты прибег к лицемерным речам,
свое затеяв дело,
Но ошибся едва заметно,
И я твой замысел понял.
Твой обман был хитро задуман,
и я, ему подражая,
На обман ответил обманом:
за сходным следует сходное.

И так хорошо говорится:

18. Ошибки ума не бесплодны,
Но служат ему наставлением;
Они лечат разум разумных,
Подобно лучшим лекарствам.
19. Хвалят плоды райского дерева,
сладкие, как амрита,
Но они не по мне — мне нравятся
плоды моей пальмы».

Крокодил сказал: «Как же ты мог истинно обещать мне: «приду», и все-таки не прийти?

20. Если тысячу жертвоприношений коня
и истину положить на весы,
Тысячу жертвоприношений коня
истина перевесит».

Обезьяна ответила: «Глупец, тебе не удастся меня обмануть напоминанием о моем обещании. Сказано:

21. Кто, забывая о выгоде,
говорит не ко времени правду,
Тот в своем безрассудстве —
второй водочерпий Юдхштхира».

Крокодил спрашивает: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

В одной деревне жил некий водочерпий при колоде. Как-то, будучи пьяным, он упал в колодец и, когда падал, большим черепком от кувшина поранил себе лицо, так что вылез, весь залитый кровью. Когда же рана зажила, ему опостылела прежняя его работа и он решил: «Не буду больше этим заниматься». Затем он поступил в услужение к некоему царю. Так как он был молод, хорош собою и мужествен, а лицо его украшал шрам, его сочли важной персоной и частенько одаривали браслетами и драгоценностями, платьем, угощением и иными дарами. Вскоре между этим царем и одним из его врагов началась война. Царь почтил своих слуг золотом, одеждой, повозками, украшениями, сладостями и как-то, беседуя с водочерпием, спросил его: «Милый, откуда у тебя этот шрам?» Тот отвечал: «От осколка, божественный». Царь сказал: «Это и так ясно. Такой боевой рубец

мог оставить только осколок от оружия. Я давно это понял. Но в какой битве и в какой стране это произошло?» А глупец водочерпий по своей правдивости ответил: «Это не боевой рубец, а рубец от осколка кувшина. Я получил его, когда унал в колодец». Тут же привратник схватил его, вытолкнул в шею из дворца и крикнул вслед: «Эй, проваливай, правдолюбец Юдхистхира!»

Поэтому я говорю: «Кто, забывая о выгоде...»

Крокодил спросил: «Неужели для тебя ничего не значат заповеди доброго поведения?» Обезьяна отвечала:

22. «Ни один человек, достойный счастья,
не вел бы себя иначе,
И всякий мудрый согласится
с правотою моих поступков».

Тут крокодил признал в душе пронизательность и ум Валиваданаки и сказал ему:

23. «Если мудрый признает свою ошибку
и оценит разум другого,
Он будет твердо стоять на ногах
и больше уж не споткнется».

И еще:

24. Если себя называют друзьями,
но скрывают тайные замыслы
Люди мудрые — даже их ссора
сулит им удачу в будущем».

Так сказав, он распрощался со своими надеждами и отправился к себе домой.

*Здесь кончается четвертое наиздание,
называющееся
«Потеря приобретенного».*

ВЕТАЛАПАНЧАВИНШАТИ

Двадцать пять рассказов Веталы

ВОТ — НАЧАЛО

«ДВАДЦАТИ ПЯТИ РАССКАЗОВ ВЕТАЛЫ»

Святому Ганеше — поклонение!

Смиренно голову склонив перед Ганешею-вождем,
На услаждение людям всем я повесть поведу свою.
Бойтся к делу приступить презренный человек;
Бросает дело, увидав препоны, средний люд;
Но хоть бы тысячи препон вставляли на пути,
Доводит дело до конца кто доблестен душой.
Одним желанна простота, другим — изысканная речь,
А третьим — сказок волшебство. Все это здесь найдут они.

— Есть в стране Дакшинапатха город по имени Пра-
тиштхана. Там был царь по имени Викрамасена. Тот царь,

Сверкая сотней тысяч солнц и затмевая молний блеск,
Среди советников своих на троне дивном восседал;
Кандарпе равен красотой, народу, словно Хари, мил,
Грапидам — страж, как океан, всем благомыслящим — отец,
Податель бесконечных благ, законам верен до конца,
Во гневе страшен, как огонь, — как луч луны осенней, чист,
Очарованием богат, трудолюбив и величав,
Всем добрым — друг, всем подлым — враг, услада рода своего.

Столь преисполненный добродетелями царь всегда в чертоге совета пребывал. И вот однажды из какого-то селения в царские покои пришел нагой йоги по имени Шантишила, с плодом в руках. Он, в чертог войдя, в руку царя плод вложил. Царь ему сиденье предложил и бетеля. А он, миг один просидев, дорогой своей пошел. Этим обычаем царю плод вручая, ежедневно пред его очи являлся.

Однажды из рук царя обезьяна плод выхватила и грызть начала. Оттуда драгоценнейший камень на землю упал. От его блеска великое сияние разлилось. Тут царь подивился. Царь сказал: «О аскет, великое сокровище это по какой причине ты принес?» Тут нагой аскет сказал:

«Пустой ладопи не являй царю, наставнику, врачу,
Ребенку, другу и волхву — а указуй на плод плодом.

Великий царь, много ведь великих драгоценностей в течение двенадцати лет в твою руку влагал я». Это услыша, хранителя кладовых призвал царь: «Эй, хранитель, плоды, принесенные этим аскетом и в кладовую брошенные, собери и принеси!» Хранитель кладовых их взял и принес. Когда каждый разрезали, увидели: все они драгоценных камней полны. И царь возрадовался. Потом царь, множество драгоценностей видя, молвил: «О аскет, все эти драгоценные камни многоценные чего ради ты принес? Ведь за один камень дать цены не в силах я. Чего же ты хочешь? Это поведай».

Йоги сказал:

«Царево дело, будь оно ничтожным даже, разглашать
В собрание людном — тяжкий грех: так учит нас Брихаспати.
Ни заклинаний, ни заслуг, ни зелья, ни домашних ссор,
Ни встреч любовных мудрый муж не станет громко поминать.
Раскроют тайну шесть ушей, четыре уха — сохранят,
А что ты двум ушам сказал, того и Брахма не найдет.
В пустыню, в лес глухой уйди или на башню подымись,
Лишь там, далеко от людей, поведать тайну можешь ты.

Божественный, наедине тебе все поведаю». Царь всех отослал. Йоги сказал: «Божественный, в эту ночь перед новолунием на берегу реки, на великом месте сожжения трупов, заклинания творить буду. Когда совершу чары, восемь великих чудесных сил явятся:

Волшебник истинно лишь тот, кто восемь сил в себе таит:
Стать может легче иль грузней, снижать свой рост иль
повышать,

Все твари подчинять себе, свои желанья проводить,
Свободу воли обрести, всего на свете достигать.
Пособник в чарах только тот, кто тверд в решениях своих,
Удачным даже чарам муж нестойкий может повредить.
Столь волей стойкого, как ты, я никого не повстречал
И потому для чар тебя хочу в помощники призвать.

Будь же моим помощником! Ночью с мечом ты, господин мой, один-одинешенек ко мне приди». На это согласился царь. Меж тем, все орудия взяв, аскет в ночь перед поволунием пришел на великое кладбище. А царь ночью черные одежды надел и туда же пошел.

И у йоги при виде царя от радости волосы встали дыбом. Йоги сказал: «О царь, в расстоянии пол-йоджаны отсюда, рядом с великим местом сожжения трупов, на ветви дерева-шиншипа мертвец висит. Туда пойдя, мертвеца возьми и поспешно вернись. Если же заговоришь, то мертвец опять на дерево вернется». Эти слова услыша, полный несравненной решимости, царь к дереву-шиншипа пошел. Кладбища достигнув, не колебался. Там —

Там нечистоты и камней лежали груды, и в крови,
С палишизм мозгом по краям, валялись кости мертвецов,
Везде торчали черепа, как у Губителя в саду,
Все застилал слепящий дым, и вопли ракшасов пелись.

Туда пойдя, царь на дерево-шиншипа влез, кинжалом петлю разрезал, мертвеца наземь уронил. Какого мертвеца?

Как туча грозовая, лик от муки смертной посинел,
Отпала плоть, и нет волос, в застывшем оке — смерти знак.

И только спустился царь, тотчас же мертвец там же, на той же ветви, опять повис. Снова царь на дерево поднялся, мертвеца на плечи взвалил и по дороге пошел.

I

ЯЗЫК ЗНАКОВ

И когда царь шел по дороге, находившийся в трупѣ Ветала ему сказал: «О царь!

К поэзии душою льнет и к любомудрию мудрец,
А глупый — к распрям, к суете забав порочных и ко сну.
Без скромности что красота? Без лика лунного что почь?
Что слов искусство, если нет в словах поэзии совсем?

О царь, послушай! Сказочку одну расскажу. Есть город по имени Варанаси. Там царь по имени Пратапамукута. У него — сын по имени Ваджрамукута. Тот с сыном главного советника Буддхисагарой отправился далеко на охоту в потешный лес. Там, вдоволь насладясь охотой, в полдень они оба увидели озеро,

Где стаи уток и гусей хриплоголосые вились,
Кувшинки, лилии цвели и лотос красный между них.
Где крупных рыб, и черепах, и разной твари водяной
Гнездилась тьма, где берега кустами густо поросли,
Где ароматные цветы к себе влекли жуужающих пчел,
Где куропатки, журавли и цапли свой имели дом.

Там они с коней сошли и руки и ноги омыли; увидели вблизи озера храм Шивы и, пойдя туда, богу хвалу воздали. Сказано ведь:

Змея ли на груди моей плъ драгоценные каменья,
Лежу ль на ложе из камней плъ на цветах в объятых
женских,
Со мною рядом злейший враг плъ близкий друг, — мне
безразлично,
Когда могу я восклицать в святой дубраве: Шива, Шива!

И вот, когда царевич, вознеся хвалы богу, опустился на землю, к озеру тому пришла для омовений благородная дева в сопровождении подруг. Там она совершила омовение и вознесла хвалу Гаури и другим богам. И когда шла она назад, блуждая взором по сторонам, увидала царского сына. Стали они бросать друг на друга украдкой любовные взгляды. Пятью стрелами бога любви — иссушающей, смущающей, сжигающей, сокрушающей, будящей безумие — в сердце поражен он. И она тоже.

Она тайный знак ему подала. С головы сняв лотос, к уху поднесла. От уха к зубам поднесла. От зубов к сердцу поднесла. От сердца к ногам поднесла. Так сделала и домой пошла.

А царевич, скорбью разлуки терзаемый, вспоминая о ней, иссох телом. Сын советника сказал: «О друг, по какой причине ты ослабел? Ту причину мне поведай!» Царский сын сказал: «О друг, к тому озеру в сопровождении подруг знатная дева приходила. Если она моей супругой станет, то стану жить. Если нет — умру. Таково мое решение». Сын советника сказал: «Вам — да длится

иано счастье вечно — ведомо ли что-нибудь?» Царевич сказал: «Ничего не знаю». Это услыша, советник сказал:

«Что громко сказано — понятно и скоту;
Не слыша приказанья, слон и конь везут;
Мысль тайная ученому ясна;
Илод мудрости — движенья понимать.
По трепетанью губ и век, по выражению лица
И по походке можешь ты сокрытый помысел узнать.

Если она что делала, то мне поведай». Царский сын сказал: «Я расскажу то, что она делала. С головы лотос взяв, к уху его поднесла. От уха к зубам поднесла. От зубов к сердцу поднесла. От сердца к ногам поднесла. Так сделала и ушла».

Сын советника — океан мудрости — сказал: «Она, лотос к уху когда подносила, вот что сказала: «В Карнакубджа-городе я живу». К зубам когда поднесла, это сказала: «Дантагхаты дочь я». К сердцу когда — это сказала: «Ты любезней мне жизни моей, в сердце моем обитаешь». К ногам когда подносила, то сказала: «Имя мне — Падмавати».

Речь сына советника выслушав, царский сын молвил: «Если я ее добуду, тогда буду жить; если нет — умру». Сын советника сказал: «Если таково твое решение, то надлежит нам обоим отправиться туда, где она живет, и добыть ее».

И вот они вдвоем в тот город прибыли. Там сводня живет. Ее прозвище — Старая. В ее доме они остановились. Царевич ее спросил: «Эй, Старая, ты всегда в этом городе живешь?» Она сказала: «Всегда в этом городе живу». Царевич молвил: «Дочь Дантагхаты, по имени Падмавати, есть здесь?» Она сказала: «Есть. Я всегда к ней хожу». Сын советника сказал: «Сегодня ты туда пойдешь?» Она сказала: «Пойду». Тогда царевич принялся плести гирлянду из цветов, а она по другим делам пошла.

Потом те дела покончила и пришла. Взяла гирлянду из цветов и к Падмавати пошла. Ей царевич наедине так сказал: «Ты Падмавати так скажи: «Тот царевич, которого ты у озера видела, — он пришел». Туда придя, она Падмавати все поведала. А Падмавати по цветочной гирлянде это уже поняла. И вот, притворясь разгневанной, сандаловой мазью умастила руки и ту по щекам ударила. И, гневная, так сказала: «Если ты такое слово еще раз мне скажешь, то убью тебя. Теперь ступай!» Ее выгнали.

Пришла она унылая туда, где оставался царский сын. Ее лицо увидя, царский сын скорби предался. А она все рассказала. Царевич молвил: «Друг, что это?» Сын советника молвил: «Не предавайся скорби. Есть здесь значение. Тем, что умащенными сандалом обеими руками она ее ударила, она сказала: «Десять дней погоди, пока темная половина месяца не наступит».

Когда десять дней прошло, старуху опять послали. Тогда Падмавати, три пальца шафраном умастив, ее по щекам ударила. И выгнала. Видя, как она подходит, царский сын скорби предался. И сказал: «Что делать? Ныне мне, верно, смерть будет». Сын советника молвил: «Будь стоек! Есть здесь значение. Божественный, ныне она нечиста:

В день первый — чапдала она, в крови брахмана —
в день второй,
Чрез ночь — красильщицей слывет, в четвертый — вновь
она чиста».

Когда четыре дня прошло, старуху опять послали. А Падмавати, увидя, как она подходит, связала ее веревками и, сжатой, как полумесяц, рукой ее за шею ухватив, через заднюю дверь выгнала. Пришла та унылая и все о случившемся рассказала. Сын советника, поразмыслив, сказал: «Божественный, в полночь через заднюю дверь надлежит к ней пойти». Когда это услышал царский сын, для него тот день дольше ста лет тянулся.

И вот ночью, надев пышный наряд, с другом пришел он к задней двери дворца Падмавати. И служанки, подняв его на крепких веревках, ввели в жилище. А сын советника пошел в свой дом.

Царский сын и Падмавати приветствовали друг друга. Побеседовали, о здоровье осведомились. Омылись, вкусили пищи, одарили друг друга одеждами и другими украшениями, умастились сандалом и другими мастями, пожевали бетеля и на ложе наслаждений взошли. С ней на много ладов наслаждаясь любовью, царевич сел там, и она его спросила: «О божественный, мои знаки сам ты понял или твой советник?» Царевич молвил: «Я ничего не понял. Мой мудрый друг все понял». Она сказала: «Довольна я твоим другом. Утром для него лепешки приготовлю». Утром царевич, к другу придя, все случившееся ему поведал. Ибо сказано:

Давать охотно, принимать, делиться тайной, вопрошать,
Усладу пить и услаждать — не это ль дружбы шесть примет?

«О друг, для тебя в полдень угощение принесут». Это услыша, сын советника сказал: «О божественный, для меня отравленные лепешки принесут».

Пока это происходило, неся отравленные лепешки, служанка пришла. Их увидя, сын советника одну лепешку собаке бросил. Только съела ее — подохла собака. Мертвого пса увидя, разгневанный царевич молвил: «С ней больше не хочу я встречи, для моего друга губительной». Друг сказал: «О божественный, тебе крепко предана она. Любви проявление такое бывает.

Родители, родимый дом, родня, сокровища и даже жизнь
Для женщины, всецело мужу преданной, — солома лишь
одна.

И сказано:

Тому, в чьем доме ты пашел себе и кров и стол, добром
Старайся отплатить в делах, в словах и в помыслах своих.
Мудрец о дружбе говорит: то — смесь воды и молока;
Вода, исчезнув в молоке, все ж от огня хранит его.

К чему много слов? Что скажу — надлежит тебе исполнить. О божественный, этой почью, наслаждаясь сладостью любви, нанеси ей концами острых ногтей на левом бедре царяпину в виде трезубца, потом одежды ее и украшения возьми и приди ко мне».

Сын советника, на великое кладбище пойдя, вид отшельника принял:

Неся на темени косу и полумесяц на челе,
Безмолвным лотосом он сел, очами еле поводя.

И вот поутру царский сын, нанеся на левом бедре Падмавати царяпину в виде трезубца, все ее одежды и украшения взял и сыну советника их принес. Сын советника ее перстень царевичу дал и послал его продавать на базар. Царевич, туда пойдя, золотых дел мастерам его показал; они пришли в смятение: «Царской дочери украшение — откуда он достал?» Пойдя, они градоправителю поведали. Задержал его градоправитель и сказал: «Эй, меченосец, откуда достал ты это украшение?» Он сказал: «Мой духовный наставник мне его дал». Это услыша, его к паставнику отвели.

Градоправитель наставника спросил: «Эй, отшельник, откуда достал ты это отмеченное царским именем украшение?» Монах сказал: «В ночь перед новолунием ведьмы из красных цветов сделали волшебный круг и, совершив заклинания, мертвеца растерзали и между собой поделили; и когда они есть его принялись, я их увидел. Трезубец схватив, выбежал я. Тогда, мой гневный голос услышав, в десять сторон они разбежались. Из них одну в левое бедро трезубцем я поранил. От страха она одежды и украшения уронила. Тут я их взял».

Эту речь выслушав, градоправитель царю все приключившееся поведал. Это все услыша, царь служанке приказал: «Надлежит тебе, с Падмавати сняв одежды, на левом бедре примету поискать». По царскому приказу туда пошла она, Падмавати осмотрела и, примету увидав, царю сказала: «О божественный, что градоправитель сказал, то истина. По сказано:

Смятенья тяжкого души, бесчестия домашних дрызг
И разоренья своего не обнаружит мудрый муж».

Царь сказал: «Эй, градоправитель, опять туда пойди и того достойнейшего из отшельников спроси: «Какую на нее наложить кару?» Градоправитель пошел и мудреца спросил: «О святой, какую же на нее наложить кару?» Мудрец сказал:

«Грех убивать детей, коров, брахманов, женщин,
и родных,
И тех, кто хлеб тебе давал иль прибегал к тебе в нужде.

При великом злодеянии для женщины кара — изгнание». Тут царь, ничего не расследовав, Падмавати из своего города изгнал. Тогда они двое, посадив ее на коня, в свой город отправились; и там ее свадьбу с царевичем сыграли. Ибо сказано:

Обман искусный разгадать не может даже Брахма сам;
Припавший образ Вишну ткач с царевной ложе разделил.
Обдумав, надо приступать ко всем делам, не то они
В раскаянье повергнут нас, как мать повергнул ихневмоп.
Что предначертано судьбой и что уже предreshено,
Того не в силах изменить собрание тридцати богов.
Смущает Раму лань, впрягает Нахуша брахманов в колесницу,
Приходит Арджуне на ум корову у жреца похитить тайно,
Играя в кости, отдает Юдхистхира жену свою и братьев.
В час гибели всегда того, кто добродетелец, бросает разум.

1

Ma

IT:

TC

THE

513

111

c)

RE

52

В это время черная змея дочь Кешавы укусила. По той причине заклинателей привели. Заклинатели, посмотрев на нее, молвили: «Укушенная черной змеей, не может жить эта дева; ибо:

Тот, кто укушен в пятый день, в шестой, в девятый
и в восьмой

От парождения луны,— на смерть лихую обречен.
Когда мощны Сатурн и Марс и затмевается луна,
Смертелен яд зубов змей, от их укусов средства нет.
Когда луна стоит в Тельце, в Плеядах, в Раке, иль во Льве,
Иль в Орионе,— яд змей несет укушенному смерть.
Проститься с жизнью надо тем, кого ужалила змея
В живот, в плечо, в ключицу, в пуп иль в сочленение костей.
Укушенный среди могил, внутри известкой крытых стен
Или в заброшенном саду в обитель Ямы низойдет.
Икота, судороги, пот, кружение головы, и жар,
И боли, рвота, слепота томят укушенных змеей».

Тогда речь заклинателей выслушав, тотчас брахман Кешава, на берег реки пойдя, для нее костер погребальный приготовил. Четверо женихов на кладбище пришли. Один из них, на костер взойдя, умер. Другой, на кладбище хижину построив, ее кости и пепел стал охранять. Третий, став аскетом, в другие страны пошел. А четвертый пошел в свой дом.

Тот, кто пошел в другие страны, раз на чужбине, в дом некоего брахмана зайдя, в полдень пищи попросил. Домовладыка-брахман сказал: «О аскет, здесь пищи вкуси!» Меж тем жена брахмана пищу приготовила, сиденья устроила и усадила его. Тогда ее ребенок в доме начал плакать. И хозяйка, жена брахмана, ребенка в пылающий огонь бросила. Это увидя, нищий аскет тотчас отправился в путь. Но был брахманом задержан. Он сказал: «Это свирепое дело увидя, трапезы с тобой не разделю. В чем доме подобное дьявольское дело видишь, в доме того как пищи вкусить?»

Это услыша, домовладыка-брахман, внутрь дома зайдя, книгу принес. Ее открыв, прошептал заклинание одно и дитя, бывшее пеплом, оживил.

Аскет, чудо брахмана увидя, подумал: «Если книга эта в мои руки попадет, то я милую оживлю». Так размышляя, там спрятавшись, остался. В полночь внутрь дома проник, книгу похитил и на кладбище вернулся.

Тот, кто на кладбище остался, его спросил: «О друг, в другие страны пойдя, какую науку ты постиг?» Он сказал:

«Пауку воскрешения мертвых я постиг». Второй молвил:
«Так милую оживи».

Это услыша, тот, книгу раскрыв, заклинание одно про-
шептал и оживил деву. Тот, кто с ней умер, тоже воскрес.
Тот, кто домой пошел, услыша об этом, тоже пришел. И из-
за нее они четверо, с очами, слепыми от гнева, ведут
спор».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, ска-
жи: чьей женой она будет?»

Царь Викрамасена сказал: «Слушай:

Кто деву оживил — отец и жизнедатель ей, а тот,
Кто вместе с нею смерть обрел,— рожденный с нею
вместе брат.

Кто прах на кладбище собрал, услугу рабью совершив, —
Всю жизнь да будет ей рабом; супругом — тот, кто прочь
ушел».

Это услыша, ушел Ветала и на ветви дерева-шиншипа
повис.

*Так вторая сказочка кончается
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы».*

V

ТРОЕ ЖЕНИХОВ-ИСКУСНИКОВ

Сып Парвати, хвала тебе, слоновоухий
гапов вождь,
С отвислым ухом и губой, великий
паводящий страх.

Снова царь с дерева-шиншипа мертвеца снял. И когда
он, на плечи его взвалив, дорогой шел, Ветала сказал:
«О божественный, послушай! Сказочку пока расскажу.

Есть город по имени Удджайини. Там царь по имени
Махабала. У него — отменно знающий толк в союзах и
войнах первый советник по имени Харидаса. У него —
дочь по имени Махадеви. Она — необычайно прекрас-
ная — возраста невесты достигла. Отец о женихах раз-
мышлять стал. Она сказала: «Батюшка, у кого истинная
доблесть, тому меня отдай».

В это время царь к владыке Дакшина отца ее послал. Туда Харидаса пошел и пред очи владыки Дакшина доу-
щеп был. Царь сказал: «Эй, Харидаса, разъясни мне су-
щность века Кали!» Харидаса сказал: «Божественный,

Век страшный наступил — жестокий Кали век. Полны
все люди злобой,
Стенают страны все под грузом податей, цари жадны
без меры.
Толпой разбойников пути запружены, грабеж царит
повсюду
Нет к сыну своему доверья у отца. Жесток наш век
суровый.
Пренебрежение добром, огонь желаний кроваждных,
Порок в личине, тайный блуд, наставников духовных
лживость,
В глаза — речей сладчайший мед, а за спиною —
попощенье, —
Вот силы грозные ее, владычицы великой Кали.
Умолкла доблесть, правды больше нет, исчезло покаянье,
Лицеприятны стали все цари, корыстны все брахмапы,
Распутны женщины, творят мужчины блуд, раздор
царит в науках,
Муж добрый гибнет, торжествует злой. Настало время
Кали».

И там, в стране Дакшина, к Харидасе один брахман
пришел и попросил: «Дочь свою за меня выдай!» Хари-
даса сказал: «У кого истинная доблесть, за того ее вы-
дам». Брахман сказал: «У меня есть истинная доблесть».
Харидаса сказал: «Так покажи». Брахман сказал: «По-
кажу». Так сказав, он сделанную собственными руками
колесницу показал. Эта колесница в задуманном направ-
лении по воздуху едет. Харидаса сказал: «Путру колес-
ницу возьми и ко мне приди». Вот путру, колесницу взяв,
тот пришел. Оба они, на колесницу взойдя, в Удджайини
отправились.

А там этим временем к старшему брату Махадеви один
брахман пришел и попросил: «Сестру свою за меня от-
дай!» Брат сказал: «У кого истинная доблесть, за того ее
выдам». Тот сказал: «Я науку всеведения знаю». Брат
сказал: «Тогда отдаю я ее».

А еще один брахман пришел и мать Махадеви попро-
сил: «Дочь свою за меня отдай». Мать сказала: «У кого
истинная доблесть, за того я ее выдам». Он сказал:
«Я лучшее дело знаю и по одному звуку поражаю». Мать
сказала: «Тогда отдаю я ее». Так трое женихов в доме Ха-

ришасы встретились; о сватовстве дочери услышав, заспорили. Одна дочь — три жениха. Ссорятся. Что будет?

Почтью ту девушку, чрезмерно прекрасную, ракшаса похитивший на гору Виндхья унес. Ибо

Сверхщедрый Бали в плен попал, сгубила Ситу
сверхкраса,
А Равапу — без меры спесь. Всего чрезмерного беги.

Утром трое женихов пришли. Из них ведуна спросили: «Ох, ведун, где ее найти?» Он кусок мела взял, и вычислил, и сказал: «Она на горе Виндхья находится, ракшасой похищенная». Второй — стрелок по голосу — сказал: «Ракшасу убью я и ее приведу». Третий сказал: «На мою колесницу взойди и отправься». Он, на колесницу взойдя, отправился. Туда прибыл, ракшасу убил, на колесницу поднял и возвратил ту деву. Из-за нее трое женихов друг с другом спор ведут. Отец думает: «Все равнодобрестны; кому дать, кому не дать?»

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи: из них чьей женой ей быть?» Викрамасена сказал: «Пособниками были ведун и мастер. Кто, ракшасу убив, ее привел, того женой ей стать подобает. Сказано ведь:

Усердье, смелость, стойкий дух, отвага, сила, мощный ум —
Кто ими всеми одарен, пред тем трепещет даже бог».

Это услыша, исчез Ветала. И уйдя, вновь на ветви дерева-шиншипа повис.

*Так кончается пятая сказочка
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти рассказах
Веталы»*

VI

ПЕРЕПУТАННЫЕ ГОЛОВЫ

Ужасноликий ганов вождь, податель несравненных благ,
Тебе я воздаю хвалу: все ужасы ты гопинь
прочь.

Опять царь, с дерева-шиншипа мертвеца сняв, на плечи взвалил. И когда он по дороге шел, тот сказочку начал. Ветала сказал: «О царь, послушай, сказку расскажу.

Есть город по имени Дхармапура, там царь по имени Дхармашила, у него советник был по имени Шридхар. Тот царь храм богине Чандике построил и перед ним четырёхугольный водоем; и всегда богине поклонение воздавал, прежде чем пищи вкусить. Советник сказал: «О божественный, мое слово выслушай! У тебя престолонаследника-сына нет.

Пуст дом бездетного, страпа для худородного пуста;
Пустыня пищею везде, и пусто сердце у глупца».

Это слово советника выслушав, царь богине возносить хвалы начал:

«Тебе, владычица богов, которую сам Брахма чтит
И Вишну с Индрю, хвала! Хвала тебе, о ключ блаженств!

Из плоти Шивы встала ты, богиня, черная лицом,
Внушающая черный страх, кровь пьющая! Хвала тебе!

На груде трупов ты сидишь, ввергая даже Шиву в страх,
Вся в гладких черепах. Тебе, четырёхустая, хвала!

Как пальма стройная, с большим и плотоядным животом,
Дыбоволосая, чей взор горит огнем,— хвала тебе!»

Так хвалами богиню царь умилоствовал. Богиня сказала:

«Довольна я тобой, о царь. Какой тебе желанен дар?»

Царь сказал:

«Коль ты довольна, госпожа, красавца сына подари».

Богиня сказала:

«Сын будет у тебя, о царь,— великий мощный богатырь.
Благоухающих цветов, и благовоный, и мастей,
Различных тканей дорогих, и золота мне принеси».

Так богиня сказала. То царь исполнил. У царя сын родился. И вот весь люд, в водоеме омовение совершая, богине поклонялся; а богиня всем желания исполняла.

Однажды царевич с другом богине поклониться пришел. Когда богине поклонение совершал, царского мовника дочь, чрезмерно прекрасную, увидел. Ее увидя, затрепетал он. Он сказал: «О богиня досточтимая! Если ее в жены получу, свою собственную голову в жертву тебе при-

несу». Так сказав, в свой город пошел. С того дня зародилась в нем скорбь разлуки. Друг его отцу все поведал. Это услыша, в дом мовника тот пошел, его дочь посватал и получил согласие. И сын пришел и се в жены взял.

Через несколько дней взял он супругу и с другом теми навестить пошел. Когда он шел, храм богини увидел и супруге сказал: «Ах, милая! Пока я, богине поклонюсь, вернусь, с другом здесь постой». Так сказав, ушел он. Богине поклонение воздав, кинжал вытащил и, собственную голову отрубив, упал наземь. Немного подождав, друг сказал: «С тех пор как ушел он, много времени прошло, пойду и разузнаю в чем дело». Как пошел, того мертвым видит. Друг подумал: «Ежели я вернусь и пойду с ней, то люди меня осудят; так вот: «Этот убил его из-за жены». Так рассудив, он тоже свою собственную голову отрубил. Супруга подумала: «Они оба куда пошли?» Как пошла, их с отрубленными головами увидела. И подумала она: «Я тоже умру». Тут из своей одежды петлю сделала и на шею себе привязала; и когда умереть хотела, то богиня молвила: «О дочь, умилиствовала ты меня своей отвагой; ныне желанный дар назови». Она сказала: «О богиня досточтимая, ежели довольна ты, то эти двое пусть живут». Богиня сказала: «О дочь, головы поскорее к их телам приставь». Это услыша, она в смятении супруга голову к телу друга приставила. И они оба, встав, друг с другом ссору затеяли».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи: она чьей супругой будет?» Царь Викрамасена молвил:

«Еда — дороже всех лекарств на свете,
Вода — дороже всех иных напитков,
Дороже женской в мире нет улады,
Дороже головы нет члена тела».

Это услыша, исчез Ветала и, уйдя, опять на ветви дерева-шиншипа повис.

*Так шестая сказочка кончается
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы»*

ВЕЛИКОДУШНЫЙ РАЗБОЙНИК

О ты, чья колесница вдаль влекома стаей
 лебедей,
 Мне, Сарасвати, улыбнись, и свой рассказ и
 поведу.

И царь снова туда же пошел, с дерева-шиншипа мертвеца на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот сказку начал. Ветала сказал:

«Есть город по имени Маданapura. Там царь по имени Маданавира. Там и купец по имени Хирапьядатта. У него дочь по имени Мадапасена. И она весенней порой с подругами в рощу играть пошла. А туда купец — сын Сомадатты, по имени Дхармадатта, — с другом пришел. Ее увидя, затренился он: «Ежели эта моей супругой станет, то моя жизнь плодоносна». Так, терзаясь скорбью разлуки, ночь провел; поутру туда же в рощу пришел и ее одну-единешеньку там увидел. Ее схватив за правую руку, сказал: «Ежели ты моей супругой не станешь, то я из-за тебя жизни лишусь. Сказано ведь:

О девушка, твое чело сверкает молниями стрел.
 Кому готовишь гибель ты, напрягши тетиву бровей?
 Искусства Манматхи никто из лучников не превзошел:
 Телам не нанося вреда, он дух разит, живущий в них».

Она сказала «Сын Амадатты, купец, через четыре дня меня в жены возьмет». Он сказал: «Силой тобой овладею». Она сказала: «Не делай так! Девушка я, тебе грех будет.

Того, чего стыдится люд, что опозорить может род,
 Не сделает достойный муж, хотя б в гортань вступила
 жизнь».

Он сказал:

«Нет разве в небе дивных дев — как лотос, синеоких, —
 Что полюбил великий бог отшельницу Ахалью?
 Когда от страсти палашом соломенным пылает сердце —
 Что можно, что запрещено, пеясно даже мудрым».

Она сказала: «Ежели так, то подожди. На пятый день моя свадьба будет. Когда повенчана буду, сперва с тобой, — к тебе придя, — потом с супругом наслаждение любви вкушу. В этом клятву приношу». И он в свой дом пошел.

На пятый день свадьбу сыграли. Когда ее повенчали и ночью ее супруг обнять хотел, она его удержала. Муж сказал: «По какой причине ты меня не хочешь?» Она сказала: «Выслушай мое слово!» Все, что случилось, когда была девушкой, как помнила, так все супругу поведала. Супруг сказал: «Ежели справедливо это, то к нему ступай».

Когда она шла, то по пути ее разбойник увидел. Ее увидя, возликовал разбойник и подумал: «Ее украшения заберу». Разбойник сказал:

«Куда ты в полночь темную, красавица, спешишь?»
«Туда, где непамятный мой возлюбленный живет».
«Одна ты, одишенька, — как не боишься ты?»
«Небесный лучник Мадана со мною путь вершит».

Разбойнику все случившееся она поведала. И разбойник ее отпустил: «Как ее любовную радость нарушу?»

Пришла она туда, где в опочивальне Дхармадатта спал. Он молвил:

«Ты якшини или гапдхарви, аскета дочь или дева гор,
Ночное ль наваждение ты или Дурга светлая сама?
Землю женщиной на свет или апсарой ты рождена?
Кто ты, чудесная, скажи! Откуда ты пришла сюда?»

Она сказала: «Хирапьядатты дочь, Маданасена я, та, которую ты в лесу силой захватил, которая клятву принесла, — это я, сегодня меня повенчали, и к тебе я пришла. Что тебе угодно, то делай». Он сказал: «То, что случилось, законному супругу ты поведала?» Она сказала: «Я все поведала». Он сказал:

«Соединенье без любви — без масла пища, без одежд
Все украшения земли или без голоса папав.

Но гибель женщины несут равно в любви и в не любви:
Любовь их разоряет нас, а холодность нам губит жизнь.

Все то, что непотребно, все, что безрассудно и грешно,
От женщин можно испытать. Где страх, там наслажденья
нет.

Их внешность возбуждает страсть, внутри ж у них —
смертельный яд.

Они природою своей подобны ягодам гунджи.

С тобою говоря, они к другому обращают взор.
А третий на уме у них. Пойми тут, кто их сердцу мил.

Что на сердце, о том молчат, а что и выскажет язык,
Того не делают. Увы, загадочны повадки их!

Из этих демонов любой притворным трепетом ресниц
Ученого перехитрит, что посвящение получил.

Творец для нас установил четыре средства иль пути,
Нет пятого, которым мы могли бы женщин побеждать.

Чего больше? Я чужую супругу не заставлю себе уго-
ждать». Это услыша, ушла она и разбойнику все случив-
шееся поведала. А разбойник, похвалив ее, с украшениями
отпустил; пошла она к супругу, все случившееся поведала,
с нежностью его обняла. Сказано ведь:

У кокил голос — красота, у женщин — верная любовь,
У некрасивых — знаний клад, а у аскета — сильный дух».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь,
скажи! Из них троих кто более добродетельный?» Царь
Викрамасена молвил: «Разбойник самый добродетель-
ный». Ветала молвил: «По какой причине?» Царь молвил:
«Узнав, что она о другом помышляет, отпустил ее муж.
Из страха царева наказания отпустил ее чужой человек.
А у разбойника никакого побуждения поступить хорошо
нет. По той причине разбойник выше всех».

Это услыша, исчез Ветала и там же на ветви дерева-
шиншипа повис.

*Так девятая сказочка кончается
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы»*

XVIII

СЫН ТРЕХ ОТЦОВ

Хвала Гапеше, всех препон крушителю, кому
хвалу
И сами боги воздают при начинаниях своих.

И царь снова туда пошел, с дерева-шиншипа мертвеца
снял, на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот
сказочку начал. Ветала молвил: «О царь, послушай: сказ-
ку пока расскажу.

«Подруга, этого человека найди и к матери моей приведи». Это услыша, пошла та. Брахмана позвала и к матери ее привела. Ее мать сказала: «Эй, брахман, у меня дочь на выданье. Если ты с ней сына зачнешь, то я тебе сто червонцев дам». Брахман сказал: «Так и сделаю». И вот ночью того брахмана вволю угостили; бетеля дали, мастью сандаловой и другими умастили, к ней на ложе возвели. С ней брахман любовной утехы вкусил. Поутру её подруги спросили: «О подруга, ночью с возлюбленным как забавлялась?» Она сказала:

«Когда на ложе мой возлюбленный взошел, с меня
одежды сами спали,
Лишь на мгновение слабый пояс мой успел их
задержать на бедрах.
Вот это, о подруги, помню я,— все остальное я забыла:
Кто он, кто я, как наслаждались мы, в объятьях друг
у друга лежа.
Отличный, доблестный супруг, в даиньях не скупой,
Ведущий ласковую речь, чуждающийся лжи,
Готовый тайны жен хранить и сведущий в любви,—
Все так же женам молодым в их новых жизнях мил».

С того дня она затяжелела. Когда исполнился срок, родила она. Родился сын. На шестой день она сон увидела:

Натертый с головы до ног золою жертвенных костров
И препоясанный змеей, на лотосе он восседал;
С луною на челе, с густой, сплетенной накрепко косой,
С трезубцем и мечом в руке и с черепами на груди,—

такого отшельника она увидела. Поутру матери своей так сказала: «Матушка, я такой вот сон видела». Мать сказала: «Дочь, твой сын венцепосцем будет. По моему наставлению сына в корзину положи вместе с тысячею золотых монет и у врат царевых подкинуть вели». Тогда она сына вместе с тысячею червонцев у царских врат подкинула. И вот царь сон увидел:

Десятирук и пятилик, с кровавым блеском в трех глазах,
С оскалом страшным всех зубов, с луной на лбу,
с копьём в руке,—

такой отшельник молвил: «Эй, царь, у твоих врат в корзине младенец лежит, он твоим наследником будет». Тут царь, сон увидя, пробудился, первой супруге сон рассказал. Первая супруга молвила: «Божественный, гаремную служанку на большую дорогу выпили». Тогда служанку царь, призвав, послал. Как к вратам она подошла, в кор-

младенца увидела. Она царю корзину принесла. Царь, корзину открыв, младенца увидел и тысячу золотых монет. Поутру царь знатоков примет призвал, младенца показал. Знатоки примет молвили: «Божественный, тридцатью двумя счастливыми приметами одарен младенец сей». Царь молвил: «Какие приметы?» Они сказали: «Божественный, сказано ведь:

Примет коротких у царя — четыре, а глубоких
и широких — по три,
Примет же длинных — пять и столько ж тонких,
красных — на две больше.

Пуп, голос, добродетель — так нас учат —
Должны глубокими быть у мужчины,
А лоб, лицо и грудь приносят счастье,
Когда они достаточно широки.
Подмышки, грудь, затылок, нос и ноги,
А также рот высокими должны быть;
Короткими должны быть шея, ляжки,
Спина и лингам — добрые приметы.
Быть красными должны язык и губы,
Виски и руки, щиколотки, ноги,
А тонкими — суставы, зубы, кожа,
А также волосы и дланей пальцы.
Нос, обе челюсти, глаза и длани,
А также расстояние меж сосцами
Должны быть длинными; они коротки
У тех, кто царствовать не призван роком».

Это выслушав, царь со своей шеи жемчужное ожерелье снял и на шею мальчика накинул. И царь того младенца в руки первой царицы передал. Первая царица, на коленях его держа, по левую руку царя села. Тогда весь народ, амулеты и дары взяв, сошелся. И царь, дары приняв, великое празднество и прочее приказал устроить. Тому младенцу имя дали; Харидатта — имя нарекли. Тот царевич изучил все науки. Во всем удачливый, шестнадцати лет он достиг.

Так, когда пришло время, царь умер. И царевич Харидатта на царство вступил. Раз юный царь подумал: «Что в том, что я мужчина, если в Гаю не иду и предкам в жертву рисовых пирогов не приношу?» Так рассудив, в Гаю пошел. Туда придя, поклонение совершать начал. Ему духовный наставник сказал:

«Все те, кто к тварям благ живым, к освобождению пошли
И к знанию истинному путь. Что в пепле, рубище, косе?
Пусть носит он косу, пускай трезубец, череп держит,
Пускай ночует на камнях или в пещерах диких,

Пускай внимает он Пуран и Вед глагол священный,
Но если он не чист душой, все это бесполезно.
Быть щедрым, жертвы приносить, плоть изнулять и
Веды чтить —
Все тщетно, если чистоты не будет в сердце у тебя.
Благочестиво поминай усопших праотцев, — не то
До них молитва не дойдет, бесплодно жертву принесешь.
Не в дереве таится бог, не в камне и не в глине, — пет!
А в нашем сердце: лишь оно — источник благодати всей».

Когда речь брахманов выслушав, имя отца произнеся,
своей рукой царь поминальный пирог подает, то три руки
протянулись. Тут Харидатта в изумление пришел: «В чью
руку поминальный пирог вложу?»

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, ска-
жи: в чьей руке — право на поминальный пирог?» Царь
Викрамасена молвил: «В руке вора — право на поминаль-
ный пирог». Снова Ветала молвил: «От силы брахмана он
произошел, а царь его охранял. Как же эти двое права на
поминальный пирог не имеют?» Царь Викрамасена мол-
вил: «Сила брахмана за плату нанята, и царь, золото взяв,
его охранял. По той причине они оба права на поминаль-
ный пирог не имеют. Законной вора супруги сын он, по
той причине вора пирогом поминает он».

Это услыша, исчез Ветала и там же, на ветви дерева-
шиншипа, повис.

*Так восемнадцатая сказочка кончается
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы»*

XXI

ВОСКРЕШАТЕЛИ ЛЬВА

Лобзаемый луною бог с хвостом вола на голове,
О Шамбху, корень трех миров, перед тобой
склоняюсь ниц!

И царь снова туда же пошел, с дерева-шиншипа мерт-
веца снял, на плечи взвалил, и когда он по дороге пошел,
тот сказочку начал. Ветала молвил: «О царь, послушай:
сказку пока расскажу.

Есть город по имени Джаястхала. Там царь по имени

Вирамардана. Там брахман по имени Вишнусвамин. У него четверо сыновей: один — игрок, второй — блудник, третий — охотник до чужих жен, четвертый — безбожник. Четверых Вишнусвамин сыновей разуму наставлял:

«Усердно избегайте зернь, чреватую несметным злом:
Она не меньше губит нрав, чем жизнь людскую губит яд.
Смятение, недовольство, гнев, разнузданность ревнивых ссор,
Безумье, зависть, это все — родня проклятая игры.
Нос отрезают игроку и на иной калечат лад.
Познав, что зернь — великий грех, ее бежит достойный муж.
Блудниц, мутящих разум тех, кто и недолго с ними жил,
Вы от себя гоните прочь, коль добродетель вам мила.
К распутнице вступая в дом, блудник оставить принужден
Все на пороге: чистоту, покой, умеренность и честь.
Не любит ни отца, ни мать, ни братьев, ни детей своих
Тот, кто к распутнице огнем любви преступной воспылал.
Ко всем речам учителей своих духовных глухи те,
Что жаждут, в низости своей, слюну из уст развратных пить.
Все муки, что нам здесь дает любовь к чужой жене,— цветы,
Как полагают мудрецы: плоды еще нас ждут в аду.
От той, что мужа предаст, любовник пусть не ждет добра:
Свое отродье кошка жрет — она ль мышонка пощадит?
Посажен на осла верхом, причислен к подлым гончарам,
Осмеян будет, оскоспел, кто соблазняет жен чужих.
Считается большим грехом общение с чужой женой;
Блудницу надо обходить, как смертоносную змею.
Кто, суетой снедаем и страстями,
В младых годах к наукам не прилежен,
Тот, ставши стариком, бесславно гибнет,
Как от осенних заморозков лотос».

Так четверо речь отца уразумели и друг с другом совещаться стали: «Лишенный знания человек и живой — как мертвец. Поэтому мы в другую страну пойдем и науки изучать будем». Так четверо, одно решение приняв, порознь в другие страны пошли. Когда время пришло, науку изучив, в условное место четверо пришли. Старший брат молвил: «Эй, братья, знания свои покажем». Это услыша, один из лесу кости льва принес и силой знания их соединил. Второй — масло, жир и прочий состав тела сотворил. Третий — кровь, кожу и шерсть сотворил. Четвертый — львиное тело оживил. Тогда лев их четверых сожрал».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи! Из них четырех кто глупее?» Царь Викрамасена молвил: «Тот, кто льва оживил. Ибо:

Наука пред умом — ничто, ценнее всяких знаний ум;
Погибнет, кто ума лишен, как те, что воскрешали льва».

Это услыша, исчез Ветала и там же, на ветви дерева-шиншипа, повис.

*Это — двадцать первая сказочка
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы»*

XXIV

НЕРАЗРЕШИМОЕ РОДСТВО

Тому, кто страсти сок точит, вокруг чьих
лапит всегда роятся пчелы,
Подателю желанных благ, водителю несметных
ганов — слава!

И царь снова туда пошел, с дерева-шиншипа мертвеца спял и на плечи взвалил; и когда он по дороге пошел, тот сказочку начал. Ветала сказал: «О царь, послушай: сказку пока расскажу.

Есть город по имени Прабхавати. Там царь по имени Прадьюмна. У него царица по имени Притикари. У нее дочь по имени Чаидрапрабха, она за царя Дакшина Виджаябалу выдана. У нее дочь по имени Лаваньявати родилась. На Виджаябалы город сородичи ночью, сойдясь, напали. Виджаябала супруге сказал: «Ах, милая! Дочь возьми и уходи, я, врагов перебив, за вами приду». Это услыша, дочь взяла она и ушла. Тут Виджаябала в бой вступил; они Виджаябалу в битве поразили, и он умер. А мать с дочерью, блуждая, к какому-то озеру подошли. Там, миг один отдохнув, обратясь к солнцу, пошли.

Туда из Кусумапуры некий царь с сыном на охоту пришел. След с благоприятными приметами увидя, сын сказал: «Батюшка, какая-то царица с дочерью впереди нас идет». Тогда царь, посмотрев, сказал: «Эй, сын! Одна — с длинной ступней, одна — с короткой ступней. Та, что с длинной ступней, — та моя супруга; та, что с малой ступней, — та твоя супруга». Так решили и пошли. Царицу с дочерью увидели. Их они спросили; в страхе те все случившееся рассказали. Царь сказал: «Такова судьба, что должно быть — случилось». Та, что с малой ступней, — та

мать; та, что с длинной ступней,— та дочь. Царь сказал: «Сын! С длинной ступней — я возьму».

Ту, что с малой ступней, сын задержал и взял. Они их, на спины коней посадив, в свой город отвезли и в гареме поместили. Когда пришло время, мать с дочерью обе родили: у одной сын родился, у другой дочь родилась. Их обоих поженили».

Эту сказочку рассказав, Ветала молвил: «О царь, скажи! Меж ними — какое родство?» Тут царь Викрамасена ответа не дал.

*Это — двадцать четвертая сказочка
в пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказах
Веталы»*

XXV ЭПИЛОГ

Тогда Ветала молвил: «О царь! Много раз я тебя обманывал, но, молчание соблюдя, одолел ты меня. О великий витязь! Умилостивил ты меня своей отвагой и решимостью. Ты дар назови!» Тут царь Викрамасена ответа не дал. Ветала молвил: «О царь! Хоть ты ответа мне не даешь, но твоей подлинной отвагой доволен я. Теперь ты туда пойди и слово мое исполни: аскет этот, мастями, благовониями и прочим мертвеца почтив, так тебе скажет: «О царь, в восьмичленном поклоне преклонись!» Тогда ты такой вот ответ дай: «Я восьмичленного поклона совершать не умею; всякий ведь предо мной в восьмичленном поклоне преклоняется, а я ни пред кем не преклонялся. О лучший из отшельников! Сперва ты мне покажи, потом и сделаю». Когда ты так скажешь и аскет восьмичленный поклон покажет, ты твой меч вытащи и, ему голову отрубив, кровью из черепа мне возлияние соверши. Тогда твоими восемь чудесных сил станут. Ежели моего наставления не исполнишь, то тебе смерть будет, а восемь чудесных сил ему достанутся». Так разъяснив, удалился Ветала.

Тогда царь Викрамасена мертвеца принес и в волшебном круге положил. Тут, увидя, аскет молвил: «Отлично, отлично, о великий витязь! Великое испытание тобою

совершенно». Аскет обряд поклонения совершил, цветы, благоговения, яства и прочее возложил, светильники возжег и могучими заклинаниями в волшебный круг Веталу призвал. Когда Веталу воплотил и все действия совершил, аскет молвил: «О царь, в восьмичленном поклоне преклонись!» Тогда царь, Веталы слово вспомнив, сказал: «О йогин! Я отроду в восьмичленном поклоне ни перед кем не преклонялся, потому и не умею. Сперва ты покажи, потом я сделаю». И вот обманутый судьбой аскет восьмичленный поклон показал; как он показывает, царь, меч обнажив, ему голову отрубил. Сказано ведь:

За дело делом воздавай, обидой за обиду мсти!
Хулы не заслужили те, кто воздает за злое злом.

Тогда царь кровью из черепа йогии Ветале возлияние совершил. Тут у царя восемь волшебных сил явилось. Небожители — боги во главе с Индрой — осыпали его цветочным дождем. «Победа, победа, — так с громкими кликами возгласили. — О царь, умилившись ты нас; ты над всей землей царствовать будешь; ты дар желанный назови!» Царь сказал: «Эти «Двадцать пять рассказов Веталы» да станут славными; по вашей милости моим слугой пусть будет Ветала».

Тут Брахма, Вишну, Шива, в плоть одевшись,
появились вдруг
И стали прославлять его и припадать к его стопам.
Изрек великий Брахма так: «Ты — часть меня, о господин!
Викрамадитья, древний царь, был воплощением твоим.
И ты, Викрамасена, всем земным владыкам образец,
Блаженство вечное вкушай — удел небесных видьядхар».
И дар Трипуры получив, он самодержцем мира стал
И, возвратившись в столичный град, венцом заслуженным
блистал.

Невежда ль ты иль мудрый муж, старик иль отрок
 молодой,
Коль эту кпигу ты прочтешь, свой разум ты обогатишь.

Таков конец
пересказанных Шивадасой
«Двадцати пяти
рассказов
Веталы»

ШУКАСАПТАТИ

Семьдесят рассказов попугая

1

Слава Ганеше!

Прославив богиню Шараду, владеющую божественными знаниями, рассказываю избранные повести попугая, чтобы развлечь людей.

Есть город Чандрапура. Там правил раджа Викрамасена. И жил в этом городе знатный купец Харидатта, с женой Шрингарасундари и сыном Маданавинодой. Сын был женат на Прабхавати, дочери богатого купца Сомадатты. Маданавинода предавался чувственным удовольствиям, был дурным сыном и не слушал наставлений отца. Он чрезвычайно увлекался игрой в кости, охотой, гостерами, вином и прочим. Видя, что сын идет по дурному пути, Харидатта и его жена сильно горевали.

Сочувствуя горю Харидатты, скорбевшему о своем дурном сыне, друг его, брахман Тривикрама, принес ему из своего дома попугая, искусственного в житейской мудрости, а также ворону-прорицательницу и сказал: «Друг Харидатта, береги, как сына, этого попугая и его супругу.

Если будешь его беречь, то горе твое исчезнет». Харидатта, взяв попугая, передал его сыну, Маданавиноде. Маданавинода посадил попугая в золотую клетку, поставил ее в спальне и стал кормить эту птицу. Однажды попугай тайком сказал Мадане: «Друг!

Слезы твоих несчастных родителей, исторгнутые горем, падают на землю. От грехов своих ты, милый, пропадешь, как Девашарма».

Мадана спросил: «А что с ним было?» Попугай рассказал: «Есть город Панчапура. Жил в нем брахман Сатьяшарма. Имя его жены было Дхармашила, а сына — Девашарма. Пройдя обучение, сын, не спросясь родителей, ушел в чужую страну, к берегам реки Бхагиратхи, намереваясь жить отшельником. Однажды этот подвижник уселся на берегу Ганги для чтения молитв. В это время пролетавшая цапля уронила на него свой помет. И когда подвижник взглянул вверх гневным взором, то увидел, что цапля эта превратилась в пепел от огня его гнева и упала на землю. Спалив таким образом цаплю, он пошел к дому брахмана Нараяны за подаением. Жена брахмана, поглощенная в это время услужением мужу, сказала рассерженному и обиженному ожиданием милостыни убийце невинной птицы: «Не сердись, я тебе по цапли». Отшельник был испуган и удивлен тем, что она знает о его тайном преступлении, и спросил, как достигается знание сокрытого. Тогда жена брахмана послала его к охотнику Дхармавьядхе в город Варанаси. Девашарма увидел там этого охотника, занятого продажей мяса, с окровавленными руками, похожего на Яму, и предстал пред ним. Охотник после приветствий привел его к себе домой, почтительно предложил пищу своим родителям, а потом и ему. После того Девашарма спросил охотника, как приобрела знание та женщина: «Как узнает обо всем она и как узнаешь ты?» Охотник сказал:

«Кто старательно соблюдает закон, завещанный кастой, тот избегает высших, средних и мелких грехов.

Тот настоящий хозяин дома, тот настоящий святой, праведник, подвижник и благочестивый, кто слушает родителей и всегда справедлив.

Вот мы — я и та женщина — владем знанием, а ты, покинувший родителей, скитающийся, не достоин даже разговаривать с такими, как я. Говорю с тобой только потому, что считаю тебя гостем».

После того как это было сказано, брахман Девашарма еще порасспросил его смиренно. Тот сказал:

«Не почитающие почтенных и не уважающие уважаемых живут, терпя порицания, и по смерти не попадают в рай».

Вразумленный этим охотником, брахман пошел к себе на родину. И он был прославлен на этом свете и на том тоже стал вместилищем славы.

Поэтому помни о законах, приличествующих семье купца, и будь послушен родителям».

После того как попугай рассказал это, Мадапавинода, поклонившись родителям, получив их позволение и попросившись с женой, сел на корабль и отправился в чужие страны. Тогда его жена, проведя несколько дней в скуке, пожелала, побуждаемая легкомысленными подружками, вступить в связь с неким мужчиной. Они говорили об этом так:

«До тех пор отец, до тех пор родственник, пока человек жив. А как узнают, что умер, так любовь мгновенно исчезает».

Поэтому раз тебе муж теперь недоступен, то пользуйся недолго длящейся молодостью твоего тела и срывай плоды удовольствий, сойдясь с другим мужчиной».

И вот, когда Прабхавати, жена Маданы, согласившись на их уговоры, надела наряды и собралась идти, чтобы встретиться с чужим мужчиной, имя которого было Гуначандра, вещая ворона стала ее бранить, говоря: «Не ходи». Прабхавати хотела ее убить, открутив голову, но та вспорхнула и улетела. Женщина постояла с минуту, поняла про себя своего бога-хранителя, взяла бетелю, но когда пошла, попугай сказал: «В добрый час!» И спросил: «Куда идешь?» Прабхавати, приняв эти слова попугая за добрый знак, усмехнулась и сказала: «О царь попугаев, я собралась отведать вкус чужого мужчины».

Попугай ответил: «Дело подходящее, хотя и опасное, и пристойными женщинами порицаемое. Что же? Следует идти, если в случае неприятности будешь умна. А не будешь умной — испытаешь унижение. Потому что:

Когда случается несчастье, то дурные люди всегда ищут в нем чего-либо интересного для себя, как искала одна сводня, когда купеческий сын был схвачен за волосы».

Тогда Прабхавати вместе со своими подружками, любительницами мужчин, стала почтительно расспрашивать попугая. Она сказала с живостью: «Что это ты говоришь, попугай?»

Тот ответил: «Если ты, красивобровая, желасши, идти туда, куда тебя так манит, то иди, красавица.

Этот замечательный рассказ тебе падо будет выслушать после, когда ты успокоишься».

И когда она, выслушав эти слова попугая и предаваемая любовнытством, осталась дома, попугай начал рассказ:

«Есть город Чандравати. В нем правил царь Бхима. И там некто Судхана, сын богатого купца Моханы, пожелал насладиться с Лакшми, женой тамошнего жителя Харидатты. Но она не согласилась. Тогда он пошел к сводне по имени Пурна, дал ей много денег и, когда Харидатта уехал из города, послал ее в дом Лакшми для переговоров. Пурна лстивыми словами расположила к себе Лакшми. «Сделаю все, о чем попросишь», — сказала восхищенная Лакшми. Пурна ответила: «Так прими мужчину, которого я имею в виду». Та сказала: «Пристойным женщинам не подобает это дело, но раз я дала тебе обещание, то сделаю. Говорится ведь:

Хорошим людям, когда они выполняют обещанное, все нипочем:

Пусть им хоть голову отрубают, или запирают их куда угодно, или лишают всякого счастья.

А также:

У хорошего человека узы взятого на себя долга крепче железных цепей и всяческих пут лошадиных.

И по сей день ведь не выпускает из себя Хара проглоченный им ид калакута; и черепаха все еще посит на спине землю.

И океан посит в себе тяжкий огонь Вадава. Обещанное мудрые люди исполняют».

На это Пурна сказала с радостью: «Вот именно». И подготовив таким образом Лакшми, вечером привела ее к себе домой, чтобы она встретилась с Гуначандрой. Но любовник, занятый какими-то делами, не пришел в назначенное время. Тогда возбужденная желанием Лакшми сказала: «Приведи любого мужчину». И глупая Пурпа привела к ней ее же мужа. Теперь скажи ты, Прабхавати, или твои приятельницы пусть скажут, как быть этой Лакшми, когда пришел ее муж, как ей попасть домой?»

Женщины сказали: «Не знаем, говори сам». Попугай отвечал: «Если ты, Прабхавати, не пойдешь, то расскажу». Прабхавати отвечала: «Не пойду». Тогда попугай [продолжал]:

«Лакшми, видя, что пришел ее муж, схватила его за волосы и закричала: «Ах, обманщик, ты всегда болтал передо мною, что будто бы, кроме меня, у тебя нет другой возлюбленной. Теперь я тебя испытала и узнала». Так разгневалась Лакшми. Муж с трудом успокоил ее нежными словами и отвел домой».

Выслушав это рассказанное попугаем повествование, возбуждающее страх и удивление, возлюбленная купца улеглась спать вместе со своими ветренными подругами.

Таков первый рассказ из книги «Шукасаптари».

2

На другой день, вечером, Прабхавати и ее подруги простились с попугаем. Прабхавати хотела идти, но попугай сказал ей следующее:

«Иди куда хочешь, прекрасная, если сумеешь найти выход из надвинувшейся беды, как Яшодevi избавилась от опасности».

Прабхавати спросила: «Какая Яшодevi? Когда, из какой опасности и какой выход она нашла?» Попугай отвечал: «Если стану рассказывать о том, что мешает любви, то ты в гневе убьешь меня». Та сказала: «От друзей надо выслушивать и приятное и неприятное». Ободренный этими словами, попугай заговорил:

«Есть город Нанданам. В нем правил раджа Нандана. И был у него сын Раджашекхара, женатый на Шашипрабхе. Эту Шашипрабху увидел некто Вира, сын Дхана-сены, и так возжелал ее, что заболел лихорадкой, не ел и не пил. Спрошенный матерью, которую звали Яшодevi, о причине недуга, он рассказал ей запинаясь все. Эту дочь раджи трудно заполучить. Как теперь жить ему на свете?»

Такой вопрос предложил попугай. Прабхавати сказала: «Отвечай сам». Попугай [произнес]: «Если сегодня не уйдешь, то отвечу». Та на эти слова промолвила: «Говори». И попугай рассказал:

«Эта Яшодevi приучила к себе кормом и прочим суку, надела на нее украшения, пришла с нею к Шашипрабхе и наедине сказала со слезами этой женщине: «Я, ты и эта собака были сестрами до того, как родились на земле. Я безбоязненно удовлетворяла свою склонность к чужим мужчинам, а ты с опаской. Эта же собака совсем этим не занималась. Поэтому, будучи столь скромной, она сохранила воспоминание лишь о своем прежнем бытии, а не об удовольствиях, и родилась сукой. А ты, наслаждавшаяся несвободно, ничего не помнишь о прежнем рождении. У меня же сохранилась память о прежнем рождении и о свободной жизни в нем, так как я без помех предавалась удовольствиям. Я, движимая состраданием, опасаясь, как бы ты в будущей жизни не родилась сукой, пришла рассказать тебе об этом, когда увидела эту сучку и тебя. Так что ты должна уступать желаниям тех, кто тебя о чем-либо просит. Кто щедр на дары, тот вместилище всего благого. Говорится ведь:

Собирающие подавание не просят, а возвещают
в каждом доме вот что: «Просящим всегда нужно да-
вать. Судьба педающего будет подобна нашей».

Тогда Шашипрабха с рыданием бросилась на шею Яшодevi, говоря: «Милая, сведи меня с чужим мужчиной». И Яшодevi, добившись своего, привела ее с ведома своего мужа к себе в дом и свела со своим сыном. Раджашекхара, муж Шашипрабхи, удовлетворившись тем, что ему дали денег, сказал: «Приходила подруга жены», — и не мешал.

Так, о госпожа, обманув царского сына и царскую дочь, многомудрая Яшодevi обделала свое дело.

Если у тебя столько же ума, то иди, красивовро-
вая, к другому. А нет — так ложись спать, большегла-
зая, и не подвергай себя осмеянию».

Выслушав этот рассказ попугая, Прабхавати уснула.
Таков второй рассказ из книги «Шукасаптари».

15

На следующий день Прабхавати снова собралась идти.

Попугай со смехом проговорил: «Иди, если суме-
ешь отвечать так, как ответила раз Шриядеви, когда
у нее спяли с ноги браслет».

Есть город Шалипура, в нем жил купец Шалига с женой Джаликой. У них был сын Гуакара, женатый на Шриядеви. А Шриядеви состояла в связи с купцом Субудхи. Несмотря на то что об этом уже появился слух в народе, влюбленный в нее муж ничего слушать не хотел. Говорится ведь:

Люди, расположенные к хорошему, видят только хорошее, дурные видят только плохое. Беспристрастные люди видят как дурное, так и хорошее.

А также:

Даже разумные мужчины, влюбившись в женщину, о себе не заботятся. А для женщины иные мужчины как вода в руке.

Однажды свекор застал Шриядеви спящей с любовником. Она почувствовала, что свекор снял с ее ноги браслет. Тогда она отпустила любовника, привела мужа и легла спать с ним. Потом она разбудила мужа и сказала: «Твой отец снял у меня с ноги браслет и унес». Муж ответил: «Завтра сам у отца возьму его и верну!» Гуакара, ругаясь, потребовал у отца браслет. Отец сказал: «Я взял браслет потому, что увидел твою жену спящей с чужим мужчиной». Жена возразила: «Я спала с твоим сыном. Готова хоть божьему суду подвергнуться. Тут в северной части деревни есть изваяние якши. Я пройду между его ног. Известно, что кто прав, тот может пройти между ног статуи». Свекор согласился.

Неверная жена еще до наступления дня отправилась к любовнику и сказала ему: «Милый, сегодня утром я по божьему суду буду проходить между ног статуи якши. Ты приходи к статуе, изобрази помешательство и бросься обнимать меня». Тот согласился, и она вернулась домой.

Утром она собрала весь народ, взяла цветов, невыколосившихся злаков и прочее, пошла к храму якши, совершила омовение в ближайшей реке, и когда пришла совершить моление, ее любовник по уговору, как одержимый бесом, охватил ее шею руками. «Ах, что же это такое?» — вскричала она и пошла опять омываться. Люди схватили бесноватого за горло и удалили оттуда. Жена, омывшись, подошла к статуе якши, принесла в жертву цветы, благовония и прочее и сказала во всеуслышание: «О досточтимый якша! Если ко мне когда-нибудь прикасается какой-либо мужчина, кроме моего мужа и этого бесноватого, то пусть

не пройду я между твоих ног». С этими словами она на глазах всего народа прошла между ног якши. И якша стоял неподвижно, одобряя про себя такую сметливость. Все стали ее хвалить, говоря: «Вот верная жена». И она пошла домой. Так что, если ты, Прабхавати, сумеешь сделать так, как Шриядеви, то иди».

Выслушав это, Прабхавати уснула.

Таков пятнадцатый рассказ из книги «Шукасаптари».

16

На другой день она, собравшись уходить, сказала попугаю: «Попугай, иду к возлюбленному». Попугай ответил:

«Правильно ты сказала. Поступай по влечению ума. Ум заставляет ви на что не способных быть способными, как это случилось с Мудхикой».

Услышав это, Прабхавати сказала: «Как это было?» Попугай заговорил:

«Есть город Видиша; жил в нем купец Джанаваллабха. Его жена Мудхика была женщина ветреная и своевольная. Она жестоко обманывала мужа, и он рассказал родным, что она спит с другими. Когда родные ей об этом стали говорить, она сказала: «Это он всегда спит с другими, оговаривает меня напрасно». Тогда муж и жена сговорились считать виновным того из них, кто, начиная с такого-то дня, не будет спать дома. Однако, несмотря на уговор, жена однажды покинула спящего мужа и ушла из дома. Как только она вышла, муж запер дверь и опять улегся спать. Когда жена после своих забав вернулась, муж не открыл ей дверь. Тогда она бросила в колодец большой камень и стала у двери. Муж подумал: «Никак жена в колодец бросилась», — открыл дверь и вышел [из дома]. Жена занерла дверь и осталась внутри. А муж, стоя снаружи, начал громко плакать, говоря: «Ах, милая!» Жена, боясь огласки, вышла и впустила мужа. Тогда они оба уговорились так: «Начиная с этого дня ни ты, ни я не будем заводить ссор».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков шестнадцатый рассказ из книги «Шукасаптари».

На следующий день Прабхавати вновь собралась идти. Попугай сказал:

«Делай, что тебе нравится, робкая, если умеешь поступать так, как Сантика, освободившая мужа и Сваччханду.

Есть город Карахада. Там правил царь, носивший по праву имя Гунаприя. И жил там богатый купец Содхака. Его жена Сантика была верна мужу. Жена же другого купца, которую звали Сваччханда, увлекалась мужчинами. Она добивалась любви Содхаки, но тот не следовал ее желаниям. Однажды он отправился молиться якше по имени Маноратха. Сваччханда отправилась вслед за ним и вошла в храм. Там разными любовными приманками она добилась своего. Правильно говорят:

Мужчина лишь до тех пор стоит на верном пути, до тех пор владеет своими чувствами, сохраняет стыд и держится скромно, пока в его сердце не попали разрушающие твердость стрелы из больших, простирающихся до висков глаз красавицы, оперенные черными ресницами, на луке бровей натянутые и выпущенные.

Заметив соединение этой пары, стража раджи окружила храм, чтобы связать обоих. Но об этом узнала Сантика. Под громкие звуки турьи она ночью пошла к храму якши и сказала страже: «Я дала сегодня обет посмотреть на якшу и в уединенном месте положить еду. Вот вам деньги, впустите меня в храм». Те впустили ее. Сантика одела Сваччханду в свое платье, удалила ее воп, а сама осталась в храме. И утром стража была обескуражена, увидев жену вместе с мужем».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков девятнадцатый рассказ из книги «Шукасаптати».

На следующий день Прабхавати спросила у попугая, идти ли ей. Попугай проговорил:

«Иди, госпожа, куда тебя влечет, [иди] к любовнику, если умеешь так ловко обманывать мужа, как Келика.

На берегу реки Сабхрамати есть местность Шанкхапура. Там жил богатый крестьянин Сура. Его жена Келика

отличалась вероломством и распущенностью. Она была в связи с брахманом, жившим на другом берегу реки, в Сиддхешварануре. Влюбленная в него, она с помощью своей соседки-посредницы по ночам переправлялась через реку и пробиралась к нему. Однажды муж узнал об этом и отправился посмотреть, зачем она уходит. Но когда он подходил к берегу, жена увидела его. Она наполнила водой кувшин, находившийся в лодке, украсила в доме соседки статую богини Бхаттарики, облила ее этой водой и сказала, возвращаясь к соседке, с которой заранее сговорилась: «Госпожа, ты педавно сказала, что если я не омою эту статую Сиддхешвари, мой муж через пять дней скончается. Если эти твои слова верны, то пусть теперь мой муж долго живет». Соседка отвечала: «Да будет так». Услышав это, муж обрадовался и незаметно скрылся.

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцатый рассказ из книги «Шукасаптати».

22

Услышав опять вопрос Прабхавати, попугай сказал:

«По-моему — иди, госпожа, иди, если умеешь отвечать так, как ответила Мадхука».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«В деревне Дамбхила жил крестьянин Содхака. Его жену звали Мадхука. С нею предавался удовольствиям некто по имени Сурапала, когда она проходила по дороге, неся съестное. Однажды она поставила у дороги еду и осталась с этим любовником. Некий плут по имени Муладева положил в еду верблюжье мясо. И она понесла пищу, не вынув это мясо. Когда муж увидел верблюжатину, он сказал: «Что же это значит?» Жена сейчас же придумала ответ: «Господин, нынче ночью мне приснилось, будто тебя ел верблюд. Дабы отвратить такую беду, я сделала так, чтобы было наоборот. Ешь спокойно, чтобы не было чего плохого». Услышав это, муж, довольный, стал есть верблюжатину».

После этого рассказа Прабхавати легла спать.

Таков двадцать второй рассказ из книги «Шукасаптати».

На другой день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай отвечал:

«Иди, стройнобедрая, кто может помешать влюбленным? [Иди], если сумеешь сообразить [быстро], как Мохини.

Есть город Шанкхапура. Жил там купец Арья. Жену его звали Мохини. С нею забавлялся хитрец Кумукха. Муж узнал об этом. А муж был большой трус. Он запретил жене выходить из дома и сидел [все время] около нее. Жена все-таки дала знать хитрецу: «Приходи ко мне ночью, буду спать в постели мужа с краю». Тот пришел. Но когда лежали, муж схватил Кумукху за чувствительное место. Как уйти? Ответ. Схватив любовника, муж закричал жене: «Неси лампу, я вора поймал». Жена ответила: «Боюсь выйти. Я его подержу, а ты принеси лампу». Муж вышел, жена отпустила любовника, взяла за язык привязанного в доме теленка и легла по-прежнему. Муж подошел с лампой, с колом в руке и спросил: «Что это такое? Телячий язык? Как подошел сюда теленок?» Та ответила: «Да он голодный. Вот слюна, которая выпала у него изо рта». Оба заспорили, по муж сдался. «Проклятый, пропадешь ты с этим своим геройством», — сказала жена. Под ее ругань пристыженный муж заснул.

Выслушав этот рассказ, Прабхавати улеглась спать.

Таков двадцать седьмой рассказ из книги «Муксапати».

На следующий день Прабхавати стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, не думаю препятствовать твоему уходу, если только ты сумеешь в опасности дать такой ответ, какой дал Муладева.

Есть на земле место сожжения трупов, называемое Бхутаваса. И жили там два бхута, Карала и Уттала. Жену одного из них звали Дхумапрабха, а другого — Мегха-

прабха. Оба бхута все спорили, чья жена лучше. Однажды они, гуляя со своими женами, увидели человека по имени Муладева, схватили его за руки и спросили: «Какая из этих двух женщин прекраснее? Если скажешь неправду, убьем тебя». А обе бабы были безобразные ведьмы, страшные, старые. Если сказать мужьям правду, то сожрут. Как же ответить? Муладева сказал:

«Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная, и никакая другая». Когда царь хитрецов это сказал, его сейчас же отпустили».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.
Таков тридцатый рассказ из книги «Шукасаптари».

36

На следующий день при наступлении ночи Прабхавати опять сказала попугаю: «О попугай, пойду вкусить давно желаемого счастья». Попугай отвечал:

«Конечно, красавица, счастьем на свете тебе надо пользоваться, если только ты умеешь отвечать так, как ответила Найини».

Прабхавати спросила:

«Как это было? Кто была Найини, о попугай? Где и какой ответ дала она? Расскажи прекрасную историю. Хочу узнать, как это происходило».

Попугай рассказал:

«В деревне Сарада был староста Шурапала. Его жену звали Найини. Она все время просила у своего мужа шелковое платье, но тот говорил: «Мы, пахари, носим рубища из хлопка. У нас и слова такого никто не знает — шелк». Однажды на деревенской сходке она сказала мужу: «Господии, пойди домой, поешь своей бурды». Услышав такое слово, муж, когда пришел домой, спросил жену: «Зачем ты, милая, мие перед собранием сказала такое скверное, неприличное и мне неприятное слово?» Та ответила: «А ты почему не сделал того, что я хочу?» Староста проговорил: «Сегодня же будет у тебя платье, но сделай так, чтобы не было [позора] от [сказанного] тобою слова».

Жена сказала: «Сделаю это, когда дашь платье». Платье было дано. Спрашивается, как же она поправила сказанное?» И попугай продолжал: «На другой день Найини сказала мужу: «Когда я, как всегда, буду провожать тебя домой после сходки, пусть другие из собрания придут с тобой к нам». Тот это устроил. И дома жена предложила членам собрания великолепнейший ужин. Крестьяне стали говорить: «А богат этот Шурапала. Жена-то его про бурду говорила, чтобы не заноситься [перед нами]». Вот как было устранено то слово».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать шестой рассказ из книги «Шукасаптари».

37

На следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. И попугай сказал:

«Иди, куда желаешь, красавица, не будет тебе никакого вреда, если умеешь давать такой ответ, какой дал некий работник».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«В деревне Сангама жил семьянин Шура и держал работника, которого звали Пурнапала. Работник смотрел за всем у своего хозяина: за домом, полем, за гумном. Когда он работал в поле, то всегда обед ему носила дочь Шуры, которую звали Субхага. Работник спал с нею в укромном месте поля, не боясь хозяина. «Нехорошее это дело», — думали соседские работники и рассказали [обо всем] хозяину Шуре. Раз пошел этот Шура в поле, чтобы своими глазами увидеть, действительно ли работник связался с его дочерью. Он притаился около их убежища и увидел, чем забавлялась эта пара. Спрашивается: что мог ответить [работник]?»

И попугай продолжал:

«Окончив то, что делал, он встал и заметил хозяина. «Фу, ну и работа моя! — сказал он со вздохом. — И за плугом ходи, и за этой расслабленной. Хоть бы в ад провалиться от этого и от другого. Я и за плугом хожу, и еще должен суставы расправлять [этой девице]. И чего ради тружусь я на этого Шуру? Ведь тут пропадешь». При этих

словах Шура подумал: «Нет, он не виноват», — не придал значения словам людей и со стыдом отправился домой».

Прабхавати, выслушав рассказанную попугаем историю, улеглась спать.

Таков тридцать седьмой рассказ из книги «Шукасап-тати».

38

На следующий день, вечером, Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай [сказал]:

«Стройпотелая, для тех, кто хочет добиться желас-мого, не бывает препятствий.

Иди, если умешь поступать так, как поступил брахман Приямвада».

Прабхавати спросила: «Как это было?» И попугай [рассказал]:

«Жил когда-то брахман Приямвада, бродивший всюду. Он однажды зашел с дороги в деревню Сударшана, в дом одного купца. А у купца была жена, которая увлекалась мужчинами. Увидя ее, брахман подумал: «В хорошее место я водворился». Ночью он, чувствуя похоть, сделал ей любовное предложение. Он дал ей кольцо. Мужа не было — уехал на базар, и брахман поспал с нею. Наутро он стал у нее просить назад свое кольцо. Та не отдала. Спрашивается: как ему отобрать кольцо, отданное при таких обстоятельствах? Ответ. Когда та женщина, несмотря на просьбу, не вернула кольцо, брахман взял пожку от кровати, пошел к купцу, ее мужу, и стал кричать, показывая пожку кровати. Купец спросил: «Ой, брахман, что это такое?» Тот сказал: «Вот эту вещь я сломал, и за нее твоя жена отобрала у меня кольцо». Выслушав его, купец, вернувшись, сердито сказал жене: «Из-за твоего сумасбродства у нас ни один проезжий не остановится». Говоря эти суровые слова, он снял с ее пальца кольцо и вручил его брахману. Тот пошел своей дорогой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать восьмой рассказ из книги «Шукасап-тати».

На другой день, вечером, Прабхавати спросила попугая, можно ли ей идти к мужчине. «Попугай, я уйду», — сказала она. Попугай произнес:

«Иди, госпожа: дело хорошее — побыть с красивым мужчиной. Иди, милая, если умеешь в опасности говорить так, как тот человек, который получил пазад телегу».

Прабхавати спросила: «В чем дело?»

«Кто получил, попугай, и откуда получил телегу? В какую опасность попал? Расскажи эту прекрасную историю».

«Есть город Кундина. В нем жил купец Бхудхара, которого все покинули, так как он потерял состояние из-за недостатка прибыльных дел. Люди говорят:

Богатый образован, богатый щедр, благочестив, добродетелен, всем друг, богатого почитают. А кто без денег — тот пропал.

Когда у него осталась только телега, он оставил ее во дворе другого купца и отправился на чужбину. Добыв там денег, он вернулся в свой город и потребовал эту телегу у того купца. Но телеги не получил. Купцу-дураку полюбилась эта телега, и он ответил так: «Твою телегу мыши съели». Бхудхара [сдержался] и спокойно выслушал эту весть. Однажды он пошел к этому купцу на обед и увидел, как играет его сын; тогда он тайком взял мальчика и отнес к себе домой. Отец и вся семья, пораженные горем, плакали. Сосед, видя их рыдающими, сказал: «Вашего сына взял Бхудхара». Купец пошел к Бхудхаре и стал просить у него своего сына. Бхудхара сказал: «Друг, твой сын ходил со мною на реку купаться, и там его унес ястреб». После этих слов купец пошел ко двору раджи и рассказал о похищении сына. Пришел и Бхудхара ко двору. Теперь скажи, как спастись этому похитителю мальчика? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Когда министр в присутствии раджи стал допрашивать Бхудхару, тот сказал:

«Господин, где мыши поедают железные телеги, там и ястребы слонов таскают. А мальчика им утащить не диво».

Выслушав его речь, министр сказал ему: «Ты отдашь мальчика тогда, когда этот мошенник отдаст тебе твою телегу. Не иначе». Присвоивший телегу вернул ее [владельцу] и был наказан. А тот отдал ему мальчика».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать девятый рассказ из книги «Шукасап-тати».

На другой день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил:

«Хорошее дело — наслаждаться счастьем, красавица. Иди, если умеешь отвечать так, как отвечала вягхрамарп».

Услышав это, Прабхавати сказала: «Наслаждение счастьем — [это лучше всего] на свете! Попугай, расскажи историю». И попугай рассказал:

«Есть деревня Деула; жил в ней раджпут по имени Раджасинха. Его жену люди звали Калахаприя. Однажды, поссорившись с мужем, она забрала с собою обоих своих детей и пошла к отцу. Она прошла, охваченная злобой, много городов, много лесов и пришла в большой лес, расположенный на побережье Малая. Какой он был?

— Заросший сандаловыми деревьями и семилистником, затененный ветвями прекрасных высоких сосен. Тут мапговые деревья, на которых [жуужат] ошьяневшие [от нектара] пчелы и [порхают] птицы.

Там на опушке деревья шелу и пилу, увешанные плодами, сочные бадара, много тамариндов. Ветер доносил аромат померанцев и лесных яблок.

Зайдя в такие дебри, эта самая Калахаприя увидела тигра. Заметив ее и детей, он ударил хвостом по земле и стал подкрадываться. Как ей быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Ответ такой. Видя, что тигр приближается, Калахаприя нашла ладонью обоих своих сыновей и сказала: «Чего ссоритесь? И одному и другому хочется съесть тигра? Разделите пока этого одного и съешьте, а потом, может быть, и другой где-нибудь попадется».

Услышав это, тигр подумал: «Это, должно быть, вягхрамари». И он в ужасе скрылся.

Вот как, красавица, благодаря своему уму Калахатрия избавилась от тигра. Так на свете и всякий другой разумный человек избавится от большой опасности.

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сорок второй рассказ из книги «Шукасаптати».

43

На следующий день влюбленная опять стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа. Не будет ничего плохого, о ты, обладающая походкой слона, если у тебя разум тверд, как у той вягхрамари».

Прабхавати спросила: «В чем дело?»

— Расскажи теперь о том, как вягхрамари еще раз проявила свой ум. Очень мне это хочется знать, о приятно говорящий».

Попугай рассказал:

«Увидев в лесу убегающего в страхе тигра, шакал со смехом произнес: «Что это тигр так испуганно бежит?»»

Тигр ответил: «Беги, беги и ты, шакал, куда-нибудь в укромное место. Меня собралась убить та самая вягхрамари, о которой говорится в шастре, но я схватил свою жизнь в лапы и быстро убежал от нее». Шакал проговорил: «Тигр, ты поведал нечто удивительное. Испугался человека, простой груды мяса?» — «Я своими глазами видел, — [ответил] тигр, — как она отшлепала своих двух сыновей, ссорившихся из-за того, что каждому из них хотелось меня съесть». Шакал [сказал]: «Господин, пойдем туда, где находится эта обманщица. Когда, о тигр, ты подойдешь и она будет перед тобой, я вместо тебя на нее прыгну». — «А если ты, шакал, меня бросишь и убежишь? — [спросил] тигр. — Придется тогда прыгать не на нее, а от нее». [На это] шакал возразил: «Если боишься, что сбегу, то привяжи меня к своей шее и иди скорей». Тигр так и сделал, пошел в лес и разыскал ту вягхрамари с ее сыновьями. Как же спастись ей от тигра теперь, когда его так ободрил шакал? Вот вопрос». И попугай про-

должал: «Вьягхрамари сообразила, что тигра привел шакал, поэтому она стала ругать этого шакала и грозить ему пальцем, говоря:

«Ах ты, обманщик! Раньше ты доставлял мне по три тигра. Говори, почему сегодня привел только одного?»

С этими словами ужасная вьягхрамари стремительно бросилась на тигра. Но тигр быстро исчез вместе с привязанным к его шее шакалом.

Опять благодаря своему уму спаслась она от тигра. Сильный ум, о нежная, всюду пужен, во всяком деле».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать. Таков сорок третий рассказ из книги «Шукасапгати».

44

На другой день, перед вечером, Прабхавати попросила у попугая [разрешение идти]. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, если знаешь, как спасти себя от опасности подобно спасшемуся от опасности шакалу.

Итак, тигр, который из страха перед вьягхрамари хотел уйти в иное место, тащил шакала. Шакал, привязанный к его шее, стер себе лапы и спину, из шеи у него текла кровь, он был чуть жив. Как ему спастись от великой беды? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Тигр быстро мчался через реки, леса, вверх и вниз по горам. Шакалу очень хотелось спастись. Он смотрел, смотрел и вдруг, невзирая на мучения, громко засмеялся. Тигр сказал: «Как ты можешь смеяться?» Тот отвечал: «Господин, вижу, что эта плутовка действительно вьягхрамари. По твоей милости я теперь от нее далеко и остался жив. Но если эта негодница нападет на мой кровавый след и пойдет за нами по пятам, то нам несдобровать. Вот я и усмехнулся. Господин тигр, найди в себе мужество и подумай об этом». Тигру его слова пришлись по душе. «Ладно»,— сказал он и, отвязав шакала, быстро скрылся. Шакал был рад-раде-шенек.

Нужен ум, о прекраснобедрая; тем, кто ищет богатства, почета, счастья. У кого нет ума, те, о стройная, горе себе добывают.

Силой неумного пользуются другие, как телом слона, подобным вершине горы».

Выслушав этот рассказ и дивясь словам попугая, Прабхавати уснула.

Таков сорок четвертый рассказ из кпиги «Шукасап-тати».

На другой день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. «Иду к любовнику», — сказала она. Попугай отвечал:

«Иди, красавица, за счастьем любви, которое здесь выше всего, если в опасности сумеешь решить дело так, как Шакатала.

В городе Паталипура правил раджа по имени Нанда, владыка всей земли. У этого царя был главный министр Шакатала. Побежденные силой ума Шакаталы, все другие властители стали данниками этого раджи. Есть изречение:

Что толку от того, кто тебе предаст, но неумен и труслив? Однако и от умного и смелого какой толк, если он тебе не верен?

Слуга властителю тот, в ком соединились и ум, и мужество, и верность в счастье и несчастье — то, что нужно для благополучия. Все прочие — все равно что жепщины.

И еще:

Что сделают столпившиеся кругом враги тому, чье тело защищено умом? Они дождь для человека, держащего в руке зонт.

Этот раджа начал творить беззакония, разорять землю. Министр останавливал его. Тогда дурак-раджа посадил министра в яму, и тот долго просидел в ней вместе с детьми. Пока главный министр Шакатала сидел в яме, пошел слух, что он умер. Чтобы проверить, так ли это, правитель Вангалы послал к Нанде своих людей. При этом он дал им двух кобыл, сказав: «Вернетесь домой тогда, когда узнаете, какая из этих кобыл мать, какая дочь». А лошади, имевшие все счастливые признаки, были одинаковы с виду. Только знатоки лошадей могли в их признаках разобратся. И вот когда в царстве Нанды никто не смог раз-

личить лошадей, раджа Нанда подумал: «Без Шакаталы я подвергнусь унижению. Есть изречение:

Что хуже [для властителя]: потерять хорошую область или умного слугу? Потеря слуги — смерть для властителя. Легко вернуть потерянную землю, но не слугу.

Поразмыслив таким образом, раджа спросил того, кто заведовал у него наказанием преступников: «Остался ли кто-либо из семьи Шакаталы в яме или нет?» Тот ответил: «Кто-то есть, но кто — нельзя точно сказать. Кто-то из заключенных забирает пищу, которую им было приказано [давать]». Тогда Нанда приказал вытащить из ямы Шакаталу и оказал ему почести, говоря:

«Чту тебя, ты друг мне и учитель, господин, распорядитель, всегда у тебя нахожу прибежище. Каких только достоинств нет у тебя, всегда свободного от грехов!

Сказано:

Руководитель при бедствии с плохо выезженным слоном, наставник при обучении по книгам, сердце, которому поверяешь тайны, слуга, исполняющий поручения, убежище, когда грозит опасность, щедро дающий от земли, обвитой по горизонту поясом семи морей, — вот чем был для меня Карна, лучший друг, друг во всех отношениях. Чем он только не был для меня!»

Министр сказал: «Государь, что надо делать? Приказывай». Раджа отвечал: «Какая из этих вот двух кобыл мать и какая дочь? Реши скорее этот вопрос, поставленный теми коварными посланцами». Спрашивается: как же вопрос был решен?» И попугай продолжал: «Министр приказал оседлать обеих кобыл и проехать на них по беговой дорожке, и когда они устали, их расседлали и дали им стоять свободно. Тогда эта пара лошадей стала вести себя так, как ведут себя мать и детеныш: мать начала лизать дочь, и дочь была этим очень довольна. Так дельный министр открыл радже, чем отличалась мать от дочери. Так Шакатала снискал у раджи большую милость и приобрел славу».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок восьмой рассказ из книги «Шукасаптати».

И вот на следующий день, окончив с дневными делами, Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Сегодня уж надо тебе, госпожа, вкусить счастье любви, если только ты в опасности бываешь, ловка так, как когда-то Шакатала.

Правитель Вангалы, желая знать, жив ли Шакатала, послал, как и в тот раз, радже Нанде через тех же людей ровно обточенный симметричный жезл. Людям он приказал так: «Идите в царство раджи Нанды и узнайте, что считать головкой и что концом этого жезла, украшенного жемчугом, золотом и алмазами. Потом возвращайтесь». Люди, придя к Нанде и положив перед ним жезл, спросили, где в нем головная часть и где конец. Сановники, знатоки искусств, знатнейшие купцы, услышав о таком вопросе, взвешивали этот жезл, прочие знающие люди тоже осматривали его, но никто не определил, где начальная и где конечная часть его. Тогда раджа приказал Шакатале: «Определи, где начало и где конец жезла. Кроме тебя, никто этого не знает». Министр ответил: «Государь, твое высокое мнение обо мне будет не напрасно.

Сказано ведь:

У прекрасного месяца, принадлежащего к высокому роду, есть пятно. А когда же у владыки-царя при затруднениях повеление бывало напрасным?»

Хоть и были все высокого мнения о министре, по как ему в этом деле разобраться? Вот вопрос.

И попугай продолжал:

«Мудрый этот министр бросил жезл в воду и увидел: конец, бывший ближе к корню, погрузился в воду ниже. Доложили радже, а тот сообщил об этом послам. Послы рассказали услышанное своему радже. И все раджи стали платить главному радже Нанде ранее установленную дань».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков сорок девятый рассказ из книги «Шукасап-тати».

На другой день, вечером, Прабхавати, желая идти, попросила у попугая [разрешения]. Попугай ответил:

«Иди, госпожа, не вижу тут ничего греховного. Иди, если в трудном случае сумеешь найти выход, как Дхармабуддхи».

«В чем дело?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Есть, госпожа, на земле деревня под названием Джангала. В ней жили два приятеля — Дхармабуддхи и Душтабуддхи. Однажды оба они отправились в чужую страну на заработки. Через некоторое время, заработав много денег и возвращаясь домой, они уговорились: зароем некоторую часть денег под фиговым деревом, а остальные возьмем домой; зарытые же деньги впоследствии поделим. Так они и сделали. Веселые и довольные пошли они домой и стали жить в полное свое удовольствие. Слушай же, что сделал тем временем Душтабуддхи, хоть и не стоило бы об этом говорить, ибо:

Нехорошо, госпожа, рассказывать о злодействах, мною виденных и слышанных, потому что уже один рассказ о них может принести зло.

Душтабуддхи вырыл из земли те деньги, взял и отнес их к себе домой. По прошествии некоторого времени оба приятеля пошли брать зарытое под фиговым деревом богатство. Посмотрели — а там нет ничего. Тогда Дхармабуддхи, пойдя к министру, поведал ему историю с деньгами, сказав, что деньги украл Душтабуддхи. Привели Душтабуддхи, и он ответил: «Вношу тысячу золотых в залог, желаю подвергнуться божьему суду». Когда Дхармабуддхи на это согласился, министр отпустил их на поруки, и они пошли каждый в свой дом. Тогда Душтабуддхи рассказал обо всем этом деле своему отцу и посадил его в дупло того фигового дерева. Наутро министр и оба тяжущиеся вместе с толпой любопытных пошли к дереву. Душтабуддхи совершил омовение, сложил руки и, произнеся клятву, проговорил: «Поведай правду, о лучшее из деревьев! Если деньги украл я, то ты так и скажи: «Деньги украл вот этот». А если я не крал, то скажи: «Этот не крал». Слыша это, его отец громко сказал: «Нет, ты не крал». Как быть теперь тому Дхармабуддхи? Вот вопрос». И по приказанию Прабхавати попугай продолжал: «Дхар-

мабуддхи, узнав голос отца своего противника, зажег дупло. При виде обгоревшего старика, с фырканьем выскочившего из дупла, министр наказал Душтабуддхи, а Дхармабуддхи обласкал.

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков пятидесятый рассказ из книги «Шукасаптати».

55

На другой день, вечером, Прабхавати, желая идти, снова попросила позволения у попугая. Попугай произнес:

«Иди, стройпобедрая, стоит пойти, о обладающая походкой слона, если сумеешь дать такой ответ, какой дал брахман Шридхара».

Прабхавати спросила: «Как было дело?» Попугай заговорил:

«В деревне Чамакута жил брахман Шридхара. Там же проживал и сапожник Чандана. Шридхара заказал ему сандалии и получил их. Сапожник долго требовал с него деньги, но брахман только говорил: «Позже будешь удовлетворен». Прошло много времени. Однажды сапожник схватил брахмана. Без денег как спастись брахману? Скажи-ка. Вот вопрос». И попугай дал ответ: «В доме правителя деревни тем временем родился сын. Коварный брахман сказал: «Сапожник, я тебе давно говорил, что ты будешь удовлетворен. Удовлетворен ли ты тем, что родился этот мальчик, или нет?» Если бы сапожник ответил «я не удовлетворен», то правитель приказал бы его схватить. А если бы сказал «я удовлетворен», то пропали бы деньги. И сапожник сказал: «Я удовлетворен». Спасшись хитростью, брахман ушел. Так что если и ты, госпожа, так отвечать умеешь, то иди».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят пятый рассказ из книги «Шукасаптати».

68

На следующий день Прабхавати опять обратилась к попугаю. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, наслаждайся счастьем, если у тебя, о красавица, на случай опасности найдется такой друг, как Витарка».

Есть брахманская деревня под названием Видьястха-па. В ней жил брахман Кешава. Пошел он однажды купаться и у пруда увидел прелестную купеческую дочь. Ему захотелось вступить с ней в связь. Однажды, когда он выходил из воды, она сказала ему: «Подними мне на голову второй кувшин». Он поднял и поцеловал ее в губы. А ее муж увидел это и повел его к радже. Как спастись брахману? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «У брахмана был друг по имени Витарка. Этот Витарка подошел к нему и шепнул: «Друг, когда придешь во дворец раджи, все время чмокай губами и ничего [не говори]». Брахман так и поступил. Министр сказал: «Никакого преступления этот человек не совершил. Это у него от рождения привычка такая». Так и оправдался брахман перед людьми благодаря спасительной мудрости Витарки. Если и ты так сообразительна, то иди».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят восьмой рассказ из книги «Шукасантати».

70

После того как попугай рассказал столько историй, приехал из чужой земли Мадана, муж Прабхавати. Когда он явился, Прабхавати по-прежнему была полна нежности к нему, попугай же тихонько запел:

«Напрасно быть благосклонным к жемчужине, напрасно и высокомерно с пению. Я всегда с ней ласков, а она всегда неласкова со мной».

Но Мадана не слушал. Тогда попугай со смехом проговорил: «Кто выслушивает доброе слово и следует ему, тот счастлив бывает на этом свете и на том». Слыша поминутно это пение, Мадана спросил в чем дело. Тогда Прабхавати сама рассказала обо всем, трепеща от страха. Сказано ведь:

Люди чистые везде спокойны и горды в силу своих прекрасных дел. А творящие зло всегда прячутся от страха, наделав дурного.

«Милый,— сказала Прабхавати мужу,— ты достоин похвалы. Из той пары птиц, которую принес Тривикрама, попугай говорит поучения, нужные для всех, и здесь он

особенно мне был полезен, заменяя родителей и близких». Чем больше она хвалила попугая, тем больше попугай смущался. Есть изречение:

Когда цапля убивает рыбу, то громко кричит.
А лев, убивая буйного слона, [молча] когти вопзает.

Мадана сказал в ответ на ее речь: «В чем же помог тебе твой попугай? Почему это он вдруг стал таким совершенством?» Та отвечала: «Господин, нельзя найти таких, которые говорили бы и выслушивали правду. И сказано:

Легко сыскать, о раджа, таких, что всегда говорят приятное, и трудно найти такого, который умел бы говорить и выслушивать неприятное, но дельное.

Господин, когда говорят, что женщины непостоянны, неспособны любить, недобродетельны, предаются дурным мыслям, недалеко умом, то это правда.

Отвращаясь от мужа и от детей, женщина ни во что не ставит добродетель. Вначале любящая и нежная, она становится жестокой, сделав свое дело.

И еще сказано:

Они до тех пор бывают любезны с мужчиной, пока не заметят, что он полюбил; увидев, что он завяз в сетях любви, они тащат его, как рыбу, проглотившую наживку.

Женщины по натуре подвижны, как морские волны, их любовь кратковременна, как алая полоска на вечернем облаке. Добьются своего — и мужчина им не пужен, бросают его застывать [в тоске] подобно выпущенному соку.

Кружат головы, оьяняют, издеваются, угрожают, обольщают, повергают в отчаяние — чего только не творят эти большеглазые, проникнув в мягкое сердце мужчины!

Господин, ты был в отъезде, и некоторое время я переносила разлуку с тобою. Но потом я сошлась с плохими подругами. Мне вздумалось пойти к чужому мужчине; вещая ворона стала меня останавливать, и я ее побила. Попугай же этот целых семьдесят дней удерживал меня дома своей хитрой речью. Так что на деле я не согрешила, согрешила только в мыслях. С этого дня ты волен распорядиться моей жизнью и смертью».

Выслушав это, Мадана спросил попугая. Попугай сказал:

«Мудрый, не зная причины чего-либо и даже зная ее, не должен говорить опрометчиво. Решения судьбы неспостижимы.

От судьбы человек получает любовь, жизнь, хлеб; от нее — все речи добрых людей и порицания злых.

Господин, не стоило бы говорить, но все-таки слушай:

Люди благородные, терпеливые не принимают близко к сердцу, о господин, ни хороших дел, ни ошибок, совершаемых глупцами, пьяницами, жемщинами, больными, измученными любовью,

Усталыми, разгневанными, опьяненными, сумасшедшими, трусами и особенно голодающими.

В «Махабхарате» сказано также:

Следующие десять не признают законов, о Дхритараштра, запомни их: пьяный, перадивый, сумасшедший, усталый, гневный, голодный, а также торопливый, жадный, испуганный и влюбленный — эти вот десяти.

Прабхавати надо простить. Вины ее тут нет. Все это от дурных подруг. Сказано ведь:

Хорошие люди меняются от общения с дурными. Бхишма общался с Дурьйодханой — и пошел красть коров.

Видьядхара когда-то хитростью овладел дочерью раджи. Но ее муж считал ее невиновной, хотя тот наслаждался ею вволю.

Попугай рассказал Мадане такую историю: «Есть на земле гора под названием Малая. На ее вершине находится город гандхарвов, называемый Маюхара, и в нем жил гандхарва по имени Мадана. Его жену звали Ратпавали, а дочь Маданаманджари. При виде совершенной красоты дочери и боги и данавы падали ниц, лишаясь чувств. Не было жениха, достойного ее, не за кого было ее выдать. Однажды пришел Нарада. При виде ее красоты он тоже влюбился и упал без чувств. Придя в сознание, мудрец проклинал ее. Сказано ведь:

Когда нежная, милая, страстью распалюющая, счастье дающая, когда эта прелестница, любовью опьяненная, в сердце водворится, то как с этим справиться?..

«Так как меня при виде ее красоты постигла любовная лихорадка, то ее доброе имя должно пострадать», — так

подумал мудрец. Тогда раджа с поклоном сказал ему: «Господин, смягчись и будь милосердным». Нарада отвечал: «Слава о пей пойдет худая, по вины на пей не будет и с мужем ей не придется разлучаться. На горе Меру в городе Винула живет гандхарва по имени Канакапратха. Он и будет женихом твоей дочери». Сказав это, Нарада ушел. По его слову дочь раджи выдали за того гандхарву.

Однажды гандхарва оставил ее и пошел на гору Кайласа. Опечаленная разлукой с мужем, она валялась на каменной плите без одежды, и некий видьядхара, увидев ее замечательную красоту, стал просить ее сойтись с ним. Но она не пожелала. Тогда он принял обличье ее мужа и обладал ею. Через некоторое время домой вернулся муж. Заметив, что жена его сыта счастьем любви, он подумал: «Кто-то другой ею пользовался, она преступница и, конечно, ее надо убить». Так решив, он пошел с нею в храм Чандики. Когда он хотел убить ее перед изображением богини, жена закричала: «Богиня, ты обещала даровать мне сына, который будет главой всех гандхарвов. Неужели я погибну, не увидев лица сына?» Так она сетовала перед богиней, и богиня сказала, вступаясь за нее: «О гандхарва-герой! Она совсем невиновата. Ею обманом овладел некий видьядхара, принявший твой образ. Она этого не знала, и нет на ней вины. Кроме того, тут действовало еще и проклятие одного святого. Вот почему все это и случилось.— И она рассказала историю проклятья.— Благодаря слову святого она невиновна, и ты должен ее опять принять к себе». Выслушав эту речь Гаури, муж, не тревожась больше, пошел с женою домой и жил счастливо, как и прежде. Так что если, о купец, слово мое справедливо, то ты должен оказать снисхождение этой незлоправной женщине».

Послушавшись слов попугая, Мадана оставил Прабхавати у себя.

Его отец, Харидатта, обрадованный возвращением сына, устроил пышный пир. На этом пиру спустился на пирующих божественный венок. Увидев его, попугай, вещая ворона и Тривикрама освободились от тяготевшего над ними проклятия и ушли на небо. А Мадана стал жить счастливо со своей милой Прабхавати.

*Конец книги
«Шукасаптари».*

ВИКРАМАЧАРИТА

Деяния Викрамы

ПРОЛОГ

Есть город под названием Удджайини, обильный всевозможным добром, превосходящий своими красотами жилище Пурандары. В нем был царь по имени Бхартрихари, искусный во всех искусствах, сведущий во всех науках; той же краской, которая украшала лбы у всех женщин при дворе, были выкрашены в красный цвет его ноги-лotosы. Был у него младший брат по имени Викрама, и доблесть Викрамы лишала доблести всех врагов. Была у Бхартрихари жена по имени Анангасена, которая своей красотой, прелестью и иными достоинствами затмевала небесных дев.

В этом же городе жил некий брахман. Он изучил все науки, особенно хорошо знал науку священных заклинаний, но был беден. Чтением заклинаний он снискал благосклонность Бхуванешвари, и, смиловившись над этим брахманом, она однажды ему сказала: «Брахман, выбирай себе дар». Брахман ответил: «Богиня, если ты довольна мной, избавь меня от старости и смерти». Тогда богиня дала ему один божественный плод и сказала: «Сын мой, съешь этот плод, и ты будешь избавлен от старости и смерти».

Брахман взял этот плод и пошел к себе домой. Он совершил омовение, воздал почести богам и хотел было уже съесть плод, как в душе у него родилась мысль: «К чему это все? Кому я смогу помочь, пока я беден, даже если стану бессмертным? Сколько бы я ни прожил лет, все равно я буду вынужден просить милостыню. В то же время у человека, живущего ради других, даже очень короткая жизнь исполнена счастья. И еще: пусть тот, кто обладает знанием, богатством и другими достоинствами, проживет совсем немного, все равно его жизнь принесет богатые плоды. Так ведь сказано:

Нет, не бесплодна жизнь человека, который хотя и живет совсем мало, но зато обладает знанием, доблестью, богатством и другими прекрасными качествами,— так говорят добродетельные. А ворон, хоть и живет долго, питается объедками.

И так:

Жить добродетельно, жить со славой — это и есть жизнь. А ворон, хоть и живет долго, жрет гнилые объедки.

И еще:

На самом деле живет тот, чья жизнь — источник жизни для многих. А так ведь и цапля умеет набивать себе брюхо при помощи клюва.

А также:

Тысячу раз ничтожны те, которые только к тому и стремятся, чтобы набить себе пищей брюхо; но тот человек, который видит свою пользу в пользе других,— первый среди праведников. Так подводный огонь готов выпить океан, чтобы наполнить свою ненасытную утробу, а туча паливается водой, чтобы избавить людей от летнего зноя.

У человека, который ни рождением своим, ни делами, ни свойствами не принес никакой пользы, есть только имя, и сам он подобен слову, случайно произнесенному и ничего не значащему.

Если же этот плод отдать царю,— подумал брахман,— то он избавится от старости и смерти и станет по справедливости заботиться о всех четырех варнах». И он взял плод и пошел к царю.

«Пусть Хара, носящий гирлянду из змей, и Хари, одетый в желтое платье, даруют тебе счастье, о царь!» —

так благословив царя, он вручил ему плод и сказал: «О царь, я получил этот несравненный плод по милости великой богини; съешь его — и ты избавишься от старости и смерти».

Тогда царь взял этот плод, дал брахману в награду много земли, отпустил его и задумался: «Если я съем этот плод, то стану бессмертным. Но я очень люблю Анангасену, зачем же мне жить, если она умрет? Боль разлуки с ней я не смогу стерпеть. Отдам поэтому я плод Анангасене, которая дорога мне, как сама жизнь». И царь позвал Анангасену и отдал плод ей. Анангасена же была влюблена в конюха и после недолгих раздумий передала этот плод ему. А конюх был влюблен в одну служанку и отдал плод ей. Служанка же, в свою очередь, дала его какому-то пастуху, которого она любила. А тот — одной скотнице, к которой питал сильную страсть.

Однажды эта скотница решила вынести из города коровий помет; она сложила помет в корзинку, корзинку поставила себе на голову, а поверх корзины положила этот плод. Когда она проходила по главной улице, ей встретился царь Бхартрихари, который направлялся с царевичами на охоту. Царь увидел этот плод, лежащий поверх корзины с пометом, взял его и возвратился к себе домой.

Затем он позвал брахмана и сказал ему: «Брахман, есть ли другой такой же плод, как тот, который ты мне дал?» Брахман ответил: «О царь, этот божественный плод я получил по милости великой богини. Другого такого нет на земле. Еще скажу: царь — это поистине воплощенное божество; ему нельзя говорить неправду. В нем следует видеть самого бога. Так ведь сказано:

Мудрецы почитают царя воплощением всех богов; поэтому разумный и добродетельный человек должен видеть в нем бога и не говорить ему неправды».

Тогда царь сказал: «Что, если я покажу тебе такой же плод?» Брахман спросил: «Съел ты тот плод или нет?» Царь ответил: «Я не ел его, я отдал его моей возлюбленной супруге Анангасене». Брахман сказал: «В таком случае спроси у нее, съела ли она этот плод». Тогда царь позвал Анангасену и допросил ее, взяв с нее клятву, что она будет говорить правду. Она сказала: «Я дала этот плод конюху». А тот, когда его вызвали и спросили, сказал, что дал служанке. Служанка указала на пастуха, а

настух ответил, что отдал плод скотнице. Узнав всю правду, царь был охвачен глубокой скорбью и прочел стих:

«Напрасно мужчины гордятся красотой и обаянием юности; в сердцах у женщин с изогнутыми бровями всесильный бог любви делает, что захочет.

И еще: Увы, никто не может предвидеть мысли и посылки женщин. Так ведь сказано:

Прыжка коня, грома Васавы, мыслей женщины, судьбы человека, засухи и ливней — всего этого не предвидит и бог; тем более — человек!

И так:

Тигра ловят в лесу, птицу — в небе, рыбу — в реке, но нельзя поймать ветреное женское сердце.

А также:

Можно вообразить царем сына бесплодной женщины или представить себе цветок, распутившийся в небе; но никогда не встретишь у женщины чистого сердца.

И еще:

Тех, кто различает добро и зло, победу и поражение, жизнь и смерть, даже тех, кто знает всю суть вещей, ставит в тупик поведение женщин.

Далее:

Заполучив самого бога любви, они все равно желают другого мужчину; такова природа всех женщин, — так говорят люди с ясным разумом.

И так:

Без заклинаний и заговоров, без знаний и образования женщины легко обманут мужчину, даже если он наделен даром проницательности.

Я полагаю, что самый желанный любовник для женщины — человек, лишившийся семьи и касты, презренный, дурного поведения, подлый и низкий.

Даже занимая самое высокое и почитаемое положение, в блеске достоинства, которое сопутствует величию, женщины по собственной охоте рады окунуться в грязь порока.

Ради денег женщины готовы и смеяться и плакать; они завоевывают доверие мужчины, а сами не доверяют ему; поэтому человек благородного происхождения всегда должен сторониться их, как сторонятся кладбища.

И еще:

Нет выше счастья, чем отрешенность от мира; нет больше радости, чем размышления; нет лучше покровителя, чем Харп, нет хуже врага, чем земное существование».

Прочтав этот стих, Бхартрихари достиг полной отрешенности, помазал па царство Викрамарку, а сам ушел в лес.

Став царем, Викрамадитья всегда исполнял желания богов, брахманов, а также беззащитных, хромых, горбатых и прочих несчастных людей. Он тщательно оберегал интересы своих подданных, слуги его были весьма довольны им, а сердца министров, вассальных правителей и остальных приближенных он привлек к себе твердым соблюдением своих слов. Так он царствовал, никогда не нарушая закона и обычая...

Тогда великий Индра, довольный Викрамаркой, наградил его одеждой и другими дарами, а также дал ему трон, сверкающий великолепными драгоценными камнями. Трон был украшен тридцатью двумя статуями и возвышался, опираясь ножками на их головы. Взяв с разрешения Индры этот замечательный трон, Викрамарка возвратился в свой родной город. И там в добрый час, при благоприятных предзнаменованиях, осыпaeмый благословениями брахманов, он взошел на этот трон и правил своим царством...

С тех пор как зарыли трон, прошло много лет. Царем стал Бходжа. Во время его царствования один брахман возделал поле, где был закопан трон, посеял там сахарный тростник, горох и семена иных растений. Поле оказалось весьма плодородным. В том месте, где был зарыт трон, на поле образовался холм, и брахман, заметив это, соорудил на холме площадку, поднимался па нее и отгонял птиц.

Однажды царь Бходжа со всеми царевичами проезжал мимо этого поля на охоту. Брахман, который стоял в это время на площадке, сказал ему: «О царь, поле это богато плодами. Взойди на него со своей свитой и ешь все что ни пожелаешь, а коням дай гороха. Не бесплодна отныне моя жизнь, ибо ты, почтенный, мой гость. Когда еще выпадет мне такая удача?» Услышав эти слова, царь со

своей свитой вступил на поле. Между тем брахман сошел с холма, чтобы отогнать птиц, усевшихся в углу поля, увидел на поле царя и говорит ему: «О царь, зачем ты совершаешь беззаконие? Ты губишь поле, принадлежащее брахману. Когда дурно поступают другие, то об этом доносят тебе. Но теперь ты сам задумал дурное дело; кто же может тебе помешать? Сказано ведь:

Кто может удержать охваченного страстью слона, царя-распутника или ученых-злодеев?

И еще. Ты знаешь законы и предписания долга; как же ты можешь губить собственность брахмана? Ведь собственность брахмана — это яд. Ибо:

Говорят, что яд — это еще не яд; собственность брахмана — вот яд: ведь яд убивает одного человека, а собственность брахмана — и детей и внуков».

Когда царь услышал эти слова и вместе со свитой покинул поле, брахман, отогнав птиц, снова поднялся на холм и говорит: «О царь, почему ты уходишь? Это поле весьма богато плодами, отведайте стеблей сахарного тростника; есть здесь тыква, попробуйте и ее».

Снова царь и его свита послушались брахмана и вступили на поле. А брахман, сойдя с холма, чтобы прогнать птиц, опять заговорил по-прежнему. Тут подумал царь про себя: «Удивительное дело! Когда этот брахман поднимается на холм, его ум охватывает желание быть щедрым, а когда он спускается, то становится скуп. Поднимусь-ка я сам на холм и посмотрю, в чем тут дело».

Когда царь Бходжа поднялся на холм, его умом овладели такие мысли: «Нужно каждого избавить от горя, всех людей освободить от бедности; злодеев следует наказывать, а добродетельных защищать; с подданными должно обходиться по всей справедливости. К чему много слов: если бы сейчас кому-нибудь попалась моя жизнь, я отдал бы ее». И охваченный радостью, царь размышлял далее: «Ах, что за сила в этом поле, раз оно способно само по себе возбуждать такие мысли. Сказано ведь:

Масло, вылитое в воду, тайна, доверенная сплетнику, даже небольшой дар добродетельному человеку и знания у человека умного умножаются и расширяются сами по себе, в силу самого порядка вещей.

Как же узнать, что за сила скрыта в этом поле?» — подумал царь, позвал брахмана и сказал ему: «Брах-

ман, сколько ты хочешь за это поле?» Брахман ответил: «О царь, ты знаешь все, нет ничего тайного для тебя. Дейлай так, как подсказывает тебе чувство долга. И еще: царь — это поистине воплощение Вишну на земле; на кого упадает его взор, тот избавляется от горя, бедности и остальных бед. Царь — это поистине воплощенное древо желаний. Я увидел тебя, и тотчас и горестям моим, и пужде пришел конец. Что мне поле!»

Тогда царь наградил брахмана деньгами, зерном и другими подарками, взял себе его поле и приказал раскопать холм. Когда вырыли яму глубиной в человеческий рост, то обнаружили каменную плиту необыкновенной красоты. А под пей оказался трон исключительной прелести, украшенный разного рода камнями, начиная с лунного, усыпанный всевозможными драгоценностями, опирающийся на тридцать две статуи. Когда царь увидел этот трон, его сердце вкусило нектар великой радости. Он приказал отправить его в город, но трон оказался очень тяжелым, и его нельзя было сдвинуть с места. Тогда царь спросил министра: «Министр, почему этот трон не двигается?» Министр сказал: «О царь, этот трон необычен, он божественного происхождения. Если ты не почтишь его жертвами и дарами, он не сдвинется и не будет тебе послушен». Услышав это, царь пригласил брахманов и велел совершить все, что предписано ритуалом. Тогда трон стал легким и начал двигаться сам собою...

Между тем трон перевезли в город. Там царь приказал соорудить залу с тысячью колонн, и в ней в добрый час при счастливых предзнаменованиях был установлен трон. Затем брахманы, читая молитвы, окропили царя священной водой, смешанной с благовониями, а старшие жены совершили над ним обряд омовения. Множество брахманов воздавало ему почести, а придворные поэты воспевали его.

Царь почтил дарами и уважением все четыре варны, а слепых, глухих, хромых, кривых и других несчастных одарил бесчисленными подарками. Затем, с зонтом и опахалом в руках, царь поставил свою ногу-лотос на голову одной из статуй, но вдруг она заговорила с ним человеческим голосом: «О царь, если ты, как и он, наделен мужеством, великодушием, силой, благородством и другими добродетелями, тогда садись на этот трон». Царь сказал: «О статуя, мне свойственны и великодушие, и остальные

добродетели, которые ты назвала. Чего мне не хватает? Ведь любому просителю я даю то, что положено». Статуя сказала: «О царь, не приличествует тебе самому похвалиться своей щедростью. Кто кичится своими добродетелями и горд, видя пороки других, тот попросту дурной человек. Благородные люди так не поступают. Сказано ведь:

Кто ставит себе в заслугу чужие пороки, тот дурной человек. О чужих пороках или о своих добродетелях истинно благородный человек говорить не должен.

И еще:

Девять вещей следует всегда держать в тайне: возраст, богатство, щель в доме, молитву, состав лекарства, любовную связь, подарок, почет и бесчестие.

Так вот, нельзя самому восхвалять свои достоинства, нельзя хулить недостатки других людей». Выслушав эти слова статуи, царь Бходжа сказал: «Ты права; кто славит свои добродетели, тот глуп. Мне не следовало хвалить самого себя. Расскажи мне о великодушии того человека, кому принадлежал этот трон».

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ СТАТУИ

Статуя сказала: «О царь, это трон Викрамарки. Просителям, к которым был расположен, он давал по коти золота.

Царь дает тому, на кого взглянет, 1000 золотых монет, с кем заговорит — 10 000, кому улыбнется — 100 000, а тому, к кому расположен, — целую коти золота.

Если тебе свойственно такое великодушие, тогда садись на этот трон».

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТОЙ СТАТУИ

Когда в благоприятный момент царь снова хотел сесть на трон, другая статуя проговорила: «О царь, пусть тот сядет на трон, кто своим великодушием подобен Викраме». Царь сказал: «Статуя, расскажи историю о великодушии этого Викрамы». Статуя сказала:

«О царь, слушай.

Когда Викрама царствовал, на всей земле не было ни одного злодея, предателя, разбойника или преступника.

Если царь все время обеспокоен состоянием царства и изыскивает средства для победы над своими врагами, еще более могущественными, чем он, то от этих забот он не спит ни днем ни ночью. Сказано ведь:

Для того, кого мучит корыстолюбие, не существует ни родителей, ни родственников; для того, кого мучит любовь,— ни страха, ни стыда; для того, кого мучит забота,— ни счастья, ни сна; для того, кого мучит голод,— ни вкуса, ни запаха пищи.

Но царь Викрама был не таков; к своим ногам-лotosам он поверг всех враждовавших с ним князей и царствовал, не зная нарушений своей воли. Сказано ведь:

Царский сан дает возможность властвовать, аскетизм — вести воздержанный образ жизни, учение — много знать, а богатство — дарить и наслаждаться.

Однажды царь переложил бремя царствования на своих министров, а сам в одежде аскета ушел на чужбину. Там, где ему нравилось, он останавливался на несколько дней, а там, где он мог увидеть что-либо замечательное, он даже жил некоторое время. Так путешествуя, он однажды оказался в густом лесу. Зашло солнце. Царь присел у подножья одного из деревьев. На вершине этого дерева жил престарелый птичий царь по имени Чирамдживин. Его дети и внуки по утрам разлетались в разные стороны и, насытив самих себя, вечером всегда возвращались и приносили для престарелого Чирамдживина каждый по одному плоду. Правильно ведь говорят:

Должно опекать престарелых родителей, добрую жену и малолетнего сына, даже если они виновны в сотне грехов,— так сказал Ману.

И вот ночью Чирамдживин, удобно усевшись, стал расспрашивать птиц (а царь у подножья все слышит): «Дети, видели ли вы что-нибудь необыкновенное, когда летали в разные страны?» Тут одна птица сказала: «Ничего чудесного я не видела; но великая печаль у меня сегодня на сердце». Чирамдживин сказал: «Так расскажи, отчего эта печаль». — «Что пользы в пустом рассказе?» — воскликнула птица. «Дитя мое, — ответил Чирамдживин, —

если кто грустен, пусть расскажет о своих горестях другу — и грусть пройдет. Так ведь сказано:

Кто расскажет о своем горе верному другу, добродетельному слуге, послушной жене или любящему господину, тот утешится».

Услышав эти слова, птица начала рассказывать о своей печали:

«Ох, отец, послушай. Есть в северной стране гора под названием Шайвалагхоша; вблизи этой горы есть город Палаша. На горе живет пекий ракшаса. Каждый день он приходит в город и всякого, кто попадется ему навстречу, силой уносит на гору и там съедает.

Однажды жители этого города сказали ему: «О Бакасура, не ешь людей без разбору, кто бы тебе ни встретился. Мы сами тебе ежедневно будем давать на съедение по человеку». Ракшаса согласился. И с тех пор люди ежедневно выдают ему одного человека из каждого дома по очереди. Так прошло уже много времени. Сегодня настала очередь одного брахмана, моего друга по прежнему рождению. А у него только один сын. Если он отдаст этого сына, прервется его род; если же он пойдет сам, его жена будет вдовой, а вдовство — большое зло. И вот из-за их несчастья стал несчастен и я. Это и есть причина моей печали».

Выслушав его рассказ, все птицы, которые сидели вокруг, сказали: «Да, он настоящий друг, раз сам несчастен, когда несчастен приятель. В этом и состоит истинная дружба. Сказано ведь:

Друг тот, кто счастлив, когда счастлив его друг, и печален, когда тот печален. Океан разливается от радости, когда восходит месяц, и уходит в свои берега, когда тот заходит.

А также:

Сначала молоко смешивают с водой, и оно передает воде все свои превосходные качества; затем молоко кипит, и вода, заметив его мучения, приносит себя в жертву на огне; наконец молоко, видя несчастье друга, само бурно заливает огонь и, лишь соединившись с водой, успокаивается. Такова поистине дружба благородных».

Услышав разговор птиц, царь пошел туда, где находился этот город. Там он увидел камень, предназначенный для жертв ракшасы, искупался в озере, которое было по-

близости, и присел на этот камень. В этот момент появился ракшаса. Он увидел улыбающееся лицо царя и в изумлении сказал ему: «Эй, добрый человек; откуда ты пришел? Те, кого ежедневно сажают на этот камень, еще до моего прихода умирают от страха. Ты же — человек великого мужества, раз на лице твоём улыбка. У того, чей час смерти близок, все силы приходят в полный упадок. А ты сияешь красотой и смеешься. Так скажи же: кто ты?» Царь сказал: «Ракшаса, к чему эти разговоры? Ради блага других жертвую я своим телом. Делай то, что задумал». Ракшаса подумал про себя: «Вот благородный человек: он пренебрег стремлением к собственному счастью и страдает страданиями других людей. Сказано ведь:

Те люди благородны, которые отказались от поисков собственного счастья и стремятся к счастью для всех живых существ, которые искренне страдают страданиями остальных людей».

И он сказал царю: «Герой, раз ты жертвуешь своим телом ради других людей, жизнь твоя достойна славы. Ибо:

Это и звери так живут — только бы набить собственное брюхо; лишь у того жизнь достойна славы, кто живет ради других.

Не удивительно, что подобные тебе делают добро другим людям. Сказано ведь:

Что удивительного, если благородные люди стремятся делать добро другим? Ведь и сандаловые деревья рождаются не для того, чтобы дарить прохладу самим себе.

И еще: добрый человек, твои благодеяния и тебе самому дают всю полноту счастья. Так ведь сказано:

Тот человек, который ставит себе целью здесь, на земле, делать добро людям, достигает счастья и становится первым из первых.

А также:

Те, кто находят радость в благодеяниях и лишь для одних себя не желают и небесного блаженства, такие благородные люди рождаются на земле на благо всего мира».

Так сказав, он снова обратился к царю: «Добрый человек, я доволен тобой, выбирай дар». Царь сказал: «Рак-

паса, если ты доволен мной, то отныне перестань пожирать людей. И еще: я хочу дать тебе наставление; выслушай его:

Как нам дорога собственная жизнь, так же она дорога и для всех живых существ; поэтому разумные люди должны оберегать все живое от страха смерти.

А также:

В этом страшном океане сменяющих друг друга жизней люди все время страдают от зла рождений, смертей и старости, потому что они боятся смерти.

«Я умру» — какое страдание причиняет человеку эта мысль! Кто понимает это, должен щадить даже врага.

И еще:

Как тебе дорога твоя жизнь, так же дорога она и другим существам; как ты бережешь собственную жизнь, так же береги и жизнь других людей».

Выслушав это наставление царя, ракшаса с тех пор перестал убивать живые существа. А царь Викрама возвратился в свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю Бходже: «О царь, если свойственны тебе такие же великодушные, самоотверженные и другие добродетели, тогда садись на этот трон». Услышав рассказ, царь молчал.

ИСТОРИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ СТАТУИ

Когда же царь снова захотел взойти на трон, другая статуя сказала: «О царь, лишь тот, чье великодушие и остальные добродетели подобны добродетелям царя Викрамы, достоин сесть на этот трон — и никто иной». Царь попросил: «Расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Однажды царь Викрама, желая посмотреть, что и где есть на земле чудесного, повидать благочестивых людей, посетить священные места и храмы, путешествовал в одежде аскета. И вот он пришел в один город. Вблизи этого города был лес для покаяния, а в этом лесу большой храм Джагадамбики. Рядом с храмом текла река. Когда царь искупался в этой реке, почтил богиню и вошел в храм, к нему подошел некий аскет по имени Авадхутаваса. Царь

приветствовал его, услышал в ответ: «Будь счастлив», — и они оба уселись в храме. Аскет спросил: «Откуда ты изволишь идти?» — «Я странник, — ответил царь, — и хочу совершить паломничество». — «Нет, — сказал аскет, — на самом деле ты царь Викрамарка, я видел тебя однажды в Удджайини и поэтому знаю. Зачем ты явился сюда?» — «Аскет, — ответил царь, — я думаю, что, странствуя по земле, можно увидеть разные чудеса, встретиться с мудрыми и благочестивыми людьми». — «О царь, — сказал аскет, — как же ты ушел на чужбину и бесечно покинул свое царство? А если как раз в это время случится измена, что будешь делать?» Царь ответил: «Прежде чем уйти, я все заботы о царстве возложил на своих министров». Авадхутава са сказал: «О царь, этим ты нарушил правила пити. Сказано ведь:

Те цари, которые всецело и беззаботно отдаются удовольствиям, а бремя царствования поручают своим слугам, — глупцы; они спят, поставив кувшин с молоком перед стаей кошек.

И сие: нельзя быть безразличным к тому, что ты не правишь своим царством. Даже если это случилось, власть снова следует крепко взять в руки. Так ведь сказано:

Крепко, как держат голову кобры, держи при себе землю, знания, купца, жену, свои деньги и судьбу царства.

Выслушав это, царь ответил: «Нет, аскет, все это бесполезно; одна лишь судьба здесь всемогуща. Пусть человек держит крепко в своих руках царство, пусть у него вся полнота власти, пусть даже он паделен мужеством героя, все равно он погибнет, если судьба к нему неблагоприятна. Так ведь сказано:

Хотя у Индры наставник Брихаспати, оружие — гром и молнии, воины — боги, крепость — небо, помощник — Хари, боевой слон — Айравана, да и сам он наделен чудесной силой, все же его разбили в битве могучие враги. Так разве не милостивая судьба — единственная нам защита? Увы, увы, сама по себе доблесть бессильна.

А также:

Ни красота, ни знатное происхождение, ни добрый нрав, ни даже знания или усердные труды не приносят пользы. Лишь счастливая судьба, которой можно добиться, совершив покаяние, со временем, подобно дереву, принесет человеку свои плоды.

И еще сказано:

О мою грудь в битве согнулись палицы — бивни слона Акхандалы, притупилось и сломалось лезвие топора Пинакапапи, а теперь ее разрывают когти Нарасинхи. Когда судьба покровительствует слабому, даже трава в его руках передко становится молнией.

И так:

Вот баньяновое дерево и пять якшей на нем, которые дают и отнимают. Кинь кости, добрый человек; что должно быть, то и будет».

Аскет спросил: «О чем это?» Царь сказал:

«В северной стране есть город под названием Нандивардхана. В нем правил царь, которого звали Раджашекхара. Он посвятил свою жизнь служению богам и дважды рожденным и был в высшей степени благочестивым человеком. Однажды его родственники объединились друг с другом, вступили с ним в битву, захватили царство, а его вместе с женой изгнали. И вот этот царь с женой и сыном ушел на чужбину и попал в лес невдалеке от одного города. Вскоре зашло солнце. Царь, его жена и сын подошли к баньяновому дереву и сели у его подножья. На этом дереве жили пять птиц. Птицы разговаривали друг с другом, и одна из них сказала: «В этом городе умер царь. У него нет потомства. Кто же теперь станет царем?» Другая ответила: «Тот царь, который сидит у подножья этого дерева, получит царство». — «Да будет так!» — сказали остальные птицы. А царь слышал их разговор.

Вскоре взошло солнце, и все люди принялись за свои дела. Царь совершил утренний обряд и воздал хвалу солнцу:

«Слава юному Савитару, светочу мира, благодаря которому распускаются цветы лотоса, источнику красоты, разрушителю мрака, исполнителю желаний преданных ему существ».

Так почтив солнце, царь направился в город. И тут его увидел слон, увенчанный гирляндой из цветов, которого министры послали искать нового царя. Слон надел гирлянду на шею Раджашекхаре, посадил его себе на спину и отвез во дворец. Затем собрались министры, совершили над Раджашекхарой обряд помазания и посадили его царем на царство.

Через некоторое время все враждебные князья объединились и осадили город, чтобы низвергнуть Раджашекхару. А царь в это время играл со своей царицей в кости. «Господин мой,— сказала царица,— отчего ты бездействуешь? Князья, наши враги, осадили город, на рассвете они захватят и его, и нас вместе с ним. Не так ли обстоит дело? Так нужно же принять какие-то меры». Царь ответил: «Неразумная, к чему заботы? Если судьба к нам благосклонна, все само собой устроится; если неблагоприятна, само собой погибнет. Разве ты не убедилась в этом? Судьба — и ничто иное — главная причина и счастья и гибели. Сказано ведь:

Когда змея потеряла всякую надежду и ослабела от голода, а ее тело было сдавлено внутри корзины, к пей в рот влезла мышь, которая ночью прогрызла в корзинке дырку; змея насытилась ее мясом, немедленно уползла через ту же дырку и тем самым спаслась. Лишь судьба — главная причина и счастья и гибели.

И еще:

Беззащитный держится, если его защищает судьба, а хорошо защищенный гибнет, если судьба его преследует. Беспомощный, покинутый в лесу человек выживает, а все предусмотревший умирает в собственном доме.

Тот, кто дал мне царство, когда я был у подножья дерева, сам обо всем позаботится». Тогда то божество подумало: «Да, этот царь доверяет мне и вручает мне заботу о царстве. Если я теперь не постараюсь помочь ему, на меня падет большая вина». И божество, приняв грозный облик, перебило всех князей-неприятелей. С этих пор царь Раджашекхара царствовал, не ведая врагов».

Вот история, рассказанная Викрамой.

Выслушав его, аскет был очень доволен, дал царю кашмирскую лингу и промолвил: «О царь, эта кашмирская линга, подобно камню, исполняющему желания, дает все, что только захочешь; обходись с ней бережно». — «Хорошо», — сказал царь, поклонился аскету и пошел в город. По дороге ему встретился некий брахман.

«Пусть хранит вас мать, рожденная от Гири, сын, имеющий двенадцать глаз, и зять Гири, у которого три глаза», —

так он благословил царя и сказал: «О царь, я взял на себя обет в честь линги Шивы; но по дороге линга у меня пропала. Три дня я уже соблюдаю пост; дай мне поэтому

свою лингу, чтобы я мог кончить свой пост». Выслушав его, царь дал брахману кашмирскую лингу и возвратился к свой город».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «О царь, если есть у тебя такое же великодушие и другие добродетели, тогда садись на этот трон».

Услышав рассказ, царь молчал.

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ СТАТУИ

Когда же царь снова хотел сесть на трон, другая статуя проговорила: «О царь, у кого есть великодушие и другие добродетели Викрамы, тот достоин сесть на этот трон, и никто иной». Царь попросил: «Статуя, расскажи историю о его великодушии». Статуя сказала:

«Слушай, царь.

В царстве Викрамадитьи был город под названием Пурандарапури. Там жил один очень богатый купец. У него было четверо сыновей. Прошло много времени, и вот этот старый и больной купец позвал в час своей смерти четырех сыновей и сказал им: «Дети, после того как я умру, будете вы жить все четверо вместе или нет, когда-нибудь да возникнет у вас распря. Поэтому я еще при жизни разделил между вами в порядке старшинства свое имущество. Здесь, под четырьмя ножками кровати, я зарыл четыре доли наследства; возьмите их по очереди: от старшего к младшему». Сыновья согласились так сделать. Затем отец отошел в загробный мир, и четверо братьев жили вместе целый месяц.

Вскоре, однако, их жены стали ссориться друг с другом. Тогда они подумали: «К чему эти ссоры? Наш отец еще при жизни разделил имущество на четыре части. Если мы возьмем наши доли в наследстве, которые находятся под этой кроватью, и распределим их между собой, мы будем жить в мире». Так сговорившись, они разрыли под кроватью землю и под четырьмя ножками обнаружили четыре медные чаши. Внутри одной из чаш была глина, в другой — уголь, в третьей — кости, а в четвертой — солома. Увидев все это, четверо братьев удивились и сказали друг другу: «Увы! Наш отец, конечно, произвел раздел, но кто поймет его суть?»

Так сказав, они направились в суд и рассказали там всю историю, но судьи не знали, как разделить наследство. Снова и снова в самых разных городах, где только имелись ученые люди, рассказывали четверо братьев свою историю, однако даже ученые не находили решения. Однажды они пришли в Удджайини, явились на царский двор и рассказали историю о наследстве царю и его советникам, но ни царь, ни советники не поняли смысла раздела. Вскоре после этого они зашли как-то раз в город Пратиштхану и поведали все тамошним знатым людям, но и те не знали решения.

В то время Шаливахана жил в доме гончара; он услышал эту историю, пришел к знатым людям и говорит: «Почтенные, что здесь непонятного, что странного? Как же вы не понимаете смысла раздела?» Те сказали: «Дитя, для нас это в диковину, и мы ничего не понимаем. Если ты знаешь, скажи, как разделить наследство». Шаливахана сказал: «Эти четверо — сыновья одного богатого человека. Еще при жизни их отец произвел раздел имущества в порядке старшинства: от старшего к младшему. А именно: старшему он дал глину, то есть дал всю землю, которую имел; второму дал солому, то есть весь хлеб; третьему дал кости, то есть весь скот; четвертому дал уголь, то есть все золото». Так Шаливахана решил, как разделить между ними наследство. И они, довольные, возвратились в свой город.

Царь Викрама, услышав об этом решении, был весьма поражен и послал в город Пратиштхану письмо следующего содержания: «Привет знатым людям, живущим в городе Пратиштхане, усердным в исполнении шести обязанностей: принесении жертв за себя и за других, изучении священных текстов и обучении им, распределении и получении даров; людям, которые посредством умерщвления плоти, самоограничения и иными аскетическими упражнениями ревностно служат добродетели. Царь Викрама спрашивает о вашем здоровье и говорит: пусть будет прислан к нам тот, кто в вашем городе решил, как разделить наследство между четырьмя братьями». Знатные люди прочтали письмо, присланное царем, и позвав Шаливахану, сказали ему: «Шаливахана, царь Удджайини Викрама, владыка владык и царь царей, повергший к своим ногам царей-соперников, древо желаний для всех просителей, призывает тебя к себе. Ступай к нему». Шали-

вахана ответил: «Кто такой царь Викрама? Он зовет, а я не пойду. У меня к нему нет никакого дела». Выслушав его, знатные люди послали царю ответное письмо: «Он не идет».

Когда царь услышал то, что было написано в письме, его охватило пламя гнева: он выступил во главе войска, состоящего из восемнадцати акшаухини, подошел к городу Пратиштхане, окружил его и послал к Шаливахане послов. Послы, придя к Шаливахане, сказали: «Шаливахана, владыка всех царей, царь Викрама, велел позвать тебя. Поэтому ступай и повидайся с ним». Шаливахана ответил: «Послы, один я не пойду к царю. На поле битвы в окружении четырехчленного войска свижусь я с Викрамой. Так вы и скажите царю». Выслушав его, послы обо всем доложили царю.

Когда царь Викрама услышал ответ Шаливаханы, он вышел в поле для битвы. А Шаливахана взял в доме гончара глины, вылепил из нее слонов, лошадей, колесницы и пехотинцев, оживил их при помощи заклинания и с четырехчленным войском вышел из города и направился к полю сражения. В тот момент, когда выступили оба войска,

Горизонт разломился от страха, в смятении заволновалось море; под землей затрепетал царь змей, заколебались горы; заметалась земля, и змеи выпустили необычайное количество яда; все задрожало, когда выступило царское войско.

Войско сияло красотой от бесчисленного множества коней, в беге подобных ветру, и отрядов пылких слонов; все небо было покрыто знаменами, султанами, флагами, а три мира наполнены гулками звуками барабанов, тимпанов и литавр.

Воздух был полон густой пыли, которая поднималась из-под ног лошадей, все пространство было покрыто царскими зонтами, а земля — воинами; из-за грохота боевых колесниц уши не различали даже грома барабанов. Так выступило войско, и крики воинов внушали ужас.

И вот сошлись та и другая армии. В это время:

Палицами, стрелами, мечами, боевыми ножами и молотами, булавами, дротиками с наконечниками в виде полумесяца, железными стрелами, копьями, дубинками с зубьями, пиками, кинжалами, трезубцами, победопосным оружием богов: чакрами, ваджрами и другими его видами — так начали биться друг с другом храбрые воины, когда сошлись обе армии.

В этой битве:

Одни воины умирают, бездыханными пав на поле битвы; другие теряют сознание, но собственными силами встают и занимают место в строю; просветленные, с громким смехом отбросив прочь низкие помышления о самих себе, они бросаются вперед, победив страх смерти, равнодушные к своему телу.

Одни трепещут в ужасе перед битвой с врагами, другие, чье тело — сплошная рана, умирают и становятся возлюбленными небесных дев; третьи, хотя они ранены врагами в живот и их внутренности вываливаются наружу, хотя их тело иссечено и изрублено, с непоколебимым мужеством, бесстрашно вступают в бой с неприятелем.

В битве ножи и иное оружие врагов блестело как море; каждая грудa волос, сухожилий, голов и внутренностей казалась подобной горе Шайвале; среди этого океана людей трупы павших благородных слонов казались призраками, а кости, плававшие в крови, — морскими раковинами.

Разгорелась великая битва, и Викрамарка в конце концов уничтожил войско Шаливаханы. Отчаявшись было, Шаливахана припомнил совет своего отца: «В час нужды вспомни обо мне», — и мысленно призвал своего отца, владыку змей Шешу. Шеша выслал всех своих змей, и они покусали все войско Викрамадиты, так что воины его, оцепенев от яда, пали на поле битвы.

После этого царь Викрама в одиночестве возвратился в свой город. Чтобы оживить свое войско, он в течение целого года простоял по пояс в воде и возносил моления Васуки. Наконец, Васуки стал милостив к нему и сказал: «О царь, выбирай дар». Царь ответил: «О царь змей, если ты умилился, дай мне кувшин амриты, чтобы я оживил свое войско, оцепеневшее от действия змеиного яда». Васуки дал ему кувшин амриты, и царь тронулся с ним в путь. По дороге ему встретился некий брахман.

«Пусть хранит вас жезлообразный клык Хари в обличье веоря; на этом клыке земля прекрасна, как зонт, с Гималаями в виде набалдашника», —

так благословил его брахман. Тогда царь спросил: «Брахман, откуда ты идешь?» — «Из города Пратиштханы», — ответил брахман. «Что ты хочешь мне сказать?» — спросил царь. Брахман сказал: «Почтенный, ты камешь желаний для всех просителей, ибо в состоянии дать все, что бы кто ни пожелал. Хочу и я получить одну вещь. Если ты

мне ее дашь, я скажу, какую именно». Царь сказал: «Я дам тебе то, что ты просишь». — «Дай мне кувшин с амритой», — попросил брахман. «Кто послал тебя?» — спросил царь. Брахман ответил: «Меня послал Шаливаха-на». Услышав этот ответ, царь подумал: «Сначала я сказал ему: «Я дам». Если теперь я не дам, на мне будет позор и грех. Поэтому мне непременно следует дать». Брахман сказал: «О царь, о чем тебе думать? Ты — добродетельный человек, а добродетельный человек не берет своих слов обратно. Так ведь сказано:

Даже если солнце взойдет в западной части неба, если начнет двигаться гора Меру, а огонь станет холодным, даже если лотос расцветет на скалистой вершине, добродетельные люди не возьмут своих слов обратно.

А также:

Несомненно, что и сегодня Хара не избегнет яда калаку-ты, черепаха, конечно, будет держать на спине землю, океан — страдать от пестернимо жаркого подводного огня, а добродетельные — соблюдать данное слово».

Царь сказал: «Ты говоришь правильно. Возьми кувшин с амритой». И он отдал ему кувшин. Брахман, прославляя царя, пошел к себе домой, а царь возвратился в Удджайини».

Рассказав этот рассказ, статуя сказала царю: «О царь, если свойственно тебе такое же великодушие, тогда сядь на этот трон». Услышав рассказ, царь молчал.

ЭПИЛОГ

Снова статуя сказала царю Бходже: «О царь Бходжа, таков царь Викрамадитья. Но и ты не обыкновенный человек. Вы оба — воплощенные Нара и Нараяна. В нынешнее время нет царя, равного тебе по благородству образа жизни, изощренности во всех искусствах; никто так, как ты, не отличается великодушием и остальными добродетелями. Благодаря тебе мы, тридцать две статуи, избавились от злой участи, освободились от проклятия». Бходжа сказал: «А что за проклятие было на вас? Расскажите, в чем его причина». В ответ на это статуя рассказала:

«Царь, слушай.

Мы тридцать две небесные девы, подруги Парвати, и

она была к нам очень расположена. Выслушай все наши имена по порядку: Сукеши, Прабхавати, Супрабха, Индрасена, Анапгаджая, Индумати, Куранганаяна, Лаваньявати, Камакарика, Чандрика, Видьядхари, Прабодхавати, Нирупама, Харимадхья, Маданасундари, Виласарасика, Маяматхадживини, Ратплила, Маданавати, Читрарекха, Суратагахвара, Приядаршана, Камонмадини, Чандрарекха, Хансапрабодха, Камашаронмадини, Сукхасагара, Маданамохини, Чавдрамукхи, Лаваньялахари, Маралагамана, Джаганмохини. Однажды мы сидели у трона Анаргхи. Парамешвара бросил на нас взгляд, полный любви. Увидев это, богиня Парвати гневно прокляла нас: «Будьте безжизненными статуями, поддерживающими трон Индры». Тут мы, упав ей в ноги, стали молить положить предел проклятию. Тогда богиня, у которой сердце смягчилось от жалости, сказала: «Викрамадитья возьмет этот трон на землю и будет царствовать на нем много лет. После его смерти этот трон будет зарыт в священной земле. Затем он попадет в руки царя Бходжи. Когда тот возьмет его в город, поставит его там и попытается взойти на него, вы вступите с ним в беседу. Вы расскажете Бходже о подвигах Викрамарки, и тогда наступит конец проклятию». Вот поэтому мы довольны тобой. Выбирай дар». Царь Бходжа сказал: «Чего мне недостает? Я имею все, в чем нуждаюсь. Но ради других людей я попрошу кое о чем. Пусть у тех смертных, которые станут слушать или рассказывать «Жизнь Викрамарки», возрастут смелость, сила, слава, мужество, великодушие и другие достоинства. Пусть эта книга будет вечно и нерушимо пребывать на земле. Пусть у ее слушателей не будет страха перед духами, привидениями, пишачами, шакинями, дакинями, моровой язвой, ракшасами и прочими демонами. Пусть они не боятся змей и иных тварей». Статуи ответили: «О царь Бходжа, да будет так, как ты просишь».

Исполнив его желание, они удалились к себе домой. А царь Бходжа установил этот трон на постамент, украшенный отборным золотом и девятью безупречными драгоценными камнями, водрузил на постаменте статую Махешвары, совершил в честь бога и трона церемонию из шестнадцати частей и царствовал на этом троне над землей, согласно со своим долгом, оказывая покровительство всем варнам и ашрамам.

Видьяпати
ПУРУШАПАРИКША
Испытание человека
ВСТУПЛЕНИЕ

Перед той, которую даже Брахма, чтимый богами, чтит,
которую, боготворимый, боготворит Шива, луной увенчанный,
Которую созерцает Вишну, созерцаемый святыми подвижниками,
перед той изначальной Шакти я простираюсь.

Среди героев — превозносимый, среди мудрых — мудрейший,
среди ученых достойный называться первым,
Сын хранителя земли Шри Дэвасинхи,
да благоденствует божественный Шри Шивасинха!

Чтобы наставить в жизненной мудрости юношей неискушенных
И порадовать горожанок, преданных искусству бога любви,
По указанию владыки земли Шивасинхи
Поэт Видьяпати сочиняет эти истории.

Ради умного смысла искусно составленных слов
или чтобы вкусить усладу забавных рассказов,
Даже мудрец, изощрением ум прояснивший,
разве не обратит свой слух к моему сочинению?

Здесь пойдет речь об испытаниях,
в которых познается человек,
Поэтому «Испытание человека»
будет интересно для всех.

В городе Чандратапа правил раджа по имени Паравара, и к подножию его трона склоняли свои короны тысячи царей, владения которых простирались до самого океана. У раджи была единственная дочь по имени Падмавати, наделенная безупречной красотой и всеми признаками благородства. Увидев, что Падмавати вскоре станет с детством, раджа стал думать о подыскании ей жениха, равного ей по достоинствам и происхождению.

Даже если человек честен в своих делах
и живет лишь праведно нажитым богатством,
Даже если он хорошо питается, здоров,
а также чужд гнева и прочих пороков,
Даже если он мудр и независим,
сердце его переполняется тревогой,
Когда он начинает искать для дочери
подходящего и достойного жениха.

Поэтому раджа обратился за советом к мудрецу по имени Субуддхи. Ведь известно:

Не следует принимать решение в одиночку,
если задумано важное дело;
Даже умный человек
может совершать ошибки и заблуждаться.

Царь сказал: «О мудрый Субуддхи! Вот моя дочь Падмавати. Посоветуй, за кого мне следует выдать ее замуж». Мудрец сказал: «О раджа! Выдай ее замуж за человека!» Раджа сказал: «А разве нечеловек может быть мужем женщины?» Мудрец сказал: «На свете есть много таких людей, которые люди лишь по своему внешнему облику. Поэтому я и говорю: отвергни этих человекоподобных и выдай дочь замуж за настоящего человека.

Человекоподобных — много,
настоящий человек — редкость,
Его можно распознать
по определенным признакам.

Герой, мудрец и умелец — вот люди,
достигающие четырех целей человеческого существования;
Все прочие — человекоподобные,
животные без хвостов».

Раджа спросил: «А какими признаками обладает герой?» Мудрец ответил:

«Герой — это тот, кто наделен силой,
а также мужеством и разумом,
Он украшает родительский род,
где бы ему ни случилось родиться.

Мужество — это бесстрашие,
разум — это понимание добра и зла,
Сила — это способность к действию,
герой — кто совмещает в себе эти три достоинства.

Герои бывают четырех видов: герои великодушные, герои сострадательные, герои воинственные и герои правдивые. Например:

Великодушный герой — Харитчандра,
сострадательный герой — Шиби,
Воинственный герой — Арджуна,
правдивый герой — Юдхистхира».

Раджа сказал: «О мудрый Субуддхи! Это ведь все герои другого времени. В наш век, в кали-югу, они не могут служить образцами для подражания.

Нам слава героев былых	не может служить примером,
Из-за различий времен	не пригодны их идеалы:
Не тот уже ум у людей,	не та теперь сила в теле,
Не то совсем естество	у рожденных в нашу эпоху.

Поэтому, досточтимый Субуддхи, объясни мне, что такое герой, рассказами о людях, родившихся в кали-юге». Субуддхи согласился:

«О раджах и героях сатья-юги,
трета-юги и двапара-юги
Давно уже рассказывают мудрые —
поэтому я расскажу о людях кали-юги».

1. РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

Рассказ второй — о сострадательном герое

Сострадательный человек — лучший из лучших,
он приходит на помощь всем живым существам;
Одно лишь прославление его имени
приносит счастье.

Есть на берегу реки Калинди город по имени Йогинипура. Там правил раджа яванов по имени Аллавадина. Однажды он по какой-то причине разгневался на своего

полководца Махима-сахи. Тот, зная жестокий нрав своего владыки, подумал: «Нельзя верить свою судьбу разгневанному радже, ибо сказано:

Раджам, клеветникам и змеям
ни в чем не стоит доверять:
Они оказывают уважение —
п неожиданно губят.

Поэтому, пока я еще свободен в своих поступках, я должен бежать и спасти свою жизнь».

Решив так, он пустился в бегство вместе с семьей. Но вскоре он понял, что с семьей ему далеко не уйти. А бросить семью и бежать одному — невозможно:

Кто ради спасения своей жизни
бросает родных и скрывается в далеких краях,
Тот будто уходит в другой мир,—
что толку в том, что он жив?!

И Махима-сахи решил прибегнуть к помощи Хамбира-дэвы, сострадательного героя. Он пришел к Хамбира-дэве и сказал:

«О владыка! Мой господин хочет меня убить, хотя нет за мною никакой вины,— и вот я ищу у тебя убежища. Если можешь, защити меня. Если не можешь, я пойду искать убежища где-нибудь еще».

Раджа сказал: «О явана! Пока я жив, тебе, прибежавшему к моей защите, не то что твой господин, сам Яма не причинит вреда. Оставайся здесь без опасения!» И положившись на слово раджи, Махима-сахи, успокоенный, поселился в крепости Ранастамбха.

Аллавадина, раджа яванов, узнав, что Махима-сахи укрылся у Хамбира-дэвы, страшно разгневался. Сотрясая землю тяжелой поступью боевых слонов, конницы и пехоты, оглашая стороны света грохотом боевых барабанов, он в несколько дней преодолел со своей армией расстояние до Ранастамбхи и, подойдя к воротам крепости, обрушил на нее потоки стрел, мощные, как ливни, сокрушающие мир. Но крепость Хамбира-дэвы была неприступна: с четырех сторон ее опоясывал глубокий ров, частоколом копий щетинились высокие стены, знамена приумножали величие крепостных ворот — и стрелы, вылетающие с оглушительным звоном, затмевали собою сферу небес.

После первого столкновения раджа яванов направил к Хамбира-дэве посла. Посол сказал: «О раджа Хамбира! Верховный владыка яванов, благословенный Аллавадица повелевает тебе выдать преступника Махима-сахи. Если же ты его не выдашь, то завтрашним утром твоя крепость будет сокрушена копытами наших коней, а сам ты вместе с Махима-сахи отправишься в обитель смерти».

Хамбира-дэва сказал: «О посол! Ты неприкосновенен, тебе я ничего не сделаю. Но твоему господину я отвечу не словами, а лезвиями мечей. Что мне раджа яванов?! Сам Яма не смеет взглянуть с угрозой на того, кому я предоставил убежище!»

Когда посол вернулся со столь грозным ответом, раджа яванов был взбешен, тут же возобновил битву — и две армии воевали между собой целых три года, то наступая, то отступая, то убивая, то погибая, то побеждая, то терпя поражения. Наконец, когда от его войска осталась лишь половина, и видя, что он не в силах взять крепость, раджа яванов стал думать уже о возвращении домой. Но заметив, что его замыслы терпят неудачу, два подлых министра Хамбира-дэвы, Раямалла и Рамапала, перебежали на сторону раджи яванов. Они сказали: «О раджа яванов! Вам не следует отступать! Крепость охвачена голодом. Нам хорошо известно ее состояние: завтра или послезавтра крепость будет в ваших руках». Раджа яванов наградил подлых министров и велел преградить все выходы из крепости.

Увидев, в каком он положении, Хамбира-дэва обратился к своим воинам с речью: «О мои воины! Ты, Джаджа-дэва, и все другие! Хотя войск у меня мало, я собираюсь атаковать превосходящие силы яванов из сострадания к тем, кто прибегнул к моей защите. Знатоки военного дела не согласились бы с моим решением. Поэтому вы все можете оставить меня и уйти из крепости куда хотите».

Воины сказали: «Если наш раджа, воитель без страха и упрека, готов принять смерть на поле боя из сострадания к явану, прибегнувшему к его защите, то разве можем мы, обязанные ему всем, оставить теперь нашего господина и ступить на стезю низости и трусости? Нет! Завтра утром мы обрушимся на врага и исполним волю нашего владыки. А этому явану вели лучше уйти из крепости — и тем ты спасешь его. Ведь ради его спасения и началась эта война».

Явана сказал: «О владыка! Зачем тебе губить свой род и свое царство ради меня, чужака?! Выдай меня Аллавадину!»

Раджа сказал: «О явана! Не говори так!

Если ценою бrenного тела
вечную славу
Можно приобрести,
кто способен от этого отказаться?

А тебя, если хочешь, я могу переправить в безопасное место».

Явана сказал: «Не говори так! Я первым опущу свой меч на голову врага. Однако ваших женщин действительно следует переправить в безопасное место».

Женщины сказали: «Если наши владыки ради защиты тех, кто нашел у них убежище, идут на бой — этот великий праздник восхождения на небо, то как же мы можем остаться без них на земле? Верно говорят:

Не жить женщинам без мужей,
как без деревьев не жить лианам;
В этом мире души преданных жен
следуют за душами своих мужей.

Поэтому мы совершим обряд вхождения в огонь, как и подобает женам героев. Ибо:

Если раджа Хамбира-дэва
отдает свою жизнь ради других,
То воины его идут на бой,
а женщины — в огонь!»

И вот на заре Хамбира-дэва, в полном вооружении, верхом на коне, выступил с войском из крепости. Ударами своего меча он сокрушал вражеских всадников, наносил раны слонам, расшивывал пехотинцев, сеял ужас, заставлял плясать трупы обезглавленных воинов и окрасил всю землю окрест потоками крови. Стрелы истерзали сплошь его тело, и он, все еще сидя верхом на коне, расстался с жизнью, а потом упал ничком на поле брани, и душа его стала частицей солнца.

Несравненные дворцы, прекрасных юных жен,
Процветающее царство, слонов и коней —
То, чем никто бы не пожертвовал ради чужого, —
Все это отверг и — увы! — в битве погиб Хамбира-дэва.

*На этом кончается рассказ
о сострадательном герое.*

Человек века кали, оскверненный любострастием и другими пороками,
пусть даже он лжив,
Выслушав рассказ о правдивом герое,
освобождается от всякой скверны.

В городе Хастинапуре правил некогда владыка яванов по имени Махамада. Под властью его была земля до самого океана, и Кафара-раджа, не в силах стерпеть такого величия, пошел на него войною, собрав все свои полчища. Узнав об этом, владыка яванов выступил из своей столицы, окруженный многими сотнями тысяч всадников, и принял вызов на битву. В битве между ними более могучая армия Кафара-раджи сокрушила силы яванов, и они обратились в бегство. Увидев, что его воины бегут, будто стадо слонов, испугавшихся льва, владыка яванов воскликнул: «О гордость моей армии, о раджи и раджпуты! Неужели среди вас нет ни одного, кто силой своей мог бы остановить сейчас моих воинов, гонимых страхом?!»

Услышав эти слова владыки яванов, два юных принца — Нарасинха-дэва из Карнатакского рода и Чачика-дэва из рода Чауханов — сказали: «О раджа! Кто может удержать теперь охваченную паникой армию, подобную воде, низринувшейся с высоты?! Но подожди немного — и мы отрубим своими мечами голову твоего врага!» Владыка яванов сказал: «Прекрасно, принцы, прекрасно! Кто бы еще, кроме вас, осмелился на такое!»

И вот Нарасинха-дэва, горя воодушевлением, повернул своего коня и, подгоняя его ударами хлыста, резкими, как удары грома, внезапно ворвался в ряды врага. Пробившись к Кафара-радже, который восседал под белым зонтом и уже торжествовал свою победу, Нарасинха-дэва пронзил его копьем в сердце. Кафара-раджа бездыханным упал на землю. Чачика-дэва, подлетев на своем коне, отрубил голову Кафара-раджи и привез ее владыке яванов. Тот спросил: «Чья это голова?» Чачика-дэва ответил: «Кафара-раджи». Владыка яванов спросил: «Кто убил его?» Чачика-дэва ответил: «Его убил Нарасинха-дэва, доблестью подобный Арджуне. А я, придя вослед, отрубил Кафара-радже голову». Владыка яванов спросил: «Где же Нарасинха-дэва?» Чачика-дэва ответил: «Я видел, как на него напало множество рассвирепевших воинов Кафа-

ра-раджи, жаждущих отомстить за гибель своего властелина. Что с ним стало потом и где он теперь, я не знаю».

Владыка яванов увидел, что вражеская армия, потеряв предводителя, обращается в бегство, и возликовал. Он сказал своим воинам, которые пустились было преследовать неприятеля: «О мои воины! Стоит ли добивать убегающих?! Скажите мне лучше, где спаситель моего государства — тот, кто убил Кафара-раджу, где этот лев в человеческом облике, Нарасинха-дэва!»

Вскоре владыка яванов увидел Нарасинха-дэву. Он лежал на поле боя без чувств; тело его, произведенное множеством стрел и источавшее тысячи потоков крови, было подобно расцветшему дереву киншука. Спешившись, владыка яванов сказал: «О Нарасинха-дэва! Будешь ли ты жить?» Нарасинха-дэва спросил: «Известно ли господину, что я сделал?» Владыка яванов ответил: «Да, я все знаю. Чачика-дэва рассказал мне, как ты убил моего врага». Нарасинха-дэва сказал: «Тогда я буду жить, потому что

Тот, ради чьего блага

я совершил тяжкий труд,

Знает об этом — значит,

древо моих деяний принесло плоды».

Владыка яванов извлек из тела Нарасинха-дэвы стрелы, вошедшие в его плоть по самое оперение, и благодаря умелому врачеванию уже через несколько дней раны зажили. После этого владыка яванов почтил его подарками: тысячью коней, сотней тысяч золотых зонтов и многим другим. В ответ Нарасинха-дэва сказал: «О раджа! Воевать — это природная дхарма раджниутов. Я не совершил ничего необыкновенного, за что бы следовало оказывать мне такие почести. Если кого и надо почитать, так это Чачика-дэву: ведь это он, принеся голову врага, меня восхвалил, а о своем мужестве умолчал. Если бы он не рассказал все как было, то кто, увидев в его руках голову врага, подумал бы, что убил этого врага я?! Поэтому его, Чачика-дэву, следует почитать в первую очередь».

Чачика-дэва сказал: «О принц Нарасинха! Не говори так! Если бы я присвоил себе плоды твоей доблести, я был бы самым презренным из людей!» Нарасинха-дэва сказал: «Прекрасно сказано! Поистине ты — правдивый герой!

Ведь только по твоей правдивости все объяснилось — Ты великодушен и мудр, ты благороден, о Чачика!»

Выслушав этот разговор двух принцев, владыка яванов почувствовал глубокое удовлетворение и богато одарил их обоих.

*На этом кончается рассказ
о правдивом герое.*

Рассказ восьмой — о четырех лентяях

Усилие, корень деяний, — долг живых существ.
Кто избегает усилий — зовется лентяем.

В Митхиле был министр по имени Вирешвара. Щедрый и сострадательный по природе, он ежедневно раздавал пищу всем тем несчастным и бесприютным, кто в ней нуждался. А для лентяев был устроен специальный приют, и им выдавалась не только еда, но и одежда, потому что

Из всех несчастных самые несчастные — лентяи,
Они ничего не могут сделать, даже если их жжет огонь голода.

С другой стороны, лень — это состояние высшего блаженства, поскольку

Дух пребывает сам по себе, тело — само по себе,
Душа не стремится к труду и ничем не томится,
У человека, находящегося во власти лени,
Блаженство сна нарушается лишь огнем голода.

И вот, прослышав про это, множество лентяев стало приходить за подаванием. Ведь известно,

Чтобы собрать многих в одном месте,
Нужно создать обстановку довольства:
Увидев, что другие наслаждаются,
Кто не прибежит разделить их участь?

Но вскоре, узнав, как хорошо живет лентяям, разные жулики, прикидываясь лентяями, тоже повадились приходить за бесплатной едой. Расходы на приют для лентяев непомерно возросли. И тогда управляющие этим приютом рассудили так: «Наш господин, министр Вирешвара, распорядился принимать и одаривать здесь только лентяев — из сострадания к их беспомощности. Однако сюда обманом проникают и те, кто вовсе не являются лентяями. Это наше упущение. Много денег тратится впустую. Поэтому нам надо подвергнуть наших лентяев

испытанию». И однажды, когда собравшиеся в приюту крепко спали, управляющие подожгли его и стали наблюдать, что же будет.

Когда пламя охватило дом, первым из него выбежали жулики, только притворявшиеся лентяями. Через некоторое время убежали и те, кто были лентяями лишь отчасти. Под конец всего четыре человека остались на месте и спросонья переговаривались между собой. Один, не откинув с лица одеяла, сказал: «Эй, что за шум?» Другой сказал: «Кажется, дом загорелся». Третий сказал: «Неужели не найдется такого добродетельного человека, который накроет бы нас мокрыми простынями или циновками?» Четвертый сказал: «Вот краснобаи! Сколько можно болтать? Замолчите!»

Услышав этот их разговор и увидев, что пламя вот-вот обрушится на них, управляющие приюта, опасаясь за жизнь лентяев, вытащили их из горящего дома, схватив каждого за волосы. Затем, глядя на этих лентяев, они прочитали такие стихи:

Муж — опора для жены,
 для детей опора — мать,
Но для лентяев нет в мире иной опоры,
 чем сострадательный человек.

После этой истории министр повелел выдавать четырем лентяям еще большее вспомоществование, чем прежде.

*На этом кончается рассказ
о четырех лентяях.*

II. РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ МУДРЫХ

Рассказ девятый — о человеке острого ума

Тот, чей разум быстро схватывает
 новые обстоятельства
И делает из них верные заключения,—
 того пазывают человеком острого ума.

Жил некогда раджа по имени Притху. Однажды он вместе со своей любимой женой Сулочаной выехал из города на колеснице в сопровождении четырех родов войск, чтобы насладиться зрелищем охоты. Когда они достигли леса, войско рассеялось во все стороны, преследуя дичь, а раджа, ехавший без сопровождения на своей

колеснице, вдруг увидел в лесной чащобе поворожденного младенца — мальчика, лежавшего на обрывке необычайно прекрасной ткани.

Увидев его, он обратился к царице: «Дорогая! Посмотри, что за чудо! Откуда в лесу, полном тигров и львов, мог оказаться этот младенец?!» Царица сказала: «Владыка! Этот младенец прекрасен, как полная луна. При виде его сердце мое тает от сострадания. Если мой господин разрешит, я возьму мальчика домой и буду воспитывать его, как сына». Раджа разгневался и воскликнул: «Несчастная! Ты хочешь дерзко преступить обычаи! Как можешь ты ни с того ни с сего пригреть на груди младенца, который неизвестно откуда взялся?! А вдруг он чанда-ла?!» Царица сказала: «Владыка! Человек не виноват в своем происхождении. Ведь известно:

Судьба виновата, человек не виноват;
любая женщина, родившая сына, родила сокровище.
Никто не знает, кому какую участь
предначертал Творец.

К тому же столь прекрасный младенец мог родиться лишь у благородных родителей. Нет, мне жалко его, не могу я его оставить!» Так она говорила, возражая супругу и упорствуя в своем желании взять младенца, а раджа в ответ бранил и стыдил ее. Ибо по природе своей раджи не терпят непослушания, а царицы, упоенные своим счастьем, теряют голову от гордыни. В конце концов ссора их зашла так далеко, что раджа во гневе посадил царицу из колесницы и объявил приказ по войскам: «Тот, кто последует за этой презренной женщиной, возлюбившей скверну, а также тот, за кем последует она, будет обезглавлен как мой враг!» Сказано ведь:

Себя убивают, убивают друзей,
уходят из дома, теряют богатство —
Чего только не делают люди во гневе,
когда он лишает их разума!

И вот раджа со всем своим войском вернулся в город, а царица, объятая страхом, осталась одна в дремучем лесу. Она подумала: «Увы! Такова судьба женщины, если муж бессердечен. Но к чему сетовать понапрасну? Надо действовать исходя из тех обстоятельств, в которые я сама себя поставила». Царица сняла свои украшения, посыпала одежду золой от лесного пожарища, завернула

младенца в обрывок ткани, на котором он лежал, прижала мальчика к груди и пошла куда глаза глядят.

По счастью, она пришла вскоре в деревню, где жили брахманы, и там с поклоном обратилась к одной женщине-брахманке, увидев, что она сострадательна и праведна от природы: «Благородная госпожа! Я жена бедняка, меня изводит другая жена моего мужа, позволь мне жить под твоей защитой». Брахманка сказала: «Ты не жена бедняка, ты — царица!

Из ушей ты вынула серьги, с рук-лиан сняла драгоценные
запястья,
От ожерелий избавила грудь, с ног сбросила браслеты,
И недавною с ними разлуку обездоленной красотой
Тело твое выдает, о прекрасная! Ты, наверно, небесная дева!»

Найдя приют у брахманки, царица растила младенца. Совершив положенный обряд, она дала ему имя Вишакха. Мальчик рос, окруженный ее заботами, и однажды, уже став юношей, спросил у царицы: «Матушка, а как зовут моего отца?» Царица сказала: «Не знаю». Вишакха воскликнул: «Ты — моя мать, и если даже ты не знаешь имени моего отца, то поистине я — Вишакха, безродный! Увы! Горе мне, сироте, безотцовщине! Зачем мне жить?! Сын рождается отцу на радость — а моему рождению кто порадовался? Сын рождается, чтобы заботиться об отце — а о ком мне заботиться? Бессмысленна моя жизнь!» И он разрыдался в голос.

Увидев, что Вишакха так сильно страдает и всерьез хочет лишить себя жизни, царица поведала ему его историю. Она сказала: «Сын мой, вот как все было. Я пожалела тебя, и за одно это оказалась в столь бедственном положении». Вишакха сказал: «Я — причина твоего несчастья. Но теперь во мне — твоя надежда. Поэтому, хоть жизнь моя и никчемна, я буду жить ради тебя, чтобы твоя надежда исполнилась. Скажи, в каком месте ты меня нашла? Потому что,

Когда надо постичь какие-либо события,
то, исходя из места и времени,
На различение предшествующего и последующего
опирается в своих рассуждениях человек.

Я пойду туда, где ты меня нашла, и узнаю, как я появился на свет».

Царица привела юношу в тот самый лес, и Вишакха

исходил его вдоль и поперек. В конце концов он обнаружил обитель некоего риши — в укромном месте, на берегу пруда. Этого риши звали Тапахшила. Подойдя к нему и поклонившись, Вишакха сказал: «Почтенный, благослови!» Риши спросил: «Кто ты и для чего пришел сюда?» Вишакха поведал ему свою историю, и риши сказал: «Юноша! Если найти обрывок ткани, на котором ты тогда лежал, то можно будет узнать, кто твои родители». Тогда юноша принес тот обрывок ткани, взяв его у царицы. Отшельник же вынул хранившийся у него в обители другой кусок такой же ткани. Приложив друг к другу два обрывка и увидев, что некогда они составляли одно целое, отшельник смутился и сказал: «Выслушай, юноша, мой рассказ! Когда я еще только начинал свое подвижничество, могучий Индра испугался, что я приобрету великую силу и захвачу его трон. Поэтому, чтобы помешать моей аскезе, он послал ко мне видьядхари по имени Тилоттама. С помощью ее любовных уловок бесстыдный Кандарпа завладел моим сердцем. Ведь известно:

Не слушает благих советов, не ведает ни страха, ни стыда
Душа, охваченная тьмою взоров лотосоокой.

Тилоттама и родила мне тебя. Цель ее была достигнута, аскеза моя нарушена. Тилоттама разорвала свое платье пополам, одну половину дала мне, чтобы я мог когда-нибудь опознать своего сына, на другую положила тебя, а сама в одной накидке вернулась на небо».

Юноша очень обрадовался, узнав, что он сын божественной девы и святого отшельника. Получив благословение риши, он вместе с царицей Сулочаной тут же отправился в город раджи Притху. Там он тайно поселил царицу в доме одного из горожан, а сам нанялся на службу к радже и служил ему с большим усердием. Через некоторое время благодаря своему уму и талантам он стал главным управляющим двора. Занимая столь высокий пост, а также проявляя доброту и щедрость, он постепенно подчинил своему влиянию всех подданных раджи и всю его армию. Тогда Вишакха обратился к Сулочане: «Мама! Скажи мне свое заветное желание — и я его выполню». Царица сказала: «Сын мой! Если можешь, приведи ко мне раджу Притху, закованного в цепи». Вишакха сказал: «Мне это не составит труда».

На следующее утро он позвал к себе нескольких преданных ему людей, вручил им цепи, а сам взял в руки

меч — и так они вошли во дворец, когда раджа держал там совет со своими советниками. Вишакха обратился к ним с такими словами: «Эй, советники, знайте: вы все — в сговоре со мной. Только один из вас не в сговоре — и он знает, о ком я говорю. Так вот, если он шевельнет рукой или ногой, я тут же убью его этим мечом. А раджу я сейчас закую в цепи». Сказав так, он велел тем, кто пришел вместе с ним, заковать раджу в цепи и вывести его с трона. Каждый из советников думал, что все, кроме него самого, в сговоре с Вишакхой, и поэтому ни один из них не посмел поднять оружие в защиту раджи. На самом же деле никто из них в сговоре не был. И так Вишакха завладел царством.

Закованного в цепи раджу привели к царице Сулочане. Увидев его, она очень обрадовалась и спросила: «Узнает ли меня владыка?» Раджа ответил: «Узнаю, ты моя жепа». Царица спросила: «А знает ли владыка, кто такой этот Вишакха?» Царь ответил: «Нет, не знаю». Царица сказала: «Это тот самый младенец, при виде которого я когда-то прочитала стихи: «Судьба виновата, человек не виноват...» Теперь этот младенец вырос — и вот даже заковал в цепи владыку!» С этими словами царица склонилась перед раджей и вернула ему его царство и царское достоинство. Вишакха тоже выказал радже почтение, как родному отцу, и был объявлен наследником престола. В стихах об этом говорится так:

Без армии, без денег, без помощи родственников,
Одной лишь силой разума царский трон добывший,
Заветное желание царицы исполнивший, отца отыскавший,
Прославился на весь мир своим умом министр Вишакха.

Согласно преданию, именно этот Вишакха создал знаменитую и по сей день пьесу «Мудраракшаса», свод знаний по нити-шастре.

*На этом кончается рассказ
о человеке острого ума.*

Рассказ десятый — о человеке с крепкой памятью

Тот, кто схватывает сказанное с первого раза
и не забывает услышанное,
Тот, чей разум долго удерживает запомненное,—
того называют человеком с крепкой памятью.

Был в стране Гауда ученый поэт по имени Шрихарша. Создав поэму под названием «Нала-чарпта», он подумал:

Если поэма полна «раса» и чарует душу,
а также обладает должными достоинствами и алашкарми,
Она приносит поэту славу;
в противном случае — навлекает на него насмешки.

В огне проверяется золото,
поэма — в собрании знатоков.
Что толку в той поэме,
которую не одобряют мудрые!

И вот, взяв с собой свою поэму, он отправился в Варанаши, чтобы представить ее на суд ученых-пандитов. Там он нашел некоего пандита по имени Кока. Этот Кока отделился от всех мирских удовольствий и постоянно пребывал в глубоком размышлении. Но каждый полдень он ходил совершать омовение на Маникарника-гхат и по дороге слушал, как Шрихарша, идя за ним следом, читал ему свою поэму. Так продолжалось день за днем, но поэт не получал от пандита ни слова в ответ.

Однажды Шрихарша сказал: «О благородный! Я затратил столько труда на создание этой поэмы. Чтобы испытать ее, я пришел к вам издалека, будучи наслышан о вашей мудрости, а также надеясь на ваше расположение ко мне как к земляку. Я хожу за вами следом и читаю вам свою поэму, надеясь услышать от вас суждения о ее достоинствах и недостатках. Но вы ни разу не сказали ни слова порицания, ни слова похвалы. Мне кажется, что вы меня вовсе не слушаете».

Кока сказал: «Как вы могли подумать, что я вас вовсе не слушаю! Я хочу выслушать всю поэму до конца, чтобы понять, как соединены в ней слово и смысл, и тогда я выскажусь подробно. Именно поэтому я до сих пор молчал. Поэму вашу я внимательно слушал и все, что услышал, запомнил. Если не верите, вот послушайте сами!» И он прочитал вслух все строфы поэмы, услышанные им за месяц. Пораженный Шрихарша распростерся у его ног и сказал: «О досточтимый Кока-пандит! Я покорен величием вашей памяти!» Тогда Кока-пандит подробно высказал свое суждение о поэме: похвалил ее достоинства и отметил недостатки, посоветовав, как их исправить. Так он порадовал Шрихаршу, царя поэтов, и благословил его на обратный путь домой.

Не придавая значения недостаткам,
знатоки умеют ценить достоинства:
Так пчелы вдыхают аромат цветов —
даже тех, что растут среди колючек.

*На этом кончается рассказ
о человеке с крепкой памятью.*

Рассказ двенадцатый — о коварном злодее

Человек, изощренный во лжи,
сладкоречивый и беспощадный,
Похититель чужого добра,
зовется коварным злодеем.

На берегу реки Годавари был город под названием Вишала. Там правил раджа по имени Самудрасена. Сын его, Чандрасена, был бесхитростен и простодушен. И вот некий коварный торговец, живший в том городе, подумал:

«Для тигра добыча — олени,
для Гаруды — змея,
Для ястреба — прочие птицы,
для хитреца — простаки.

А поскольку молодой принц по характеру прост и честен, мне будет легко завладеть его богатством. Надо только поближе с ним сойтись».

Решив так, торговец начал оказывать принцу всевозможные услуги. Коварство подобно плоду тамаринда: горькое по сути, оно сначала обманывает привлекательным внешним видом. Хитрый торговец обходительностью и услужливостью расположил к себе принца и вполне подчинил его своему влиянию. Затем он подумал: «Если удастся каким-нибудь способом завлечь принца на чужбину, то при удобном случае я смогу похитить лучшие драгоценности царской казны».

Во время их доверительных бесед торговец стал постоянно занимать принца увлекательными рассказами об иных странах и, когда увидел, что любопытство принца достаточно возбуждено, однажды сказал:

«О принц! Вы — наследник престола, а какая в вашей жизни радость? Все время вокруг вас одни и те же легкодоступные женщины, и всем, чем здесь можно насладиться, вы уже давно насладились. В дальних странах — вот где радость! Вот где наслаждения! Там каждый день

видишь невиданное, ешь такие яства, которых никогда прежде не ел, и получаешь такие впечатления, о которых прежде и понятия не имел. Поистине

Реки, полные расцветших лотосов,
леса благородных пород,
Горы, сверкающие золотом и драгоценностями,
в роскошных дворцах города,
Юных женщин, искусных в любви,
героев, неустрашимых в битве,—
Разве увидит все это робкий душой,
во многих не побывавший странах?!»

Чандрасена сказал:

«Друг! Я очень хочу увидеть иные страны. Но как это сделать?»

Торговец сказал:

«Принц! Если человек хочет отправиться в путешествие по чужим странам, ему нужно взять с собой то, что имеет малый вес, но большую ценность. И еще нужна решительность. У принца драгоценностей много, значит, остается лишь проявить решительность».

Принц сказал:

«Друг! Я уже решился!»

Коварный торговец сказал:

«Чтобы дело было успешным — никому ни слова, никто не должен о нем знать».

Принц сказал:

«Никто не узнает!»

И вскоре принц, горя желанием повидать иные страны, прихватил с собой много драгоценностей и выехал вместе с торговцем из города — как будто на охоту. Через некоторое время они отослали обратно в город сопровождавших их воинов, а сами на резвых скакунах помчались, куда задумали.

Преодолев немалое расстояние, усталые, мучимые голодом и жаждой, они увидели у берега лесного озера большое дерево и спешились в его тени. Принц, слегка перекусив, блаженно уснул под деревом, на ложе из трав. Увидев, что принц спит, злодей подумал:

«Вот удобный случай осуществить мой замысел».

Потрогав принца за ноги, будто собираясь сделать ему массаж, негодяй проверил, крепко ли он спит. Убедившись, что принц уснул глубоким сном, он связал его лианами, а затем сел связанному на грудь и выколол ему оба глаза кинжалом. Принц кричал:

«Друг! Спаси меня!»

А злодей, совершив то, что задумал, умчался прочь, захватив драгоценности и обеих лошадей.

Принц, один в лесу, рыдал и кричал от боли. Рыдая, он неистово бился и метался, сотрясаясь всем телом, — так что стягивавшие его лианы развязались. Обессиленный и беспомощный, он остался недвижимо лежать на земле.

На дереве, под которым лежал принц, жил старый попугай. Два его сына, молодые и сильные попугаи, каждый день приносили отцу, который уже не мог сам летать, пищу. В тот день, накормив старого попугая, они сказали:

«Отец! Сегодня на берегу реки Нармады мы увидели нечто в высшей степени удивительное и прискорбное».

Старый попугай спросил:

«Что именно увидели вы, дети мои?»

Молодые попугаи рассказали:

«Там, в городе Ютхикапура, у раджи по имени Ниларатха есть единственный сын по имени Читратратха. И он слепой. Врачи лечат его, но слепота не проходит. Поэтому все царство подобно дому, который остался на ночь без светильника. Оно охвачено великой скорбью».

Старый попугай сказал:

«Есть лекарство, которое дарует зрение слепым, но лекари его не знают».

Молодые попугаи спросили:

«Что это за лекарство?»

Старый попугай ответил:

«Если потерять глаза цветами этого дерева, свежими или высушенными, то слепой станет зрячим».

Услышав это, принц подумал:

«Поистине судьба ко мне благосклонна, раз птицы при мне завели разговор о лекарстве для глаз! Лекарство рядом со мной, и я сейчас же потру глаза цветами этого дерева».

Сказано — сделано. Потер раз — и глаза перестали болеть. Потер еще — появились зрачки. Потер в третий раз — и зрение стало таким же острым, как прежде. Охваченный великой радостью, принц подумал:

«Одна беда, которую навлек на меня неверный друг, преодолена. Но что делать дальше? Если я теперь вернусь домой, то надо мной все будут смеяться и моим уделом станет нищета. А нищета позорнее смерти. Поэтому я не пойду домой. Отправлюсь-ка я лучше в город Ютхикапу-

ра, прихватив с собой это испытанное лекарство. Я сделаю зрячим принца Читратратху, и его отец, Ниларатха, исполнит все мои желания».

Рассудив так, принц нарвал с дерева цветов и, спрашивая у встречных дорогу, через некоторое время пришел в город Ютхикапура. Там он встретился с раджей Ниларатхой и сделал зрячим его сына Читратратху. Обрадованный Ниларатха расспросил принца обо всем. Удостоверившись в его достоинствах и добродетели и узнав о его происхождении, раджа отдал ему в жены свою дочь Читрасену, младшую сестру Читратратхи, а в приданое — четверть царства. И с той поры Чандрасена вместе со своей любимой женой, луноликой Читрасепой, вкушал усладу беспечального царствования.

Однажды, по случаю какого-то праздника, Чандрасена направлялся во дворец своего тестя, раджи Ниларатхи, как вдруг увидел того самого торговца, коварного злодея, шедшего ему навстречу по дороге. Увидев торговца, принц прыгнул с лошади, чтобы обнять его. А торговец, также увидев принца и подумав: «Неужели это он?» — обратился в бегство. Но воины Чандрасены догнали убежавшего и привели его к принцу. Тот обнял торговца и спросил:

«Друг! Как твои дела?»

Торговец — ни слова. Тогда принц, обрадованный встречей с другом, оставил намерение посетить дворец раджи и вместе с торговцем вернулся к себе. Проведя торговца в свои покои, принц спросил:

«Друг! Расскажи, что с тобой случилось. Ведь ты владел большим богатством, почему же теперь ты бедствуешь?»

Торговец ответил:

«Это следствие моего злодейства».

Принц сказал:

«Друг! Забудь об этом! Расскажи о другом. Отчего ты несчастен?»

Торговец сказал:

«Я — торговец и алчен по природе своей. Поэтому, захватив богатство твоей милости, я сел на корабль и отправился за море торговать. Там я многократно увеличил свои деньги, но по дороге домой, уже почти у самого берега, корабль затонул — и все мое состояние погибло. Нет у меня ничего за душой, кроме самой души. А ее, преступную, — тебе казнить».

Чандрасена сказал:

«Друг! Не бойся! Ты друг мне, а дружбу следует лелеять до конца жизни. Что пропало, то пропало, не думай больше об этом. Я одарю тебя богатством еще большим, чем прежде».

Торговец сказал:

«О принц! Сердце мое, оскверненное преступлением, не может поверить этим словам. Ведь я обошелся с тобой совсем не как друг, почему же ты снова столь милостив ко мне?»

Чандрасена сказал:

«Друг! От меня зависят лишь мои поступки. Над твоими я не властен.

Что б ты ни сделал, ты сам выбираешь свой путь,
А я — почему отрекаться я должен от дружбы?
Оставил я царство и даже — увы! — родных,
На то моя воля, в твоих же делах я не волен».

Выслушав эти стихи, торговец испустил дух: сердце его разорвалось от стыда. Принц, опечаленный его кончиной, громко разрыдался. Увидев рыдающего супруга, Читрасена спросила:

«Кто этот человек, откуда он пришел, отчего умер и почему мой господин рыдает, охваченный скорбью?»

Чандрасена ответил:

«Этот человек проявил однажды великое благородство. Когда, ограбленный им, я был полностью в его власти, он не лишил меня жизни».

Читрасена сказала:

«О владыка! Наверняка он сделал это не умышленно, а по недосмотру».

Чандрасена сказал:

«И все же у него было поистине благородное сердце, раз оно разорвалось от стыда. Верно говорится:

Тот, кто знает стыд, — благороден,
даже если с пути сойдет,
Но не ведом нисколько стыд
человеку с низкой душою».

И принц устроил так, что сотоварищи торговца должным образом совершили все погребальные обряды. Тем не менее этот злодей пожал плоды своих преступлений: при жизни — бесславие, а после смерти — ад.

*На этом кончается рассказ
о коварном злодее.*

III. РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ИСКУСНЫХ

*Рассказ девятнадцатый — о человеке,
искусном в мирских делах*

Кто глубоко постиг людей
и, не превзойдя науки,
Преуспевает не хуже ученого,
того называют искусным в мирских делах.

Правил в городе Кусумапуре раджа по имени Нанда. У него был министр из касты каястхов по имени Шака-тара. И вот однажды за какую-то провинность раджа отобрал у министра все имущество, а самого его вместе с женой, детьми и внуками заточил в тюрьму. Там им на всех давали в день лишь одну тарелку каши из плодов нимбы. Увидев, в какое положение они попали, Шакатара сказал:

«Жестокий раджа обрек нас, безвинных, на мучительную смерть. На одну тарелку каши в день все вместе мы долго не проживем. Поэтому пусть съедает всю кашу тот, кто способен отомстить».

Жена и дети министра ответили:

«О благородный! Если останешься в живых ты, то ненависть к убийце твоей семьи поможет тебе отомстить злодею».

И вот, заручившись согласием близких, Шакатара стал один съедать приносимую им пищу и так сохранил свою жизнь. А вся семья его погибла.

Однажды раджа Нанда вышел из своей уборной, слегка улыбаясь. Служанка по имени Вичакшана, подносящая воды, увидев, что раджа улыбается, сама засмеялась. Заметив, что служанка смеется, раджа спросил:

«Вичакшана, над чем ты смеешься?»

Вичакшана ответила:

«Над тем же, над чем смеялся мой повелитель».

Раджа спросил:

«А над чем я смеялся?»

Вичакшана ответила:

«Этого я не знаю».

Раджа воскликнул:

«О несчастная лгунья! Сначала ты сказала, что смеешься над тем же, над чем смеялся твой повелитель. А потом заявила, что не знаешь, в чем причина моего смеха. Как же ты посмела произнести два противореча-

них друг другу утверждения?! Если желаешь себе добра, то немедленно скажи, почему я смеялся. Не скажешь — невяй на себя».

Напуганная царским гневом, служанка проговорила: «О владыка! Я не могу сказать этого сейчас, но через месяц — скажу».

Получив отсрочку, служанка подумала:

«Эту задачу можно решить только с помощью мудрого советчика. К кому же мне обратиться за помощью?! Первым среди мудрых считается Шакатара, но сейчас по воле судьбы этот достойный человек пребывает в тюрьме. Что ж, пойду к нему в тюрьму и попрошу у него совета!»

Так она и сделала. Накормив сытной едой ослабшего от тюремных страданий Шакатара, она спросила у него, как ей следует ответить на вопрос раджи.

Шакатара сказал:

«О Вичакшана! Чтобы разгадать причину смеха раджи, мне надо знать все обстоятельства этого происшествия. Опиши мне его самым подробным образом».

Вичакшана подробно рассказала ему, как все было, и Шакатара стал рассуждать вслух:

«Ты говоришь, что уборная раджи расположена у огромного фигового дерева и что раджа улыбнулся, взглянув на это дерево. Но предмет, который человек видит каждый день, не может служить причиной для смеха. В самой природе дерева также нет ничего такого, что могло бы вызвать смех. Человек смеется, когда видит привычное в непривычном свете или замечает какие-то несоответствия между предметами. Что же такого мог увидеть раджа на фиговом дереве? А, знаю! Когда он мочился, взгляд его могли привлечь семена фигового дерева, опавшие с веток. Потом он взглянул на огромное фиговое дерево и подумал: «Что за причудливый мир создан Творцом! Из такого маленького семени вырастает такое большое дерево!» От этой мысли он и улыбнулся».

Снова и снова размышлял Шакатара и решил, что именно такова была причина царской улыбки. Тогда Вичакшана пошла к радже и пересказала ему слова Шакатары.

Раджа спросил:

«О Вичакшана! Скажи мне правду! Неужели Шакатара все еще жив?»

Вичакшана ответила:

«Конечно, жив».

Раджа воскликнул:

«Кто, кроме Шакатары, смог бы разрешить такую загадку?! Поразительна сила его ума!»

И восхищенный умом Шакатары, раджа вновь призвал его и назначил на почетный пост министра, поручив вместе с главным советником Ракшасой ведать делами царства.

Шакатара, достигнув столь высокого положения, подумал:

«Этот раджа — плохой политик. Погубил всю мою семью, а теперь меня же назначает министром. Подрубил дерево под корень, а теперь льет воду на листья.

Разнег жестокую вражду,
а ищет преданность и дружбу,
Поистине он сам избрал
себе дорогу в город Ямы.

С другой стороны, разве я могу доверять этому злодею?! Ведь известно:

Тот, кто поверит в доброту
мучителя и палача,
Тот, глупый, самому себе
подпишет смертный приговор.

Что же мне теперь следует предпринять? Когда я думаю о прежней жестокости раджи и о его нынешней милости, разум мой одолевают сомнения. И все же я сохранил себе жизнь только для того, чтобы отомстить этому подлому злодею, сгубившему на моих глазах всю мою семью.

Пропало богатство — пропадом пропади,
я о нем и не вспомню,
Ведь Лакшми капризна и непостоянна,
нет в том мудрым печали.
Но память о детях, сынах благородных,
и о любящих женах,
О внуках любимых, о нежных младенцах —
вот что душу терзает.

Поэтому я непременно должен отомстить. Но совершить месть следует так, чтобы не навлечь на себя бесчестье, не ступить на стезю низких людей.

Средь всех людей на свете наилучший тот,
кто скверны избегает;
У человека среднего духа скверна,
однако стыд имеет;

Но тот, в ком даже страха перед скверной пет,
кому и стыд неведом,
Того по праву называют низким,
его удел — презренье».

Размышляя так, министр Шакатара однажды отправился верхом на лошади осматривать загородный сад. По дороге, недалеко от города, он увидел некоего брахмана, который вырывал из земли траву куша и поливал ее корнями пахтой.

Шакатара спросил:

«О брахман! Кто ты и что ты тут делаешь?»

Брахман ответил:

«Я — брахман по имени Чанакья Шарма. Изучив все веды и веданги, я собираюсь жениться — и вот шел по дороге, а трава куша поранила мне ногу. Эта рана может помешать моей свадьбе, и в гневе я поклялся, что уничтожу всю траву куша, растущую здесь. Знание врикшяюрведы помогло мне найти простейший способ осуществить мою клятву, ибо пахта губительна для травы куша».

Шакатара сказал:

«Тебе повезло, что ты изучил врикшяюрведу! А не то как бы ты смог выполнить свою клятву?!»

Чанакья сказал:

«Если бы я не нашел этого способа, я бы прибегнул к помощи заклинаний, в них я тоже специалист. Совершил бы жертвенное возлияние и все равно сгубил бы эту траву!»

Шакатара подумал:

«Как неистов в гневе этот брахман! И как изощрен он в средствах достижения своей цели! Если бы он стал врагом моего врага, то месть моя сама собою бы осуществилась».

И он помог брахману довершить искоренение травы куша, а затем привел его в свой дом.

Через некоторое время состоялась церемония помиповения покойного отца раджи Нанды, и Шакатара, договорившись с главным жрецом раджи, привел на нее Чанакью — в качестве почетного гостя. Шакатара рассудил так:

«Этот брахман Чанакья холост, лицом смугл, ногти и зубы у него темные — конечно, он не достоин быть почетным гостем. Более того, поскольку привел его я, то министр Ракшаса, который ко мне враждебен, непременно оскорбит его».

Так оно и случилось. Когда раджа Нанда уже готов был начать церемонию, а Чанакья сел среди почетных гостей, министр Ракшаса сказал:

«О владыка! Этот брахман не достоин почета!» — и в подтверждение своих слов прочитал соответствующие предписания смрити. И еще он сказал:

«Шакатара — шудра. Вмешиваясь в священную церемонию, он наносит ущерб дхарме раджи».

Услышав слова министра Ракшасы, раджа Нанда разгневался. Подстрекаемый своей злой судьбой, он не признал Чанакью почетным гостем и с позором изгнал его.

Чанакья, взбешенный таким оскорблением, поклялся погубить раджу Нанду, а Шакатара, совершив задуманное, ушел в Капи, чтобы расстаться там со своим телом.

Итак,

Вичакшану защитил,
Чанакью испытал
И врагу отомстил мудрый Шакатара,
не запятнав себя убийством.

*На этом кончается рассказ о человеке,
искусном в мирских делах.*

*Рассказ двадцать пятый — о человеке,
чье искусство было оценено по достоинству*

Пусть не всегда совершенно,
но, чтимое мудрым раджей,
Привносит богатство и славу
искусникам их искусство.

Правил в городе Дхара раджа по имени Бходжа-дэва. Однажды некий поэт прочитал ему такое стихотворение:

«Все моря превращаются
в молочные океаны,
все змеи становятся Васуки,
Все горы достигают
величья Кайласы,
все боги — могущества Шивы,—
Такова чудотворная,
вселенную преобразующая
сила славы твоей!
Почему ж у моей жены
стеклянные украшения
не становятся жемчугами, о Бходжа?»

Услышав это, раджа Бходжа, восхищенный его искусством, дал тому радже среди поэтов меру жемчуга, уравновесившую его па весах. Получив грудку жемчуга, поэт достиг цели своих стремлений. А славу раджи Бходжи, единственную в своем роде, воспевают по всему кругу земли.

Поистине:

Что проку в радже неразумном?
Что проку в разуме скупца?
Что проку во владыке щедром,
Не чтящем истинных заслуг?

Увы!

Прежде, с лианой богов	богатством даров соревнуясь,
Золотом плодоносило	искусство счастливых поэтов.
Бходжа на небо ушел,	владыка блистательной славы,
Ныне поэтов удел —	напрасный, безрадостный труд.

*На этом кончается рассказ о человеке,
чье искусство было
оценено по достоинству.*

*Рассказ двадцать шестой — о человеке,
чье искусство пропало втуне*

Там, где невежественный царь
поэзии не понимает,
Поэтов гибнет мастерство,
искусство пропадает втуне.

Был на южном берегу Ганги город по имени Рарха. Там правил раджа по имени Нирапекша. Однажды, обманутый словом «раджа», туда пришел на свою беду некий прославленный поэт по имени Вагвиласа, царь среди поэтов, искусный в сложении любого рода стихов. Он обратился к доверенному министру раджи и сказал ему:

«О мудрый! Представь меня радже!»

Министр ответил:

«О Вагвиласа! Какой смысл представлять тебя радже? Ты — поэт, а он ничего не смыслит в поэзии. Я думаю, что ни тебе, ни ему встреча не доставит никакой радости.

Увечен государя чип,
 земли распорядителя,
Который властью наделен,
 но обделен премудростью».

Поэт сказал:

«О министр! Даже если ваш раджа не обладает глубокой мудростью, моя поэзия несомненно доставит ему наслаждение.

Ибо:

Разнообразными «раса» проникнутую,
достоинствами звука и смысла
украшенную,

Не может Сарасвати не восхвалить
имеющий уши и сердце.

Более того:

Виповен слушатель, когда
 поэзию не слушает,
Но если не утешен слух,
 то на поэте вся вина.

С другой стороны,

Кто радоваться не горазд
Сарасвати, усладе слуха,
Тот — словно бессловесный скот,
одна жратва ему в отраду.

И еще:

Не слушает, не понимает,
а и поймет — не одарит,
Такому ни к чему поэты,
и он поэтам ни к чему».

Министр ответил:

«Именно поэтому я и говорю, что нет смысла видеться с нашим раджей».

Поэт сказал:

«О министр! Тот, кто, услышав мою поэзию, не восхитится ею, поистине удивительный человек, и уже за одно это стоит с ним повидаться».

И вот после больших усилий министра раджа Нирапекша в конце концов принял царя поэтов. Поэт, увидев раджу, прочитал такие стихи:

«У врат небесного града Индры прекрасные апсары
В предвкушении радостей брачных с твоими врагами
Славят славу твою, словно белую пену над морем битвы,
Словно великолепный цветок на бесстрашном стебле меча».

Раджа сказал:

«Эй, министры! Что это он лепечет на каком-то птичь-
ем языке?»

Министры отвечали:

«О владыка! Это великий поэт. Он воспеваает твою сла-
ву и заслуживает того, чтобы ты оказал ему честь».

Раджа сказал:

«За что оказывать ему честь? Разве от его стихов уве-
личится моя казна или усилятся мое войско?»

Министры отвечали:

«И казна и войско — для большей славы, но славу
распространяют слова поэтов. Верно сказано:

Цари, которые поэтов чтили
С времен древнейших за искусство слова,
Прославлены поныне и навеки,
А прочих лишь родные поминают.

И еще:

Для золотых монет — казна,
 для молодых дерев — земля,
Для славы — речь искусная
 надежное пристанище.

Поэтому, о раджа, следует почитать этого раджу поэ-
тов — одарить его золотом!»

Раджа сказал:

«Я не нуждаюсь в славе, за которую надо платить
золотом. Эй, стража! Гоните его в шею!»

Стража сделала, что ей приказали, а Вагвиласа, рад-
жа поэтов, воскликнул:

«Зря поклонился стопам наставника,
 радости сна отвергая,
Зря изучал я шастры, грамматику —
 что толку мне в этом во всем?!
Благосклонна, значит, к невеждам Лакшми,
 если в раджах — такой глупец.
Вот участь почитателя твоего,
 о Сарасвати, устыдись!»

С этими словами он покинул дворец раджи и в гневе
отрекся от поэзии. Царские министры, выйдя вслед за
ним из дворца и узнав, что этот царь поэтов отрекся от
Сарасвати, опечалились и сказали ему:

«О царь поэтов! Разве стоит чинить себе такое зло
из-за поведения нашего неразумного владыки?»

Проникнутую «раса»,
украшенную «аланкарами»,
Ключ радостей для мудрых
и милую подругу в странствиях,
Из-за греха чужого
зачем оставил ты поэзию?
В сердцах людей достойных
не должен низкий гнев торжествовать.

И еще:

Благочестивая жена
от чести да не отречется,
Если распутницу узрёт,
украшенную жемчугами;
Так и поэты не должны
от стиховорства отрешаться,
Хоть много в мире есть владык
неграмотных и неученых.

Поэт сказал:

«Я отрекся от поэзии, потому что этот раджа запятнал
меня своим оскорблением».

Министры сказали:

«Что тебе его оскорбление? Ведь известно:

Если ничтожество смеет
достойного оскорбить,
То осквернен оскорбитель:
достойный неоскверним».

И министры, одарив раджу поэтов золотом, с почетом
проводили его. Но отрекшись от поэзии, он погубил свое
мастерство.

*На этом кончается рассказ о человеке.
чье искусство пропало втуне.*

IV. РАССКАЗЫ О ЧЕТЫРЕХ ЦЕЛЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

*Рассказ тридцатый — о человеке поистине
праведном*

Был в Митхиле каястха по имени Бодхи. Согласно
обычаю своей касты, он служил радже, но не причинял
вреда живым существам, не присваивал чужого добра, не
испытывал вожделения к чужим женам — и жил лишь
на то жалованье, что получал от раджи. Он совершал
каждодневные обряды, приличествующие шудрам, при-

носил дары, соразмерные со своими доходами, в должном месте и в должное время оказывал почтение брахманам, преданно поклонялся Шиве — и так прошла его жизнь. Когда же приблизился час смерти, Бодхи услышал стихи из пуран:

«От чужого вреда, от чужого добра
и от чужих жен отвратившийся
Когда же,— сказала Ганга,—
собой меня освятит?»

Услышав это, он подумал: «За всю мою жизнь я не причинил никому вреда, не брал ничего, что люди не давали мне сами, никогда не желал чужих жен — значит, слова Ганги ко мне как раз подходят. В самом деле,

Недолжного я избегал,
от долга не уклонялся —
И в истинной праведности
прошел весь мой век.

Пойду и испытаю слова благословенной Ганги!»

Он отправился к Бхагиратхи и, остановившись на расстоянии в полкроша от ее берега, прочитал строфу, первую половину которой он взял из той, что слышал прежде, а вторую половину сочинил сам:

«От чужого вреда, от чужого добра
и от чужих жен отвратившийся,
Я пришел к тебе, о богиня!
Освяти свои воды, о Ганга!»

Волны обрадованной Ганги, сокрушая берега, неся погибель детенышам черепах, рыб и прочих тварей, увлекая за собой унававшие с обоих берегов деревья и переливаясь струями воды, светлыми, как жемчужные ожерелья, подкатили к каястхе и обьяли его тело. По воле судьбы завершился срок его жизни, он покинул тело и обрел освобождение. И по сей день славят достойные люди этого каястху, чья праведность столь чудесным образом была испытана и подтверждена милостью Бхагиратхи.

Тело уходит, счастье уходит,
уходят все родные и близкие,
В этом призрачном мире
одна лишь слава долговечна.

*На этом кончается рассказ о человеке
поистине праведном.*

Если человек ослеплен доставшимся ему богатством
и только и знает, что тратит его,
Забыв о трех целях существования,
то его называют глупцом.

Жил в городе Айодхья купец по имени Бхури Васу. У него был сын по имени Прачура Васу. После кончины отца сын, унаследовав отцовское состояние, спросил у старых друзей покойного: «О почтенные! Расскажите мне, каким способом мой отец скопил столь большое богатство». Старики ответили: «Способ один — торговля. Ведь сказано:

От опытных людей — знание,
от царской службы — почет,
Слава и заслуги — от щедрости,
а богатство — от торговли».

Прачура Васу спросил: «А что такое торговля?» Старики ответили: «О достойный! Твой отец, бывало, покупал товары в Гауде и продавал их в Гадджане, потом покупал в Гадджане и продавал в Гауде. Когда какой-либо товар был дешев, он покупал его, а продавал, когда цена на этот товар возрастала. Ведь сказано:

Из страны в страну доставляя
и от времени до времени приберегая,
В различных цен на товары
да ищет свою выгоду купец.

Кроме того:

Женщина, не преданная мужу,
мужчина, не занятый делом,—
Оба они изничтожатся,
истают, подобно градинам.

Поэтому и тебе следует продолжить отцовское дело. Лакшми покидает человека, даже если у него есть сто тысяч, по он не занимается делом».

Однако сын купца подумал: «У меня есть десять миллионов денег. Если из них я возьму сто тысяч, накуплю разных товаров и продам их в других странах, то эти сто тысяч принесут мне миллион. Что же мне беспокоиться об увеличении капитала! Ведь если пустить в дело один миллион из моих десяти, то он снова принесет те же

десять. Поэтому я отложу пока один миллион, а остальные девять потрачу, чтобы насладиться юностью. Известно ведь:

Богатство приходит и уходит,
приобретается вновь и вновь,
Но не возвращается обратно
ушедшая молодость».

Услышав об этом, его друзья и приятели обрадовались: «Прекрасно, купеческий сын! — сказали они. — Отец твой был скареда, только и знал, что богатства копить. А ты теперь насладись ими!» От таких слов бедняга вовсе потерял голову и соглашался на любые траты. Известное дело:

Чье богатство, тому и убыток
в забавах и кутежах,
А те, кто наслаждаются за чужой счет,
не беспокоятся о расходах.

Более того:

Пока люди пользуются
чужим богатством,
Они восхваляют его владельца;
не станет денег — друзья исчезнут.

Так, не думая о будущем, этот юнец растратил все свое состояние на цветы, сандал, женщин и прочие удовольствия. Даже из отложенного миллиона он сначала взял девятьсот тысяч, а когда они кончились, растратил и последнюю сотню тысяч. Поистине:

В колодце без источника иссякает вода,
В доме без доходов иссякает богатство.

И купеческий сын, когда все его богатство иссякло, остался без средств к существованию, впал в полное ничтожество. Об этом есть такие стихи:

Лишаясь денег, он лишается разума —
Расходуя по прежним своим привычкам,
Богач доходит до нищеты
И ни на что уже не способен.

*На этом кончается рассказ
о глупце.*

Кто нежно любит свою жену
и оказывать ей внимание
Не забывает даже среди иных увлечений,—
такой возлюбленный называется верным.

Правил в стране Гауда раджа по имени Лакшманасена. У него была царица по имени Ратнапрабха, а кроме нее еще много других жеп и наложниц. Среди них были женщины-лотосы, женщины-картины, женщины-лианы, женщины-слонихи и т. д.— все благородного происхождения и наделенные высокими достоинствами. Раджа Лакшманасена любил их, был с ними щедр, приятен и любезен, а жены и наложницы, искусные в науке любви,— то властные, то страстные, то грустные, то гневные, то строптивые, то кроткие или разлукой измученные,— тонкими шутками, сладкими речами, изящными жестами, пылкими взглядами, жаркими объятиями, разнообразными любовными позами и нежными поцелуями возносили раджу на вершины блаженства. Но раджа, хоть и наслаждался этими юными женами и наложницами, всегда выказывал такую любовь и верность царице, что Ратнапрабха знала: лишь она — истинная возлюбленная Лакшманасены, а прочие женщины — не более чем прислужницы.

И вот однажды разладился мир между раджей Лакшманасеной и владыкой Варанаси — и они объявили друг другу войну. Владыка Варанаси имел мощную конницу и собирался начать боевые действия в сухой сезон, но раджа Лакшманасена уже в начале муссонных ливней быстро собрал все свои корабли, намереваясь двинуться с ними на Каши вверх по течению Ганги и опередить противника. Ибо сказано:

Сила царской армии, состоящей из четырех родов войск,
зависит от места и времени —

Кто сумеет выбрать благоприятные для себя место и время,
тот и окажется сильнее.

Увидев, что раджа Лакшманасена собирается отплыть со своими кораблями, царица Ратнапрабха сказала ему: «О владыка! Ты — царь, и у тебя много возлюбленных, ты всюду будешь счастлив. А я — женщина, твоя жена, и ты — мое единственное прибежище. Если ты будешь на

чужбине, как я проведу без тебя праздник Лакшми, богини счастья? Поэтому возьми меня с собой в поход!» Раджа сказал: «О возлюбленная! Ты — единственная моя супруга, хозяйка моего дома. Все прочие женщины — лишь для мимолетных удовольствий, как цветы или бетель. Если я возьму тебя с собой, то что же будет с домом и с царством? Ты для меня и для моего царства — будто вторая Лакшми. Поэтому оставайся здесь под защитой моих министров. А я непременно вернусь к празднику Лакшми, и мы проведем его вместе». Царица сказала: «О владыка! Если ты не сдержишь своего слова, я сожгу себя на погребальном костре». Раджа сказал: «Я слово свое сдержу!»

Четыре рода войск были погружены на корабли и двинулись вверх по реке — боевые знамена целовали ланиты лупы, мощные весла сотрясали обитель Варуны, грохот литавр наполнял страхом три мира — небесный, земной и подземный. Достигнув Варанаси, раджа Лакшманасена осадил крепость тамошнего владыки с четырех сторон и весь сезон муссонных ливней провел в ратных трудах. В упоении надеждой на победу он забыл о слове, данном царице.

Вечером, накануне праздника Лакшми, раджа увидел, как жители Варанаси и оборонявшие крепость солдаты, совершив положенные обряды в честь богини Лакшми, начали зажигать повсюду факелы и светильники. Раджа спросил у своих приближенных: «Неужели уже наступает праздник Лакшми? Если так, то, значит, я нарушил свое обещание и царица Ратнапрабха погибнет на погребальном костре. Что же мне делать? Ведь известно:

Если нарушает обещание

человек благородного происхождения,

Что остается ему в этом мире,

потерявшему прежние заслуги, презренному?

Не сдержать слово — плохо, еще хуже — не сдержать слово и тем обречь на смерть жену. Надо посоветоваться с министрами!»

Раджа сказал: «О министры! Послушайте, что случилось. Как же мне теперь быть?» Министры сказали: «О владыка! Не нужно печалиться! Разве есть что-либо непосильное для царской власти? Если щедро заплатить гребцам, корабль этой же ночью будет в Лакшманавати и

слово владыки не будет нарушено. А мы останемся здесь и продолжим осаду вражеской крепости».

Так и сделали: посадили на корабль тысячу молодых гребцов, сила которых была удвоена щедрой наградой, и в четвертую стражу той же ночи раджа достиг Лакшминавати, предотвратив гибель своей любимой царицы, уже готовой взойти на погребальный костер. Царица, увидев раджу Лакшманасену, поняла: любовь выдержала испытание, надежда оправдалась — и это было торжество их счастья.

Поистине:

Если просьбы не нарушаются, если кротостью не порождается
грубость,
Если первоначальное чувство не превращается в пустую пасмешку,
Если счастье взаимно и неизменно на всех поворотах судьбы,
Такая любовь — супругам на радость, иная — тюрьма Кандарпы.

*На этом кончается рассказ о верном
возлюбленном.*

*Рассказ сорок третий — о человеке, свободном
от желаний*

Ненависть и другие пороки отбросивший,
наделенный состраданием и другими достоинствами,
Отринувший чувства и страсти
зовется мудрецом, свободным от желаний.

Были в Варанаси аскет по имени Вамана. Он изучал веданту, преданно следовал наставлениям гуру, усердно занимался йогой и постепенно овладел своим дыханием. Отрепившись от всех страстей, он одинаково взирал и на друзей и на врагов, обретением не радовался, о потерях не печалился, счастья не жаждал, в несчастье не горевал.

Узнав, что Вамана достиг такого состояния, преодолел все чувства и страсти, Бхагаван Нараяна был чрезвычайно доволен и обратился к нему со словами похвалы. Вамана же, услышав наяву голос Нараяны, возликовал и захотел большего: лицезреть Нараяну.

Вамана сказал: «О Бхагаван Нараяна! О всевидящий, всеведущий, вездесущий! Из любви к Твоему бхакту Ты дал услышать мне Твой голос — так дай же мне и узреть Тебя!» Шри Бхагаван сказал: «О мудрый Вамана! Я дам

тебе узреть меня, но лишь в будущем твоём рождении, когда твоё сознание полностью отрешится от мира». Аскет сказал: «О Бхагаван! Разве я уже не вполне очистил себя, отбросив три желания? Разве ещё осталась во мне привязанность к миру?» Шри Бхагаван сказал: «О сын мой! Чувствам доверять нельзя: они могут вновь возбудиться, если соблазн окажется достаточно силен. Сейчас есть лишь один подвижник, чьё сердце не возбуждается даже вблизи соблазна. Это Кришна-чайтанья, который живет в лесу Дандака. Он уже в этом рождении узрит меня и обретет мокшу. Когда ты станешь подобен ему, тогда и ты узришь меня».

Аскет подумал: «Неужели есть такой человек, который отрешился от желаний ещё больше, чем я? Если он в самом деле существует, я должен его увидеть!» — и отправился в лес Дандака. Там, неподалеку от города, в уединённом святилище Шивы, не тревожимом даже комарами, парамахамса Кришна-чайтанья пребывал в глубоком размышлении. Он жил только тем, что приносили в святилище богомольцы, а сам никогда не ходил в город за подаванием. Увидев его, Вамана не поверил, что этот подвижник более чем он, Вамана, отрешился от желаний. Оставшись вблизи святилища, Вамана подумал: «Интересно, сколь велика его отрешённость?! Истинную природу человека можно узнать лишь длительным испытанием. Поэтому подожду и посмотрю».

И вот однажды, в ночь праздника Лакшми, раджа соседнего города, сойдясь с какой-то женщиной, забыл свою супругу-царицу. Царица же была женщина страстная и необузданная. пылая гневом, она сказала своей наперснице: «Дорогая подруга, выслушай меня! Раджа, мой владыка, занят лишь своими любовными страстями, а о чужих — и знать не хочет. Ушел к другой, а меня обездолил. Если в эту ночь праздника Лакшми я не попаду в объятия мужчины, то что толку в моей юности, что толку в моей жизни?!»

Наперсница сказала: «Госпожа! Твое желание не было известно мне днем. Поэтому я никого к тебе не пригласила. Теперь уже ночь, время свиданий — разве удастся найти кого-нибудь, кто был бы один? А ведь пригласить мужчину на любовную встречу можно лишь в доверительном разговоре наедине. Да и куда же я сейчас пойду? Если женщина выходит ночью одна из дома — это у всех вызывает подозрение. К тому же ночью трудно оценить

достоинства мужчины — а что за радость попасть в объятия недостойного и низкого человека? Нет, я ничего не могу поделать. Знаю я, правда, одного молодого мужчину, наделенного всеми признаками благородства и живущего в уединении, но он — саньяси. Царица воскликнула: «Ах, где он?» Наперсница ответила: «В святилище Шивы». Царица сказала: «Идем скорее туда!» Наперсница сказала: «Идти туда бесполезно. Этот юноша победил все свои чувства. Нам не обратить его в веру любви». Царица сказала: «Ах, если он молод, разве он может быть чужд любви?»

Во всех трех мирах я не знаю никого,
кроме Шивы, кто был бы способен победить Кама-дэву;
Но отдав супруге половину своего тела,
даже Шива стал отцом Ганеши».

Наперсница сказала: «Госпожа, ты верно говоришь: поистине могуч Кама-дэва! Кто может отвергнуть красавицу, пришедшую ночью на тайное свидание?! Идем скорее туда! Однако я заметила, что этот юный саньяси человек хоть и достойный, но совершенно неимущий. Все его состояние — кусок ткани, которым он прикрывает свою наготу. Поэтому нам следует прихватить для него какие-нибудь ценные подарки. Ведь у бедных одно желание — разбогатеть».

Царица сказала: «Так мы и сделаем!» Они взяли много золота и драгоценных камней, а также вещи, равно пригодные и для любовных забав, и для поклонения Шиве: цветы, кусочки сандалового дерева, листья бетеля, — и сделав вид, что они будут совершать пуджу Шиве, наперсница повела царицу, жаждавшую объятий, в лес Дандака. Там, в святилище Шивы, они увидели юного и красивого аскета Кришна-чайтанью, пребывавшего в одиночестве. Царица приблизилась к нему под предлогом совершения пуджи и сладострастными телодвижениями пыталась привлечь к себе его внимание. Но:

Игриво ступающей под нежные звуки пожных браслетов,
Лянами рук непослушные волосы кокетливо поправляющей,
Нектаром улыбок и томных, загадочных взглядов чарующей,
Стройной красавицей пробужденный,
не пропик Мадапа в душу аскета.

Наперсница сказала: «Твои чары на него не действуют. Что же делать? Не поговорить ли мне с ним без оби-

няков?» Царица сказала: «Поговори!» Наперсница сказала: «О саньяси! Почему вы не привечаете эту молодую женщину, пришедшую к вам в ваше уединение? В таких делах самое большое, что может сделать женщина, это показать свое расположение. Все дальнейшее зависит от мужчины — от того, насколько он искусен в любви». Сказав так, наперсница царицы разложила золото и драгоценные камни перед саньяси, а сама вышла из обители бога, оставив саньяси наедине с царицей.

Но вскоре она поняла, что сердце отшельника по-прежнему невозмутимо. Тогда, снова войдя в обитель бога, наперсница сказала: «О мужчина! Если в твоём сердце нет любовной страсти, то прояви хотя бы сострадание к женщине! Мучимая Кандарпой, она пришла искать у тебя прибежище — почему же ты пренебрегаешь ею?»

Отшельник сказал: «О сладкоречивая женщина! Что ты хочешь от меня? Зачем ты пришла ко мне — к тому, чье сердце твердо, как дерево или как камень? Если ты охвачена любовной страстью, обратись к какому-либо другому мужчине и с ним удовлетвори свои желания. И забери свои драгоценности. Я — отшельник. К чему мне драгоценности, к чему женщины? Ведь известно:

Если у отшельника, оставившего соблазны мира,
возникает стремление к богатству,
Что толку в его отшельничестве?
Он погрязает в трясине желаний.

Богатство для меня — что ком земли,
все женщины — матери,
Все живые существа — мои друзья,
и нет мудрости высшей, чем эта».

Аскет Вамана, наблюдавший все это, был очень удивлен и подумал:

«Прекрасную, как лана, искусную в наслаждении,
юную и пленительную красавицу,
По своему желанию пришедшую на тайную встречу,
какой мудрец посмеет отвергнуть?»

В его власти эта ланеокая,
но отказался он обладать ею,
А ведь обретение столь совершенного блаженства
и есть высший смысл подвижничества.

Раз так — я сам подойду к этой женщине!» Но не успел Вамана сделать и шага, как раздался голос Бхагавана

Нараяны. Шри Бхагаван сказал: «О Вамана! Говорил же я тебе: чувствам доверять нельзя!..»

Услышав это, Вамана устыдился и подумал: «Путь познания ведет к мокше только в том случае, если отброшена жажда желаний. И знание, и прочие заслуги сами по себе бесплодны. Истинна лишь стезя аскета, полностью отвергнувшего все соблазны мира. Верно сказано:

Покуда суетность обитает в сердце и страсть к наживе,
Покуда дух подвержен страху цветочных стрел,
Покуда нет со всеми равной и бескорыстной дружбы,
До той поры душа, таящая в себе глубины, истины
не обретет».

*На этом кончается рассказ о человеке,
свободном от желаний.*

Баллала

БХОДЖАПРАБАНДХА

История Бходжи

**ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ
ВОЦАРЕНИЕ БХОДЖИ**

Да будет благо!

Вот история о благословенном Бходжа-радже, верховном владыке над великими царями.

Вначале царством Дхара долго правил раджа по имени Синдхула, заботившийся о своих подданных. В преклонном возрасте у него родился сын Бходжа. Когда Бходже исполнилось пять лет, раджа-отец, видя, что сам он уже стар, младший брат его, Мунджа, полон сил, а сын — всего лишь ребенок, созвал своих главных министров и сказал:

«Если я пренебрегу единоутробным братом, способным принять на себя заботы о процветании государства, и передам власть сыну, то народ меня осудит. А сам Мунджа, алчный до власти, может еще и отравить малолетнего Бходжу или умертвить его каким-либо иным способом. Тогда получится, что я неразумно распорядился царством: и сын погибнет, и род прекратится. Ведь сказано:

1. Алчность — основа зла,
понистиве она порождает зло,
Непависти, гнева и прочей скверны источник,
алчность — причина зла.
2. От алчности гнев возпикает,
гневом несправедность утверждается,
Из-за несправедности попадает в ад
даже мудрец, знающий шастры.
3. Мать, отца, сына,
брата или ближайшего друга,
Господина или кровного родственника —
всех убьет человек, охваченный алчностью».

Рассудив так, раджа Синдхула передал власть Мундже, а сына своего Бходжу поручил его попечению.

И вот, когда в положенный срок раджа ушел на небо, Мунджа вступил во владение царством. Он сместил с должности главного министра по имепи Буддхисагара и назначил на его место другого. А к сыну покойного раджи приставил учителей.

Однажды в царское собрание пришел пекий брахман, знаток астрологии, искусный во всех науках. Он приветствовал раджу и сел, а затем сказал:

«Владыка! Люди зовут меня всезнающим. Поэтому спроси меня о чем-нибудь.

4. Приобретенное знание
мудрым всегда следует проявлять воппе;
Знание, скрытое в учителе или в книге,
убедит лишь дурака».

Так он обратился к радже. Раджа выслушал его речь и, поразившись гордыне брахмана, ответил:

«Если ты сможешь рассказать обо всех событиях моей жизни и обо всех моих делах, начиная с рождения и вплоть до нынешнего времени, то ты действительно всезнающ».

Тогда брахман рассказал радже обо всех его делах, даже о самых тайных. Раджа, признав, что все так и было, остался очень доволен. Пройдя несколько шагов навстречу брахману, он припал к его ногам, усадил на царский трон, украшенный сапфирами, топазами, изумрудами и «кошачьими глазами», и сказал:

5. «Словно мать, охраняет; словно отец, направляет
к добру;
Словно любимая, радуется, устраняя печали;
Безупречную славу и счастье разносит по свету;
Словно кальпа-латя, любые мечты исполняет знание».

После этого он подарил достойному брахману десять лошадей благородной породы.

Тогда Буддхисагара, присутствовавший в собрании, сказал радже:

«Владыка! Спроси у этого брахмана гороскоп Бходжи».

Мунджа сказал:

«Поведай нам гороскоп Бходжи!»

На это брахман ответил:

«Пусть Бходжу приведут сюда из комнаты для занятий».

Мунджа, побуждаемый любопытством, послал стражников, и они привели Бходжу, который украшал своим присутствием комнату для занятий. Поклонившись радже, как родному отцу, Бходжа скромно стоял, и придворное общество было очаровано красотой его облика. Оглядев Бходжу, словно великого Индру, дарителя счастья, сошедшего на землю, словно Манматху, бога любви, словно воплощенную богиню Лакшми, — знаток судьбы так сказал радже:

«О раджа! Даже Творец не смог бы должным образом описать великую судьбу Бходжи — не то что я, прожорливый брахман. И все же я скажу кое-что согласно своему разумению. Отошли Бходжу обратно в комнату для занятий».

Когда по приказу раджи Бходжа ушел, брахман сказал:

6. «Пятьдесят пять лет,
семь месяцев и три дня
Будет властвовать Бходжа
над Дакшинапатхой и Гаудой».

Услышав все это, раджа побледнел, но благоразумно изобразил на лице счастливую улыбку. Затем он отпустил брахмана, а ночью, лежа в постели, наедине с самим собой подумал так: «Если Лакшми, покровительница царской власти, придет к Бходже, то я, хоть и живой, буду мертв.

7. Те же, что и прежде, чувства, то же имя,
Тот же, неповрежденный, разум и голос тот же,
Но если человека покидает блеск богатства,
Он сразу становится илым — и это странно!

С другой стороны:

8. Для того, кто не дрожит над своим телом,
решителец, предприимчив
И с умом берется за дело,—
нет ничего недостижимого.
9. Даже если человек поражен завистью,
то благодаря прошлым заслугам и усилиям
Он может обрести успех в деяниях
с помощью друзей и советников.

Что невозможного в моем замысле?

10. Того, кто слишком осторожен,
оглядывается на каждом шагу
и боится чужого суждения,
успех обходит стороной.

Более того:

11. Если нужно что-то взять или отдать
или совершить какое-то дело,
Но это не сделаешь быстро —
время отнимет успех.
12. Бесчестье предпочитая,
честью пренебрегая,
Свою выгоду извлекает мудрый,
ибо губить свою выгоду — глупость.
13. Ради ничтожного важное
не загубит разумный человек,
В том-то и состоит мудрость:
заботиться о важном за счет ничтожного.
14. Кто не уничтожает в самом начале
врага или болезнь,
Тот, как бы ни был могуч и здоров,
в конце концов будет ими убит.
15. Человеку, защищенному мудростью,
не страшны даже мощные враги,
Так зоптику, зажатому в руке,
не страшны потоки воды.
16. Бесплодных или бесконечных,
не приносящих выгоды
Иль вовсе невозможных дел
Да не начнет разумный человек!»

Так он размышлял в одиночестве и, не успев еще
минуть третья стража, послал своего телохранителя за

Ватса-раджей, могущественным властителем Вангадэши. Телохранитель, придя к Ватса-радже, сказал: «Раджа призывает тебя!» Тот, взойдя на колесницу, в сопровождении свиты прибыл к Мундже, сошел с колесницы, предстал перед раджей, почтительно склонился перед ним и сел. Раджа, повелев оставить их наедине, сказал:

17. «Раджа, довольный своими подданными,
одаривает их почестями;
А подданные в ответ на царские почести
отдают радже все — вплоть до самой жизни.

Так вот: ты должен убить Бходжу в лесу Бхуванэшвари, в первую стражу ночи, а голову его доставить во дворец».

Ватса-раджа встал, поклонился владыке и сказал: «Приказ господина — закон. И все же, с его соизволения, я хотел бы кое-что сказать. Да простится мне моя речь, если она окажется неправой.

18. У Бходжи нет ни богатства, ни армии,
ни мощных приспешников,
Он всего лишь ребенок —
зачем убивать его, о владыка?
19. Он предан тебе, как старшему в роде,
и во всем от тебя зависит —
В смерти его никакого смысла
я не вижу, о бык среди царей!»

Тогда раджа рассказал о том, что произошло прошлым утром в царском собрании. Ватса-раджа, выслушав его рассказ, рассмеялся и сказал:

20. «Рама — владыка трех миров,
Васиштха — сын Брахмы,
И вот Васиштха определил благоприятный момент
для помзания Рамы на царство.
21. Но когда тот момент наступил,
Рама был изгнан в лес и лишен царства,
А Сита украдена —
слова сына Брахмы не оправдались.
22. О лучший из царей, кто такой этот брахмач,
мало знающий, но много жрущий,
По слову которого ты хочешь убить
принца, воплощенного бога любви?

К тому же:

23. «Что будет со мной, если я сделаю это?
Что будет со мной, если не сделаю?» —
Лишь поразмыслив об этом,
разумный человек берется или не берется за дело.

24. За какое бы дело ни брался разумный человек,
Ему следует серьезно подумать о последствиях.
Поступки, совершенные в спешке, приводят к беде
И ранят сердце, как острые стрелы.

И еще:

25. Того, с кем рядом жил, вместе ел,
смеялся и доверительно беседовал наедине,
Не забудет до самой смерти
даже очень дурной человек.

Более того, если Бходжа будет убит, то ныне преданные тебе великие герои, любимцы прежнего раджи Синдхулы, низвергнут на твой город потоки своего гнева, подобно тому как грозовые тучи низвергают на землю потоки ливня. Хотя ты и давно утвердил здесь свою власть, большинство подданных все же считают Бходжу истинным владыкой. И вот еще что:

26. Накопленный запас благих деяний
Лишится силы от дурного дела:
Ведь сколько ни налей в светильник масла,
Нагрянет ветер — и огонь потухнет.

Владыка! Убийство сына никогда не приведет к добру!»

Выслушав эти слова, раджа разгневался и сказал: «Можно подумать, что ты — верховный владыка, а не мой слуга.

27. Слуга, который не исполняет приказов господина, —
никчемнейший из слуг,
Жизнь его так же бессмысленна,
как два соска на шее у козла».

Ватса-раджа подумал про себя: «Перечить владыке следует в более подходящее время», — и промолчал.

И вот на заходе солнца, увидев, что Ватса-раджа вышел из дворца разгневанный, как сам бог смерти, придворные, пришедшие в царское собрание, под различными предлогами, испуганные, разошлись по домам. А Ватса-раджа, отправив своих слуг присматривать за домом, повернул колесницу к храму Бхуванешвари и послал одного из

приближенных за наставником принца Бходжи. Посланец сказал пандиту: «Отец! Тебя призывает Ватса-раджа!» Когда пандит услышал это, его будто гром поразил, будто бхута в него вселился, будто демон-граха его схватил, и посланцу пришлось привести его за руку к Ватса-радже. Мудрый Ватса-раджа так сказал ему с поклоном: «Пандит, отец, присядь. Пусть приведут сюда из комнаты для занятий принца Джаянту, сына раджи *Мунджи».

Когда Джаянта пришел, Ватса-раджа побеседовал с ним о его занятиях и отослал обратно. Затем он снова обратился к пандиту: «О брахман, теперь пусть приведут ко мне принца Бходжу!»

Бходжа, узнав об этом, воспылал гневом — так, что глаза его налились кровью — и, придя к Ватса-радже, сказал:

«Злосчастный! Кто ты такой, чтобы из дворца вызывать меня, принца, главного наследника престола?» И сняв с левой ноги деревянную сандалию, он ударил Ватса-раджу по темени. Тогда Ватса-раджа сказал: «Бходжа, мы исполняем приказ раджи!» Усадив отрока на колесницу и вынув меч из пожен, он поспешил к храму Махамайи.

Тогда, узнав, что Бходжа схвачен, народ заволновался и зашумел. С криками: «Что случилось? Что случилось?» — сбегались воины и, услышав, что Бходжу увели на расправу, ворвались в стойла боевых слонов, верблюдов и лошадей, в сараи для боевых колесниц и перебили всех, кто там находился. На улицах, на ограде царского дворца, на арках городских ворот и даже за пределами города загревели литавры и боевые барабаны, оглашая страшным грохотом небо. Многие жены брахманов, сыновья и слуги раджей, раджи и горожане лишили себя жизни — кто острым мечом, кто ядом, кто копьем, кто в петле, кто в огне, кто секирой, кто дротиком, кто ножом, кто кинжалом, а кто бросившись в реку.

Мать Бходжи, Савитри, которая была как бы матерью всего мира, услышав от служанки о судьбе своего сына, закрыла глаза руками и, рыдая, воскликнула: «О сын мой! На что обрек тебя твой родной дядя! Тщетными оказались все обеты и все посты, которые я совершала ради тебя! Опустели сегодня все стороны света! О сын мой, развеяна наша слава богом всеведущим и всемогущим! Посмотри: наши служанки разбили себе от отчаяния головы...» И с этими словами она рухнула наземь.

И вот, когда разгорелось пламя заката, затянув все небо будто огромными клубами дыма, и солнечный шар, словно страшась торжествующей скверны, скрылся в западном океане, Ватса-раджа, достигнув обители Махамайи, так сказал, обращаясь к Бходже: «О принц! О бог своих подданных! Некый брахман, знаток науки о звездах, предсказал, что ты будешь владеть царством. Поэтому раджа приказал тебя убить».

Бходжа сказал:

28. «Рама был изгнан, Бали унижен,
сыновья Панду скитались в лесах,
Род Вришни был истреблен,
а царственный Нала царства лишился,
Владыка Ланки томился в тюрьме
и встретил смерть в битве жестокой;
Все люди — во власти судьбы,
кто может спастись?
29. Месяц родился из молочного океана
вместе с Лакшми, Каустубхой и древом желаний,
По божьей доброте и милости своей
носит его на голове сам Шамбху,
Но даже он, этот возлюбленный почи,
Не избежал ущерба, предписанного судьбой.
Кто может нарушить ее законы,
Твердые, как каменная гряда?
30. Странствия по огромной земле,
восхождение на горы, морей одоление,
Кандалы и темницы, все это —
дары судьбы. Кто может их не принять?
31. Море в сушу, а сушу в море,
пылилку — в гору,
А гору — в пылилку, траву — в алмаз,
и алмаз — в траву,
Огонь — в мороз, а лед — в пыланье
по желанию превращающему,
Божеству прихотливых забав — Судьбе —
я поклоняюсь».

После этого он сорвал с фигового дерева два листка, свернул один из них чашечкой, надрезал ногу ножом, набрал крови в чашечку, травинкой на другом листке написал стихи и сказал Ватса-радже: «О благословенный! Передай этот листок радже. А теперь исполний царский приказ». Тогда младший брат Ватса-раджи, увидев сияющую красоту лица Бходжи в тот момент, когда ему предстояло расстаться с жизнью, сказал:

32. «Единственный подлинный друг — это дхарма,
она остается и после смерти,
Все остальное уходит
с уничтожением тела.
33. Тогда уже не придут
ни мать, ни жена на помощь,
Ни сын, ни друг, ни родня,
одна лишь опора — дхарма!
34. Хотя и могучий — слабый,
хоть и богатый — бедный,
Хоть и ученый — глупый
тот, кто не следует дхарме.
35. Тот, кто здесь не лечит себя
от недуга ада,
Что будет делать там,
где нет никаких лекарств?
36. Мудр человек, который знает,
что такое старость, смерть, страх и страдание,
Он спокойно приемлет жизнь,
наслаждается, спит, веселится.
37. Если ты видишь, как смерть уносит
равных тебе по роду, возрасту и красоте,
И нет в тебе страха, значит,
сердце твое твердо, словно алмаз».

Тогда Ватса-раджа отрешился от злого умысла. Он сказал Бходже: «Не гневайся!» — поклонился ему и усадил в колесницу. В густой темноте они отъехали подальше от города, и там, в подвале одного дома, Ватса-раджа спрятал Бходжу и приставил к нему охрану. А сам приказал умельцам изготовить поддельную голову принца Бходжи с прекрасными серьгами в ушах, с искаженным лицом и закрытыми глазами — и, взяв эту голову, смиренно пришел в царский дворец, поклонился радже и сказал: «То, что приказал Благословенный, исполнено». Раджа, узнав, что мальчик убит, спросил: «Ватса-раджа, что он сказал, когда ты поднял меч?» Ватса-раджа подал ему тот листок. Раджа приказал жене поднести светильник и прочитал то, что было написано на листке:

38. «Мандхата, владыка просторов,
украшение крита-юги, ушел.
Тот, кто возвел над океаном мост
и Равапу сокрушил, где он теперь?
Юдхйштхира и другие цари
тоже на небесах, о владыка земли!
Но ни с одним из них не ушла земля.
неужели с тобою уйдет, о Мунджа?»

Раджа, поняв смысл этого стихотворения, лишился чувств и упал со своего ложа на землю. Царица, взявшись руками-лотосами за край своего одеяния, стала обмахивать мужа, но очнувшись, Мунджа закричал, как подбитая птица: «О владычица, не прикасайся ко мне! Горе, горе мне, детоубийце!» Призвав стражников, он сказал им: «Приведите брахманов!»

Поклонившись брахманам, пришедшим по его приказу, Мунджа сказал: «Я убил ребенка. Поведайте, как искупить эту вину». Брахманы сказали: «О раджа, ты должен немедленно войти в огонь!» А Буддхисагара, который пришел вместе с брахманами, сказал: «Ты — худший из царей, а Ватса-раджа — худший из слуг. Раджа Синдхула вручил тебе царство и вместе с ним отдал Бходжу на твое попечение. И как же ты, родной дядя, обошелся с ним!

39. В быстротечной и пьянящей юности
 дурные люди
Совершают столько зла,
 что вся жизнь их теряет смысл.
40. Доброму человеку сними с головы травинку,
И он благодарен, будто обрел тысячи золотых;
Но помоги злодею, хоть жертвуя собственной жизнью,
И он ответит на это лишь злобою и враждой.
41. Тот, кто не различает
 благоденствие и злодейство,
У того сердце из камня,
 и о нем нельзя сказать: «Он живет».
42. Даже самый маленький росток,
 если о нем прилежно заботиться,
Со временем отблагодарит плодами —
 так и люди, если о них заботиться.
43. Золото, зерно, драгоценности
 и прочие богатства,
Все, чем ни владеют цари,
 все должно служить благу подданных.
44. Если раджа благочестив, то и подданные благочестивы,
Если раджа скверен, то и подданные осквернены,
Всегда и во всем они следуют за властелином:
Каков раджа, таковы и подданные».

Было решено, что той же ночью раджа войдет в огонь. Собрались все вассалы и горожане, и повсюду распростра-

нилась весть: «Убив ребенка и ужаснувшись содеянному, раджа идет в огонь». Тогда Буддхисагара, приказав стражникам никого не впускать к радже, провел его во внутренние покои дворца, а сам в одиночестве остался в зале собраний. Ватса-раджа, услышав о смерти раджи, пришел в зал собраний и, поклонившись Буддхисагаре, тихо сказал: «Отец, я уберег Бходжа-раджу». Буддхисагара сказал ему что-то на ухо. Выслушав это, Ватса-раджа удалился.

Вскоре во дворец пришел некий капалика. В руке он держал жезл из бивня царственного слона, волосы на его голове были увязаны в красивый узел, все тело натерто смесью камфары с пеплом, так что он казался воплощением бога любви. В ушах блестели хрустальные серьги, на бедрах — шелковая повязка, так что весь он был словно сам бог Шива, луной увенчанный. Увидев его, Буддхисагара сказал: «О владыка йогов! Откуда ты пришел? Где твоя обитель? Поскольку ты капалика, ты, наверное, обладаешь чудодейственной силой и знаешь чудодейственные лекарства, не так ли?»

Аскет ответил:

45. «В каждой стране — наш дом,
в каждом доме — нам в подаяние пища,
В озерах и реках — вода.
О Шива! Таковы подвижники истины.

46. В каждой деревне — хижина,
в каждом ручье — вода,
Пропитание — подаяние.
К чему же тогда богатство?

О владыка! Нет у нас постоянного места жительства, мы странствуем по всему кругу земли и подчиняемся только наставлениям нашего гуру. Вся земля для нас — будто плод миробалана на ладони. И любые болезни, о отец, мы сразу вылечиваем, будь то укусы змей, отравление ядом, какая-нибудь зараза, рассечение головы мечом или упадок сил из-за неблагоприятной судьбы».

Раджа Мунджа, стоя за стеной, слышал этот разговор. Он вышел в зал собраний, смиренно поклонился капалике и сказал: «О владыка аскетов, подобный самому Шиве и преданный делу добра! Защити меня, великого злодея! Оживи убитого мною отрока!»

На это аскет ответил: «О царь, не бойся! Твое дитя не умрет: по милости Шивы мальчик вернется домой. Толь-

ко вели принести к месту кремации у берега реки все, что необходимо для жертвоприношения, а также пошли туда Буддхисагару». И раджа послал Буддхисагару со словами: «Сделай все, что скажет этот капалика».

Ночью Бходжу тайно привели к берегу реки, и повсюду распространили молву: «Аскет-капалика оживил Бходжу». Затем, восседая на величественном слоне, прославляемый придворными певцами, сопровождаемый оглушительными звуками литавр и барабанов, окруженный горожанами и министрами, Бходжа-раджа прибыл в царский дворец. Раджа обнял его и зарыдал. Бходжа же успокоил рыдавшего Мунджу и воздал ему хвалу. Тогда Мунджа, чувствуя удовлетворение и восторг, усадил Бходжу на собственный трон, вручил зонтик и опахало и отдал ему царство. Каждому из своих сыновей он подарил по деревне, а самому любимому сыну, Джаянте, наказал оставаться при Бходже. После этого, избавленный от страха смерти и отрешившийся от мирских забот, Мунджа со своею царицей ушел в лес и предался там суровому подвижничеству. А раджа Бходжа по милости богов и брахманов стал править царством.

*На этом кончается рассказ о том,
как Бходжа-раджа
обрел царство.*

[НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ БХОДЖИ]

Итак, когда Мунджа удалился в лес предаваться подвижничеству, Бходжа-раджа, владыка земли, стал наслаждаться царствованием, вновь назначив главным министром Буддхисагару. И вот однажды, направляясь в свой сад, раджа встретил некоего брахмана, жителя города Дхара. Увидев раджу, брахман закрыл глаза. Тогда раджа спросил: «О дваждырожденный! Ты увидел меня, но должного благословения: «Да будет благо!» — не произнес. Более того, ты нарочно закрыл глаза. В чем тут причина?»

Брахман сказал: «О владыка! Ты — вишнунит и не чинишь вреда брахманам, поэтому нет у меня страха перед тобой. Но ты никому ничего не даешь, значит, ты не обладаешь достоинством щедрости. А раз так, к чему мне благословлять тебя? Глаза же я закрыл потому, что, как

говорит пословица, «утром увидишь скупца — днем потеряешь убыток». Более того:

47. Тот, чья милость бесплодна,
а ярость беспцельна,
Не нужен народу в цари,
как женщине — евнух.

48. Мудрость перешительного,
богатство скареды,
Сила труса —
вот три бесполезные вещи на свете.

Владыка! Когда мой отец, состарившись, отправился паломником в Каши, я попросил у него наставления: «Отец, что следует, а что не следует делать в жизни?» И отец ответил:

49. «Если твое сердце мудро,
то даже во сне не служи
Радже, над которым властвуют
советники, евнухи или молодые женщины.

50. Из всех зол, о сын мой,
два зла — наихудшие:
Раджа с дурными министрами
и служба такому радже.

51. Там, где царь неразумен,
министры не склонны к добру,
А злодеи всесильны,—
там благородным нет места.

52. Раджа, даже лишенный богатства,
но добродетельный, достоин служения:
С течением времени, раньше или позже,
эта служба принесет плоды».

Тот, кто не дает, в том нет ни щедрости, ни благочестия. О владыка, раджи былых времен: Кáрна, Дадхíчи, Шиби, Викрама и другие, которые ныне украшают небеса,— продолжают жить и на земле, потому что живет слава их божественной щедрости. А разве теперешние раджи такие?

53. Заботиться надо не о смертном теле,
а о бессмертной славе:
Тело человека умирает,
но в славе своей он живет вечно.

54. Мудрый и глупый,
сильный и слабый,
Богатый и бедный —
все равны перед смертью.

55. Ни на миг не задержится
 уходящая жизнь,
Поэтому бренным телом
 обретай петлепную славу.

56. Живым среди живых сочтут ли мужа,
Не знающего, что такое мудрость,
Искусство, доблесть, благородство, скромность,
Умение дарить и наслаждаться?»

Раджа, словно омытый потоком амриты, словно достигший высшего блаженства, пролил слезы радости и сказал дваждырожденному: «О лучший из брахманов, слушай!

57. В мире много людей,
 всегда говорящих приятное,
Но мало тех, кто говорит и слушает
 неприятное, но полезное.

58. Мудрые не доброжелательны,
Доброжелатели не обладают мудростью,
Мудрого друга столь же трудно найти,
Как сладкое и благотворное лекарство».

С этими словами раджа дал брахману сто тысяч и спросил: «Как тебя зовут?» Брахман написал свое имя на земле: «Говинда». Раджа прочитал его имя и сказал: «О брахман, приходи в царский дворец каждый день. Тебе не будет никаких препятствий. И свободно приводи других ученых и поэтов. На тебя возлагается обязанность следить за тем, чтобы никто из них не испытывал никаких печалей».

Прошло несколько дней, и повсюду разнеслась весть о том, что раджа Бходжа — друг ученых и щедрый даритель даров. Со всех сторон света сошлись поэты в стремлении лицезреть раджу. И однажды главный министр, видя, как раджа расточает казну, сказал ему: «О владыка, победоносны те и только те раджи, которые владеют мощной казной. Верно сказано:

59. Побеждает тот, у кого мощные слоны,
 ему принадлежит земля;
У кого крепость, тот неприступен,
 у кого казна, тот необорим.

60. Богатому подобает
 стремиться к приросту богатства:
Лук, имеющий два конца,
 напрягается, чтобы поразить цель».

Раджа на это ответил:

61. «Если не дарить и не тратить,
не наслаждаться им вместе с друзьями,
То накопленное богатство
со временем обратится в ничто».

Сказав так, раджа сместил главного министра с его должности и назначил на это место другого. Новому главному министру он сказал:

62. «Великому поэту давать сто тысяч,
ученому — половину того,
Ученому наполовину — жаловать деревню
и полдеревни — тому, кто стремится к учению.

А если кто из моих министров, советников и прочих слуг будет противиться раздаче даров, то предавать его казни. Ибо сказано:

63. То, что отдал, и то, что съел,—
вот истинное богатство богача:
Умрет — другие наслаются
и его женой, и его казней.
64. Поддавшимся мил тот, кто дает,
а не просто владеет богатством:
Лучше облако-благодаритель,
нежели влагохранилище-океан.
65. Низок океан, озабоченный
всегда лишь одним накопительством,
Возвышенно щедрое облако,
пад землею громом гремящее».

ВХОДЖА И МУДРЕЦЫ

...Однажды раджа сказал главному министру:

74. «Все глупцы, пусть даже брахманы,
да будут изгнаны из моего города!
А все мудрецы, пусть даже горшечники,
да пребывают в нем невозбранно!»

С тех пор в городе Дхара не было ни одного глупца.

И вот, постепенно двор благословенного Входжа-раджи украсили пятьсот мудрецов, изоцренных во всех науках и всезнающих. Среди них главными были: Вараручи, Бана, Маюра, Ренхана, Харишанкара, Калинга,

Карпура, Винайка, Мадана, Видьявиноба, Кобила и Тандра.

Однажды, когда владыка Бходжа, любитель поэзии, сам превосходный поэт и лучший друг брахманов, восседал на престоле в окружении мудрецов, пришел стражник и, поклонившись, доложил: «О владыка! Некий ученый муж стоит у дверей». Когда раджа приказал: «Пусть он войдет», — появился брахман и, подняв правую руку в приветствии, сказал:

75. «О раджа! Счастье да сопутствует тебе всегда!»

«О Шанкара-поэт, что ты принес нам?»

«Стихи». — «О ком?» — «О Бходже, поддавших

владыке».

«Прочти стихи нам, о поэт!» — «Читаю:

Остановите на мгновение браслетов звон
на дланях трепетных красы лотосоокой,
Взволнованной величественным колыханьем
победоносных царских опахал.

76. Ширится слава великого Бходжи,

Миры объемля своей белизною,

Сокрушается сердце мое печалью:

Побелеют локоны у любимых».

Тогда раджа дал поэту Шанкаре двенадцать лакхов. Все ученые мужи, присутствовавшие при этом, побледили от зависти, но из страха перед раджей никто ничего не сказал. А раджа ушел к себе заниматься делами.

В отсутствие раджи мудрецы стали порицать его: «Увы! Владыка людей невежествен. Что толку служить ему? Поэтам, знатокам вед и шастр, он дает всего лишь по сто тысяч... А этот Шанкара, деревенщина, удостоился такой огромной награды!» Вдруг среди общего шума явился некий ученый муж: в ушах у него блистали серьги из золота и драгоценных камней, одет он был, будто принц, в одежду из великолепной ткани; тело его было умащено мускусом и сандалом, голова украшена цветами — он казался воплощением мужской красоты, олицетворением поэзии, источающей шрингара-раса, более того — великим Индрой, спустившимся на землю. При виде его общество мудрецов было охвачено страхом и изумлением. А он, поклонившись всем, сказал: «Где Бходжа, владыка людей?» Ему ответили: «Раджа только что ушел к себе». Тогда вновь пришедший, дав каждому из присутствовавших мудрецов бетель с пряностями, сел — будто

лев, царь зверей, забредший в стадо царственных слонов. Затем этот великий муж, услышав, что мудрецы разгневаны наградой, которую получил поэт Шанкара, сказал им: «Не думайте, что двенадцать лакхов даны были только поэту Шанкаре. Вы просто не поняли умыслараджи. Раджа почтил поэта Шанкару, дав ему один лакх, чтобы почтить бога Шанкару. Но поскольку само имя «Шанкара» подразумевает еще одиннадцать божеств и, следовательно, поэт Шанкара является как бы их зримым воплощением, раджа дал еще по лакху на каждого из этих божеств тому же поэту Шанкаре. Таков смысл царского дара». Все были поражены.

Тогда кто-то из царских слуг, не мешкая, доложил радже об этом учетом и его словах. Раджа подумал: «Он угадал мои мысли. Поистине сей великий муж подобен самому Великому владыке Шиве!» — и вышел в залу собраний. Ученый приветствовал раджу возгласом: «Да будет благо!» Раджа поклонился ему, обнял его, соединив свои и его руки-лотосы, а затем увел ученого в свои покои и, сев у высокого окна, сказал: «О брахман, какие буквы осчастливлены твоим именем? В какой стране ты опечалил добрых людей своим отсутствием?» Тогда поэт написал на царской ладони: «Калидаса». Прочитав имя гостя, раджа упал к его ногам.

Тем временем наступил вечер. Раджа сказал: «О друг! Опиши вечер!» И Калидаса произнес такие стихи:

77. «Будто ум блудодоя, увядает цветов краса,
Будто странники на чужбине, испытывают унылые пчелы,
Будто раджа-тиран, угнетает мир темнота,
Будто деньги скупца, бесполезны людям глаза».

Затем поэт восхвалил раджу:

78. «Лесть допустима, пока
нет дружбы с тем, кому льстишь;
Верному другу польстить —
это постыдный обман.
79. Дарит искусным поэтам
землю, богатую златом,
Тот, кто божественной речи
знает нетленную ценность.
80. Муку и радость трудов поэта
поймет лишь тот, кто и сам поэт:
Бесплодная женщина не знает
причуд и капризов беременной».

Постепенно между Бходжей и Калидасой установилась сердечная дружба. Однако зная, что Калидаса питает страсть к гетерам, все при дворе презирали его и старались обходить стороной.

Однажды, увидев Калидасу в зале собраний, Бходжа подумал про себя: «Почему столь мудрого человека привлекают муки бога любви?» Поэт, отгадав мысли раджи, сказал:

81. «Что спрашивать с людей обыкновенных,
Дрожащих перед луком Кама-дэвы,
Когда сам Шива, супостата сжегший,
Наполовину мужества лишился!»

Бходжа был очень доволен и дал поэту по лакху за каждый слог. Тогда Калидаса восхвалил Бходжу:

82. «О раджа великий!
Мир охвачен белизной твоей славы:
Океан молочный
днесь не отыщет возвышенный Вишну,
Неистовый Шива
Кайласу не видит, а Индра — слона,
Луну не глотает
Раху, и гусь потерялся у Брахмы.

84. О лучший из царственных мудрецов,
чтобы взвесить славу твою, Творец,
Кайласу бросил на чашу весов,
по многое к ней добавить пришлось:

Быка — и Умы супруга поверх,
ему на голову — Ганги поток,
Рядом — громаду Властителя змей
и шар струящей нектар Луны».

Раджа был очень доволен и дал поэту по лакху за каждый слог.

Однажды некие брахманы, знатоки шрути и смрити, узнав, что раджа Бходжа — любитель поэзии, пришли к храму Бхуванешвари, стоявшему у стен города Дхара, уселись там и сказали: «Милостью Бхуванешвари и мы сочиним стихи!» Один из них, который считал себя большим ученым, прочитал четверть строфы:

85. «О раджа, дай-ка нам поесть...»

Другой прочитал еще четверть строфы:

«...рис с жирною подливою...» —

по дальше у них никак не получалось. В это время Калидаса пришел в храм поклониться богине. Увидев его, брахманы сказали: «Нам, знатокам всех вед, Бходжа не дает ничего. А такие, как ты, получают всего вволю. Поэтому мы пришли сюда с намерением сочинять стихи. Долго старались и сочинили полстрофы. Досочини нам вторую половину, тогда и нам раджа даст что-нибудь». И они прочитали Калидасе свои полстрофы:

«О раджа, дай-ка нам поесть
рис с жирною подливою...»

Выслушав их, Калидаса добавил:

«И простоквашу белую,
как лунное сияние».

Брахманы направились к царскому дворцу и сказали стражникам: «Мы пришли с сочиненными стихами. Проведите нас к радже». Стражники весело рассмеялись, пошли к радже и, поклонившись, доложили:

86. «Зубами мелкими блистая
и руки в боки уперев,
Там у ворот стоит, о раджа,
Вед знатоки, враги стихов».

Раджа велел привести брахманов. Они вошли в залу собраний, огляделись кругом и, став поближе друг к другу, хором прочитали стихи:

87. «О раджа, дай-ка нам поесть
рис с жирною подливою
И простоквашу белую,
как лунное сияние».

Раджа сразу понял, что вторая половина строфы принадлежит Калидасе, и сказал брахманам: «Тот, кто сочинил первую половину, никогда не должен браться за стихи. А за вторую половину я заплачу». И велел выдать по лакху за каждый слог. Когда же брахманы, получив награду, ушли, раджа сказал, обратившись к Калидасе: «О поэт, вторую половину этой строфы создал ты, не так ли?» Поэт ответил:

88. «Поцелуев усладу, упругость грудей,
взоров пленительных пряность
И поэзии подлинное волшебство
знает лишь тонкий ценитель».

Раджа сказал: «О добрый поэт, ты говоришь сущую правду!

89. Поэзии нетленный плод
неповторимым соком полон,
Но вкус его дано вкушать
лишь истинному поэту.
90. В огромном мире только три творенья
Даруют полную усладу сердцу:
Напиток сахарный, слова поэтов
И взгляды долгие стыдливых женщин».

(БХОДЖА, ЛАКШМИДХАРА И ТКАЧ)

Однажды стражник, поклонившись, сказал Бходже: «О раджа! У ворот стоит некий поэт из страны дравидов по имени Лакшмидхара». Раджа повелел: «Пусть он войдет!» Увидев вошедшего поэта, величественного, как солнце, и незнакомого с обычаями двора, раджа задумался и сказал:

91. «Счастлив, кто по лицу читает
желастья тайные людей:
Выслушивать ему не надо
униженные их мольбы».

А поэт, войдя в залу собраний, приветствовал раджу возгласом: «Да будет благо!» — и, сев с его разрешения, сказал: «О владыка! Твое собрание украшено мудрецами, и сам ты — воплощенный Вишну. Я по сравнению с вами — жалкий неуч. И все-таки я скажу кое-что:

92. Мощь раджи Бходжи сотворив, Создатель
Что сделал из отброшенных частичек?
Гром в Индровой деснице, в небе солнце
И пламя, спрятанное в океане».

Собрание было восхищено словами поэта, а раджа дал ему по лакху за каждый слог. После этого поэт сказал: «О владыка! Я пришел сюда, чтобы поселиться здесь вместе с семьей.

93. Щедрого покровителя, знаюка поэзии,
можно обрести благодаря заслугам,
Но преданного поэта, честного и искусного,
мудрого и ученого, нелегко найти».

Тогда раджа сказал главному министру: «Пожаловать этому поэту дом!» Главный министр обошел весь город, но не нашел ни одного глупца, которого можно было бы выселить, чтобы отдать его дом поэту. Снова отправившись на поиски, министр набрел на дом некоего ткача и сказал ему: «Ткач, оставь этот дом. В твоём доме будет жить учёный поэт». Тогда ткач пришел в царский дворец и, поклонившись радже, сказал: «О владыка, твой главный министр счел меня за глупца и хочет выселить из дома. Посмотри сам, глупец я или нет.

94. Из нитей ткани сплетаю — прекрасно сплетаю,
Из звуков строки сплетаю — прекрасно сплетаю.
О раджа! Мира хранитель! О символ величья!
В ткачестве главное — качество. Я умолкаю».

Тогда раджа, задетый тем, что ткач обращался к нему на «ты», сказал ему: «Стихи твои изящны и источают сладость поэзии, но говорить тебе следует с большим разумением». Ткач рассердился и ответил: «Я знаю, как возразить на это, но промолчу. Дхарма раджи отличается от дхармы знатока». Раджа сказал: «Если хочешь возразить, говори!» Ткач сказал: «О владыка! Никого, кроме Калидасы, я не считаю поэтом. Разве кто-нибудь ещё в твоём собрании понимает, как он, истинную суть поэзии?

95. Поэтический дар, словно божий нектар,
это плод благодати,
А не плата за труд или пот, не награда
за громкую славу.
Разве буйвол, весь день проторчавший в пруду
и все дно истоптавший,
Расцветавших лотосов может почувствовать
благодаренье?

96. Мое плетенье из словес, необычайно сладостное,
Пустые звуки для иных, но для души поэта — радость.
Так взоры нежных женских глаз, кокетливо полуприкрытых.
Для сердца мальчика — ничто, но юноше припасят счастье».

Поэтесса Сита, почитаемая знатоками, сказала:

97. «Если дурак не поймет стихи,
он поэта винит, а не дурость;
Если у женщины плоская грудь,
всегда виновата блузка».

После этого ткач прочитал такие стихи:

98. «В младенчестве — сынам, в объятьях — женам,
Поэтам — в похвалах, солдатам — в битвах
«Ты» говорить — прилично и похвально.
Не позабыл ли ты об этом, раджа?»

Раджа воскликнул: «Прекрасно, о благородный ткач!» — и дал ему по лакху за каждый слог, а потом сказал еще: «Не бойся!»

[ВХОДЖА И БАНА]

Прошло некоторое время, и Бана, лучший из мудрецов, весьма чтимый раджей, в силу собственной кармы впал в крайнюю нищету. Однажды ночью раджа, переодевшись, бродил по городу и остановился рядом с домом Баны. И вот в полночь, удрученный своей нищетой, Бана сказал любимой жене: «О владычица! Сколько раз раджа исполнял мои желания! Он и сегодня одарил бы меня, если бы я попросил. Но от бесконечных просьб даже у дурака язык усохнет». Сказав так, он помолчал немного, а потом прочитал стихи:

99. «О Хăра! Хăра! Что горше:
халăхала-яд или жалобная мольба?
Ты, только ты один
различие меж ними знаешь.

О владычица!

100. Истинное лицо нищеты —
не безденежье, а бесстыдство:
Шива, хотя он и гол и бос,—
многоглазый Владыка мира.
101. Для счастья служба, страсти для богатства,
Для гордости мольба, тирап для мира
И сын развратный для престижа рода —
Как топоры, секущие под корень.

Поэтому хоть я и впал в нищету, но сам сказать об этом радже не могу.

102. Облако всем любезно,
льющее дождь мимолетно,
Солнце печет и мучит,
руки-лучи простирая.

И еще, владычица:

103. Бедности жалкое пламя
влага довольства потушит,
Дух, опаленный отказом,
воспламенится навеки».

Раджа слышал все это и, уходя, подумал: «Сейчас не время раздавать дары, но завтра я сполна удовлетворю желанья Баны.

104. Если в словах нет ни складу ни ладу,
Если кругом торжествует страданье,
Если нужда донимает достойных,
Тщетны поэзия, власть и богатство».

[ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛИДАСЫ]

Однажды раджа, увидев входившего в залу собраний Калидасу, лучшего из всех поэтов, слегка опечалился при мысли о том, что Калидаса питает пристрастие к гетерам. Тогда Сита, чтимая обществом мудрых, угадав ход мыслей раджи, сказала:

133. «В достойном недостаток усмотрев,
не огорчаются ценители достоинств:
Ведь пятна есть и на лице луны —
мы лицезреем их с благоговеньем».

Довольный раджа дал Сите сто тысяч. Но все-таки его отношение к Калидасе не было уже таким, как прежде, и, угадав чувства раджи, Калидаса сказал, обращаясь как бы к весам:

134. «О весы, для того ли дана вам власть
истинный вес в равновесье мерить,
Чтоб низвергалось весомое вниз,
а легковесное ввысь возносилось?»

И еще он сказал:

135. «Кому весь мир — пристанище, не станет
Калечить дух слепой любовью к дому:
Лишь гнусные глупцы предпочитают
Гнилую воду из колодца предков».

И удрученный тем, что раджа презирает его, Калидаса ушел домой.

136. Дружбу, разбитую неуважением,
разве возможно восстановить?
Расколовшуюся жемчужину
не возьмется чинить ювелир.

Раджа тоже был удручен. Тогда царица Лилавати спросила мужа о причине его печали. Раджа доверительно поведал ей обо всем. Царица, услышав из собственных уст раджи о его презрении к Калидасе, сказала: «О владыка, о повелитель моей души, тебе известно все:

137. Лучше совсем не любить,
чем любить, а потом расставаться.
Хуже тому, кто ослеп,
чем тому, кто слепой от рожденья.

Но ведь Калидаса — это сама богиня Сарасвати, воплощенная в человеческом облике. Поэтому ты должен оказывать ему наивозможнейшее уважение — большее, чем всем другим ученым и поэтам. Подумай:

138. Ущербную, кривую и запятнанную,
На заходе друга-солнца восходящую,
Тем не менее любит Шива луну:
Тем, кто предаи, не ставят в вину недостатки».

Раджа согласился и сказал: «Дорогая, все это верно. Завтра же утром я воздам должное Калидасе».

На следующий день раджа, почистив зубы и завершив необходимый туалет, пренебрег традиционными утренними обрядами и направился в залу собраний. Ученые, поэты, невцы и прочие придворные — все уже были в сборе. Увидев, что нет одного лишь Калидасы, раджа послал за ним своего слугу в дом гетеры. Слуга пришел туда, поклонился Калидасе и сказал:

«О владыка поэтов! Бходжа, владыка людей, зовет тебя!»

Поэт подумал: «Вчера раджа выказал мне свое неуважение. Почему же сегодня с утра он зовет меня к себе?

139. Того, кто при дворе любим,
обласкан царской милостью,
Всегда стремятся устранить
усердные придворные.
140. Там, где царь неразумен,
министры не склонны к добру,
А злодеи всесильны,
там благородным нет места».

Так размышляя, он пришел в залу собраний. Бходжа увидел его издали, радостно поднялся с трона и, воскликнув:

«Дорогой поэт, любимейший мною, почему ты сегодня пришел с опозданием?» — сделал несколько шагов навстречу Калидасе. Все присутствовавшие повставали со своих мест. Придворные были поражены. Враги Калидасы побледнели. Тогда раджа своей собственной рукой-лотосом взял поэта за его руку-лотос, подвел Калидасу к трону и, усадив на него, сам, испросив соизволения, сел рядом.

Увидев Калидасу, восседавшего на троне, поэт Бана поднял правую руку и сказал:

141. «Бходжа — это поистине Рудра,
блеска ценитель, искусства знаток:
Он превознес до вершины величья
средоточие несовершенств».

И с той поры остальные мудрецы из-за особого уважения, оказанного раджей поэту, воспылали огнем вражды к Калидасе.

Посоветовавшись со знающими людьми, мудрецы обратились к служанке Бходжи, преподнесли ей драгоценные подарки — золото и прочее, — а затем сказали ей так:

«О красавица! Этот Калидаса губит нашу славу. Никто из нас не может сравниться с ним в искусстве. Милая, сделай так, чтобы раджа изгнал его из страны».

Служанка ответила:

«Я сделаю то, что вы просите, если вы подарите мне жемчужное ожерелье. Только ожерелье — вперед».

Получив от мудрецов жемчужное ожерелье, служанка подумала:

«Для умного человека нет ничего недостижимого!»

И вот через несколько дней случилось так, что раджа лег спать в одиночестве, а эта служанка, помассировав ему ноги и оказав другие положенные услуги, сделала вид, что невзначай уснула неподалеку от царского ложа. Затем, уловив момент, когда раджа заворочался и слегка пробудился от сна, служанка проговорила:

«О подружка Маданамалини! Этот негодяй Калидаса, нарядившись служанкой, проник на женскую половину дворца и наслаждается царицей Лилавати».

Услышав это, раджа вскочил и спросил:

«Тарангавати, ты не спишь?»

Но служанка не отвечала, притворившись спящей. Раджа, услышав, как она храпит, подумал:

«Тарангавати во сне проговорила о недостойном поведении царицы. Что ж, вполне возможно, что Калидаса в наряде служанки проникает на женскую половину. Кто знает женский характер?!»

Рассудив так, раджа утром притворился, будто у него жар, и не встал с постели, а служанке велел позвать Калидасу. Когда поэт пришел, раджа через ту же служанку призвал к себе царицу Лилавати и сказал ей:

«Дорогая! Мне надо поесть какую-нибудь целительную пищу».

Царица ответила:

«Конечно, сейчас», — и вскоре подала радже чечевичную похлебку в серебряной чаше. Тогда раджа, желая вывести тайные помыслы царицы и поэта, прочитал половину строфы:

142. «С чего это подружка-чечевица
красуется теперь без кожуры?» —

Калидаса, не смутившись присутствием царицы, прочитал в ответ такие строки, составившие вторую половину строфы:

«Наедйпе с возлюбленным бульоном
она стыда лишилась и одежд».

Услышав это, царица поняла смысл строфы, словно сама Сарасвати, которой от природы ведомы все смыслы, и слегка улыбнулась. Раджа, заметив ее улыбку, подумал:

«Она уже давно любит Калидасу. Поэтому он осмелился прочитать в ее присутствии такие строки, а она улыбнулась. Кто знает женский характер?!»

143. Прыжки копя, раскаты грома Индры,
Поступки женщины, судьбу мужчины,
Чередование засухи и ливней —
Бог не предвидит, а куда уж людям!

Но Калидасу, брахмана, нельзя убить даже за столь ужасное преступление, тем более что он — воплощение Сарасвати в человеческом облике».

И рассудив таким образом, раджа сказал Калидасе: «Поэт! Отныне тебе не дозволяется ни под каким видом оставаться в нашей стране. И не надо лишних слов. Не изволь утруждать себя ответом»,

Тогда Калидаса быстро встал и, придя в дом гетеры, у которой он жил, сказал ей:

«Дорогая! Разреши мне уйти. Бходжа разгневался на меня и повелел покинуть его страну. Увы!

144. Небывальщина былью станет,
 обернется быль небыллицей —
Человеку и не приснится,
 что судьба ему уготовит.

Однако ясно и то, что тут постарались придворные мудрецы. Ибо сказано:

145. Если ничтожных много,
 сила их велика:
Так из травы слетают
 пути для грозных слонов».

Тогда гетера, которую звали Виласавати, сказала поэту:

146. «Только тот настоящий друг,
 кто и счастье и горе делит;
Словно зеркало, отражает
 он и радость твою, и печаль».

Дорогой! Если у тебя есть я, то что тебе раджа и его дары?! Живи в свое удовольствие и без опасений в подвале моего дома».

И Калидаса прожил там несколько дней.

После того как Калидаса был отлучен от двора, царица Лилавати сказала радже:

«О владыка! Прежде поэт Калидаса был твоим лучшим другом. Почему же теперь ты издал столь страшный указ и изгнал поэта из пределов страны?

147. Как сладость сахарного тростника
 растет от маковки до корня,
Так дружба добрых — ото дня ко дню.
 Лишь у превратных все превратно.

148. Защиту от любых врагов,
 добра и верности твердыню,
Кто подарил нам этот дар —
 два драгоценных слога: «друж-ба»?»

Раджа, выслушав эти слова царицы Лилавати, сказал:

«О владычица! Мне сообщили, что Калидаса, парядившись служанкой, проник на женскую половину дворца и наслаждался тобою. Желая узнать, было ли это на са-

мом деле, я притворился больным и подверг вас обоих испытанию. Калидаса в твоём присутствии не постеснялся прочесть вторую половину строфы:

«Наедине с возлюбленным бульоном
она стыда лишилась и одежд»,—

а ты, услышав ее, засмеялась. Я все понял и, не взяв на себя смелость убить брахмана, изгнал Калидасу из страны. А тебя я не убил по доброте своей.

Пораженная царица воскликнула:

«О владыка! Поистине счастлива я, что имею такого мужа! Разве могу я помыслить о ком-либо ином, преданная наслаждению с тобою?! Ведь ты — идеал всех женщин, вкушающих усладу любви. Увы, о владыка, если ты меня, верную жену, будешь считать неверной, мне останется лишь умереть».

Тогда раджа сказал: «Дорогая, ты права!» — и по его приказу слуги принесли змею, раскалили железный шар и натянули на лук тетиву. Царица совершила омовение и, нежнотелая, горя огнем преданности мужу, сказала, устремив взор на солнце:

«О солнце, око мира! Ты все видишь и все знаешь!

149. И наяву, и в снах моих,
и даже в полном забвении
Владыка тела и души —
супруг мой, и никто другой!»

После этих слов она три раза подвергла себя божьему суду.

Когда Лилавати, очищенная от подозрений, уходила на женскую половину дворца, раджа, охваченный раскаянием и опустив голову от стыда, говорил ей:

«Владычица! Прости меня, злейшего из злодеев! Что я еще могу сказать?»

С тех пор раджа не спал, не ел и ни с кем не разговаривал, только день и ночь в помрачении рассудка стонал:

«О, позор мне! Где был мой разум?! Где было мое благородство?! Увы! Увы! О Калидаса! О драгоценность, сияющая в короне поэзии! По глупости своей я заставил тебя выслушать непотребное, я наговорил тебе такого, чего не следовало говорить!»

И будто лишенный чувств, будто пораженный демонами, будто помраченный Майей, раджа упал наземь. Царица окропила его водой из своих ладоней-лотосов —

к радже вернулось сознание, он увидел любимую жену и с трудом встал, мучимый угрызениями совести.

Будто почь без владычицы ночи — луны, будто день без дневного светила, будто женщина без возлюбленного, тоскующая в разлуке, будто обитель богов без повелителя Индры, поблекла без Калидасы зала собраний Бходжи. Не звучат стихи ни у кого на устах, никто не промолвит веселого слова.

Прошло несколько дней, и однажды, в почь полнолуния, увидев диск луны, а затем взглянув на лицо-луну царицы Лилавати, раджа Бходжа сказал:

«Пытается сравниться круг
с живой красою луноликой...

Но от луны даже в полнолуние не дожدهшься ни ласковых взоров, ни сладких слов».

Утром, встав и совершив все утренние обряды, раджа вышел в залу собраний и сказал лучшим из мудрецов:

«О поэты! Нужно завершить вот эту строфу».

И он прочитал:

«Пытается сравниться круг
с живой красою луноликой...

А потом добавил:

«Если вы не завершите эту строфу, то будете изгнаны из моей страны».

Поэты, испуганные, разошлись по домам. Долго гадали над предложенными строками, но никто не смог придумать им осмысленного завершения. Тогда, собравшись все вместе, решили послать к Бходже поэта Бана. Бана пришел в залу собраний и сказал радже:

«О владыка! Я послан к тебе всеми мудрецами. Дай нам срок — восемь дней. К девятому дню строфа будет завершена. Если же нет — мы покинем твою страну».

Раджа сказал: «Хорошо, пусть будет так!»

Тогда Бана, сообщив всем о решении раджи, ушел к себе домой.

И вот прошло восемь дней. Ночью восьмого дня все поэты вновь собрались, и Бана сказал:

«Увы! Мы были легкомысленны, ревновали к царским почестям, проявили скудоумие — и в результате Калидаса отправлен в изгнание. В обычных условиях мы все — поэты, но в необычных — только он один поистине поэт.

Он изгнан — и где теперь величие? Будь он здесь, разве с нами приключилось бы такое? Теперь вы видите, сколь мудро было избавиться от Калидасы!

150. С обычным брахманом вражда
влечет уничтожение рода,
Вражда с Богиней во плоти —
поэтам верная гибель!»

Все заволновались и заспорили друг с другом. Тогда Маюра и несколько других поэтов, успокоив споривших, сказали:

«Сегодня истекает срок, но, кроме Калидасы, никто не способен завершить строфу.

151. Боец проверяется в битве,
поэт — в состязанье поэтов,
Решающее мгновенье
приносит позор или славу.

Давайте сегодня же в полночь, при ясной луне, тайно покинем город со всем нашим имуществом. Если мы не уйдем теперь, завтра утром царские слуги прогонят нас силой, и тогда мы сможем забрать с собою лишь собственные тела. Поэтому нам следует уйти сегодня в полночь».

На том все и порешили. Разошлись по домам, погрузили имущество на тележки, запряженные волами, и той же ночью отправились в путь.

Калидаса, по почам отдохавший в саду у дома Виласавати, услышал их голоса, когда они проходили мимо него по дороге, и сказал служанке:

«Дорогая! Посмотри, кто это там идет, — вроде как брахманы».

Служанка вышла на дорогу, увидела всех, кто шел по ней, и, вернувшись к Калидасе, сказала:

152. «Один величественный царский гусь
гладь озера собою больше красил,
Чем тысяча прибрежных журавлей,
снующая повсюду суетливо.

Все — Бана, Маюра и остальные — удирают, в этом нет никакого сомнения».

Калидаса сказал:

«Дорогая! Быстро принеси мне из дома одежду, чтобы я мог защитить этих брахманов, обратившихся в бегство.

153. Бесплодна мощь, скупая на подмогу,
И грош цена прижимистой мощи,
Бессмыслен труд, не приносящий блага,
И тщетна жизнь, враждебная добру».

Одевшись как бродячий певец и взяв в руки меч, Калидаса прошел на полкроша вперед вдоль дороги и вышел навстречу поэтам. Оглядев их всех и благословив возгласом «Славьтесь!» — он заговорил в манере бродячих певцов:

«О вы, океаны премудрости! Вершины величия, блистающие при дворе Бходжи! О Брихаспати, сущие в человеческом облике! Куда изволите вы направлять свои благословенные стопы? Пребываете ли вы в добром здравии? Здравствует ли сам раджа? Я пришел из страны Варанаси ради лицезрения великого Бходжи и в надежде стяжать богатство».

Все смеялись над ним и проходили мимо. Тогда один из ученых мужей, услышавший речь Калидасы и в самом деле принявший его за бродячего певца, сказал ему забавы ради:

«Слушай, певец! Рано или поздно ты все равно об этом узнаешь. Так я расскажу тебе сегодня. Раджа повелел нам, ученым и мудрецам, завершить одну стихотворную строфу. Но мы не смогли это сделать — и вот хотим уйти от царского гнева в какую-нибудь другую страну».

Певец спросил:

«А каково начало строфы, заданной вам раджей?»
Тот ученый муж произнес:

«Пытается сравниться круг
с живой красотою луноликой...»

Певец сказал:

«Поистине прекрасен скрытый смысл этих строк! Раджа сложил их, глядя на диск полной луны. Вторая половина строфы должна быть такой:

...Пытается, но обречен
на неудачу и на убыль».

Услышав это, все были поражены. А бродячий певец, отвесив почтительный поклон, удалился. Тогда поэты подумали:

«Несомненно, сама Сарасвати, вселившись в бродячего певца, явилась, чтобы спасти нас. Человеку такое было бы не под силу. Пока никто еще об этом не знает, надо скорее вернуться домой и разгрузить наши повозки,

а завтра утром всем пойти в царский дворец. А не то этот бродячий певец поведает радже завершение строфы. Поэтому поспешим!»

Так они и сделали. Утром пришли в царскую залу собраний и, увидев Бходжу, воскликнули: «Да будет благо!» Затем Бана сказал:

«О владыка! Одному богу ведомо, какой смысл вложил ты, всезнающий, в начальные строки строфы. Куда уж нам, жалким, ничтожным брахманам! И все-таки послушай:

154. «Пытается сравниться круг
с живой красою луноликой,
Пытается, но обречен
на неудачу и на убыль».

Раджа, увидев, что смысл заданных им строк точно угадан, подумал про себя:

«Значит, Калидаса где-то недалеко — на расстоянии одного дня пути. Но как же его отыскать?»

Затем он дал Бане пятнадцать лакхов золотых монет и, сделав вид, что вполне удовлетворен, повелел всем ученым разойтись по домам. Когда же ученые удалились, раджа тихо сказал стражнику:

«Если придут какие-нибудь дваждырожденные, провести их ко мне!»

Бана унес с собою все полученные деньги, и некоторые пандиты зароптали:

«Нехорошо поступил Бана. Как из города уходить — так со всеми вместе, а как награду получать — так одному себе. Расскажем Бходже, каков на самом деле Бана, чтобы никто не поступал несправедливо с учеными».

И они пошли к радже и предстали перед ним. Раджа им сказал:

«Мне известна суть дела. Говорите все как есть!»

И они обо всем рассказали ему.

Тогда раджа подумал:

«Значит, Калидаса, опасаясь моего гнева, прячется где-то в моем же городе, нарядившись бродячим певцом».

И он приказал своим телохранителям: «Седлайте коней!»

Загремели барабаны, оповещая, что раджа направляется в парк увеселения. «Странно, — подумали воины, — только что было объявлено, что раджа занят поклонением

богам, а теперь вдруг идет в парк увеселений», — по, собравшись, они последовали за раджей.

А раджа, верхом на коне, взяв с собою пришедших к нему ученых, направился туда, где ночью появился бродячий певец. Призвав сыщиков, умеющих по следам отыскивать разбойников и воров, раджа сказал им:

«По этой дороге почью прошел некий человек. Следы его видны до сих пор. Проследите, куда они ведут!»

Затем раджа дал по лакху каждому из пандитов, отпустил их по домам и сам вернулся во дворец. Сыщикиследопыты согласно приказу раджи искали повсюду, но не могли найти того, кто оставил следы на дороге, и были уже в полной растерянности, как вдруг, на заходе солнца, они увидели некую служанку, несшую к сапожнику порванный ботинок, — и обрадовались. Служанка отдала ботинок сапожнику, а сыщики хитростью выманили у него этот ботинок и, поместив его в след на песчаной дороге, убедились, что след оставлен именно им. Когда служанка возвращалась в дом гетеры Виласавати, они выследили ее, окружили этот дом и немедленно дали знать обо всем Бходже. Бходжа, в сопровождении горожан и министров, пешком направился к дому Виласавати.

Узнав об этом, Калидаса сказал Виласавати:

«Дорогая! Вот какие неприятности тебе приходится терпеть из-за меня!»

Виласавати ответила:

«О добрый поэт!

155. Доподлинную сущность человека
Раскроют лишь превратности судьбы:
Пока не дунет ветер, кину хлопка
От каменной горы не отличить.

156. И друзьям, и родным, и знакомым,
и себе самому человек
Лишь на пробном камне беды
узнаёт настоящую цену.

157. За время жизни человека
То горе не спросясь придет,
То счастье невзначай привалит —
Но горя больше на земле.

О добрый поэт, если раджа оскорбит тебя хоть словом, я вместе со всеми моими служанками брошусь в погребальный костер».

Калидаса сказал:

«Дорогая! И не думай об этом! Увидев меня, Бходжа просияет от восторга и падет к моим ногам».

И вот, когда Бходжа вошел в дом гетеры и увидел Калидасу, он горячо обнял поэта и упал к его ногам. Затем раджа прочитал такие стихи:

158. «Среди забот и в час покоя,
и паяву и в снах моих
Да не расстанусь я с тобою,
поэт, нигде и никогда!»

Калидаса, услышав это, опустил от стыда голову. А раджа привлек его к себе и сказал:

159. «О Калидаса, искусства оплот!
Сам я к тебе, словно преданный раб,
Прибыл по царской дороге пешком —
Так почему ты стыдишься меня?

160. Поистине благословенна
прелестница! В силках любви
Она великого поэта,
как птицу в клетке, сберегла».

Раджа собственными руками вытер слезы радости, текшие из глаз Калидасы, и, довольный тем, что нашел поэта, дал каждому брахману по лакху. Затем, посадив Калидасу вместе с собой на коня, Бходжа в сопровождении свиты отправился к себе во дворец.

[ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ]

Однажды Бходжа сказал Калидасе:

«О добрый поэт, сложи обо мне последнюю строфу!»

Разгневанный на раджу, Калидаса тут же покинул его страну и вместе с Виласавати пришел в город Экашила. Опечаленный разлукой с Калидасой, раджа, одевшись как капалика, отправился на поиски поэта и через некоторое время тоже пришел в город Экашила. Калидаса, увидев подвижника, почтительно спросил его:

«О капалика! Где ты живешь?»

Тот ответил:

«О добрый поэт! Я живу в городе Дхара».

Тогда поэт спросил:

«Здравствует ли там Бходжа?»

На это капалика сказал:

Поэт сказал:

Тогда подвижник сказал:

«Бходжа отправился на небо».

Поэт упал наземь и застенал:

«О владыка! Без тебя я не могу ни на миг оставаться на земле! Я иду к тебе!» И, отчаянно стеля, Калидаса сложил такую строфу на смерть Бходжи:

326. «Страпа опоры лишена,
беспомощна Сарасвати,
Убиты горем мудрецы:
великий царь отцарствовал!»

Когда Калидаса прочитал вслух эту строфу, подвижник-капалика упал на землю без чувств. Калидаса пригляделся внимательно и понял: «Так ведь это же Бходжа!»

Поэт воскликнул:

«О великий раджа! Ты обманул меня!» — и тут же прочитал ту строфу по-иному:

327. «Страна отрадою полна,
мощь обрела Сарасвати,
Воспряли духом мудрецы:
великий Бходжа царствует!»

Тогда Бходжа обнял его и, воздав ему хвалу, направился в город Дхара.

ИСТОРИЯ
О БЛАГОСЛОВЕННОМ ВЕРХОВНОМ ВЛАДЫКЕ
НАД ВЕЛИКИМИ ЦАРЯМИ,
ВЛАСТИТЕЛЕ ГОРОДА ДХАРА
БХОДЖА-РАДЖЕ
ЗАВЕРШИЛАСЬ

БХАРАТАКАДВАТРИНШАТИ

Тридцать два рассказа о монахах

*Наставника духовного восславив,
Всем божествам воздав хваленье сразу,
Мы о смешных деяниях монахов
Поведаем вам тридцать два рассказа¹.*

В этом мире, как утверждают все достойные и почтенные люди, бесчестье можно одолеть, если знать, в чем состоят добродетели. Жизнь считается достойной или недостойной в зависимости от того, как используются мысли, нашим умом порожденные. Поэтому начнем мы здесь тридцать два рассказа о монахах ради того, чтобы изничтожить деяния глупцов.

2

*Иной монаха нам напоминает,
Что спугал поутру — где явь, где сон:
К прирезавшимся яствам приглашает
Средь бела дня гостей голодных он.*

Жил в деревне Нанди монах по имени Дурмати (что значит «слабоумный»), который питался тем, что люди подавали. Пришел он как-то раз осенью в дом одного семейного человека за подаванием. Дал ему хозяин вволю

¹ Перевод стихов выполнен Г. Ярославцевым.

хорошей, прохладной деревенской простокваши из буйволиного молока. Возрадовался монах, побежал в свою хижину и с жадностью всю простоквашу съел. Одолеп его ночью крепкий-крепкий сон. И приснилось ему посередь ночи, будто хижина его полным-полна всяких яств, напитков и сладостей.

Проснулся монах и стал думать: «Хижина-то моя полным-полна съестного! Что ж мне одному с таким množеством еды делать! Ну, да не пропадать же добру. Всех, кто подавал мне раньше милостыню, я в гости позову, угощу на славу и тем самым отплату им за добро».

Оделся монах и пошел по деревне, приглашая всех жителей к себе на угощение. Так ходил Дурмати от хижины к хижине, а обрадованные жители деревни задушили очаги, совершили омовение и приготовились отведап угощение. Явились они к хижине монаха, чинно уселись группами по несколько человек, ждут. Вот распахнул монах дверь хижины, а хижина-то пуста. Тогда монах беспокойными глазами принялся обшаривать каждый уголок хижины, но так ничего и не нашел. Тогда он постелил себе постель и улегся, словно на дворе уже была ночь. А голодные люди не расходятся по домам, заставляют монаха пищу искать.

— Чего спишь-то? — твердят они. — Почему нас не угощаешь?

А он им в ответ:

— Вы, люди, подождите, вот я снова увижу во сне хижину мою, полную всяческих вкусных яств, тогда вас знатно угощу!

На такую речь гости рассердились, обругали монаха за глупость, пошли по домам и поели чего попало.

3

*Кто пользу принести себе стремится,
Тот не свершит неправого деянья.
Монах, обманом выкравший девицу,
Заслуженное принял наказание.*

Стоит на берегу Ганги город Бхимапур, а чуть повыше него — город Суварнапур. В этом вот городе проживал почитавший монахов отменно богатый купец Сулочана. И была у него жена Падмини, с которой он счастливо жил и, кроме семерых сыповей, прижил дочь Рукмини, красавицу, возбуждающую желания. Рукмини росла и с

течением времени, обладая всеми шестьюдесятью четырьмя искусстваами и всеми добрыми приметами наделенная, стала радостью не только для родителей, но и для всех прочих людей.

В далекой стороне, многими и многими йоджапами от Бхимапура отделенной, стояла обитель, в которой проживал монах Даманака, мудрый как Каутилья. Его всегда окружало множество учеников, он произносил глубоко-мысленные речи, и народ глубоко почитал его. Однажды напросился он к Сулочане в гости, и, когда отведал отменного вкусных кушаний, перед ним появилась всепобеждающая Рукмини, в браслетах, ожерельях и жемчугах, в звянящей тиаре.

Узрел монах ее, совершенную во всех членах, и одолела его страсть. Позабыв о пище и яствах, он подумал: «Если в роду человеческом такие распрекрасные красавицы бывают, то какие же должны быть на небесах? Рукмини-то и есть главный плод подвижничества моего. Сказано ведь:

Чакороглазая! Достоинств ты полна.

Сравнится ли с твоей вся прелесть
дев небесных!

Когда земля рождает столь прелестных,
Кому вся благодать райская нужна?

Вишну и Шива, Чандра и Сурья предавались земным наслаждениям, а все-таки были богами. Васиштха, и Гаутама, и все другие пророки имели жен, однако их пророческому положению это не повредило. Вот и я, коли на ней женюсь, в пророки попаду. Посватаюсь, как полагается, и тогда непременно станет моей достойная. А без этого мне ни в каких делах успеха не будет». Увлечся он мыслями о женитьбе, о еде и питье позабыл.

Вот купец и спрашивает монаха:

— По какой причине, ваша святость, мыслями увлеклись и ничего кушать не изволят?

Монах же словно в забытьи ему отвечал:

— Что ж, купец, мне пищу вкушать, коли твоя дочь, свой род украшая, роду человеческому пагубу несет. Ты показал мне это сокровище рода своего и словно отраву во все яства добавил. Вот встану я сейчас и уйду!

Купец ему на это так сказал:

— О наставник, в той, что сюда вошла, заключается все богатство нашего рода. Несправедливо мудрый и почтенный говорить изволят.

А монах ему в ответ:

— Коли это рода твоего богатство, то свататься я не стапу. Этакое богатство не только твоему роду, но и роду свекра погибель принесет.

Купец испугался и огорчился, что слова его превратно поняты, и сказал так:

— Да соизволит почтенный и всеведущий наставник нашего рода подать добрый совет, что нам делать надлежит.

На это монах отвечал:

— Что ты об этом меня, подвижника, обет безбрачия блюдущего, спрашиваешь?

И когда купец с великим почтением обнял его ноги, монах сказал:

— Советом, который я тебе дам, ни с кем другим не делись.

Купец всполошился:

— Да как ты говорить такое изволишь? Как это не уважать советы благодетеля и добрые дела не почитать? — Упрашивал купец, спрашивал, и наконец монах согласился:

— Слушай же, купец! Украшенную всеми драгоценностями, сандалом и камфарой умащенную дочь в деревянный ящик посади и в четырнадцатый день темной половины месяца пусти вниз по течению Ганги. После этого возвращайся домой и соверши воздаяния богам. И когда ты сделаешь так, ни дому твоему, ни чужому роду никакой пагубы не будет.

Когда вечером монах вернулся к себе в обитель, он собрал всех учеников своих и так им сказал:

— О ученики, в четырнадцатый день темной половины месяца я свершу мантру, и тогда богиня Ганга, оскластливленная моей преданной любовью, рано поутру, когда поднимается солнце, пошлет мне в подарок ящик. Вы должны стоять на берегу и, как только увидите, что по реке плывет ящик, вытащить его и, не раскрывая, поставить в хижину.

Сделав такие вот наставления, монах в ту же ночь пошел в дом купца совершать жертвоприношение богам, а ученики отправились на берег Ганги. Купец и семь его сыновей, удрученные горем, все свершили, как велел монах: посадили Рукмини в ящик, поздно ночью отвезли к реке и пустили вниз по течению. Ушел купец с сыновьями домой и сильно горевал.

А ящик в ту пору, когда занимается заря, доплыл до Бхимапура. Как раз в это время служители царя Пуньясары, правившего в том городе, пришли на берег Ганги совершить омовение рта. Они заметили ящик, вытащили его и доставили к царю.

Повелел царь открыть ящик и узрел в нем писаную красавицу. Удивился царь и спросил министра:

— Что это, о министр?

А министр спросил девушку:

— Ты кто такая? Чья дочь? Как сюда попала?

Та от стыда очи опустила и говорит:

— Я любимая дочь купца Сулочаны, что живет в городе Суварнапур, но отец мой, вместе с монахом, наставником нашей семьи, совершив какую-то мантру, меня в ящик посадил и бросил в Гангу. Вот я и приплыла сюда. Ничего больше я не знаю.

Министр догадался в чем дело и о своей догадке царю доложил. Тогда царь забрал девушку, а в ящик велел обезьяну посадить. Запечатали слуги ящик и снова пустили его по течению Ганги.

И вот в назначенное время ученики монаха ящик узрели, вытащили они его и, закрытый, как велел монах, посередь хижины поставили. И вот ввечеру жаждущий высшего наслаждения монах надел чистые одежды и так показывал своим ученикам:

— Сегодня ночью останусь я в обители, чтобы свершить мантру. Вам, любезные, в отдалении от обители почтительно стоять надлежит и ни в коем случае дверь хижины не открывать.

Вот вошел монах, наслаждения жаждущий, в хижину и не успел поднять крышку ящика, как оттуда выскочила измученная голодом буйная обезьяна и отгрызла ему уши, нос и прочее. Стоит монах посередине хижины, орет, учеников призывает, а они, послушные наставлениям, боясь с места двинуться. Тогда он сам, с большим трудом, дверь отворил, выбрался из хижины, а царские слуги связали его, к царю доставили, а потом и из страпы выгнали.

Девушка же, обладающая всеми достоинствами, стала первой женой царя, и благодаря ей возросло в царстве благополучие. Потом с отцом она встретилась, и всей семье радость была.

*Иной в поступках скор, самонадеян,
Берется подражать, а дела не постиг.
Вот так людьми жестоко был осмеян
Монаха тупоумный ученик.*

В городе Вардхаманапуре жил монах Шрибхатта, и был у него преглупый ученик по имени Дхиджада (что значит «умалишенный»). Пошел однажды Дхиджада в город собирать милостыню и, зайдя в дом одного плотника, увидел, как тот, кривое колено бамбука смазав маслом, на огне выпрямляет. Дхиджада спросил у плотника, как это кривое колено прямым делается? Тот объяснил:

— Смягчением кривого колена.

Обрадовался Дхиджада:

— Вот учителю моему, согбенному от старости, лечение-то будет, и даже без всякой боли. Ведь смягчение на все подействует.

Вернулся Дхиджада в хижины учителя и, сначала умастив его как следует всякими притираниями, принялся греть беднягу над огнем. Учитель от боли стал на крик кричать. Услышав, как он рыдает и стонет, много людей собрались и так Дхиджаде говорили:

— Эй, дурень, не мучь учителя. Ведь ты дождешься, что старик дух испустит.

А Дхиджада в ответ на людское осуждение отвечал так:

— Вот еще. Сами-то вы дураки и родители ваши тоже. Я учителя распрямляю. Вас припекает, что ли?

Ну, люди-то по-другому рассудили, огонь потушили и силком учителя из рук Дхиджады освободили.

Недостойно для разумных так поступать.

*Кто хочет, обходя обет,
Заполучить чужой обед,
Тот пострадает, как старик,
Таскавший сахарный тростник.*

Жил в деревне Малланака монах Ниссанга, что значит «тот, кто не принадлежит к общине». Под конец жизни он таким добродетельным стал, что ни у кого ни-

чего не просил — разве что припимал подарки. Однажды, выйдя за город, набрал он на поле сахарного тростника. Очень захотелось ему отведать сладких стеблей тростника, и тогда сказал он, к полю обращаясь:

— О поле, поле, разреши мне взять три-четыре стебля. — И сам же вместо поля себе ответил: — Возьми пять-шесть.

Вот он, сам себе разрешение дав, сорвал пять-шесть стеблей и ушел. Понравился монаху Ниссанге тростник, и стал он приходить за ним каждый день.

Однажды проведал про это хозяин поля.

— Как зовут того негодяя, который таскает у меня сахарный тростник? Спрячусь-ка я сегодня и выслежу вора.

Решил он так и хорошенько укрылся в тростнике.

Вот пришел монах и, как обычно, стал поле спрашивать. Выскочил хозяин из засады и крикнул на монаха так, как на слонов кричат. Монах тотчас же забормотал:

— О, не гневайся, не гневайся. Я всегда, прежде чем сорвать хоть один стебель, разрешения спрашиваю.

Удивился хозяин:

— Как это ты делаешь?

И монах в точности повторил все, как он делал обычно. Разгневанный хозяин крепко связал монаха, притащил его к колодцу и спросил:

— Колодец, а колодец, скажи, сколько раз этого дурня окупуть — раза три-четыре? — И сам же ответил: — Раз пять-шесть.

Так хозяин поля помучил изрядно беднягу, а потом уже отпустил его, наказав никогда больше так не делать.

*Не смысла ничего в простых вещах,
Иные сгоряча за дело брались.
Пытался подуть быка монах,
И все его усердию смеялись.*

А жило в деревне Сустхита множество монахов. Отправились они как-то раз за подаяниями и зашли в дом одного семейного человека, который наделил их рисом, сваренным на молоке с сахаром и маслом. Отведали монахи этого яства, и очень оно им понравилось. Тогда они

спросили у хозяина, как, мол, такое вкусное блюдо готовят. Тот все им объяснил.

И вот монахи выменяли на что-то корову, только что первый раз отелившуюся и очень слабую. Другие монахи их подняли на смех:

— Вот дурни-то! Чего ради вы эту полудохлую корову кушили? Да и вымя у нее крошечное, сразу видно — мало молока дает. Взяли бы лучше другую, пожирпее, с большим выменем.

Тогда пять или шесть монахов повели тощую корову на скотный двор и так сказали хозяину скотного двора:

— Возьми эту негодную корову и соблаговоли дать нам другую.

Тот ответил:

— О почтенные, какая вам из этих коров понравится, ту и возьмите.

Тогда эти дуралей, равных которым не сыскать, осмотрели коров и, всех отвергнув за худобу и слабость, выбрали жирного и буйного быка, приняв его за корову.

Ну, привели монахи быка домой и все по очереди принялись его доить. Однако сколько они не старались, так ни капли молока и не выдоили. Не отступились монахи и стали действовать более энергично. Тогда бык от боли начал лягаться. Задумались они: «Почему молоко не отдается?» И тут один дряхлый монах, славившийся мудростью своих суждений, сказал:

— О монахи, неведома вам причина этого.

Припали монахи к его стопам и воскликнули:

— Скажи, о мудрый, в чем дело.

И вот какой они слышали ответ:

— Да у этой коровы в вымени отверстия нету, а поэтому молоко и не выходит.

Монахи дружно заголосили:

— Истинно, истинно.

Вот связал один монах своими косами передние ноги быка, другой — задние, а третий монах начал иглой проделывать быку дырку в мошонке. Бык вскочил, разорвал косы, которыми были связаны его ноги, монахов в стороны разбросал и убежал прочь. Собрался народ со всей округи и славно потешался над этими глупцами. Монахи же слезами заливались и причитали:

— Убежала наша корова, убежала наша корова.

Пока они так причитали, бык успел уйти в лес.

Встретились монахи потом и стали совещаться. «Не

годится нам такая корова, следует нам взять новую». Собрали они пятьсот драхм и послали одного своего собрата с попутными купцами в деревню, чтобы купил он протличнейшую корову.

Поздно ночью остановился он со своими попутчиками переночевать в каком-то храме. Миновала полночь, и одолел путников крепкий сон. Тем временем в храм нагрянули воры и увидели его грязного, в засаленной власянице и сказали:

— Что его грабить? Спит здесь какой-то нищий. Пойдем-ка лучше в другое место.

Услышал монашек такие речи и стал возражать:

— Почтеинные, это вы нищие, и отец ваш нищий, а уж я-то богат. У меня целых пятьсот драхм есть.— Сказал он им так и забренчал монетами.— Если мне не верите, спросите у этих купцов.

Воры, вернувшись, сначала забрали у него все до последнего грошика, а потом и спутников его ограбили. Обруганный купцами монах, почесывая затылок, отправился домой.

Не следует так делать.

13

*Не торопитесь задавать вопрос.
Вначале взвесьте про себя всерьез,
Насколько он полезен и уместен.
Случается на свете иногда,
Что за вопросом следует беда:
С монахами такой конфуз известен.*

В деревне Сугхоша жило множество монахов, и среди них был один, которого звали Сарвапашу (что значит «подобный всем скотам»). И развел он сад, в котором с течением времени выросли деревья с божественными цветами и плодами. Был это поистине райский сад.

Повадилась в этот сад корова Камадхену — исполнительница желаний. Камадхену появлялась там каждую ночь, а когда солнце бросало на землю свой первый луч, она возносилась на небо. Задумал богатый монах во что бы то ни стало выследить, кто его сад разоряет.

Спрятался он как-то в саду, ждет, и вот снова пришла туда корова. Следил он всю ночь, как Камадхену паслась, а потом, когда она стала подниматься на небо,

уцепился ей за хвост и таким-то образом сам вознесся на небо. Там монах всяких отменных кушаний наелся.

Так провел он весь день на небе, а когда наступила ночь и корова как обычно опустилась на землю, вместе с ней вернулся на землю и монах, захвативший с собой «львиную гриву» — так называлось одно сладкое кушанье.

Повстречались ему другие монахи и спрашивают:

— Ты куда ходил?

Он им отвечает:

— На небе я был, видел там и Индру, и Чандру, и великого Шиву, и Гаруду и вот каких сладостей отведал,— и показал им то, что с собой принес.

Попробовали они по маленькому кусочку, и всем им кушанье по вкусу пришлось. И тогда так сказали они:

— Вот бы нам на небо попасть, посмотрели бы мы, как там все устроено, да и сладостей отведали бы.

Тогда монах предложил:

— Идемте все со мной в сад, спрячемся и будем ждать. Когда же корова соберется возноситься на небо, я за ее хвост уцеплюсь, а вы хватайтесь за мои поги.

Так монахи, уцепившись друг за друга, стали подниматься на небо вместе с коровой.

На полпути к небу один из монахов усомнился и спросил:

— Эй, монах, а пироги-то на небе большие подают?

Тогда тот самый монах, которому не раз приходилось путешествовать на небо, от великой глупости хвост коровий отпустил и, разведя руки в стороны, показал:

— Во-от такие подают.

Все монахи на землю шлепнулись. Не следует не вовремя вопросы задавать.

15

*Как дурака о чем-нибудь просить,
Чтоб не смеяться, слез потом не лить?
Усердствует глупец сильнее всех,
Но от его усердья — смех да грех!*

А проживал в городе Сурьяпуре пандит Мокали, и ходил у него в учениках Четака, отменнейший глупец. Поручил ему однажды учитель жену от родичей домой привести и такое наставление ему дал:

— Когда ты туда придешь, веди себя почтительно — слов пять скажи высоких, слов пять низких, пу и еще что-нибудь.

Отправился Четака в путь. Вот приходит он к тестю учителя в дом, осведомился у всех о здоровье и, памятуя наставления учителя, сказал пять раз слово «гора», а потом тоже пять раз слово «вниз». После этого он добавил «серп», повторив его пять раз, «прямой как бамбук» и еще какие-то непонятные слова.

Затем вышел Четака на середину двора, огляделся по сторонам, на чердак полез, а там через какое-то отверстие в потолке упал вниз. Люди сбежались, спрашивают, что случилось, а он молчит. Тогда стали думать да гадать, что все это значит, и такое придумали: «Верно, пошел бедный муж нашей дочери куда-нибудь в лес бамбук резать, на гору забрался, замахнулся серпом, да... свалился. Ох, помер он, наверное. А этот ученик так горем убит, что и слова вымолвить не может». Четака едва ухмыльнулся и снова сделался печальным. Все это заметили и стали горевать: «О судьба, ты злодейка, что наделала? Жена пандита рыдает, вдовица она теперь». Четака, услышав их причитания, и сам зарыдал.

Для через два-три вернулся он в свою обитель, а наставник Мокали его и спрашивает:

— Ты почему жену мою не привел?

Тот, громко рыдая, отвечает:

— Она, бедняжка, вдовицей стала.

Тогда и учитель, которому дыхание от жалости перехватило, вместе с учеником стал рыдать.

Люди, жившие по соседству, пришли и спросили, почему они так сильно убиваются. И сказал им Мокали:

— Несчастный я, осиротевший. Стала моя жена вдовицей!

Люди говорят:

— Экий дурачина! Да как же она может быть вдовицей, если ты жив?

На это он им так ответил:

— Да я разве знаю? Вот ученик мой только что ходил в дом ее родителей и такую весть принес!

А люди смеются в ответ:

— Да разве может жена при живом муже вдовой быть?

Но глупый пандит все-таки не поверил их словам, хотя они ему и примеры всякие приводили, и ругать принимались.

*Коль выпадает жребий вам жестокий,
Услышите насмешки да попреки,
Точь-в-точь как тот ограбленный монах,
Оставленный ворами на бобах.*

Известно, что жил в деревне Лотанака монах Кубака. Отправился он однажды с караваном в святое паломничество на реку Годавари. По дороге в каком-то трудно проходимом месте вору украли у него тележку.

Удрученный этим, потерявший все свое достояние, пошел он домой. Жители той деревни приходили посочувствовать ему и спрашивали:

— Что с тобой случилось? Как тебя обобрали? Где тележка-то твоя была?

И отвечал на это монах:

— Что поделаешь? По воле судьбы так случилось. Тележка-то была впереди! Там ее и украли. Хотел доброе дело сделать, а вот как плохо все обернулось. Только судьба повинна в этом.

Так сетовал монах на случившееся.

Отвечали ему на это люди:

— Эх ты, глупец, зачем же ты тележку впереди поставил? Ведь разбойники всегда спереди нападают.

Развел монах руками.

— Что ж поделаешь? Так случилось!

Потом пришел еще кто-то и тоже стал расспрашивать о случившемся, и монах сказал, что тележка была в середине каравана. Снова стали стыдить монаха:

— Ох, и дурачина ты! Ну, кто же тележку на такое место ставит?! Разбойники всегда прежде всего на середину каравана нападают.

Но люди все шли и шли. И когда теперь его спрашивали о случившемся, он говорил, будто тележка находилась сзади. А люди покатывались со смеху:

— Ну, такого глупца еще свет не видел. Кто же тележку сзади ставит? Разбойники всегда боятся воинов, охраняющих караван спереди, и потому нападают сзади.

Тогда монах, всеми этими разговорами смущенный, так сказал:

— О, люди!

И впереди и сзади — всюду худо!

Что делать мне, спасенья ждать откуда?

Посмеялись люди изрядно и разошлись по домам.

30

*Когда переведутся все глупцы —
Все жены добродетельными станут.
Случилось так: один пандит-дурак
Своей женою ловко был обманут.*

Жил неподалеку от деревни Каратака в обители, стоявшей на вершине холма, пандит Кадаграхи со своей женой. Он без конца восхвалял верность жены и постоянно говорил жителям деревни:

— Нет в мире другой такой благочестивой женщины, ведь это о таких говорят:

Может быть, на свете есть свидетель
Красоты — жены моей почище,
Где еще такую добродетель,
Чистоту такую где отыщешь?!

Вот так расхваливал пандит добродетели своей жены, да на его беду услышал его речи один разбитной парень и подумал так: «Видно, крепко дурень свою жену любит, коли так ее верность расписывает. Уж какая там женская верность? Ведь справедливо говорят:

Говорят, вороны побелели,
Игроки азартные правдивы,
Муж женой насытился в постели,
Стали змеи ныне терпеливы;
Превратился жалкий трус в героя,
Пьяный согласился не переча;
Подружиться можно и с раджею...
Все это, увы, пустые речи».

И вот этот парень решил сходить к пандиту в дом да посмотреть, какая там добродетельная красавица живет. Пришел он и увидел, что жена пандита и вправду красива. А так как парень был тоже не дурен собой, то она

охотно предалась с ним любовным забавам. Когда же они друг друга ласкали, из деревни возвратился пандит. Испугались влюбленные, не знают что делать. Потом жена пандита спрятала парня в темный угол и сказала:

— Да ты не бойся! Я так сделаю, что никто нам мешать не станет, а ты каждый день будешь сюда приходить.

После этого она вышла навстречу пандиту и говорит:

— О муж мой, сегодня я узрела очень плохую примету. Я стала молиться богине поля, чтобы отвратила она от тебя опасность. Богиня так сказала: «Если супруг твой паденет на глаза повязку, а на шею повесит колокольчик, как у быков, и через каждые три шага будет петь свою любимую песню «Может быть, на свете есть свидетель», то все дурные приметы исчезнут».

Исполнил пандит все в точности, как жена сказала, идет, через каждые три шага песню поет, а парень, прячась в углу, подпевает:

На глазах моих повязка,
А на шее погремущка!
В этом доме я бывал!

Затем, улучив подходящий момент, тот парень быстро ушел. Спел пандит песню три раза и стянул с глаз повязку. Заметил он, как кто-то из его дома вышел, и спрашивает жену:

— Скажи-ка, кто это там идет?

А она ему в ответ:

— Да это дурная примета уходит! — И пандит успокоился.

А ловкий парень повадился каждый день к жене пандита ходить ради любовных утех. Так прошло некоторое время, и однажды пандит как всегда завел перед односельчанами свою песню о жене, а парень тот возьми и добавь:

На глазах моих повязка,
А на шее погремущка!
В этом доме я бывал!

Услышав песню пандита с добавлением ловкача, все люди поняли, чего стоила добродетель жены пандита. Только сам он по своей глупости так ничего и не сообразил. Бывают же такие дурни!

*Коли возьмешься дурака учить,
Не жди, что дурень поумнеет разом.
Чтоб убедить, сумеи приноровить
К дурацкому уму свой разум.*

Много монахов жило в деревне Солока, которая находится в Мерваре. Отправились они однажды гурьбою наставлять свою паству на путь веры, и случайно пристал к ним по дороге один ученый пандит.

Шли они, шли, и вот настал полдень. Проголодавшиеся монахи посмотрели по сторонам, отыскивая, что бы им съесть, и увидели большое рисовое поле, пострадавшее от пожара. Разглядели монахи, что на поле валяется множество ворон, задохнувшихся в дыму и сгоревших, накинулись на них и стали жрать до одурения. Пандит им и говорит:

— Что же вы, грешники, делаете? Даже мяса нельзя есть, а ворон и подавно. Что же вы, почтенные, поступаете как последние дикари?

А монахи ему отвечают, что, мол, в писании сказано — надо есть ворон.

Он их снова спрашивает:

— Да где же это сказано?

— Да что ж, — отвечают они, — азбуки почтенный, видно, не знает. Ведь сказано же — А, Б, В, Г, Д, Е. Это что значит? «А Бывает Вороб, Грачей Должно Есть». Вот как!

И подумал пандит: «Вот дураки неисправимые. Придумали такую чепуху и теперь жрут недозволенное!»

Думал он, думал, как их предостеречь от греха, и говорит:

— Почтенные, а вы азбуку дальше смотрели?

— Нет, — говорят они, — не смотрели!

— Жаль, а там дальше запрещение содержится.

— Как же так? — спрашивают монахи.

— Да вот так! — отвечает пандит. — Есть там буквы П, О, П, а значат они вот что: «Нельзя Обжираться Падалью!»

Только после этого прекратили они дохлых ворон поедать.

КОММЕНТАРИИ

ХИТОПАДЕША

Доброе наставление

Перевод выполнен по изданию: *Hitopadesha by Narayana*, ed. by P. Peterson. Bombay, 1887. Некоторые изменения внесены по изданию: *The Hitopadesha of Narayana*. Ed. with Sanskrit commentaries and notes in English by M. R. Kale. Bombay, 1896.

Стр. 23. *Шива* — один из главных богов индийского пантеона, входящий вместе с Брахмой и Вишну в верховную триаду индуизма. В волосах Шивы, согласно индийской иконографии, находится серп луны, и сквозь них ниспадает на землю священная река Ганга (Ганг).

Стр. 24. *Мы расскажем об обретении...* — Перечисляются названия четырех книг «Хитопадеша». ...из «Панчатантры» и еще одной книги. — См. предисловие, с. 17.

Паталипутра — столица древнего государства Магадха, совр. Патна в Бихаре.

Круговорот рождений, или сансара — по индийским религиозным представлениям, бесконечная цепь рождений живого существа то в одном, то в другом облике (метампсихоз), являющаяся источником страданий.

Стр. 25. *Нилакантха* — букв. «имеющий синюю шею», одно из имен Шивы; его шея стала синей после того, как он во время пахтанья богами мирового океана выпил яд калакату (или халахалу), способный отравить вселенную. В своей функции бога-разрушителя Шива изображался в виде «великого аскета» и, в частности, с покрытым золою голым телом, опоясанный змеями, с ожерельем из черепов и т. п. *Хари* — букв. «желтый», «рыжевато-коричневый» (но толкуется как «избавитель»), одно из имен Вишну, бога-хранителя мира, члена верховной триады индуизма. Вишну изображался возлежащим посреди мирового океана на гигантском змее Шеше.

Былые рождения. — См. примеч. к. с. 24.

Лакшми — богиня счастья и красоты, супруга Вишну.

Если, как в басне о вороне и орехе... — Содержание такой басни точно не известно, но ее нередко упоминают в санскритских текстах, когда речь идет о неожиданном или роковом событии.

Стр. 26. *Брихаспати* — в ранних мифологических текстах божеество молитвы и жертвоприношения; позже — великий мудрец (риши), жрец и наставник богов. Имя Брихаспати носит один из древних индийских сборников законов.

Стр. 27. *Гора восхода* — мифическая восточная гора, из-за которой восходит солнце.

Рамочный рассказ первой книги «Хитопадеша» соответствует рамке второй книги «Панчатантры» и вошел во все ее индийские и неиндийские версии. По его мотивам и при посредстве персидской версии Хусейна Ваиза Кашифи («Светила Капопа») Лафонтеном была написана басня «Ворон, газель, черепаха и крыса».

Годавари — река в Декане.

Гора заката — мифическая гора на крайнем Западе.

Стр. 28. *Лакхупатанака* — букв. «легко летящий». В дальнейшем перевод собственных имен дается тогда, когда их значение связано с характеристикой героя рассказа.

Яма — бог смерти, владыка загробного мира.

Читрагрива — букв. «имеющий пеструю шею».

Куша — священная трава, употреблявшаяся при религиозных церемониях.

Стр. 29. *Амрита* — божественный напиток бессмертия (ср. греч. «амброзия»), добытый богами при пахтании мирового океана.

Веды — древнейшие индийские религиозные тексты: четыре сборника священных гимнов («Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа») и примыкающая к ним обширная теологическая и философская литература (брахманы и упанишады).

Брахман — член высшего жреческого сословия в Индии. Три других сословия, или варны, составляли: кшатрии — воины, вайшьи — торговцы, землевладельцы, ремесленники и шудры — зависимые земледельцы, мелкие ремесленники, слуги. *Убийство коров* (священного животного) считалось тяжчайшим преступлением и приравнивалось к убийству брахмана.

Стр. 30. *Сын Кунти* — Юдхистхира, старший среди братьев-пандавов, героев древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

...подобен купающемуся слону.— Сравнение со слоном, который сразу же после купания обсыпает себя песком и становится грязным, используется в индийской афористической литературе, когда речь идет о бессмысленных или непоследовательных действиях.

Стр. 33. *Гандаки* — река в Северо-Восточной Индии, совр. Гандак.

Хираньяка — букв. «жадный до золота».

...дурные дела, совершенные нами в былых рождениях.— По религиозным представлениям индуизма, поступки, совершенные человеком в предшествующих рождениях, определяют форму и условия его существования в рождениях будущих; это так называемый закон кармы, тесно связанный с доктриной метампсихоза (см. примеч. к с. 24).

Для добра и пользы, любви и спасения...— Перечисляются че-

тыре цели (или смысла) человеческой жизни: дхарма — добродетель, долг, исполнение религиозных обязанностей, арtha — польза, выгода, приобретение материальных благ, кама — любовь, удовлетворение чувственных желаний, и мокша — спасение, освобождение от мирских уз и привязанностей. Обычно в индуистской дидактической литературе речь идет только о трех целях: дхарме, арthe и каме; четвертая, мокша, появляется реже (и позже) и предполагает «снятие» первых трех.

Стр. 34. *...вся шерсть поднялась дыбом или, по отношению к человеку, поднялись все волосы на теле* — обычные в санскритской литературе формулы описания сильного аффекта (восторга, любви, страсти и т. п.).

Стр. 35. *Три мира* — небо, воздушное пространство, земля или, по другому толкованию, небо, земля и подземный мир.

Иоджана — мера длины, равная приблизительно 16 км.

Граха, или Раху — в индийской мифологии демон (асура), вызывающий солнечные и лунные затмения. Согласно одному из мифов, Граха тайком отпил глоток амриты — напитка бессмертия. Это заметили Солнце и Луна и донесли Вишну, который срезал Грахе диском голову. Но голова Грахи стала уже бессмертной и, поднявшись в небо, время от времени из мести заглатывает луну и солнце.

Стр. 36. *Магадха* — древнее государство на территории нынешнего Южного Бихара.

Чампакавати — «изобилующий чампакой», деревьями с желтыми душистыми цветами.

Кишудрабуддхи — «с низким умом».

Субуддхи — «с добрым умом».

Джарадгва — букв. «старый бык».

Вхагиратхи — одно из названий Ганга, данное по имени мифического царя, сведшего Ганг с неба на землю.

Гридракута — букв. «коршунова вершина».

Стр. 37. *Чандраяна* — обет, по которому ежедневная порция пищи уменьшается по мере убывания луны, сводится на нет в полнолуние, а затем снова постепенно возрастает.

Стр. 38. *Чандала* — представитель низшей, бесправной касты.

Дваждырожденный — эпитет, прилагаемый прежде всего к брахманам, но иногда также к кшатриям и вайшьям. Члены этих трех сословий, в отличие от шудр, проходили в отрочестве через обряд посвящения (упанаяну), считавшийся как бы вторым их рождением.

...коснувшись лапами земли, а затем ушей — жест отвращения или отрицания.

Стр. 39. *...подобных сетям Бога смерти*. — Яма, бог смерти, изо-

бражался с сетью или петлей в руке, которыми он вынимал душу из тела умирающего.

Стр. 40. *Могу ли я... в праздничный день коснуться их зубов?* — Вообще есть мясо, а особенно в праздничный день, запрещалось религиозными установлениями индуизма.

Стр. 44. *Далдака* — лес в Декапе между реками Годавари и Нармадой.

Карпурагаура — букв. «светлая, как камфара».

Мантхара — «медленная», «медлительная».

Шеша — тысячеголовый змей, который, согласно некоторым мифам, поддерживает землю или служит ложем для Вишну, когда тот спит посреди мирового океана.

Стр. 45. *Чампа* — столица древнего государства Анга, которая, как полагают, была расположена на месте современного г. Бхагальпура в Бенгалии.

Чудакарна — букв. «с ушами [в виде] хохла волос».

Винакарна — букв. «с ушами [в виде] вины (индийской лютни)».

С рассказом о жепе, прикрывающей глаза мужу, чтобы ее любовник мог уйти незамеченным, сопоставимы многие фольклорные и литературные анекдоты, в том числе, напр., 9-й пример в «Наставлении обучающемуся» Петра Альфонса и 122-й рассказ «Римских деяний».

Гауда — древнее название Восточного Бенгала; *Каушамби* — древний город, расположенный близ слияния рек Гауга и Джамны.

Лилавати — «прекрасная».

...победоносное знамя Бога любви — бог любви Кама представлен в индийских мифах в окружении небесных дев-апсар, одна из которых несет его знамя с изображением фантастической рыбы.

Стр. 46. *Нарада* — божественный мудрец, глава небесных музыкантов — гандхарвов и посредник между богами и людьми.

Стр. 49. *Харихара* — возглас, объединяющий имена богов Вишну (Хари) и Шивы (Хары) и обладающий, по индийским религиозным представлениям, освящающей силой.

Стр. 52. Рассказ о жадном шакале имеется также в большинстве версий «Панчатантры» (в том числе на сирийском, арабском, персидском, еврейском, латинском и других языках), и сюжет его использован Лафонтеном в басне «Волк и охотник» (кн. VII, басня 27).

Бхайрава — «страшный».

Виндхья — название горной цепи и покрывающего ее леса на границе Хиндустана и Декана.

Диргхарава — букв. «протяжно кричащий», «протяжно воющий».

Стр. 54. *Лакшми*. — См. примеч. к с. 25.

Творец — с а н с к р. «дхатри», эпитет бога Брахмы, члена верховной индуистской триады, а иногда и Вишну.

Стр. 56. *Читрангада* — букв. «с разноцветными запястьями».

Калинга — древняя страна, расположенная вдоль Карамандельского побережья, севернее Мадраса.

Чандрабхага — название реки в Пенджабе, ныне — Ченаб.

Карпура — букв. «камфарное».

Стр. 57. Рассказ «Хитопадеши» о муже, уступающем свою жену другому, вошел в арабские, персидскую, турецкую, латинскую, греческую и другие обработки «Книги Синдбада» (см., напр., в персидской «Синдбад-наме» Мухаммада аз-Захири ас-Самарканди рассказ о банщике, его жене и царевиче). Этот же сюжет имеется в «Римских деяниях» и в «Декамероне» Боккаччо.

Каньякубджа — древнее название г. Канауджа, расположенного на берегу р. Калипади вблизи места ее впадения в Ганг.

Раджпут — букв. «сын царя», выходец из воинского сословия, или варны кшатриев.

Тунгабала — «очень сильный».

Лаваньявати — «красивая».

Агни — бог огня и одновременно священный жертвенный огонь; во время свадебной церемонии жених и невеста, обходя жертвенный огонь, призывают Агни быть свидетелем их союза.

Стр. 58. *Лес Брахмы* — т. е. посвященный Брахме священный лес.

Карпуратилака — «имеющий светлое пятно на лбу».

Стр. 59. *Гаури* — «светлая», одно из имен богини Девы, супруги Шивы, выступающей в индийской мифологии как в благой, так и в грозной ипостасях. Другие наиболее употребительные ее имена: Парвати («горная»), Дурга («недоступная»), Сарвамангала («все-благая»), Джагадамбика («мать мира»), Бхуванешвари («владычица земли»), Кали («черная»), Чандика («яростная») и др.

Стр. 62. ...*Владыка, украсивший голову полумесяцем* — Шива; см. примеч. к с. 23.

Рамочный рассказ II книги «Хитопадеши» соответствует рамке I книги «Панчатантры» во всех ее изводах. Сюжет впервые засвидетельствован в одной из буддийских (палийских) джатак (№ 349), распространен в индийском фольклоре, использован в качестве вставного рассказа в тибетском буддийском каноне и в монгольской редакции «Двадцати пяти рассказов Веталы» — Шиддикур» (расск. 20). Ср. также басню Бабрия «Быки и лев» (№ 44).

Дакшинапатха — букв. «южный путь», древнее название Декана.

Суварна — «золотой», «красивого цвета».

Вардхамана — букв. «процветающий».

Стр. 64. *Нандака* — «радостный», «веселый»; *Сандживака* — «живой», «живучий».

Дурга — букв. «трудподоступный», «непроходимый».

Стр. 65. *Пингалака* — «рыжий».

Ямуна — совр. Джамна, одна из крупнейших рек Индии, берущая начало в Гималаях и впадающая в Ганг.

Каратака и *Даманака*. — Значение этих имен не вполне ясно; возможно, «нечестивый» и «сдержанный».

Стр. 66. *Опахало*, *зонт* — непеременимые атрибуты и знаки царской власти.

Магадха. — См. примеч. к с. 36.

Стр. 67. *Варанаси* — Бенарес.

Мойщик — с а н с к р. «раджакка», представитель одной из низших каст: мужчина-прачка, красильщик.

Стр. 72. *Брихдспати*. — См. примеч. к с. 26.

Стр. 75. *Шри* — «счастье», «красота», одно из имен богини Лакшми.

Стр. 76. *Дадхикарна* — букв. «с ушами [белыми, как] сметана».

Третий рассказ II книги «Хитопадеша» вошел в персидские и турецкую «Книги попугая» (см., напр., рассказ «Старый лев, кошка и мыши» в «Тути-наме» З. Нахшаби).

Арбудашикха — название горы на западе Индии, ныне — Абу.

Махавикрама — «чрезвычайно сильный», «доблестный».

Стр. 77. *Гхантакарна* — букв. «с ухом-колоколом».

Стр. 78. *Ганеша* — сын Шивы и Парвати, изображавшийся с человеческим туловищем и слоновьей головой. Ганеша — бог мудрости и устранитель препятствий; его призывают в помощь, приступая к какому-либо делу, и в частности, с обращения к Ганеше начинаются многие санскритские сочинения.

Стабдхакарна — «твердоухий».

Стр. 79. *Вайшравана* — «сын Вишраваса», одно из имен бога богатства Куберы.

Брахман, *кшатрий*. — См. примеч. к с. 29.

Стр. 80. *Шакуни* — один из персонажей древнеиндийского эпоса «Махабхараты», обыгравший в кости старшего из братьев-пандавов Юдхиштхиру и навлекший много несчастий и на пандавов, и на своих сторонников и родичей — кауравов. *Шакатара*. — Кто здесь имеется в виду, точно не известно; возможно, Шакатала, советник царя Магадхи Напды, содействовавший в сговоре с Чанакеей, министром Чандрагупты Маурьи, убийству своего государя.

Стр. 81. *Сварналекха* — букв. «писанная золотом».

Канчанапура — «золотой город».

Кандарпакету — букв. «запах любви».

Синхаладвина — «львиный остров», древнее название Цейлона, или Шри Ланки.

Древо желаний — санскр. «кальпатару», или «кальпаврикша», одно из пяти деревьев, растущих в раю Индры, исполняющее любые желания.

Видьядхары — букв. «обладатели знания», полубожественные существа, духи воздуха, живущие между землей и небом и способные менять свой облик. Женщины-видьядхары (видьядхари) часто в индийских мифах вступают в браки со смертными.

Кандарпакели — букв. «наслаждение любви».

Стр. 82. *Ратнаманджари* — «драгоценный цветок».

Брак по обряду гандхарвов — одна из восьми признанных в Индии форм брака: по взаимному согласию взрослых жениха и невесты, но без ведома их родителей. Гандхарвы — низшие божества, небесные певцы и музыканты.

Варианты рассказа о распутной жене пастуха (или ткача) имеются в большинстве версий «Панчатантры» и «Двадцати пяти рассказов Веталы» (третий рассказ санскритского сборника, десятый рассказ «Шидди кур» — «Волшебный мертвец»). Оттуда он попал в персидское и турецкое переложения «Книги попугая», во французские фавлю («Отрезанные косы») и, наконец, в переработанном виде в «Декамерон» Боккаччо (VII день, 8 новелла).

Восемь хранителей мира — боги-хранители восьми частей света: Индра — востока, Агни — юго-востока, Яма — юга, бог солнца Сурья — юго-запада, бог вод Варуна — запада, бог ветра Ваю — северо-запада, Кубера — севера и бог луны Сома — северо-востока.

Стр. 83. *Яма*. — См. примеч. к с. 28; *Дхарма* — бог справедливости, персонифицирующий понятие «дхармы» — добродетели, закона, морального правопорядка.

Малая — название горной цепи в Южной Индии и страны, к ней прилегающей.

Веталы — в индуистской мифологии злые духи, вампиры, оборотни, способные вселяться в мертвые тела.

Стр. 84. Рассказ о жене, которая обманула мужа, заставшего у нее двух любовников, имеется также в «Шукасаптити» (расск. 26). Из индийских сборников он попал в различные версии «Книги попугая» и «Книги Синдбада» (в «Синдбад-наме» аз-Захири см. рассказ о воине, его любовнице и слуге), в латинское «Наставление обучающемуся» (пр. 12), во французские «Сто новых новелл» (новелла 34) и в итальянскую новеллистику.

Стр. 85. Рассказ о зайце и льве в колодце, имеющийся также в большинстве версий «Панчатантры» и в «Шукасаптити» (расск. 31), широко известен в индийском и мировом фольклоре.

Мандара — «крепкая».

Дурданта — «неукротимый».

Стр. 87. *Шри*. — См. примеч. к с. 75.

Стр. 88. *Потомственные слуги* — т. е. слуги, получившие свою должность по наследству.

Стр. 90. *...как самка мула, торопясь к самцу*. — По индийским верованиям, самка мула погибает после зачатия.

Шакуни и Шакатара. — См. примеч. к с. 80.

Стр. 91. *Гаруда* — мифический царь птиц и ездовое животное (вахана) бога Вишну.

Нараяна — одно из имен Вишну.

Стр. 94. *Либо, сам умерев, обрету небо...* — По древнеиндийским представлениям, герои, павшие в битве, попадают на небо Индры и становятся возлюбленными небесных дев — апсар.

Стр. 97. *Карпура* — букв. «камфарное», «светлое».

Падмакели — «радость лотосов».

Хираньягарбха — букв. «золотое нутро».

Стр. 98. *Диргхамукха* — «долгоклювый».

Джамбудвипа — согласно индийской космографии, один из семи мировых континентов, обычно идентифицируемый с Индией.

Виндхья. — См. примеч. к с. 52.

Читраварна — «пестроцветный».

Индра — царь богов индийского пантеона, бог грома и молнии.

Стр. 99. *Нармада* — река в Центральной Индии, совр. Нарбада.

Стр. 100. «Осел в тигровой шкуре» — один из популярнейших рассказов «Хитопадеша» и «Панчатантры», широко распространенный в фольклоре и впервые засвидетельствованный в палийских джатаках (№ 189). На Западе стал известен по эзоповской басне «Осел в львиной шкуре» (Эзоп, 188; Бабрий, 139; Авиан, 5, и др.).

Хастинапура — букв. «город слона», древний город, развалины которого обнаружены приблизительно в 100 км к северо-востоку от Дели.

Мойщик. — См. примеч. к с. 67.

Стр. 101. *Шилимукха* — букв. «с мордочкой [в форме] стрелы».

Виджая — «победитель».

Стр. 102. *...я ношу на себе знак зайца*. — На санскрите слова «луна» и «заяц» одного корня: казалось, что пятна на луне имеют форму зайца. По одному из мифов, Индра поместил на луну зайца, который сжег себя на костре, чтобы предложить гостю еду.

Сарваджня — «все знающий».

Стр. 103. *Яд калакута*. — См. примеч. к с. 25.

Дашагрива — «с десятью шеями», одно из имен Раваны, десятиголового демона (ракшасы), врага богов и людей. Древнеиндий-

ский эпос «Рамаяна» рассказывает, как Равана похитил Ситу, жену царевича Рамы, земного воплощения бога Вишну. В поисках Ситы Рама построил мост через океан (*в оковы попал океан*), перешел по нему на остров Ланку, столицу Раваны, убил демона и освободил Ситу.

Стр. 104. *Удджайини* — древняя столица страны Малавы (совр. Мальва) в Центральной Индии.

Гаруда. — См. примеч. к с. 91.

Стр. 105. *Яуванашири* — букв. «красота юности».

Мандамати — «тугодум».

Бетель — род перца, которым пользовались в Индии для жевания и который окрашивал зубы и десны в темно-красный цвет.

Стр. 110. *Страна Синхала*. — См. примеч. к с. 81.

Мегхаварна — букв. «цвета тучи».

Стр. 111. Рассказ о синем шакале широко распространен в индийском фольклоре, вошел в индийские и неиндийские версии «Панчатантры», «Тути-паме» аз-Захири (17 сказка), тибетский буддийский капои и т. д. Сходная тема, но на ином сюжете разработана Бабрием и Федром в басне «Галка в чужих перьях» (Бабрий, 72; Федр, I, 2) и Крыловым в басне «Ворона» (VII, 26).

Стр. 112. *Чанакья*, или *Каутилья* — личность историческая. Чанакья был министром Чандрагупты Маурья (ок. 314—293 гг. до н. э.), и в большинстве источников ему приписывается основная роль в свержении династии Нандов в Магадхе. Чанакья, или Каутилья, считался также автором известного древнеиндийского политико-экономического трактата «Артхашастра».

Стр. 113. *Дурадаршин* — «далеко смотрящий».

Стр. 114. Строфы 67—93, как и некоторые другие в «Хитопадеше», которые непосредственно касаются вопросов войны и мира, полностью или частично совпадают с текстом политического трактата «Нитисара» Камандаки (см. предисловие, с. 10—11).

Стр. 115. *...тело слона составляют восемь видов оружия* — т. е. четыре ноги, пара бивней, хобот и лоб.

Стр. 116. Текст 92 строфы в рукописи испорчен.

Стр. 117. *Шудрака* — легендарный царь, популярный во многих индийских сказаниях и легендах.

Виравара — «лучший из героев».

Рассказ о верном Вираваре, помимо версий «Панчатантры», имеется также в «Двадцати пяти рассказах Веталы» (расск. 4). Из Индии он попал в персидские и турецкие обработки «Книги по-пугая».

Стр. 118. *Раджпут*. — См. примеч. к с. 57.

Сарвамангала. — См. примеч. к с. 59.

Шактивара — букв. «лучшее копье».

Тридцать два счастливых признака — внешние приметы царя или героя, свидетельствующие о его высоком предназначении. Перечисление этих примет см. в XVIII рассказе «Веталапанчавиншати», с. 215 наст. изд.

Стр. 119. *Карната* — древнее царство в Южной Индии.

Стр. 120. Рассказ о цирюльнике, убившем монаха, из «Панчатантры» был заимствован в персидские и турецкие версии «Книги по-пугая», а также в «Тысячу и одну ночь», где от ударов палок превращаются в золото уже не один, а двенадцать дервишей.

Айодхья — совр. Аудх, столица древнего царства Кошала.

Чудамани — букв. «драгоценный камень в волосах надо лбом».

...носящего полумесяц на голове. — См. примеч. к с. 23.

Владыка якшей — бог богатства Кубера; *якши* — полубожественные существа, составляющие свиту Куберы и охраняющие сокровища, скрытые в земле.

Стр. 126. *Чударатна* — то же, что и Чудамани.

Стр. 127. *Дханвантари* — небесный лекарь, вышедший из мирового океана во время его пахтанья богами.

Стр. 129. Рассказ о летающей черепахе впервые засвидетельствован в палийских джатаках (№ 215) и некоторых буддийских сутрах. Через буддийскую литературу и фольклор он проникает в китайскую и японскую поэзию. На Западе он становится популярен благодаря басне Эзопа «Черепаха и орел» (Эзоп, 230; Бабрий, 115; Авиан, 2). В России обработан Гаршиным в известном рассказе «Лягушка-путешественница».

Магадха. — См. примеч. к с. 36.

Пушлотпала — «обильное лотосами».

Стр. 130. Рассказ о трех рыбах впервые встречается в «Махабхарате».

Ратнапрабха — «сияющая, как драгоценный камень».

Стр. 132. *Гридракути* — букв. «вершина коршунов».

Стр. 133. Рассказ о мышонке-тигре близок к басне «Махабхараты» о собаке мудреца, превращенной в леопарда, тигра, слона и т. д. (XII, 116—117), и является вариантом более распространенного сюжета о мышке, ставшей девушкой (см. «Тантракхьялика», III, 9, и примеч. к с. 176).

Гаутама — в индуистской мифологии один из семи великих божественных мудрецов-риши.

Махатапас — букв. «великий подвижник».

Стр. 134. Рассказ о цапле, рыбаках и раке встречается в палийских джатаках (№ 38) и широко распространен в индийском и мировом фольклоре. Он присутствует в большинстве индийских и неиндийских версий «Панчатантры» и был обработан Лафонтеном в басне «Рыбы и баклан» (кн. X, басня 3).

Надмагарбха — букв. «лоно лотосов».

Стр. 135. Рассказ о пустых мечтах брахмана имеется в большинстве версий «Панчатантры», «Тысячи и одной ночи», в персидской и турецкой «Книге попугая», индийском и мировом фольклоре (в частности, в собрании сказок братьев Гримм). На Западе сходный сюжет был обработан Хуаном Мануэлем в «Графе Луканоре», Бопавентурой Деперье в «Развлекательных повеллах» (повелла XII) и, наконец, Лафонтеном в басне «Молочница и горшок молока» (кн. VII, басня 10).

Девикота — букв. «оплот Девы».

Стр. 136. *Сунда* и *Упасунда* — братья-демоны (асуры), получившие от Брахмы власть над тремя мирами, но поссорившиеся из-за небесной девы (апсары) Тилоттамы и убившие друг друга в поединке.

Стр. 137. Строфы 25—51 частично совпадают с текстом «Иитисары» Камандаки.

Парашурама — «Рама с топором», сын мудреца Джаматагни и одно из земных воплощений бога Вишну.

Стр. 140. *Синхаладвина*. — См. примеч. к с. 81.

Махабала — «многомощный».

Юдхиштира — старший среди братьев-пандавов, героев «Махабхараты», славившийся своей мудростью и преданностью добродетели.

Стр. 141. Рассказ о брахмане и трех жуликах вошел в большинство версий «Панчатантры», и под его влиянием возникло много сходных историй как в восточных («Тысяча и одна ночь», «Книга Спидбада», «Книга попугая»), так и в западных новеллистических сборниках. В частности, к нему в конечном счете восходят рассказы о трех бесчестных лекарях в «Римских деяниях» (№ 132), о трех мошенниках, обманувших священника в «Усладительных почках» Страпаролы (I, 3), о дурачке Наньякке в «Фацетиях» Поджо Браччолини (фац. 268) и о глупом Каландрино в «Декамероне» Боккаччо (IX день, 5 новелла).

Читраварна. — См. примеч. к с. 98.

Рассказ о льве, его слугах и верблюде, через персидскую обработку «Панчатантры» Хусейна Ваиза Кашифи («Светила Канопы»), послужил источником басни Лафонтена «Животные, больные чумой» (кн. VII, басня 1), а затем и «Мора зверей» Крылова (кн. II, басня 4).

Мадотката — «яростный».

Стр. 142. *Жертвоприношение коня* — ашвамедха, древнее и одно из самых торжественных индийских жертвоприношений, которое предписывалось царям, претендующим на завоевание мира.

Стр. 143. *Дханвантари*. — См. примеч. к с. 127.

Носить на голове — выражение, соответствующее русскому «носить на руках»; тот же смысл — «омывать ноги», чему в тексте соответствует: *обмывать корни*.

С рассказом о змее, на которой сдят лягушки, отдаленно схожа басня Эзопа «Лягушки, просящие дая» (Эзоп, 44; Федр, I, 2) и соответствующая басня Крылова (кп. II, басня 1).

Стр. 144. *Мандависарпа* — «медленно ползущая».

Сушилашарман — «имеющий оплотом добрый нрав».

Стр. 145. *Пять частей*, или пять элементов: земля, воздух, огонь, вода и эфир-акаша.

Круговорот рождений. — См. примеч. к с. 24.

Стр. 146. *Сагара* — один из древнейших царей индийских мифов.

Я уйду в лес... — т. е. стану отшельником.

Стр. 147. *Сын Панду* — в данном случае Арджуна, один из пяти братьев-пандавов, героев «Махабхараты».

Стр. 148. *Джалапада* — «с перепончатыми лапами».

Стр. 149. Рассказ о брахмане и ихпемоне получил распространение в фольклоре, попал в восточные и западные изводы «Книги Синдбада» (см., напр., в «Синдбад-наме» аз-Захири рассказ о воине, мальчике, кошке и змее), имется в монгольском буддийском каноне, в «Римских деяниях» и т. д.

Стр. 150. *Брахма* — бог-творец, составляющий с Вишну и Шивой верховную триаду индуистского пантеона.

Стр. 152. Строфы 109—130 совпадают с текстом «Нитисары» Камандаки.

...как мир *Сугривы* и *Рамы*. — В древнеиндийском эпосе «Рама-яна» Рама и царь обезьян Сугрива вступили в союз на условии, что Рама поможет Сугриве возвратить отобранное у него царство, а Сугрива Раме — найти и возвратить похищенную Раваной Ситу.

Стр. 154. *Тысяча жертвоприношений коня*. — См. примеч. к с. 142.

Дочь царя Гималаев — супруга Шивы богиня Парвати, которая была дочерью царя гор Химавата, или Хималая, персонифицирующего вершину Гималаев.

ТАНТРАКХЬЯИКА

Книга пазидательных рассказов

Перевод выполнен по изданию: The Panchatantra. A collection of ancient Hindu tales in its oldest recension entitled Tantrakhyayika. Ed... J. Hertel. Cambridge (Mass.), 1915.

Стр. 156. Рамочный рассказ третьей книги «Тантракхьяйки» (и соответственно «Панчатантры» в большинстве ее версий) связан с

известным эпизодом «Махабхараты» (X, 1), в котором сова нападает на спящих на дереве ворон и убивает их.

Баньяновое дерево, или баньян — индийское фиговое дерево.

Мегхаварна.— См. примеч. к с. 110.

Анамарда — возможно: «истребитель», «убийца».

Стр. 157. ...*восемнадцать доверенных лиц*.— Сходное перечисление ближайших помощников индийского царя имеется в «Артакшастре» Каутильи (Отдел I, раздел 8, гл. 12).

Ману — мифический прародитель людей, которому приписывался наиболее популярный в Индии сборник законов «Мавадхармашастра», или «Законы Ману». *Бхригу*, *Парашара*, *Шалапкаяна* — легендарные мудрецы древности, от имени которых были составлены книги законов и наставлений государственной мудрости. *Чанакья*.— См. примеч. к с. 112.

Уддипин — «жгущий», *Сандипин* — «сжигающий», *Адипин* — «пылающий», *Прадипин* — «пламенеющий», *Чирадживин* — «долгоживущий».

Стр. 159. *Лакшми*.— См. примеч. к с. 25.

...и *руку его не отвергает*.— Богиня счастья Шри рассматривалась как символическая супруга царя, воплощение его царского сана и величия.

Стр. 161. *Амрита*.— См. примеч. к с. 29.

Стр. 162. ...*выгоду, что всегда неразлучна с любовью и добродетелью*.— См. примеч. к с. 33.

Стр. 163. Рассказ о выборе царя птицами вошел в большинство индийских и неиндийских версий «Панчатантры» и в несколько басенных сборников европейского средневековья. Известное сходство с ним имеет басня Эзопа «Павлин и галка» (№ 219).

Стр. 164. Рассказ о слонах и зайцах является расширенной версией третьего рассказа третьей книги «Хитопадеша».

Чатурдашана — «с четырьмя бивнями».

Восемь сторон света — запад, северо-запад, север, северо-восток, восток, юго-восток, юг и юго-запад.

Тройственная государева сила — сила воли, сила разума, сила власти.

Стр. 165. *Ветала*.— См. примеч. к с. 83.

Стр. 166. ...*носящая знак зайца*.— См. примеч. к с. 102.

Рассказ о коте-лицемере сходен с басней «Махабхараты» о коте, съевшем мышей, почитающих его добродетельным аскетом (V, 160), и широко известен в индийском и мировом фольклоре. Рассказ имеется в сирийской, арабской, еврейской, персидской и др. переложениях «Панчатантры».

Стр. 167. *Диргхакарна* — «долгоухий».

Ману.— См. примеч. к с. 157.

Удадхикарна — «с ушами [цвета] тучи».

Стр. 169. *Яд халахала*. — См. примеч. к с. 25.

Стр. 170. *Ришьямука* — гора в Декане недалеко от озера Пампы.

...в обитель *Ямы* — т. е. в загробный мир; см. примеч. к с. 28.

Стр. 171. *Рактакша* — «с красными глазами», *Круракша* — «с жестокими глазами», *Диптакша* — «с пылающими глазами», *Вакрана* — «горбоносый», *Пракаракарна* — «с ушами будто стена».

Стр. 172. *Жертвоприношение коня*. — См. примеч. к с. 142.

...голубь... накормил своим мясом. — Имеется в виду притча о голубе, бросившемся в огонь, чтобы предложить себя в пищу охотнику, которая рассказана, в частности, в «Махабхарате».

Сюжет рассказа о купце, его жене и воре был обработан Лафонтеном в басне «Муж, жена и вор» (кн. VII, басня 15).

Стр. 173. ...поднялись все волосы на теле. — См. примеч. к с. 34.

Ракшасы — вид демонов в древнеиндийской мифологии, почтенные чудовища. В ракшасов, согласно индийским представлениям о карме (см. примеч. к с. 33), могли за дурные деяния перевоплощаться души людей, в том числе и брахманов. Отсюда особый класс ракшасов — *брахмаракшасы*.

Стр. 174. Рассказы о великодушии и самоотверженности легендарного царя Шиви (или Шибхи) известны также по буддийской литературе (см., напр., палийскую джатаку № 499) и индийскому эпосу («Махабхарата», III, 130—131; III, 197; XII, 32, и др.).

Стр. 175. *Индра*. — См. примеч. к с. 98.

Десять сторон света — к обычным восьми сторонам (см. примеч. к с. 164) в индийской космографии прибавлялись ипогда еще две: «верх» (зенит) и «низ» (надир).

Стр. 176. Рассказ «Тантракхьяики» о мышке-девушке, вариантом которого является рассказ «Хитопадаши» о мышонке, ставшем тигром, напоминает басню Эзопа «Ласка и Афродита» (Эзоп, 50; Бабрий, 32). По персидской обработке «Панчатантры» Кашифи он был переложен Лафонтеном в басне «Мышь, превращенная в девушку» (кн. IX, басня 7).

Если девушка в доме отца... — По древнеиндийскому законодательству девушку следовало выдавать замуж до того, как ей исполнится двенадцать лет. *Шудра* — представитель низшего сословия (варны) древнеиндийского общества; см. примеч. к с. 29.

Стр. 177. *Владыка с тысячью лучей* — солнце или бог солнца Сурья.

Стр. 178. Рассказ «Тантракхьяики» о шакале и говорящей пещере известен в варианте «Панчатантры» (III, 15), по которому в пещере шакала прячется лев. В этом варианте рассказ попал в фольклор, а также в турецкую и персидскую «Книгу попугая». Близка

к нему и басня Эзопа «Лев и лисица» (Эзоп, 142; Бабрий, 103).

Читрака — «пестрый».

Стр. 179. *Мир нагов* — подземный мир (патала); наги — полубожественные существа со змеиным туловищем, живущие под землей.

Киригин — «увенчаный диадемой», одно из имен Арджуны, героя «Махабхараты», который вместе со своими братьями (паандавами) должен был провести год при дворе царя матсьев Вираты. Арджуна скрывался там под видом танцовщика при гареме.

Бхимасена, или Бхима — второй среди братьев-паандавов; при дворе Вираты служил поваром.

Гандива — лук Арджуны, подаренный ему богом Агни.

Стр. 180. *Сын Дхармы* — старший среди паандавов, Юдхиштхира, отцом которого считался бог Дхарма. При дворе Вираты Юдхиштхира был нищенствующим брахманом. *Индра*. — См. примеч. к с. 98. *Кубера*. — См. примеч. к с. 120. *Яма*. — См. примеч. к с. 28.

Сыновья Мадри — Накула и Сахадева, младшие из братьев-паандавов; их матерью была царица Мадри (матерью старших трех паандавов была Кунти). При дворе Вираты Накула и Сахадева приглядывали за коровами и лошадьми.

Драупади — общая супруга братьев-паандавов, разделявшая с ними бедствия изгнания и бывшая служанкой во дворце Вираты.

Обет «лезвие меча» — видимо, метафорическое обозначение обета воздержания от супружеской жизни.

...средоточие трех целей. — См. примеч. к с. 33.

Стр. 181. *Шесть средств политики* — мир, война, выжидание, поход, союз и возбуждение распри.

Стр. 184. *Пишачи* — злобные демоны, пожирающие людей.

Стр. 185. *Рама* — герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна», царевич Айодхьи и земное воплощение бога Вишну, был изгнан по наущению своей мачехи Кайкеи. *Бали* — царь дайгьев, демонов — соперников богов, который сначала победил Индру и овладел небом, а затем был обманут Вишну и низвергнут в подземный мир — паталу. *...о жизни в лесу паандавов*. — Братья-паандавы после игры в кости, проигранной Юдхиштхирой, должны были провести тринадцать лет в лесу в изгнании. *Вришнии* — легендарный царский род, погибший от междоусобиц. *Наль* — герой вставного сказания «Махабхараты», проигравший в кости свое царство и удалившийся в изгнание. *Саудаса* — царь, обманутый неким ракшасой и вынужденный двенадцать лет питаться человеческим мясом. *Равана, властитель... Ланки*. — См. примеч. к с. 103.

Дашаратха — царь Айодхьи, отец Рамы, помогавший богам в их борьбе с демонами. *Сагара*. — См. примеч. к с. 146; океан, со-

гласно индийским мифам, образовался из вод Гапта, заполнивших яму, вырытую сыновьями Сагары, чтобы добраться по его поручению до преисподней; по имени Сагары океан на санскрите — сагара. *Вайнья*, или Притху — первый царь в индийской мифологии, родившийся из руки своего отца Вены. *Солнечный Ману* — прародитель людей и сын солнечного божества Вивасвата. *Кала* — древнеиндийское божество, персонифицирующее время.

Стр. 186. Сюжет рамки IV книги «Тантракхьяики» известен по палийским джатакам (№ 57, 208) и ряду иных буддийских текстов как в Индии, так и за ее пределами. Он вошел во все версии «Панчатантры», в «Шукасаптари» (расск. 67) и в различные изводы «Книги Синдбада»; широко распространен в мировом фольклоре, где в роли крокодила выступают дельфины, черепаха или какое-либо морское чудовище. Путешествие обезьян на спине дельфина описано в басне Эзопа «Дельфин и обезьяна» (№ 73).

Валиваданака — «с морщинистым лицом».

Мадхугарбха — букв. «с медом внутри себя».

Кришака — «топкий», «стройный».

Стр. 189. *Древо желаний*. — См. примеч. к с. 81. *Амрита*. — См. примеч. к с. 29.

Со слов «Заметив, как он встревожен...» и копчая словами «это-то меня и печалит» перевод дан по книге Сомадевы «Катхасаритсагара» (The Kathasaritsagara of Somadevabhata, ed. by Pandit Durgaprasad and K. P. Parashar. Bombay, 1915; X, 7, 114—116). В тексте «Тантракхьяики» здесь лакуна.

Стр. 191. Рассказ об осле без ушей и сердца в различных вариантах широко представлен в мировом фольклоре. Он обработан во многих письменных памятниках, в том числе в «Тысяче и одной ночи», «Римских деяниях» («Кабан без сердца» — № 83) и баснях Эзопа («Больной лев, лисица и олень» — Эзоп, 213; Бабрий, 95).

Мойщик. — См. примеч. к с. 67.

Стр. 192. Со слов «Вот и тебе что-то померещилось...» и копчая словами «...и убил его» перевод дан по «Катхасаритсагаре» Сомадевы (X, 7, 143—145). В тексте «Тантракхьяики» здесь лакуна.

...обошел слева направо — ритуальный обход (так, что тот, кого обходят, все время остается по правую руку обходящего), который служил знаком уважения, почитания или внимания.

Стр. 193. Рассказ о горшечнике, по недоразумению назвавшимся полководцем, имеется также в персидской версии «Книги попугая» (см. «Тути-наме. Книга попугая». Пер. с персидского А. Балакина и П. Сухотина, М., 1915, с. 103—105).

Стр. 194. ...проваливай, правдолюбец *Юджиштхира*. — Именем прославленного героя «Махабхараты», известного своей верностью правде, водочерпник в этом рассказе назван, видимо, иронически.

Отрывки из «Веталапанчавиншати» даются по изданию: «Двадцать пять рассказов Веталы». Перевод с санскрита Р. О. Шор. Перевод стихов О. Б. Румера. Ленинград, ГИХЛ, 1939.

Стр. 195. *Ганеша*.— См. примеч. к с. 78.

Дакишинапатха.— См. примеч. к с. 62.

Практиштхана — древний город на реке Годавари.

Викрамасена — букв. «имеющий могущественное войско».

Кандарпа — одно из имен бога любви Камы.

Хари.— См. примеч. к с. 25.

Стр. 196. *Нагой йоги* — здесь: аскет, принадлежащий к секте дигамбаров (букв. «одетых в стороны света», т. е. голых).

Шантишила — букв. «подавивший в душе страсти».

Бетель.— См. примеч. к с. 105.

Брихаспати.— См. примеч. к с. 26.

Брахма.— См. примеч. к с. 150.

...от радости волосы стали дыбом.— См. примеч. к с. 34.

Пол-йоджаны.— См. примеч. к с. 35.

Шиншипа — название высокого дерева с густой кроной.

Губитель — бог смерти Яма. *Ракшасы*.— См. примеч. к с. 173.

Ветала.— См. примеч. к с. 83.

Стр. 198. *Варанаси*.— См. примеч. к с. 67.

Пратапамукута — «увенчанный блеском».

Ваджрамукута — «увенчанный молнией».

Буддхисагара — «океан мудрости».

Гаури.— См. примеч. к с. 59.

Пять стрел бога любви.— Бог любви Кама изображался с луком из сахарного тростника и пятью цветочными стрелами, пазвания которых приведены в тексте.

Стр. 199. Разгадка знаков построена на игре значениями слов: *Карнакубджа* — букв. «лотос-ухо», *Дангагхата* — «укус зубами», *Падмавати* — букв. «лотосовая», но, кроме того, содержит корень «пад» — «нога».

Стр. 200. *Десять дней погоди...*— поскольку ударила «обеими руками», т. е. десятью пальцами.

Чандала.— См. примеч. к с. 38.

Стр. 202. ...в десять сторон.— См. примеч. к с. 175.

Принявший образ Вишну ткач.— Имеется в виду один из рассказов «Панчатантры»: ткач, явившись к царевне на деревянной птице, изображавшей Гаруду, и сам изображая Вишну, завоевал этой хитростью ее любовь.

...как мать подвергнул ихневмон.— См. одиннадцатый рассказ III книги «Хитопадешин»; двустипшие взято из «Папчатантры», где ихневмона убивает мать, а не отец ребенка.

...собрание тридцати богов.— Число богов индийского пантеона не было определенным: обычно говорилось о тридцати трех богах, иногда — о тридцати, в действительности же количество богов было гораздо большим.

Смущает Раму лань.— Рама, герой древнеиндийского эпоса «Рамаяна», погнавшись за золотой ланью, оставил одну в лесу свою жену Ситу, и ее похитил царь ракшасов Равана. ...впрягает Нахуша брахманов.— Мифический царь Нахуша, овладевший небесным тронном Индры, в своей гордыне стал запрягать в колесницу божественных мудрецов и за это был сброшен на землю. Арджуна — здесь: Арджуна Картавирия, мифический герой, который похитил священную корову у мудреца Джамадагни и был убит сыном Джамадагни Парашурамой. ...отдает Юдхистхира жену свою и братьев.— Герой «Махабхараты» Юдхистхира проиграл в кости своим соперникам кауравам себя самого, своих братьев и жену.

Стр. 203. Обитель Ямы — загробный мир; см. примеч. к с. 28.

Веды.— См. примеч. к с. 29.

Рассказ «Четыре жепиха и воскресшая невеста» тематически связан с еще двумя рассказами Веталы (пятым и двадцать первым; см. с. 205 и 216 наст. изд.). Ближайшим аналогом этого рассказа является фольклорная сказка об оживлении деревянной девушки (есть цейлонские, сиамские, новогреческие, немецкие, русские и другие ее варианты), письменен обработанная в монгольском сборнике «Арджи Борджа», «Книге попугая», персидской обработке «Викрамачариты» — «Волшебный трон». К версии «Веталапанчавиншати» особенно близок рассказ о дочери кашмирского шаха, пери и четырех братьях в «Синдбад-наме» аз-Захири ас-Самарканди.

Сарасвати — в индуистской мифологии богиня мудрости и красноречия.

Дхармастхала — «обитель добродетели».

Гунадхипа — «владыка доблести».

Кешава — букв. «с длинными (или прекрасными) волосами».

Мандаравати — «коралловая».

Стр. 205. Рассказ «Трое женихов-искусников» известен во множестве фольклорных вариантов (индийских, тибетских, монгольских, греческих, итальянских, испанских, датских, шведских, немецких, русских и т. д.).

Сын Парвати — Ганеша (см. примеч. к с. 78), который был вождем ганов, группы низших божеств, составляющих свиту Шивы (имя Ганеша букв. значит «повелитель гапы»).

Удджайини.— См. примеч. к с. 104.

Махабала — «многомогущий».

Харидаса — «раб Хари (Вишну)».

Махадеви — букв. «великая богиня».

Стр. 206. *Дакшина*, или Дакшинапатха — Декан.

Век Кали — по индийской космогонии, последний из четырех периодов (сатья-, трета-, двапара- и кали-юга) мировой истории, который длится 432 000 лет и протекает ныне. Каждый из этих периодов хуже предыдущего (ср. представление древних греков о золотом, серебряном, медном и железном веках). *Кали* — богиня Девы, или Парвати, в ее грозной ипостаси (см. примеч. к с. 59).

Стр. 207. *Виндхья* — см. примеч. к с. 52.

Бали. — См. примеч. к с. 85. *Сита*, *Равана*. — См. примеч. к с. 103.

Рассказ «Перепутанные головы» имеется в персидской и турецкой «Книге попугая» (22 сказка — о сыне раджи и брамине). Его сюжет был использован Т. Манном в новелле «Обмененные головы».

Стр. 208. *Дхармапура* — букв. «город добродетели».

Дхармашила — «добронравная».

Шридхара — «обладающий счастьем».

Чандика. — См. примеч. к с. 59.

Стр. 209. ...*собственную голову отрубив, упал наземь*. — Богине Чандике (Дурге, Кали), согласно индийским мифам, приносились человеческие жертвы; особенно высоко ценилось самопожертвование.

Стр. 210. Рассказ «Великодушный разбойник» был включен в многие восточные и западные новеллистические сборники. Он имеется в турецких «Книге попугая» и «Сорока везирах», в «Тысяче и одной ночи», в русских «Судах Соломона» (из «Толковой Палей»), в «Декамероне» Боккаччо (X день, 5 новелла) и у других итальянских повеллистов (Сермьини, Банделло), наконец, в «Кентерберийских рассказах» Чосера («Рассказ Франклина»).

Маданапура — букв. «город любви».

Маданавира — «герой любви».

Хираньядатта — букв. «дар золота».

Мадапасена — «копье любви».

Сомадатта — букв. «дар Сомы (луны)».

Дхармадатта — «дар добродетели».

Манматха, *Мадана* — имена бога любви.

Амадатта — «дар силы».

Ахалья — супруга божественного мудреца Гаутамы, которую соблазнил царь богов Индра.

Стр. 211. *Якшини* — женщина-якша; см. примеч. к с. 120. *Гандхарви* — женщина-гандхарва; см. примеч. к с. 82. *Дурга* — см. примеч. к с. 59.

Ансары — божественные девы, небесные куртизанки и танцовщицы.

Стр. 212. *Кокила* — индийская кукушка.

Стр. 213. *Сундара* — «прекрасный».

Дханакиша — букв. «обитель богатства».

Дханавати — «богатая».

Гауридатта — букв. «дар (богини) Гаури».

Мохини — «сводящая с ума».

Карма. — См. примеч. к с. 33.

Лакх — сто тысяч.

Обряд гандхарвов. — См. примеч. к с. 82.

Нагретый с головы до ног. — Далее идет капопическое описание Шивы в его облике великого аскета.

Стр. 215. *Тридцать две счастливые приметы*. — См. примеч. к с. 118.

Лингам, или линга — фаллос или изображение фаллоса; изображения фаллоса служат в Индии предметом культа в качестве символа Шивы и его гворческой энергии.

Харидатта — «дар Хари (Вишну)».

Гая — город в Бихаре, место святого паломничества.

Стр. 216. *Пураны* — «древние [сказания]», мифолого-исторические эпосы и священные тексты индуизма.

Рассказ «Воскрешатели льва» имеется также в индийских версиях «Панчатантры».

...*Лобзаемый луною бог* — Шива, см. примеч. к с. 23.; ...*с хвостом вола на голове*. — Шива изображался со вставшими копной волосомами; *Шамбху* — «благой», одно из имен Шивы; ...*корень трех миров*. — См. примеч. к с. 35.

Джаястхала — «обитель победы».

Стр. 217. *Вирамардана* — «уничтожитель героев».

Вишнусвами — «имеющий господином Вишну».

Стр. 218. ...*водителю несметных ганов*. — См. примеч. к с. 205.

Прахавати — «могучий», «прекрасный».

Прадьюмна — «могущественный».

Притикари — «возбуждающая любовь».

Чандрапрабха — «сияющая, как луна».

Виджаябала — «обладающий победной мощью».

Лаваньявати — «красивая».

Кусуманпура — «цветочный город», одно из названий Паталипутры (Патны).

Стр. 219. *Восьмичленный поклон* — т. е. поклон, при котором кисти рук, локти, колени и ступни ног касаются земли.

Стр. 220. *Викрамадитья*. — См. предисловие, с. 19; отождествление Викрамасепа — Викрамадитья строится на сходстве имен.

Трипура — букв. «трехградье», три города — из золота, серебра и железа, — построенные демонами (асурами) в воздушном пространстве.

ШУКАСАПТАТИ

Отрывки из «Шукасаптата» даются по изданию: «Шукасаптата. Семьдесят рассказов попугая». Перевод с санскрита М. А. Ширяева. М., Изд-во восточной литературы, 1960.

Стр. 221. *Шарада* — букв. «имеющая лютню», одно из имен богини Сарасвати; см. примеч. к с. 203.

Рассказ о попугае, удерживающем свою хозяйку от измены мужу, который составил рамку «Шукасаптата», пмеется также в палийской книге джатак (№ 198), в нескольких средневековых редакциях «Панчатантры», в начале персидской и турецкой «Книги попугая», в «Синдбад-наме» аз-Захири (рассказ о муже, его жене и попугае), в могиольском сборнике «Арджи Борджа» (расск. 4), во французских «Ста новых новеллах» (новелла о добродетельном любовнике) и т. д. Известны и фольклорные версии этого рассказа.

Чандрапура — букв. «лунный город».

Шрингарасундари — букв. «прекрасная любовь».

Маданавинода — «преданный любви»; далее Маданавинода часто именуется просто Мадана — букв. «обладающий любовью», «ошьяняющий».

Прахавати — «прекрасная».

Стр. 222. *Девашарма* — «имеющий оплотом бога».

Сатьяшарма — «имеющий оплотом правду».

Дхармашила — «добронравная».

Бхагиратхи — См. примеч. к с. 36.

Дхармавьядха — букв. «добродетельный охотник».

Стр. 223. *Гуначандра* — букв. «луна достоинств».

Стр. 224. Рассказ о муже, ставшем любовником собственной жены, заимствован из «Шукасаптата» в персидской и турецкой «Книге попугая», а также в различных версиях «Книги Синдбада».

Чандравати — «лунный».

Хара — «уносящий», одно из имен Шивы; см. примеч. к с. 23 и 25.

...черепаша носит на спине землю — согласно некоторым индийским мифам земля покоится на гигантской черепахе.

Вадава — подводный огонь, который пожирает воды океана, а затем выбрасывает их в виде пара, выпадающего дождем и снегом.

Стр. 225. Рассказ «Шукасаптати» о плачущей собаке попал в «Синдбад-наме» аз-Захири (рассказ о влюбленном, старухе и плачущей собаке) и другие версии «Книги Синдбада», а оттуда в «Наставление обучающемуся» Петра Альфонса (пример XIV) и «Римские деяния» (расск. 28).

Яшодеси — букв. «богиня красоты», «богиня славы».

Нанданам, Нандана — «радующий» «веселый».

Раджашекхара — букв. «венец царей».

Шашипрабха — «сияющая, как луна».

Вира — «храбрец», «герой».

Стр. 226. *Память о прежнем рождении.* — См. примеч. к с. 24.

Пятнадцатый рассказ «Шукасаптати» распадается на две части. Сюжет первой части (снятый с неверной жены браслет и ее ответная уловка: подмена любовника мужем) использован в персидских версиях «Книги попугая», «Синдбад-наме» аз-Захири (рассказ о невестке, свекре и любовнике), «Декамероне» Боккаччо (VII день, 4 новелла), новеллах Саккетти (новелла 111), «Гептамероне» Маргариты Наваррской (новелла 45), а также Лафонтеном в новелле «Оправданная служанка» («Сказки и новеллы», II, 6). Рассказ о переодетом любовнике на «божьем суде», восходящий к палийской джатаке (№ 62), повторен в монгольском сборнике «Арджи Борджа» (гл. 4) и напоминает эпизод божьего суда в легенде о Тристане и Изольде (в свою очередь подмена королем Марком перстня Изольды, когда он застал ее спящей с Тристаном, имеет определенное сходство с первой частью индийского рассказа).

Стр. 227. *Якша.* — См. примеч. к с. 120.

Стр. 228. Рассказ о муже за запертой дверью известен также по европейским обработкам «Книги Синдбада» (в частности, по «Роману о семи мудрецах»), «Наставлению обучающемуся» Петра Альфонса (пример XV) и, наконец, 4 новелле VII дня «Декамерона», весьма точно воспроизводящей индийский оригинал.

Мудхика — букв. «сбивающая с толку».

Видиша — город в провинции Мальва, совр. Бхилс.

Джанаваллабха — букв. «любимец людей».

Стр. 229. Рассказ о верной жене, обменявшейся платьем с любовницей мужа, имеется в монгольском сборнике «Арджи Борджа» (гл. 4).

Сантика — «добропорядочная».

Сваччханда — «своевольная».

Гунаприя — «любящий добродетель».

Содхака — «терпеливый».

Турья — музыкальный инструмент.

Сабхрамати — река в Гуджарате, совр. Сабармати.

Шанкхапура — букв. «город-раковина».

Стр. 230. *Сиддхешваранура* — букв. «город владыки сиддхов»; сиддхи — полубожественные существа, обладающие магическим знанием; *Сиддхешвара* — Шива; *Сиддхешвари* — супруга Шивы, богиня Девы (см. примеч. к с. 59), она же — *Бхаттарика* («великая госпожа»).

Двадцать второй рассказ «Шукасаптари» обработан Махаммадом аз-Захири в персидском «Синдбад-наме» (рассказ о красивой жене и бакалейщике).

Мадхука — букв. «медовая».

Муладева — имя плута, героя древнеиндийского фольклора, ставшее в сапскритской повествовательной литературе нарицательным.

Стр. 231. Двадцать седьмой рассказ «Шукасаптари» заимствован монгольским сборником «Шицди кур» (расск. 8).

Бхугаваса — «обитель бхутов»; *бхуты* — демонические существа, оборотни, населяющие кладбища и питающиеся человеческим мясом.

Карала — «ужасный»; *Утгала* — «страшный».

Дхумипрабха — «цвета дыма»; *Мегхапрабха* — «цвета тучи».

Стр. 233. *Шура* — «герой».

Стр. 234. *Приямвада* — «говорящий правду».

Стр. 235. Рассказ о мышах, якобы съевших телегу, имеется в большинстве версий «Панчатантры», в турецкой «Книге попугая» и «Тысяче и одной ночи».

Кундина — столица древнего царства Видарбха, совр. Копдавир в Бераре.

Бхудхара — букв. «держатель земли».

Стр. 236. Рассказы 42—44 (в сущности это один рассказ в трех частях) попали в «Шукасаптари», видимо, из индийского фольклора, где они широко распространены. Из «Шукасаптари» в свою очередь они были заимствованы в поздних версиях «Панчатантры» и в персидских и турецких изводах «Книги попугая» (рассказ о женщине с двумя детьми и льве).

Вьягхрамари — букв. «убивающая тигров».

Раджпут. — См. примеч. к с. 57.

Раджасинха — «царский лев».

Калахатрия — «сварливая».

Побережье Малайя — совр. Малабарское побережье.

Стр. 237. ...*обладающая походкой слона* — т. е. плавной, неторопливой походкой; один из признаков женской красоты в индийских литературных текстах.

Шастра — общее название трактатов по различным отраслям знания и практическому поведению.

Стр. 239. *Пагалипура*. — См. примеч. к с. 24.

Нанда — одип из царей династии Пандов, которая правила в Магадхе до ее свержения Чандрагуптой Маурья (ок. 315 г. до н. э.).

Вангала, или Ванга — совр. Бенгал.

Стр. 240. *Карна* — один из героев «Махабхараты», внебрачный сын матери братьев-пандавов Купти, который сражался на стороне кауравов и был ближайшим другом и советником вождя кауравов Дурьодханы. Карна был убит Арджуной.

Стр. 242. Рассказ о Добромысле и Зломысле имеется в большинстве версий «Панчатантры» и в турецкой «Книге попугая».

Дхармабуддхи — «с добрым разумом», Добромysl.

Душтабуддхи — «со злым разумом», Зломysl.

Стр. 243. *Витарка* — «догадливый».

Стр. 246. *Дхритараштра* — легендарный царь, дядя пандавов, героев «Махабхараты», и отец их соперников — кауравов.

Бхишма — герой «Махабхараты», двоюродный дед пандавов и кауравов.

Видьядхары. — См. примеч. к с. 81.

Малая. — См. примеч. к с. 83.

Гандхарвы. — См. примеч. к с. 82.

Манохара — букв. «сводящая с ума».

Ратнавали — букв. «нитка жемчуга».

Маданаманджари — букв. «цветок любви».

Данавы — могущественные демоны, соперники богов.

Нарада. — См. примеч. к с. 46.

Стр. 247. *Меру* — мифическая гора, на которой расположено небо Индры. По индийской космографии Меру находится в Гималаях.

Випула — «большой», «обширный», одно из названий Меру.

Канакапрабха — «сияющий, как золото».

Кайласа — гора в Гималаях, где, согласно индийской мифологии, находилась резиденция богов Шивы и Куберы.

Чандика, *Гаури*. — См. примеч. к с. 59.

ВИКРАМАЧАРИТА

Отрывки из «Викрамачариты» даются по изданию: «Жизнь Викрамы, или 32 истории царского трона». Перевод с санскрита П. А. Гринцера. М., Изд-во восточной литературы, 1960.

Стр. 248. *Удджайини*. — См. примеч. к с. 104.

Пурандара — «разрушитель городов», одно из имен Индры.

Викрама — «доблестный»; он же *Викрамарка* и *Викрамадитья* — «солнце доблести».

Анангасена — букв. «копьё бога любви».

Бхуванешвари. — См. примеч. к с. 59.

Стр. 249. *Подводный огонь*. — См. примеч. к с. 224,

Четыре варны.— См. примеч. к с. 29.

Хара.— См. примеч. к с. 224; *Хари* — См. примеч. к с. 25.

Стр. 251. *Васава* — одно из имен Индры, который был предводителем божеств васу, олицетворяющих силы природы.

Стр. 252. *С тех пор как зарыли трон.*— Трон был зарыт после смерти Викрамы, так как не было царя, достойного на него взойти.

Вариант рассказа о чудесных свойствах холма, под которым был зарыт трон Викрамы, имеется в монгольском сборнике «Арджи Борджа».

Стр. 254. *Древо желаний.*— См. примеч. к с. 81.

Лунный камень — легендарный камень, составленный из лучей луны и сверкающий лишь при лунном свете.

...как и он.— Имеется в виду царь Викрама.

Стр. 255. *Коти* — десять миллионов.

Одиннадцатая история «Викрамачариты» связана с повсеместно распространенным мифом о чудовище (драконе), требующем ежегодной или ежедневной дани в виде живых существ. В индийском фольклоре жертвой чудовища обычно бывает юпоша (а не девушка, как, напр., в легендах о Персее и Андромеде, св. Георгии и т. п.), и история «Викрамачариты» непосредственно примыкает к эпизоду «Махабхараты», где Бхима, один из братьев-пандавов, убивает ракшасу Баку (ракшаса в «Викрамачарите» посит это же имя — Бакасура, т. е. «асура Бака»).

Стр. 256. *Чирамдживин* — «долго живущий».

Ману.— См. примеч. к с. 157.

Стр. 257. *Ракшаса.*— См. примеч. к с. 173.

Стр. 259. *Джагадамбика.*— См. примеч. к с. 59.

Авадхутаваसा — «отказавшийся от одежды».

Стр. 260. *Правила нити* — правила житейской и государственной мудрости.

Брихаспати.— См. примеч. к с. 26.

Айравата, или Айравата — боевой слон Индры и один из восьми слонов, которые, согласно пуранам, поддерживают землю. *...его разбили в битве могучие враги.*— Индра постепенно терял главенствующее положение среди богов индуистского пантеона, и его нередко изображали побежденным в борьбе с демонами (асурами и дайтьями).

Стр. 261. *Акхандаля* — «разрушитель», одно из имен Индры; *Пинакапани* — «держатель лука и палицы», одно из имен Шивы; *Нарасинха* — «человек-лев», т. е. Вишну, воплотившийся в чудовище с туловищем льва и головой человека. Стихи произносятся от имени легендарного царя демонов-дайтьев Хираньякашипу, который победил Индру и Шиву, но за преследование приверженцев Вишну был убит этим богом, припавшим облик человека-льва.

Якша.— См. примеч. к с. 120; далее пять якшей идентифицируются с пятью птицами.

Дваждырожденный.— См. примеч. к с. 38.

Савитар — одно из имен бога солнца Сурьи.

...искать нового царя.— Имеется в виду легендарный обычай избрания царя: при отсутствии законных наследников царем избирается тот человек, на голову которого священный слон опустит гирлянду цветов.

Стр. 262. *Каширская линга* — видимо, изображение великой линги из Кашмира; см. примеч. к с. 215.

Камень, исполняющий желания — легендарное сокровище, принадлежащее Брахме.

Мать, рожденная от Гири — богиня Парвати, супруга Шивы и дочь царя гор Химавата, или Гири; *сын, имеющий двенадцать глаз* — шестиликий бог Сканды, сын Парвати и Шивы; *зять Гири* — Шива, имеющий во лбу третий глаз, способный исполнить весь мир.

Рассказ о суде Шаливаханы в двадцать четвертой истории «Викрамачариты» напоминает суд о золоте, скоте и хлебе в русских «Судах Соломона». Известный немецкий фольклорист Т. Бенфей видел в «Суде Шаливаханы» прототип всех рассказов о загадочных ларцах (ср., напр., 109 и 251 рассказы «Римских делвий», 10 новеллу IV дня и 1 новеллу X дня «Декамерона» Боккаччо, суд Порции в «Венецианском купце» Шекспира и т. п.).

Стр. 264. *Прагитхана*.— См. примеч. к с. 195.

Шаливахана — легендарный царь, сын царя змей Шешы, соперник и враг Викрамачариты.

Стр. 265. *Акшауhini* — самое крупное подразделение индийского войска, состоящее, по легендарным источникам, из 21 870 слонов, 21 870 колесниц, 65 610 лошадей и 109 350 пехотинцев.

Четырехчленное войско — войско из пехоты, конницы, колесниц и боевых слонов.

Три мира.— См. примеч. к с. 35.

Чакра — диск, оружие Вишну; *ваджра* — громовая стрела; *перун* — оружие Индры.

Стр. 266. *...становятся возлюбленными небесных дев*.— См. примеч. к с. 94.

Васуки — легендарный царь змей-нагов; часто отождествлялся с Шешей.

Амрита.— См. примеч. к с. 29.

...клык Хари в обличье вепря.— В одном из своих земных воплощений (аватар) Вишну в облике вепря убил демона Хиракьяшу и на своих клыках поднял землю, которую тот пытался утопить в океане.

Меру.— См. примеч. к с. 247.

Стр. 267. *Яд калакута*.— См. примеч. к с. 25. *Черепаша будет держать на спине землю*.— См. примеч. к с. 224. *Страдать... от подводного огня*.— См. примеч. к с. 224.

Нара и *Нараяна* — два мифических мудреца, сыновья бога Дхармы, часто выступающие в едином образе и почитающиеся воплощением Вишну.

Стр. 268. *Анареха* — «безупречный», *Парамешвара* — «верховный владыка», имена Шивы.

Пишачи.— См. примеч. к с. 184; *шакини*, *дакини* — ведьмы, составляющие свиту богини Дурги; см. примеч. к с. 59.

Махешвара — «великий владыка», имя Шивы.

Ашрамы — четыре предписанные религиозными установлениями периода жизни брахмана: ученичество, семейная жизнь домохозяина, отшельничество и аскетизм.

П. Гринцер

Видьяпати

ПУРУШАПАРИКША

Испытание человека

Перевод выполнен по изданию санскритского текста: Vidyāpati, Purusha — parikshā, Darabhangā, 1970.

«Испытание человека» состоит из обрамляющего сюжета (беседа раджи с мудрецом) и сорока четырех вставных рассказов, сгруппированных тематически в четыре раздела (главы): «Рассказы о героях», «Рассказы о людях мудрых», «Рассказы о людях искусных», «Рассказы о четырех целях человеческой жизни» (т. е. о дхарме, артхе, каме и мокше — ср. одну из стихотворных строф во вступлении). В первых трех разделах после рассказов о положительных героях идут рассказы о героях отрицательных. Так, первый — «Рассказ о герое щедром», второй — «Рассказ о герое сострадательном», четвертый — «Рассказ о четырех лентяях», двенадцатый — «Рассказ о коварном злодее» и т. д. Для данного издания переведены избранные рассказы из всех четырех разделов, а также вступительная часть обрамляющего сюжета.

ВСТУПЛЕНИЕ

Стр. 269. *Шива, луной увенчанный*.— См. примеч. к с. 23.

Шакти — букв. «сила», «мощь», здесь одно из имен богини Дурги, супруги Шивы.

Шри Дэвасинха... Шри Шивасинха — раджи Митхилы, полунезависимого индусского княжества на севере Индии, покровители

Видьяпати Тхакура: правили в начале XV в. Слово «Шри» в употреблении перед именем собственным значит примерно: «благословенный», «досточтимый» и т. п.

И порадовать горожанок...— Слова «горожанин» и «горожанка» на санскрите означали не просто жителей городов, но — в противопоставление «деревенщине» — людей, приобщившихся к более уточненной культуре.

Стр. 270. *В городе Чандратапа...*— «Чандратапа» — букв. «Лунный свет» или «Освещенный лунным светом»; название города, по видимому вымышленное.

...раджа по имени Паравара...— «Паравара» — букв. «море», «океан»; раджа с таким именем истории не известен, но ср., с одной стороны, название династии «Парамара», к которой принадлежал знаменитый раджа Бходжа (см. предисловие, с. 18), с другой стороны, имя отца Бходжи — Синдху-раджа («синдху» — тоже «море», «океан»; см. примеч. к с. 308).

Падмавати — букв. «лотосная», «украшенная лотосами» или «прекрасная, как лотос».

Субуддхи — букв. «доброумный», «благоразумный».

...четырех целей человеческого существования...— См. примеч. к с. 38.

Стр. 271. *Харишчандра* — персонаж индусской мифологии, образец благочестия и великодушия.

Шиби.— См. примеч. к с. 174.

Арджуна.— См. примеч. к с. 147.

Юдхиштира.— См. примеч. к с. 140.

Кали-юга.— См. примеч. к с. 206.

Сатья-юга, трета-юга, двапара-юга.— См. примеч. к с. 206.

1. РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ

Рассказ второй — о сострадательном герое

В этом рассказе отразились подлинные события конца XIII — начала XIV в., засвидетельствовавшие в исторических сочинениях их современника, известного персоязычного индийского поэта Амира Хусро Дехлеви (1253—1325), а также в трудах других персоязычных индийских историков: Зия-уд-дина Барани (XIV в.), Исами (XIV в.) и Ферихты (XVII в.). Предположительно к XIV в. относится поэма на санскрите «Хаммира-махакавья» (т. е. «Поэма о Хаммире»), написанная джайнским монахом Наячандрой Сури на тот же исторический сюжет. Все названные источники дают в общем сходную картину событий. Хаммира-дэва (у Видьяпати он назван Хамбира-дэва), один из могущественных индусских раджей Раджастхана, дал убежище мусульманским воинам, взбунтовавшимся против своего повелителя, делийского султана Ала-уд-дина

Хильджи (правил в 1296—1316 гг.), и отказался выдать их султану. Последовала длительная осада Рантхамбхора, столицы Хаммира-дэвы (у Видьяпати — Ранастамбха), и в конце концов — летом 1301 г. — крепость пала. Хаммира-дэва погиб, а жены раджпутских воинов, согласно обычаю, сожгли себя в одном огромном погребальном костре.

Стр. 271. *Калинди* (букв. «происходящая от горы Калинды») — одно из имен реки Ямуны (Джамны), притока Ганги.

Йогинипура — букв. «город йогини» («йогини» — волшебница, колдунья или просто женщина, занимающаяся йогой), здесь: Дели.

Раджа яванов. — Яванами индийцы в древности называли греков («явана» — от «иониец»), позже индусы стали называть так мусульман и даже европейцев, т. е. всех чужеземцев. Ср. эпитет «эллип», который прилагается к Мамаю и другим ордынцам в русских повестях «Куликовского цикла».

Алавадина — т. е. Ала-уд-дин Хильджи (см. выше).

Стр. 272. *Махима-сахи* — в персоязычных источниках имя главного бунтовщика против султана — Мухаммад Шах.

Ранастамбха — букв. «Столп битвы», т. е. Рантхамбхор.

...он в несколько дней преодолел... — Согласно Амиру Хусро, расстояние от Дели до Рантхамбхора армия преодолевала за десять дней.

...как ливни, сокрушающие мир. — Имеется в виду потоп, уничтожающий мир, согласно индусской мифологии.

Стр. 273. *Хамбира-дэва сказал...* — Согласно Исами, Хаммира-дэва ответил султану так: «О хан! У меня достаточно денег и достаточно солдат и нет никакого желания ссориться с кем бы то ни было. Но я не боюсь битвы и не выдам тех мусульман, которые бежали ко мне в страхе за свою жизнь».

...два подлых министра... Раямалла и Раманала... — Феришта говорит о предателях: «Ранмал и другие». По свидетельству этого историка, Ала-уд-дин после взятия крепости казнил перебежчиков, сказав, что не может доверять тем, кто изменил своему властелину.

Стр. 274. *Обряд вхождения в огонь.* — Этот обряд известен под названием «джухар» или «джаухар» (от санскр. «джива-хара» — «жизнь уносящий») и был распространен среди раджпутов в XIII — XV вв.

...и душа его стала частицей солнца. — Согласно традиционным индийским представлениям, душа воина, героически погибшего на поле битвы, может стать частицей солнца.

Рассказ четвертый — о правдивом герое

Стр. 275. *Хастинапур* — здесь: Дели.

...владыка яванов по имени Махамада... — По мнению известно-

го английского индолога Дж.-А. Гирсона, здесь имеется в виду деллийский султан Мухаммад Туглак (правил в 1325—1351 гг.).

Кафара-раджа.— Историческим прототипом этого персонажа мог послужить монгольский предводитель Тармаширип, вторгшийся в Северную Индию в 1320-х гг.

Раджпуты.— См. примеч. к с. 57.

...из Карнатакского рода...— В Митхиле, родине Видьяпати Тхакура, с XII по середину XIV в. правила династия индусских раджей, известная под названием «Карнатакская» (от «Карпатака» — историческая область на юге Индии, откуда был родом основатель этой династии).

...из рода Чауханов...— Чауханы — один из известнейших раджпутских родов.

...под белым зонтом...— В Индии белый зонт был символом царской власти.

...доблестью подобный Арджуне...— См. примеч. к с. 147.

Стр. 276. *...лев в человеческом облике, Нарасинха-дэва...*— В оригинале игра слов: имя «Нарасинха» значит «человек-лев» (это одно из воплощений Вишну).

...расцветшему дереву киншука...— Дерево киншука цветет ярко-красными цветами.

Дхарма — здесь: долг; см. примеч. к с. 33.

Рассказ восьмой — о четырех лентах

Стр. 277. *Митхила.*— См. примеч. к с. 269.

Вирешвара — букв. «владыка героев» (это также одно из имен Шивы). Дж.-А. Гирсон, ссылаясь на митхильские источники, утверждает, что Вирешвара — историческое лицо, жил в начале XIV в., был военным министром одного из раджей Карнатакской династии, а также братом прадедушки самого Видьяпати Тхакура. В таком случае сюжет этого рассказа мог быть почерпнут автором из семейных преданий.

II. РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ МУДРЫХ

Рассказ девятый — о человеке острого ума

Стр. 278. *Притху* — букв. «широкий».

Сулочана — букв. «прекрасноглазая», «прекрасноокая».

...в сопровождении четырех родов войск...— См. примеч. к с. 285.

Стр. 279. *Чандала.*— См. примеч. к с. 38.

Стр. 280. *Вишакха* — это слово («ви» — суффикс разделения

или отрицания, «шакха» — «ветвь») может быть понято как «не имеющий ветви» (т. е. рода), «безродный».

Стр. 281. *Риши* — святой мудрец-подвижник.

Тапашила — букв. «приверженный аскезе».

Видьядхари.— См. примеч. к с. 81.

Тилоттама — апсара; см. примеч. к с. 211. История о том, как Индра, опасаясь за свое могущество, посылает небесную красавицу соблазнить аскета, в различных вариантах часто повторяется в индийском эпосе и более поздней литературе.

Кандарпа.— Одно из имен Кама-дэвы, бога любви.

Стр. 282. *«Мудраакшаса»* («Перстень Ракшасы») — известная санскритская пьеса; ее автором индийская традиция называет некоего Вишакху или Вишакхадатту, о личности которого нет никаких достоверных сведений. Пьеса переведена на русский язык: Вишакхадатта. Мудраакшаса, или Перстень Ракшасы. Перевод с санскрита В. Г. Эрмана. М.-Л., 1959.

Нити-шаstra — учение нити; см. примеч. к с. 260.

Рассказ десятый — о человеке с крепкой памятью

Стр. 283. *Гауда* — древнее название Восточной Бенгалии.

Шрихарша — поэт XII в., автор поэмы «Найшадхия-чарита» («Жизнь раджи Нишадхи», т. е. Наля) на известный сюжет из «Махабхараты» о Нале и Дамаянти.

«Нала-чарита» — «Жизнь Наля»; очевидно, имеется в виду вышеназванная поэма «Найшадхия-чарита».

Раса — эстетическая эмоция, возбуждаемая в человеке поэзией.

Аланкара — поэтическое украшение.

Варанаси.— См. примеч. к с. 67.

Кока — здесь, вероятно, это слово букв. значит: «гусь»; в индийской традиции гусь — символ мудрости; другое значение этого слова — «волк».

Маникарника-гхат.— Гхат — широкая лестница, спускающаяся к воде (водоему); гхаты строят в местах священных омовений; Маникарника-гхат — один из наиболее чтимых гхатов в Варанаси.

...расположение как к земляку...— Очевидно, Кока был также родом из Гауда (Бенгалии).

...как соединены в ней слово и смысл...— Ср. классическое для индийской традиции определение поэзии, данное Бхамахой (предположительно VII в.): «Поэзия — это слово (звучание) и смысл, соединенные вместе».

...порадовал Шрихаршу...— В оригинале игра слов: «харша» значит «радость».

Стр. 284. *Вишала* — одно из названий города Удджайини.

Самудрасена — букв. «обладающий воинством [великим, как] океан».

Чандрасена — букв. «тот, чье воинство — луна».

Гаруда. — Птица — возникший Индры; был, согласно индийской мифологии, заклятым врагом змей.

Стр. 286. *Нармада*. — См. примеч. к с. 99.

Ютхикапūra — букв. «жасминный город».

Ниларātха — букв. «владелец синей колесницы».

Читрарātха — букв. «владелец разноцветной (яркой) колесницы».

Стр. 287. *Читрасена* — букв. «та, чье воинство разноцветно (разнообразно)».

Чандрасена вместе со своей... луноликой Читрасеной... — В оригинале — игра слов: «чандра» — «луна».

Стр. 288. *...испустил дух...* — В оригинале идиома; букв. «дошел до состояния пятиричности», т. е. как бы разложился на пять элементов или стихий (землю, воду, огонь, воздух, эфир).

...а после смерти — ад... — В отличие от христианских и мусульманских представлений, ад в индусской мифологии — не место вечного пребывания грешников, а временное пристанище перед очередным рождением.

III. РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ИСКУСНЫХ

Рассказ девятнадцатый — о человеке, искусном в мирских делах

В данном рассказе излагается один из вариантов предыстории событий, легших в основу пьесы «Мудраракшаса» (см. примеч. к рассказу девятому).

Стр. 289. *Кусумапура*. — См. примеч. к с. 218.

Каястаха — одна из низших индусских каст, члены которой тем не менее занимали довольно высокое социальное положение (обычно на государственной службе).

Нймба (ним) — мелия, дерево с горькими и даже ядовитыми листьями и плодами.

Вичāкшана — букв. «разумная», «рассудительная».

Стр. 290. *Ты говоришь, что уборная раджи...* — Эти рассуждения Шакатары, возможно, представляют собой нечто вроде пародии на логические выкладки в санскритских философских трактатах.

Стр. 291. *Город Ямы*. — См. примеч. к с. 28.

Стр. 292. *Куша*. — См. примеч. к с. 28.

Веданги — букв. «части вед» — трактаты по различным областям знания, примыкающие к ведам.

Вришаюрведа или растительная аюрведа — здесь: учение об уходе за растениями; аюрведа — название традиционной индийской медицины.

Стр. 293. *Смрйити* — здесь: авторитетные канонические тексты. ...наносит ущерб дхарме раджи — иными словами, препятствует выполнению раджей своего долга.

Каши — другое название города Варанаси. Умереть в Варанаси — заветная мечта благочестивого индуса.

Рассказ двадцать пятый — о человеке, чье искусство было оценено по достоинству

Этот и следующий рассказ — двадцать шестой — по своим сюжетам подобны эпизодам из книги Баллалы «Бходжапрабандха».

Стр. 293. *Бходжа-дэва*, или Бходжа. — См. предисловие, с. 18.

Все моря превращаются в молочные океаны... — Молочный океан — один из важнейших образов индийской мифологии; в частности, из океана была добыта Лакшми, богиня счастья и богатства.

Васуки — царь нагов, полубожественных змей.

Кайласа. — См. примеч. к с. 247.

Шива — в оригинале — Шанкара, одно из имен Шивы.

Смысл этих панегирических строк в том, что под воздействием величия и славы Бходжи все предметы и существа в мире достигают своего предельного совершенства. В подлиннике данная строфа построена на оригинальном словотворчестве, которое по-русски можно было бы перевести примерно так:

Молочно-океанятся все моря,
васукиются змеи,
Кайласуются горы,
небожители ошанкариваются;
Так объемлет вселенную
чистейшая слава твоя!
Моей жены стеклянные украшения
почему же не жемчужнеют, о Бходжа?

Лиана богов — мифическая лиана, исполняющая любые желания.

*Рассказ двадцать шестой — о человеке,
чье искусство пропало втуне*

Стр. 294. *Рārха* — название исторической области в Центральной Бенгалии и ее прежней столицы.

Нирапéкша — букв. «безразличный», «незаинтересованный».

Вагвилáса — букв. «владеющий искусством (изяществом) речи», «искусноречивый» или «изящноречивый».

Стр. 295. *Сарáсвати*. — См. примеч. к с. 203.

Ансары. — См. примеч. к с. 211.

В превдкущении радостей брачных... — См. примеч. к с. 94.

...славу твою, словно белую пену... — Согласно индийским поэтическим канонам, слава ассоциируется с белым цветом (ср. по-русски такие эпитеты к слову «слава», как «яркая», «блестящая», «блистательная» и т. п.).

IV. РАССКАЗЫ О ЧЕТЫРЕХ ЦЕЛЯХ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

*Рассказ тридцатый — о человеке,
поистине праведном*

Стр. 297. *Бóдхи* — букв. «пробуждение», «просветление», «совершенное знание», один из ключевых терминов буддийской и джайнской религиозной философии.

Пураны. — См. примеч. к с. 216.

Стр. 298. *От чужого вреда...* — Вода Ганги считается священной, но праведный человек, омываясь в Ганге, еще увеличивает ее святость.

Бхагирáтхи — одно из имен Ганги.

Полкроша. — «Крош» или «кроша» — букв. «крик» — мера длины, расстояние, на котором слышен крик; реальная величина этой меры оценивается по-разному.

Освобождение — т. е. мокша, освобождение от бытия.

Рассказ тридцать четвертый — о глупце

Стр. 299. *Забыв о трех целях существования...* — т. е. о каме, артхе и дхарме; см. примеч. к с. 33.

Айбóдхья — город в Северной Индии; в индийской мифологии — столица царства Рамы.

Бхúри Вáсу. — Вáсу — букв. «богатство», распространенное в Бенгалии и поныне семейное имя (фамилия) в касте каястхов; вместе с тем «бхури-васу» можно перевести как «обладающий большим богатством».

Прачúра Вáсу — букв. «обладающий огромным богатством».

Гадджана — это может обозначать город Газни в Афганистане; однако столь же вероятно, что данное имя не соотносится с каким-либо реальным географическим объектом, а обозначает некую условную, «сказочную» область.

*Рассказ тридцать восьмой —
о верном возлюбленном*

Стр. 301. *Лакшманасэна* — раджа, правивший в Бенгалии в XII в.

Ратнапрабх — букв. «блистающая драгоценностями» или «блистающая как драгоценность».

Женщины-лотосы. — Индийские трактаты о науке любви («камашастре») различали обычно четыре типа женщин: женщина-лотос, идеальный тип, женщина-слониха, страстная и необузданная, женщина-раковина, властная и нервная, женщина-картина, сдержанная и даже холодная. Вместо женщины-раковины Видьяпати называет женщину-лиану, а приписав «и т. д.», как будто подразумевает, что данная характеристика женских типов может быть расширена.

...то властные, то страстные... — Следует традиционный список восьми эмоциональных состояний, в которых может находиться влюбленная женщина.

Стр. 302. *Праздник Лакшми* — праздник, известный сейчас под названием «дивали» («праздник огней»): во всех домах зажигают огни, и мужья оказывают особое внимание своим женам.

Обитель Варуны — здесь: река; Варуна — бог воды, морей и рек.

Лакшманавати — название столицы царства Лакшмапасены.

Стр. 303. *...в четвертую стражу той же ночи...* — т. е. под утро; стража — отрезок времени в три часа.

*Рассказ сорок третий — о человеке,
свободном от желаний*

Стр. 303. *Вамана* — букв. «карлик» (обычно — как одно из воплощений Вишну).

Веданта — букв. «копец вед», одна из шести традиционных систем индийской философии.

Гуру — духовный (религиозный) наставник.

Бхагаван — здесь: «господь», «бог».

Нараяна — здесь: одно из имен Вишну.

Бхакт — приверженец, почитатель.

Стр. 304. *Три желания.* — Вероятно, речь идет о желании иметь сыновей, желании богатства и желании достичь высшие миры; эти три желания упоминаются в «Брихадараньяка-упашишаде».

Кришна-чайтанья — букв. «тот, чье сознание [поглощено] Кришной». Персонаж, по-видимому, вымышленный. Однако то же имя (за пределами Индии более известное в краткой форме: Чайтанья) принял известный религиозный реформатор, живший в Бенгалии в конце XV — начале XVI в., т. е. позже Видьяпати.

... в лесу *Дандака*... — См. примеч. к с. 44.

Парамахамса — букв. «великий гусь», эпитет, прилагаемый к великим подвижникам.

Саньяси — подвижник, аскет.

Стр. 305. *Отдав супруге половину своего тела*... — В одном из своих облиций Шива предстает полумужчиной-полуженщиной.

Ганеша. — См. примеч. к с. 78.

Пуджа — религиозное поклонение.

Мадана — букв. «пьянящий», одно из имен Кама-дэвы, бога любви.

Баллала

БХОДЖАПРАБАНДХА

Перевод выполнен по изданию: *The Bhojaprabandha of Ballala* (Ed. by V. L. Panasikar, 10th ed., Bombay, 1932).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ ВОЦАРЕНИЕ БХОДЖИ

Стр. 308. ...*верховном владыке над великими царями*... — Поэтическая гипербола: в действительности Бходжа был всего лишь раджей одного из государств Северной Индии в XI в. (правил примерно с 1010 по 1055 г.).

Царство Дхара — было расположено на территории нынешнего штата Мадхья-прадеш Республики Индии.

Раджа по имени Синдхула. — В исторических источниках имя отца Бходжи засвидетельствовано как Синдху-раджа (букв. «океан-раджа»); правил примерно с 995 по 1010 г.

Младший брат его, Мунджа... — Согласно сведениям, которыми располагают историки, Мунджа на самом деле был не младшим, а старшим братом Синдху-раджи и правил не после, а до него, примерно с 974 по 995 г.

Стр. 309. *Буддхисагара* — букв. «океан разума».

«Кошачий глаз» — берилл, ляпис-лазурь.

«Калья-лата» — букв. «лиана желаний», т. е. мифическая лиана, исполняющая любые желания.

Стр. 310. *Манматха* — букв. «смущающий дух», одно из имен Кама-дэвы, бога любви.

Прожорливый брахман.— В Индии брахманам традиционно приписывается грех чревоугодия; здесь — фигура самоуничтожения.
Пятьдесят пять лет...— Исторический Бходжа царствовал около сорока пяти лет.

Дакининапатха — древнее название Декана.

Стр. 311. *Третья стража* — период от 12 ночи до 3 часов утра.

Стр. 312. *Вангадеша* или страна Ванга — Бенгалия.

Бхуванешвари — «Владычица земли», одно из имен Дурги.

Рама — владыка трех миров...— Далее излагаются некоторые из основных событий «Рамаяны».

...этот брахман, мало знающий, но много жрущий...— См. примеч. к с. 310.

Бхута — демон-оборотень.

Стр. 314. *Демон-граха* — злой дух, который, согласно традиционным индийским представлениям, «схватывает» свою жертву, вызывая умопомешательство и причиняя иной вред.

Махамая — букв. «великая майя», «великая иллюзия», здесь: одно из имен Дурги.

Стр. 315. *Рама был изгнан...*— См. примеч. к с. 185.

Месяц родился...— Согласно индийским мифам, месяц возник из молочного океана, когда его пахтали боги и демоны-асуры; тогда же из океана появились богиня Лакшми, драгоценный камень Каустубха и древо желаний.

...носит его на голове сам Шамбху (т. е. Шива)...— См. примеч. к с. 23.

Стр. 316. *Дхарма*.— См. примеч. к с. 83.

Мандхата — легендарный царь, персонаж «Махабхараты».

Тот, кто возвел над океаном мост...— Рама, герой «Рамаяны», для которого его союзники-обезьяны построили мост, соединивший материк с островом Ланкой, царством Раваны; см. примеч. к с. 103.

Юджистхира — один из главных героев «Махабхараты».

Стр. 318. *Капалика* (от «капала» — «череп») — представитель одной из сект бродячих аскетов, поклонников бога Шивы; характерный атрибут капаликов — человеческий череп, используемый как чаша для подаяний.

Гуру.— См. примеч. к с. 303.

Вся земля для нас — будто плод миробалана на ладони — идиоматическое выражение; иными словами: «мы своим духовным взором охватываем всю землю», «на земле нет для нас тайн» и т. п.

[НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ БХОДЖИ]

Стр. 320. *Каши* (Варанаси).— См. примеч. к с. 293.

Карна — один из героев «Махабхараты», единоутробный брат пандавов, сражавшийся на стороне кауравов.

Дадхици — легендарный мудрец ведических времен.

Шиби.— См. примеч. к с. 174.

Викрама (Викрамадитья).— См. примеч. к с. 248; ср. предисловие, с. 19.

Стр. 321. *Говинда* — букв. «пастух», одно из имен Кришны.

Лук, имеющий два конца, напрягается, чтобы поразить цель.— В оригинале игра на омонимах: «коти» — «конец», «макушка» и «десять миллионов», «лакша» — «цель» и «сто тысяч»; кроме того, слово «дхану» — «лук» созвучно слову «дхана» — «богатство». Таким образом, эта строка имеет и второй смысл:

«Лук (подразумевается: богатч), имеющий двадцать миллионов, стремится добыть (еще) сто тысяч».

[БХОДЖА И МУДРЕЦЫ]

Стр. 322. *Среди них главными были...*— Из перечисляемых затем мудрецов некоторые вообще не засвидетельствованы в истории санскритской литературы, а прочие жили в разные века, и приурочивание их ко времени Бходжи — художественный вымысел Балалы.

Вараручи — древнеиндийский грамматик и астроном, которому приписывается также немало поэтических строф в антологиях. Легенды о Вараручи разнообразны. Согласно одной из них, он был в числе «деяти драгоценностей» при дворе Викрамадитьи.

Вана — известный поэт и прозаик VII в.

Маюра — поэт VII в.

Стр. 323. *О раджа! Счастье да сопутствует тебе...*— Первая половина стихотворения — воображаемый диалог между поэтом и Бходжей; во второй половине — нередкий в индийской литературе поэтический прием: восхваление раджи через описание некоей красавицы, якобы пораженной его величием, красотой и прочими достоинствами.

Ширится слава великого Бходжи...— Здесь обыгрывается традиционный эпитет слова «слава» — «белая» (ср. примеч. к рассказу двадцать шестому из «Испытания человека»).

Лакх — сто тысяч.

Шастры.— См. примеч. к с. 237.

Шрингара-раса — т. е. любовная, эротическая эмоция, одна из восьми (или десяти) эстетических эмоций-раса, возбуждаемых в человеке поэзией.

Стр. 324. *Чтобы почтить бога Шанкару...*— Здесь обыгрывается многозначность имени «Шанкара» (букв. «благотворный»): во-первых, это одно из имен Шивы; во-вторых, этим именем (во мн. числе) называются одиннадцать сыновей ведического бога Рудры,

в позднейшем индуизме слившегося с Шивой; в-третьих, Шанкара — имя поэта.

Калидаса — великий индийский поэт, время жизни которого предположительно относят к IV—VI вв. Вокруг имени Калидасы создано много разнообразных легенд, часть из которых отразилась в «Бходжапрабандхе».

...сам *Шива*... наполовину мужества лишился...— Имеется в виду андрогинная (полумужская-полуженская) ипостась Шивы.

...мир охвачен белизной твоей славы...— См. примеч. к с. 295 и 323.

Поэтический смысл строфы: мир объят белизной славы Бходжи, и поэтому все белые предметы в нем (в том числе молочный океан, гора Кайласа, белый слон Индры, луна и гусь Брахмы) невидимы.

Океан молочный...— См. примеч. к с. 25. Молочный океан — место отдыха Вишну.

Кайласа — место обитания Шивы; см. примеч. к с. 247.

...а *Индра* — слона...— Ездовое животное Индры — слон Айравата, белого цвета.

Луну не глотает Раху...— См. примеч. к с. 35.

...и гусь потерялся у *Брахмы*...— Ездовое животное Брахмы — белый гусь.

Быка и Умы супруга поверх...— Ума — одно из имен супруги Шивы, бык — ездовое животное Шивы.

...громаду *Властителя змей*...— т. е. змея Шешу, царя змей.

...и шар струящей нектар луны...— Согласно традиционным индийским представлениям, луна источает нектар (амриту).

Шрути — букв. «услышанное» — веды и примыкающие к ним священные тексты индуизма.

Смрити — букв. «запомненное», прочие священные и авторитетные для индуистов тексты.

И простоквашу белую...— Топленая простокваша — непремная часть индийской трапезы.

[БХОДЖА, ЛАКШМИДХАРА И ТКАЧ]

Стр. 327. ...из страны *дравидов* — т. е. с юга Индии; дравиды — народы, живущие в основном на юге Индии (тамилы, телугу, каннара, малаяли и др.).

Лакшмидхара — букв. «обладающий Лакшми»; под таким именем в истории санскритской литературы известно несколько поэтов.

Гром в Индровой деснице...— См. примеч. к с. 265.

И пламя, скрытое в океане...— Речь идет о пламени, которое, согласно «Махабхарате», возникло из гнева риши Аурвы и грозило

погубить мир; ради спасения мира это пламя было упрятано на дне океана.

Стр. 328. *Поэтесса Сита*.— В истории санскритской литературы известна поэтесса по имени Сита, но даты ее жизни не определены.

[БХОДЖА И БАНА]

Стр. 329. *Карма*.— См. примеч. к с. 33.

Хара — одно из имен Шивы.

Халахала-яд.— См. примеч. к с. 25.

Шива, хотя он и гол, и бос...— Шива обычно изображается в виде полубожаженного аскета.

[ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛИДАСЫ]

Стр. 331. *Лилавати* — букв. «прекрасная».

Сарасвати.— См. примеч. к с. 203.

Бходжа — это поистине *Рудра*...— Рудра — здесь: одно из имен Шивы. Строчка построена на игре омонимов: «кала» — «искусство» и «лунная фаза», «дошакара» — «луна» (букв. «делатель ночи») и «скопление пороков» и т. д. Бходжа, ценитель и знаток искусства, посадивший на свой трон Калидасу, несмотря на его пороки, сравнивается с Шивой, ценителем и знатоком лунных фаз, водрузившим себе на голову луну, также полную несовершенств.

Стр. 332. *Маданамалини* — букв. «украшенная гирляндой Маданы, бога любви».

Тарапгавати — букв. «та, чей нрав подобен волне» (от «тарапта» — «волна»).

Стр. 334. *Виласавати* — букв. «прекрасная» или «страстная».

Стр. 335. *...слуги принесли змею...*— Речь идет о традиционных испытаниях женщины («божьем суде»), которые должны подтвердить ее верность мужу.

...будто помраченный Майей...— Слово «мая» (обычный перевод — «иллюзия») служило в Индии для обозначения различных религиозно-философских понятий и мифологических персонажей; данную фразу следует понимать в том смысле, что раджа Бходжа будто попал во власть каких-то враждебных ему колдовских сил.

Стр. 336. *Пытается сравниться круг...*— В оригинале эта строка написана на пракрите (одном из среднеиндийских литературных языков), что должно было создать дополнительные трудности для поэтов.

Стр. 337. *...вражда с Богиней во плоти...*— Обыгрывается имя «Калидаса» (букв. «раб богини Кали»), при этом сам Калидаса

провозглашается не только «рабом», но «формой», «проявлением», «воплощением» богини Кали (Умы).

Бригаспати. — См. примеч. к с. 26.

[ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗ]

Стр. 341. ...*последнюю строфу*... — Эти слова допускают два толкования: «последнюю строфу в книге» и «последнюю строфу обо мне», т. е. «строфу на мою смерть» — именно этот смысл и возмутил Калидасу.

Экашила — букв. «однокаменный»; очевидно, название города вымышлено.

С. Серебряный

БХАРАТАКАДВАТРИНШАТИ

Отрывки из «Бхаратакадватриншати» даются по изданию: «Тридцать две повелли о монахах». Перевод с санскрита И. Серебрякова. М., ГИХЛ, 1962.

Стр. 344. *Сулочана* — «прекрасноглазый».

Падмини — букв. «лотосовая», «женщина-лотос».

Рукмини — букв. «золотая», «сияющая, как золото».

Стр. 345. *Шестьдесят четыре искусства* — канонический перечень искусств, включающий музыку, пение, танец, каллиграфию, знание редких слов и стихотворных метров, искусства разведения цветов, ухода за деревьями, составления благовоний и т. д.

Йоджана. — См. примеч. к с. 35.

Каутилья. — См. примеч. к с. 112.

Чакороглазая — букв. «с глазами куропатки».

Васиштха и *Гаутама* — божественные мудрецы (риши).

Стр. 346. *Мантра* — священное заклинание, гимн.

Стр. 348. *Шрибхатта* — «почтеннейший».

Стр. 351. *Камадхену* — мифическая корова — исполнительница желаний, добытая богами при пахтанье океана и принадлежащая мудрецу Васиштхе.

Стр. 352. *Гаруда*. — См. примеч. к с. 91.

Сурьянпура — букв. «солнечный город», совр. Сринагар, столица Кашмира.

Пандит — ученый брахман, наставник.

Четака — букв. «слуга», «раб».

Стр. 354. *Голавари*. — См. примеч. к с. 27.

Стр. 355. *Кадаграхи* — «тупой», «невежественный».

П. Гринцер

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. Гринцер. Санскритская обрамленная повесть</i>	3
---	---

Индийская средневековая повествовательная проза

ХИТОПАДЕША

Доброе наставление *. <i>Перевод П. Гринцера</i> . . .	23
--	----

ТАНТРАКХЬЯИКА

Книга назидательных рассказов *. <i>Перевод П. Гринцера</i>	156
---	-----

ВЕТАЛАПАНЧАВИНШАТИ

Двадцать пять рассказов Веталы. <i>Перевод Р. Шор</i>	195
---	-----

ШУКАСАПТАТИ

Семьдесят рассказов попугая. <i>Перевод М. Ширяева</i>	221
--	-----

ВИКРАМАЧАРИТА

Деяния Викрамы. <i>Перевод П. Гринцера</i>	248
--	-----

Видь япати

ПУРУШАПАРИКША

Испытание человека *. <i>Перевод С. Серебряного</i> . .	269
---	-----

Баллала

БХОДЖАПРАБАНДХА

История Бходжи *. <i>Перевод С. Серебряного</i> . . .	308
---	-----

БХАРАТАКАДВАТРИНШАТИ

Тридцать два рассказа о монахах. <i>Перевод И. Серебрякова</i>	343
--	-----

Комментарии	358
-----------------------	-----

Индийская средневековая повествовательная проза. Пер. с санскрита. / Сост. и предисл. П. Грипцера; Коммент. П. Грипцера и С. Серебряного. — М.: Худож. лит., 1982. — 399 с.

В книгу вошли наиболее значительные образцы повествовательной прозы на санскрите, относящиеся к жанру обрамленной повести.

Здесь представлена одна из самых известных повестей — «Хитопадеша», или «Доброе наставление» (IX—X вв.), фрагменты из «Книги назидательных рассказов» — древнейшей версии «Панчатантры» (ок. V в.), «Двадцати пяти рассказов Веталы» (ок. XII в.), «Семидесяти рассказов попугая» (XII—XIV вв.), «Жизни Викрамы» (XI—XIII вв.), повести крупнейшего бенгальского поэта Видьяпати «Испытание человека» (XV в.) и др.

Повесть «Доброе наставление», фрагменты из «Книги назидательных рассказов», повести Видьяпати «Испытание человека» и «История Бходжи» Баллалы публикуются впервые.

И 4703000000-276
028(01)-82 — 170-82

И (Инд)

**Индийская
средневековая
повествовательная
проза**

Составитель *Павел Александрович Грипцер*
Редакторы *Л. Поспелова, М. Фишбейн*
Художественный редактор *Ю. Колтов*
Технический редактор *Е. Полонская*
Корректоры *Г. Гананольская, С. Свиридов*

ИБ № 2541

Сдано в набор 28.12.81. Подписано к печати 22.06.82. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 22,536. Изд. № VII-206. Заказ № 2—124. Тираж 50 000 экз.
Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Поліграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3

